

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 3.

МАРТЪ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го февраля 1891 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

Копія съ указа Правительствующаго Сената, относительно пенсій учителямъ гимназій и прогимназій, содержимыхъ земствами, обществами, сословіями или частными лицами, препровожденная при предложеніи г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14-го ноября 1890 г., за № 17917.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго изъ Правительствующаго Сената Министру Народнаго Просвѣщенія.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушала: рапортъ Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 8-го февраля 1890 г., за № 2432, о несогласіи его съ Министромъ Финансовъ по вопросу о назначеніи учителю С.-Петербургской гимназій, содержимой Маемъ, надворному совѣтнику Карлу *Деллау*, въ отставку, за болѣзнію, пенсіи изъ суммъ государственнаго казначейства. Приказали: Министръ Народнаго Просвѣщенія, рапортомъ отъ 8-го февраля 1890 года, за № 2432, доносить Правительствующему Сенату: 1) что, на основаніи § 8-го Высочайше-утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ мартѣ мѣсяцѣ 1882 года частной гимназій, содержимой въ С.-Петербургѣ статскимъ совѣтникомъ Маемъ, были присвоены права, предоставленныя гимназіямъ означеннаго вѣдомства въ силу приведеннаго устава съ тѣмъ, чтобы гимназія эта содержалась на точномъ основаніи гимназическаго устава и штатовъ 30-го іюля 1871 года, подчиняясь всеѣмъ распоряженіямъ министерства, наравнѣ съ правительственными гимназіями, чтобы все предметы преподавались въ оной по планамъ, утвержденнымъ министерствомъ, и чтобы служація въ оной должностныя лица назначались правительствомъ, при чемъ тогда же было предложено попечителю округа имѣть наблюденіе, чтобы гимназія Мая не отставала ни въ образовательномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ отъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія; 2) что съ того времени все должностныя лица, опредѣленныя въ эту гимназію подлежащимъ начальствомъ, пользуются служебными правами, упомянутыми въ уставѣ и штатѣ гимназій 30-го іюля 1871 года, т.-е. производятся въ чины за выслугу

лѣтъ, пользуются правомъ награды и изъ получаемого ими жалованья производятся узаконенные 2% вычеты на пенсіи, со взносомъ оныхъ въ суммы государственнаго казначейства; 3) что по увольненіи отъ службы, согласно прошенію, по тяжкой неизлѣчимой болѣзни, учителя русскаго языка гимназіи Мая, надворнаго совѣтника Карла Деглау, ему, по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, была назначена 30-го декабря 1889 года за свыше 6-ти-лѣтнюю службу въ названной гимназіи пенсія изъ суммъ государственнаго казначейства, на основаніи приведеннаго § 8-го гимназическаго устава и ст. 212, 262 и 377 уст. пенс. т. III св. зак., изд. 1876 г. и ст. 342 (п. 12) и 362 (п. 9) того же уст. по прод. 1886 года, въ размѣръ 250 руб. въ годъ, т.-е. одной трети оклада жалованья, присвоеннаго должности старшаго учителя въ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ по штатамъ 17-го апрѣля 1859 г., съ производствомъ таковой пенсіи съ 20-го сентября 1889 года,—дня увольнения Деглау отъ службы; 4) что Министръ Финансовъ, найдя, что назначеніе должностныхъ лицъ въ частныя гимназіи, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, является обстоятельствомъ недостаточнымъ для признанія подобныхъ гимназій управляемыми правительствомъ, такъ какъ всѣ доходы такихъ гимназій поступаютъ въ собственность ихъ содержателей, которые по своему усмотрѣнію производятъ расходы, избираютъ должностныхъ лицъ и назначаютъ имъ содержаніе, не признавъ за Деглау права на пенсію изъ государственнаго казначейства, и 5) что онъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, не соглашаясь съ своей стороны съ такимъ мнѣніемъ Министра Финансовъ и считая на основаніи вышеизложеннаго, что учитель частной гимназіи Мая, Карлъ Деглау, а равно и должностныя лица гимназій и прогимназій, содержимыхъ земствами, обществами, сословіями или частными лицами по Высочайше-утвержденнымъ 30-го іюля 1871 г. уставу и штатамъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, при условіи опредѣленія ихъ на должности отъ правительства, имѣютъ право на полученіе пенсій изъ государственнаго казначейства, представляетъ Правительствующему Сенату на разрѣшеніе изъясненное разногласіе. Разсмотрѣвъ изложенное, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи Высочайше-утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, къ числу правительственныхъ учебныхъ заведеній относятся всѣ гимназіи и прогимназіи, содержимыя казною, земствомъ, обществами, сословіями или частными лицами, но управляемыя назначенными отъ правительства лицами, къ числу же частныхъ учебныхъ заведеній относятся гимназіи и прогимназіи, содержимыя земствомъ, обществами, сословіями или частными лицами, но съ должностными лицами, отъ нихъ самихъ назначенными. Какого-либо иного подраздѣленія упомянутыхъ учебныхъ заведеній приведеннымъ уставомъ не опредѣлено и посему необходимо придти къ заключенію, что, по закону, единственнымъ различіемъ между правительственными и частными учебными заведеніями является не источникъ ихъ содержанія, а внутренняя организація. Въ силу § 8-го устава 30-го іюля 1871 г., гимназіи и прогимназіи, содержимыя обществами, сословіями или частными лицами, но управляемыя назначенными отъ правительства лицами,—существуютъ на

одинаковомъ основаніи съ учебными заведеніями этого рода, получающими содержаніе отъ казны. По сему, для того, чтобы признать извѣстное учебное заведеніе правительственнымъ учрежденіемъ, необходимо, чтобы это учебное заведеніе управлялось должностными лицами, назначаемыми отъ правительства, независимо отъ того, получаетъ-ли означенное учебное заведеніе содержаніе отъ казны, сословій, обществъ и частныхъ лицъ, или содержится на совмѣстныхъ ихъ средства, чтобы все предметы преподавались въ немъ по планамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и чтобы должностныя лица, служащія въ немъ, утверждались правительствомъ, съ соответственнымъ образовательнымъ цензомъ и съ окладами содержанія, опредѣленными въ штатѣ гимназій 30-го іюля 1871 г. Имѣя въ виду, что съ марта мѣсяца 1882 года, гимназія статскаго совѣтника Мая содержится на изъясненныхъ условіяхъ, Правительствующій Сенатъ, согласно мнѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія, находитъ, что съ того времени все должностныя лица, опредѣленные въ оную подлежащимъ начальствомъ и платящіе узаконенные 2⁰/₀-ые вычеты изъ жалованья на пенсіи, со взносомъ таковыхъ въ суммы государственнаго казначейства, наравнѣ съ должностными лицами, служащими въ гимназіяхъ, содержимыхъ на средства казны, а также и надворный совѣтникъ Деглау, имѣютъ право на полученіе государственныхъ пенсій, на условіяхъ и въ размѣрѣ, какой по закону имъ слѣдовать будетъ, а потому опредѣляетъ: о семъ, въ разрѣшеніе рапорта за № 2432, Министра Народнаго Просвѣщенія увѣдомить указомъ, каковой послать и Министру Финансовъ. 29-го октября 1890 г.

(Цирк. по Спб. учебному округу № 2-й за 1891 г.).

По вопросу о томъ, могутъ-ли быть назначаемы оклады жалованья 3-го и 4-го разрядовъ преподавателямъ, перемѣщеннымъ для пользы службы или по другимъ уважительнымъ причинамъ изъ гимназій въ реальныя училища. (Цирк. Дерпт. учебн. окр. № 10—1890).

По возбужденному управленіемъ Дерптскаго округа вопросу о томъ, могутъ-ли быть назначаемы оклады жалованья 3-го и 4-го разрядовъ преподавателямъ, перемѣщеннымъ для пользы службы или по другимъ уважительнымъ причинамъ изъ гимназій въ реальныя училища, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 4-го октября 1890 г. за № 15608 не призналъ возможнымъ сдѣлать общее распоряженіе, ибо по точному смыслу ст. 56 дѣйствующаго устава реальныхъ училищъ назначеніе высшихъ окладовъ производится за продолжительную, полезную и ревностную службу преимущественно въ одномъ и томъ же заведеніи; слѣдовательно, если законъ и дозволяетъ выдачу такихъ окладовъ лицамъ, переводимымъ изъ гимназій въ реальное училище и наоборотъ, то лишь въ видѣ исключенія, на каковое и надлежитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испрашивать разрѣшеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

Относительно производства экзаменовъ въ испытательныхъ комиссіяхъ при университетахъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 18-го ноября 1890 года за № 18181 увѣдомилъ меня, что опытъ двухъ лѣтъ выяснилъ серьезныя неудобства производства экзаменовъ въ осеннихъ испытательныхъ комиссіяхъ, а потому г. Министръ Народнаго Просвѣщенія призвалъ необходимымъ установить на будущее время экзамены въ историко-филологической, физико-математической и юридической комиссіяхъ въ маѣ мѣсяцѣ. Принимая, однако, во вниманіе, что въ будущемъ 1891 году ожидается весьма значительное число лицъ, подлежащихъ испытанію въ юридическихъ комиссіяхъ, его сіятельство находитъ нужнымъ дѣйствіе майской юридической комиссіи продлить и на осень, съ 20-го августа по 1-е октября, при чемъ въ майскую комиссію должны быть допускаемы къ испытанію:

1) тѣ молодые люди, которые сдали полукурсовое испытаніе въ полномъ составѣ до мая 1891 года;

2) тѣ, которые держали въ текущемъ году окончательное испытаніе въ комиссіи и выдержали по всѣмъ предметамъ первой половины (майской), но не выдержали или не явились ко второй половинѣ (сентябрьской), изъ коей и должны держать вновь экзамены, и

3) лица, окончившія курсъ до введенія полукурсовыхъ испытаній и не приступавшія въ 1890 году къ испытаніямъ или оныхъ вовсе не выдержавшія.

Сии лица обязаны въ майской комиссіи сдать экзаменъ по предметамъ, входящимъ въ составъ полукурсоваго испытанія. Въ августѣ же 1891 года должны быть допускаемы къ испытанію тѣ, которые, окончивая курсъ университета въ маѣ 1891 года, будутъ держать въ маѣ же полукурсовое испытаніе при факультетѣ, а равно лица, указанные выше въ п. 3, буде выдержатъ въ маѣ удовлетворительно испытаніе по указаннымъ въ томъ же пунктѣ предметамъ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

(Цирк. по Спб. учебному округу № 2-й за 1891 г.)

Относительно принятія въ число студентовъ лицъ, освобождаемыхъ отъ исполненія воинской повинности по роду занятій или званію (п. 2 ст. 62 уст. воинск. пов.).

Согласно п. 2 ст. 62 устава о воинской повинности православные псаломщики, окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ или въ духовныхъ училищахъ, освобождаются отъ воинской повинности, но если эти лица оставляютъ мѣсто православнаго псаломщика до истеченія шести лѣтъ, со времени освобожденія по этому мѣсту отъ военной службы, то привлекаются къ исполненію воинской повинности, съ обязательствомъ пребыть на дѣйствительной службѣ и въ запасѣ сроки, соотвѣтствующіе ихъ образованію.

Между тѣмъ, начальствомъ одного изъ ветеринарныхъ институтовъ принять былъ въ число студентовъ псаломщикъ, оставившій свое мѣсто до истеченія шести лѣтъ, со времени освобожденія его по этому мѣсту отъ военной службы.

Сообщая о семъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 3-го декабря 1890 г. за № 19056 просить меня предложить начальствамъ ввѣренныхъ мнѣ высшихъ учебныхъ заведеній, во избѣжаніе повторенія подобныхъ упущеній, неуклонно сообразоваться съ п. 2 ст. 62 означеннаго устава при принятіи въ число студентовъ лицъ, освобождаемыхъ отъ исполненія воинской повинности по званію и роду занятій.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

(Цирк. по Спб. учебному округу № 2-й за 1891 г.).

О выдачѣ учительскихъ свидѣтельствъ лицамъ, имѣющимъ дипломы 1-й и 2-й степени.

Вслѣдствіе представленія моего отъ 3-го ноября 1890 г. за № 10087 по вопросу о порядкѣ удостоенія учительскихъ званій тѣхъ лицъ, кои окончили курсъ въ университетахъ по правиламъ устава 1884 года, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 24-го ноября 1890 г. за № 18755 увѣдомилъ меня, что лицамъ, удостоеннымъ испытательною комиссіею дипломовъ 1-й и 2-й степени, нѣтъ надобности выдавать особыя учительскія свидѣтельства, предоставляющія право преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ того или иного предмета. Что же касается сдѣланнаго въ циркулярѣ за № 19612 *) указанія на повѣрку подготовленности лица, имѣющаго дипломъ 1-й или 2-й степени, къ преподаванію, то повѣркѣ этой подвергаются лишь тѣ изъ упомянутыхъ лицъ, которыя предназначаются начальствомъ округа на вакантныя должности учителя или воспитателя учебныхъ заведеній. При такого рода повѣркахъ или пробныхъ урокахъ, которые должны быть даваемы при компетентныхъ, по назначенію начальства округа, специалистахъ, всегда можетъ быть получено убѣжденіе, обладаетъ-ли ищущій мѣста надлежащими знаніями и педагогическими способностями.

О семъ для руководства объявляется по округу.

(Цирк. по Спб. учебному округу № 2-й за 1891 г.).

Высочайшее повелѣніе о принятіи капитала, собраннаго друзьями и почитателями умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стоюнина.

Государь Императоръ, согласно положенію опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, въ 8 день декабря 1890 года Высочайше со-

*) См. цирк. № 3--1890 г., стр. 86.

изволилъ на принятіе собранныхъ друзьями и почитателями умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стоюнина 2.000 рублей съ нарощими на нихъ процентами 175 руб., всего 2.175 рублей, для учрежденія, на проценты съ этой суммы, одной стипендіи его имени въ С.-Петербургской Маринской женской гимназій.

Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника владимира яковлевича стоюнина въ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАРИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

На подлинномъ исправляющимъ должность главноуправляющаго, почетнымъ опекуномъ, *графомъ Пратасовымъ-Бахметевымъ* написано: «Утверждаю». 14-го декабря 1890 г.

§ 1. На основаніи Высочайше - утвержденнаго 8-го декабря 1890 г. положенія опекунскаго совѣта, въ С.-Петербургской Маринской женской гимназій учреждается стипендіи имени умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Яковлевича Стоюнина.

§ 2. Стипендія эта обезпечивается собраннымъ кружкомъ друзей и почитателей покойнаго В. Я. Стоюнина капиталомъ, заключающимся въ 5% билетахъ государственной комиссіи погашенія долговъ на сумму *два тысячи (2.000)* руб. по номинальной цѣнѣ, приносящимъ дохода 100 руб. и на наличныхъ деньгахъ 175 руб., а всего *два тысячи сто семьдесятъ пять (2.175)* руб., каковой капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ кассѣ Собственной Его Императорскаго Величества канцелярій по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

§ 3. Проценты съ этого капитала употребляются на плату за обученіе въ гимназій стипендіатки, а остатки причисляются къ капиталу.

§ 4. Стипендіатка избирается педагогическою конференціею С.-Петербургской Маринской женской гимназій изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ ученицъ, и черезъ начальника гимназій представляется на утвержденіе попечителя С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій.

§ 5. Если, вслѣдствіе увеличенія платы за обученіе въ гимназій, процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для оплаты стипендіи, то таковая остается временно незамѣщенной, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока доходъ съ капитала окажется достаточнымъ для оплаты стипендіи.

(Собр. узак. и распор. пр. 1891 г. № 9; ст. 88).

Опредѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «А. Сахарова. По Русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Москва, 1890, стр. 409. Цѣна

*) Ж. М. Н. Просв. Февраль 1891 г.

1 руб. 75 коп.» — одобрить для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Миссіонерскіе діалоги М. Риччи съ китайскимъ ученымъ о христіанствѣ и язычествѣ. Геромонаха Кіево-печерской лавры *Алексѣя Виноградова*. Спб. 1889», — допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: «Курсъ геометрическаго черченія *М. Маккавѣева*, съ атласомъ изъ 9 таблицъ чертежей, выпускъ 1-й. Спб. Цѣна 90 коп.», — одобрить къ употребленію, какъ учебное пособие, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается геометрическое черченіе, а также и для бібліотекъ означенныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *Федоровскаго*: «Какъ добываютъ шелкъ? Для чтенія въ школѣ и дома. Изд. 2-е. Кіевъ. 1890. Въ 8-ку 30 стр., съ рисунками. Цѣна 12 к.», — одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Брошюры доктора *Л. Симонова* подъ заглавіями: 1) «Откармливаніе домашняго скота и птицъ. Спб. 1890. Въ 8-ку 64 стр., съ 17 рисунками. Цѣна 40 коп. 2) Обрѣзка и формованіе деревь. Спб. 1890. Въ 8-ку 54 стр., съ 37-ю рисунками, подъ редакціею директора Императорскаго ботаническаго сада *Э. Л. Регеля*. Цѣна 40 коп. 3) Главнѣйшіе съѣдобные и вредные грибы, съ 8-ми таблицами акварельныхъ рисунковъ, писанныхъ съ природы г-жею *Е. Бемъ* и напечатанныхъ въ Парижѣ у Лемерсье. Текстъ (съ 9-ю гравюрами) доктора *Л. Н. Симонова*. Ботаническая часть редактирована профессоромъ *А. Н. Бекетовымъ*. Спб. 1889. Въ 4-ку 36 стр. Цѣна 2 руб.» — одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ какъ реальныхъ училищъ, такъ и учительскихъ семинарій; брошюру-же о съѣдобныхъ и вредныхъ грибахъ, сверхъ того, и для гимназическихъ бібліотекъ.

— Брошюру: «Мѣсто христіанства въ исторіи. *В. Розанова* (учителя Елецкой мужской гимназіи). Москва. 1890, 40 стр. Цѣна 20 к.», — рекомендовать для приобрѣтенія въ ученическія, для старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки, изданныя книжнымъ магазиномъ Думнова. Москва. 1887, въ 16-ю долю листа: «1) Тараеъ Бульба, стр. 162. Цѣна 25 к. — 2) Майская ночь, 48 стр. Цѣна 15 к. — 3) Шинель, 48 стр. Цѣна 15 к. — 4) Сорочинская ярмарка, 48 стр. Цѣна 15 к. — 5) Ночь передъ Рождествомъ, 7 стр. Цѣна 20 к.», — допустить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

— «Учебный атласъ по древней исторіи, съ рисунками памятниковъ искусства древнихъ народовъ и съ подробными историческими таблицами. Составилъ *А. В. Добряковъ*. Изданіе А. Ильина. Спб. Цѣна 1 р. 20 к.», — допустить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ учебнаго пособия.

— Изданіе: «Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей. Сочпеніе *Александръ Ишимовой*. Изданіе 6-е, исправленное. Части I, II и III.

Спб. 1890»,—допустить въ ученическія, для младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

— Книжку: «Зависимость между геометрическими теоремами и нѣкоторыми другими истинами. Математическо-философское сочиненіе *Д. Гика*. Москва. 1890, стр. 70. Цѣна 1 руб.», — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Начальное образованіе и народныя училища въ западной Европѣ и въ Россіи.

Народныя училища въ Австро-Венгріи, Франціи и Англии въ XIX столѣтіи.

(Продолженіе).

Обратимся теперь къ Австро-Венгріи. «Училищное положеніе императрицы Маріи-Терезіи 1774 г.», съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей *), ввело обязательное начальное ученіе для дѣтей обоаго пола 6—12-лѣтняго возраста и въ теченіе долгаго времени оставалось основнымъ общимъ училищнымъ закономъ въ Австрійской имперіи. Преемникъ Маріи-Терезіи, императоръ Іосифъ II не менѣе матери своей заботился о распространеніи начальнаго народнаго образованія, а уничтоженіемъ крѣпостнаго права сдѣлалъ его дѣйствительною потребностью для всего народа. Исходя изъ того основанія, что на государствѣ лежитъ священнѣйшая обязанность заботиться о просвѣщеніи всего народа, Іосифъ II сдѣлалъ народныя училища государственнымъ учрежденіемъ, уничтожилъ прежнее подчиненіе ихъ духовенству, установилъ для всѣхъ бѣдныхъ дѣтей бесплатное начальное обученіе и неоднократно подтверждалъ мѣстнымъ правительственнымъ властямъ строго наблюдать, чтобы родители аккуратно посылали дѣтей своихъ въ школу. За неисполненіе этого состоятельные родители обязаны были вносить въ пользу школы двойную плату, пазначенную за обученіе, а бѣдные—работать на школу, исправлять училищные дома, обрабатывать училищный садъ, огородъ и проч. Сельскія общины совмѣстно съ помѣщиками обязаны были заводить начальныя школы; на это-же дѣло опредѣлена была и извѣстная часть доходовъ съ церковныхъ имуществъ, что вызвало сильное неудовольствіе въ духо-

*) См. нашу статью въ «Русской Школѣ», № 2, за 1890 г.

венствѣ. Различныя религіозныя конгрегаціи и братства были закрыты, и имущества ихъ обращены на начальныя школы для бѣдныхъ; богатые монастыри были обязаны устраивать и содержать на свой счетъ нормальныя школы (учительскія семинаріи); изъ государственнаго казначейства отпускались значительныя пособія на открытіе и содержаніе новыхъ народныхъ школъ въ бѣдныхъ сельскихъ общинахъ. Но изданное въ 1805 г. «Государственное положеніе о нѣмецкихъ народныхъ училищахъ» *) совершенно подчинило не только начальныя тривіальныя, но и главныя и нормальныя училища, слѣдовательно все народное образованіе и приготовленіе учителей для народныхъ училищъ вѣдѣнію духовенства и не только остановило дальнѣйшее распространеніе народныхъ училищъ, но и многія изъ существовавшихъ уже начальныхъ народныхъ училищъ были закрыты, а всѣ остальные были приведены въ самое печальное состояніе. «Австрійская правительственная система—пишутъ Беръ и Гохэргеръ о положеніи народныхъ училищъ въ Австріи послѣ вѣнскаго конгресса до 1848 года—коренилась въ стремленіи изолировать страну отъ всякаго духовнаго общенія съ чужими краями, воздвигнуть непроницаемую стѣну, дабы ни единая новая прогрессивная мысль не могла проникнуть и помрачить райскую невинность и невѣдѣніе австрійскаго народа. Католическое духовенство управляло неограниченно народною школою и при этомъ не только не заботилось объ улучшеніи матеріальнаго положенія школы и ея учителя, но даже прямо обирало ихъ. Прежніе особые училищныя дома были отданы въ аренду, для школы и учителя отводились такія помѣщенія, которыя можно было скорѣе назвать чуланами, хлѣвами, чѣмъ человѣческими жилищами. Отъ учителя приходскій священникъ требовалъ безмолвнаго повиновенія всѣмъ его приказаніямъ, какъ отъ самаго послѣдняго раба; налагалъ на него исполненіе всѣхъ низшихъ служительскихъ обязанностей при церкви, посылалъ по своимъ личнымъ дѣламъ, заставлялъ распространять между учениками взаимное шпіонство и доносы, приучать ихъ не довѣрять и не повиноваться родителямъ, а вѣрить только словамъ и исполнять приказанія одного священника. Заботясь единственно только объ утвержденіи своего господства надъ народомъ, католическое духовенство въ Австріи даже злоупотребляло преподаваніемъ учебныхъ предметовъ. вмѣсто просвѣтленія дѣтскихъ понятій правильнымъ ознакомленіемъ дѣтей съ окружающею природою и ея явленіями и произведеніями, вмѣсто сообщенія учащимся полезныхъ и

*) Politische Verfassung der deutschen Volksschulen von 11 Aug. 1805.

необходимыхъ въ простомъ сельскомъ быту свѣдѣній изъ естественной исторіи о мѣстныхъ растеніяхъ, животныхъ, о почвѣ и проч., духовенство заставляло учителей рассказывать дѣтямъ о природѣ различныя басни, не только уже бывшія въ ходу въ римско-католической церкви, но и произвольно придумываемыя самими священниками на каждый необходимый случай. Однимъ словомъ, духовенство, изъ своихъ личныхъ выгодъ, хотѣло сдѣлать народную школу разсадникомъ всякой чертовщины (Teufelei) въ народѣ» *).

Свѣтлыя надежды на улучшеніе положенія народной школы, возбужденныя въ 1848 году, скоро оказались совершенно тщетными. Учрежденное было особое министерство учебныхъ дѣлъ (Unterrichtsmi-nisterium) подъ управленіемъ Фейхтерслебена, начертавшаго «Проектъ общихъ основаній общественнаго устройства школы въ Австріи», на истинныхъ народныхъ и государственныхъ началахъ, скоро закрылось, и опять вступилъ въ силу училищный законъ 1805 года. Зависимость народнаго образованія отъ духовенства сдѣлалась еще сильнѣе послѣ заключенія конкордата съ папою въ 1855 году, по которому наблюденіе за всѣми общественными и частными низшими, средними и высшими учебными заведеніями и даже за домашнимъ семейнымъ воспитаніемъ и ученіемъ дѣтей поручено было духовенству, и никто изъ родителей-католиковъ не только не могъ отдавать дѣтей своихъ въ не-католическіе пансіоны, но и приглашать для нихъ на домъ воспитателей и учителей не-католиковъ.

При разноплеменномъ составѣ населенія Австрійской имперіи особая затрудненія представлялъ языкъ преподаванія въ народной школѣ. По училищному положенію 1774 года, языкомъ преподаванія былъ родной языкъ мѣстнаго населенія, причемъ и обученіе государственному нѣмецкому языку было сдѣлано обязательнымъ. По училищному закону 1805 года преподаваніе на родномъ языкѣ преобладающаго въ данной мѣстности населенія было допущено только въ теченіе *перваго года ученія*, а потомъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, даже Закона Божія должно было происходить на нѣмецкомъ языкѣ, и родной языкъ населенія совсѣмъ не преподавался въ народной школѣ. Такъ продолжалось до 1846 года, когда Фейхтерслебенъ успѣлъ возстановить въ народныхъ школахъ преподаваніе на родномъ языкѣ населенія, съ обязательнымъ обученіемъ всѣхъ учащихся и нѣмецкому языку, и хлопоталъ, чтобы правительство дало средства

*) Beer und Hoehegger: «Die Fortschritte des Unterrichtswesens in den Culturstaaten Europas». Wien 1867, B. I, S. 377 и 378.

для приготовленія народныхъ учителей, знающихъ оба языка. Но въ 1855 году былъ восстановленъ училищный законъ 1805 года, и преподаваніе на родномъ языкѣ населенія дозволено было только въ теченіе *перваго полугодія* въ низшемъ классѣ. Эта мѣра, особенно послѣ постановленія 1848 года, возбудила всеобщее негодованіе между славянами, венгерцами и итальянцами,—тѣмъ болѣе, что *австрійское правительство только требовало, не давая никакихъ средствъ для выполненія своихъ требованій.*

«Такія несправедливыя мѣры—говорятъ Беръ и Гохэггеръ—вполнѣ объясняютъ, почему австрійская народная школа не только не содѣйствовала государственному объединенію различныхъ народностей, но, напротивъ того, вмѣстѣ съ прочими правительственными дѣйствіями, постоянно раздражала ихъ и возбуждала въ нихъ совершенно противоположныя Австріи стремленія. Въ этомъ отношеніи Австрія представляетъ самое разительное и въ высшей степени поучительное доказательство того, что одно насильственное распространеніе государственнаго языка, не сопровождающееся никакими благодѣтельными послѣдствіями ни для возвышенія нравственнаго уровня, ни для улучшенія матеріальнаго положенія подчиненнаго народа, а предпринятое единственно только въ видахъ подавленія его народности, пробуждаетъ въ народѣ чуткое народное чувство, которое отъ продолжающагося насилія постоянно крѣпнеть, становится живѣе и заставляетъ народъ придти къ полному самосознанію и направить всѣ свои силы и средства къ охраненію своей національности».

«Только послѣ утраты почти всѣхъ своихъ владѣній въ сѣверной Италіи и исключенія изъ политическаго состава Германіи (1866), Австрія увидѣла всю неправильность и пагубность какъ своей государственной политики вообще, такъ и, въ частности, своей политики народнаго просвѣщенія. Въ концѣ 1867 г., вмѣстѣ съ политическимъ раздвоеніемъ Австріи и пересозданіемъ въ Австро-Венгрію, былъ изданъ «Основной государственный законъ» (Staatsgrundgesetz v. 21 Dec. 1867), который прекратилъ всѣ стѣсненія общественнаго и домашняго воспитанія и ученія. По ст. 17 этого закона, наука и ученіе свободны; каждый гражданинъ имѣетъ право учреждать учебныя и воспитательныя заведенія и преподавать, если только докажетъ свою правоспособность къ этому на законномъ основаніи. Домашнее воспитаніе и ученіе дѣтей свободно отъ правительственнаго и церковнаго надзора и предоставляется родителямъ безъ всякихъ ограниченій. О правильномъ религіозномъ обученіи въ школахъ заботится подлежащая церковь или подлежащее религіозное общество, признанное государствомъ. Право

высшаго управленія и руководства всѣмъ учебнымъ и воспитательнымъ вѣдомствомъ принадлежитъ только государству» *).

На основаніи этого основнаго государственнаго закона былъ изданъ въ 1869 году «Училищный законъ» (Schulgesetz), по которому: 1) *народная школа* имѣетъ цѣлью дать дѣтямъ религіозно-нравственное воспитаніе, развить ихъ умственныя способности, сообщить необходимыя для дальнѣйшаго самообразованія въ жизни общія начальныя знанія и умѣнія и этимъ положить основаніе образованію дѣльныхъ людей и полезныхъ членовъ общества» (ст. 1). 2) Въ каждой народной школѣ должны быть преподаваемы, по меньшей мѣрѣ (mindestens), слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе, письмо, языки, счисленіе, начальная геометрія, родиновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе (географія и исторія отечества съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей географіи и исторіи). Природовѣдѣніе (ознакомленіе съ мѣстными полезными и вредными животными и растеніями, минералами, обыкновенными физическими явленіями и въ сельскихъ школахъ—съ земледѣлемъ). Рисованіе, пѣніе и гимнастика. Дѣвочки, кромѣ того, должны быть обучаемы рукодѣльямъ и домоводству (ст. 2). 3) Объемъ преподаванія этихъ предметовъ долженъ сообразоваться съ числомъ учителей и классовъ въ школѣ (ст. 3). 4) О религіозномъ обученіи дѣтей заботятся подлежащія мѣстныя церковныя власти (Kirchenbehörden) и наблюдаютъ за нимъ (ст. 5). 5) Вопросъ о языкѣ преподаванія и о томъ, слѣдуетъ-ли обучать еще господствующему въ странѣ языку—опредѣляетъ общество, содержащее школу, съ утвержденія окружнаго правительственнаго училищнаго управленія (ст. 6). 6) Обязательное начальное ученіе продолжается 6 лѣтъ, и ему подлежатъ дѣти обоаго пола отъ 6 до 12-лѣтняго возраста.

Приготовленіе учителей и учительницъ происходитъ въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, устраиваемыхъ отдѣльно для молодыхъ людей и дѣвицъ (ст. 26). При каждомъ такомъ заведеніи должна состоять начальная школа для упражненія въ начальномъ преподаваніи (ст. 24) Учебный курсъ продолжается 4 года (ст. 28). Въ заведеніяхъ для образованія учителей преподаются: Законъ Божій, языки и словесность, математика (арифметика, алгебра и геометрія); естественная исторія (ботаника, зоологія, минералогія, главныя свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи, съ попутными гигиеническими объясненіями); физика, начальныя основанія химіи; для будущихъ сельскихъ учителей: свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и земледѣліи въ примѣненіи къ земледѣльче-

*) «Geschichte des österr. Schulwesens» von Helfert. 5 Bde, Prag, 1887.

скимъ и сельско-хозяйственнымъ условіямъ въ мѣстномъ училищномъ округѣ; географія, исторія, теорія и исторія воспитанія и ученія съ необходимыми свѣдѣніями изъ психологіи и практическія упражненія въ начальномъ преподаваніи; рисованіе и геометрическое черченіе; пѣніе и гимнастика. Въ заведеніяхъ для приготовленія учительницъ преподаются тѣ-же предметы, только сельское хозяйство замѣняется домоводствомъ, и преподаются еще женскія рукодѣлья (ст. 29). Число уроковъ въ каждомъ классѣ отъ 30 до 34 въ недѣлю (въ среду и въ субботу болѣе пяти уроковъ въ день не назначается; ст. 30).

Училищный законъ 1867 г. есть общій для всѣхъ австрійскихъ (цислейтанскихъ) провинцій. Въ Венгріи, имѣющей съ 1867 г. свое отдѣльное самостоятельное государственное управленіе, училищный законъ принять тотъ-же, что доказываетъ его полное безпристрастіе въ политическомъ, церковномъ и національномъ отношеніяхъ. Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что въ Венгріи мѣстное управленіе народными училищами устроено нѣсколько иначе. Вышеприведенный предметный составъ учебнаго курса народныхъ училищъ, особенно-же названія предметовъ свидѣтельствуютъ, что за образецъ было принято учебное устройство прусскихъ народныхъ училищъ.

Во Франціи до революціи начальное народное образованіе было совершенно предоставлено духовенству и общинамъ, и правительство въ это нѣсколько не вмѣшивалось и никакихъ отчетовъ не требовало, такъ что о положеніи народныхъ училищъ въ то время—существовали-ли они, или нѣтъ—никакихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что при Генрихѣ IV кальвинистскія общины имѣли свои церковно-приходскія школы для обученія дѣтей молитвамъ и св. писанію. Революціонный конвентъ 17 ноября 1794 года издалъ законъ, по которому каждая община обязана была устроить и содержать начальную школу, и начальное обученіе было обязательно для дѣтей обоюго пола отъ 6 до 13-лѣтняго возраста. Но этотъ законъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Законъ объ общественномъ обученіи 1-го мая 1802 г. положилъ основаніе системѣ общественныхъ училищъ во Франціи и по этому закону общины должны были открывать *начальныя школы* (écoles primaires). Императорскимъ декретомъ 1808 года объ организациі «университета (sur l'organisation de l'université) все общественное обученіе подчинилось этому коллегіальному правительственному учрежденію, и никакія школы не могли быть открываемы безъ его разрѣшенія, за исключеніемъ лишь духовныхъ семинарій, подчиненныхъ епископамъ. Университетъ началъ дѣйствовать энергично, и въ

количествомъ верблюдовъ у своего отца. О, какъ премудры современные педагоги, толкующіе о непосильности древнихъ языковъ для своихъ воспитанниковъ. Ничего страннѣе и несообразнѣе не могло быть Тындова, держащаго въ рукахъ латинскій словарь и Корнелія Непота! Совершенный верблюдъ, читающій по-латыни. Конечно, да-дѣе покупки блестящей пиммермановской шляпы къ Святой образованіе его идти не могло.

Но главнымъ махровымъ цвѣткомъ небольшого букета былъ широкоплечій, мелкокудрявый Варпановъ. Чистяковъ любилъ рассказывать о погодинскомъ ученикѣ Ниротворцевѣ, котораго я уже не засталъ. У этого Ниротворцева была французская сабля его отца, которую въ рѣшающія минуты жизни онъ требовалъ у своего крѣпостнаго Филиппа, говоря: «Филиппъ, дай французскую». Чаще всего онъ требовалъ французскую по отношенію къ Варпанову. Такъ, напримѣръ, въ глубокую осень, когда погодинскій прудъ покрывался тонкимъ льдомъ, не могущимъ еще держать человѣка, Ниротворцевъ пускалъ по льду на середину пруда палку и кричалъ: «Варпановъ, пиль апортъ!» Понятно, что послѣднему не хотѣлось, проламывая ледъ, лѣзть по горло въ прудъ за палкой. Но тогда раздавалось категорически: «Филиппъ, французскую!», и послѣ двухъ-трехъ фухтелей по спинѣ Варпанова, послѣдній со слезами на глазахъ шелъ въ прудъ и приносилъ палку. Но за то самъ Варпановъ зачастую проявлялъ стремленіе къ своеобразной игривости и шуткамъ, носившимъ какой-то телачій оттѣнокъ. Пуще всѣхъ доставалось отъ него опрятно одѣтому съ сильной просѣдью и золотою сережкой въ ухѣ Рудольфу Ивановичу, любившему поддержать свое достоинство нѣмецкими фразами.

— Господа, дружище подходите къ супу, кушанье стынетъ. Господинъ Вернеръ, вы вашими разговорами мѣшаете другимъ заниматься.

На это Варпановъ, оскаливая зубы и встряхивая кудрявой головой, съ убѣжденіемъ восклицалъ: «Рудошка! зачѣмъ обнимаешь Мару?» На что Рудольфъ Ивановичъ, всплеснувъ руками, отвѣчалъ: «Ахъ, Herr Варпановъ, какія вы слова говорите!»

Человѣкъ, пустившій въ ходъ пословицу: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку», могъ-бы не на одномъ Д—вѣ провѣрить справедливость мысли о бесплодности увѣщаній по отношенію къ врожденнымъ наклонностямъ. Напрасно, напримѣръ, Погодинъ безперемонно выговаривалъ Аграфентъ Михайловичъ, во-первыхъ, ея грязную скупость, а, во-вторыхъ, непрошенныя вмѣшательства въ порядки его кабинета. Кто бывалъ въ этомъ кабинетѣ до продажи Михаиломъ Петровичемъ

своего собранія въ казну и даже послѣ этой продажи, помнить невообразимый хаосъ, представлявшійся въ комнатѣ глазамъ непосвященнаго. Тутъ всевозможныя старинныя книги лежали грудами на полу, а на орѣховыхъ столахъ громадныя каменные глыбы съ татарскими и сибирскими надписями, не говоря уже о сотняхъ рукописей съ начатыми работами, мѣста которыхъ, равно какъ и ассигнацій, запрятанныхъ по разнымъ книгамъ, зналъ только ученый исторіографъ. Но стоило Михаилу Петровичу куда-либо уѣхать, какъ, не взирая на увѣщанія первой его жены, прелестной и образованной блондинки Елизаветы Васильевны, ретивая Аграфена Михайловна принималась приводить въ порядокъ кабинетъ сына, обметая вездѣ пыль и вводя симметрію.

— Вотъ, Мишенька, я таки твой кабинетъ привела въ порядокъ. Тутъ отчаянію Михаила Петровича не было границъ.

— Помилуйте, маменька! вы произвели величайшій безпорядокъ, который я и въ полгода не исправлю.

Разъ, наскучивъ за ужиномъ неизмѣннымъ картофелемъ, школьники сказали горничной Аграфены Михайловны, косоглазой Пелагеѣ: «Скажи своей Аграфенѣ Михайловнѣ, что если на ужинъ будетъ опять картофель, то мы его въ вазу покидаемъ» (подразумѣвая мраморную на лужайкѣ).

Конечно, Пелагея передала эти слова своей госпожѣ; но, вѣроятно, незнакомая со словомъ ваза, сказала: «въ васъ покидаютъ». Такого непочтенія Аграфена Михайловна не вынесла и пошла жаловаться Михаилу Петровичу: «Мишенька, твои мальчики собираются кидать въ меня картофелемъ».

— Вотъ видите, маменька, до чего доводитъ васъ ваша скупость. Нельзя мальчиковъ морить голодомъ.

Но такое увѣщаніе осталось безплоднымъ.

Однажды, когда мы всѣ сидѣли за ужиномъ, отворилась дверь, и вошелъ Михаилъ Петровичъ, оставшійся недовольнымъ нашимъ продовольствіемъ.

— Скажи сейчасъ, грозно крикнулъ онъ слугѣ, — чтобы сварили побольше хоть молочной каши и подали.

Не знаю, какое неблагопріятное извѣстіе сообщилъ Рудольфъ Ивановичъ по поводу ужинавшего съ нами Д — ва. Помню только, что въ то время, когда принесли огромное блюдо каши, которая стала переходить на тарелки ужинающихъ, Погодинъ разразился противъ стоящаго передъ нимъ Д — ва цѣлою бурей упрековъ. «А, ты опять! Мальчишка! третьяго дня я бранилъ тебя насколько могъ! Я думалъ —

говорилъ, задыхаясь, Михаилъ Петровичъ — что слова мои должны тремя стрѣлами пронзить тебя!»

При этомъ гнѣвный ораторъ, подогнувъ два послѣднихъ пальца правой руки и выставивъ впередъ три первыхъ, съ размаху ткнулъ ими Д—ва въ грудь.

Движеніе это вышло настолько-же неожиданно, какъ и комично. Но смѣяться никто не дерзалъ. Случайно я взглянулъ на Чистякова, сидѣвшаго на противоположномъ отъ меня концѣ стола противъ Тындоева. Не ожидая трехъ стрѣлъ, выскочившихъ изъ рукава Погодина, Чистяковъ набралъ полный ротъ горячей каши. Но смѣхъ не позволялъ ему проглотить ее; я видѣлъ попеременное вздрагиваніе и распуханіе его щекъ, и вдругъ каша, бѣлою струей вырываясь у него изо рту, обдала лицо не ожидавшаго такого сюрприза Тындоева. Тогда никто уже не могъ удержаться отъ хохота.

— Вѣдь вотъ! гнѣвно обратился къ Чистякову Погодинъ: — мнѣ-бы слѣдовало наброситься съ него да на васъ! вмѣсто того, чтобы плакать о негодяѣ товарищѣ, вы хохочете. Это вамъ не дѣлаетъ чести.

Была зимняя лунная ночь, и не знаю, кому изъ молодой колоніи пришла съ вечера мысль поугагать Рудольфа Ивановича. Въ полночь все мы, захвативши свои простыни, собрались въ большой нетопленной залѣ налѣво съ площадки Рудольфа Ивановича. Безшумно войдя, мы при лунномъ свѣтѣ разстановились кругомъ стѣнъ, придерживая поднятыми надъ головой руками покрывавшія насъ простыни, причемъ видимый ростъ каждаго увеличивался почти на аршинъ. По данному знаку все разомъ испустили самый пронзительный крикъ, который, сливаясь въ общемъ хорѣ, представлялъ какую-то дикую какофонію. Ярый крикъ продолжался до тѣхъ поръ, пока дверь съ площадки не отворилась и не появился Рудольфъ Ивановичъ въ халатѣ со свѣчю въ рукахъ и блѣдный какъ смерть. Крики умолкли для того, чтобы онъ не могъ распознать голосовъ; но за то, по предварительному соглашенію, все стали понемногу, повидимому, проваливаться сквозь землю, сперва опуская приподнятыя руки, а затѣмъ становясь на колѣни и окончательно безшумно садясь на полъ. Но такъ какъ проваливаться далѣе было нельзя, то все разразились отчаяннымъ смѣхомъ, убѣждая Рудольфа Ивановича, что передъ нимъ живые школьники, а не привидѣнія.

— Господа! воскликнулъ онъ: — ахъ, Gott und Vater! Марья Ивановна вскочила, Машенька schreit, Марѳа дѣлаетъ: пши-пши! Господи! Господи!

И все мы гурьбою отправляемся спать.

Между учителями, дававшими уроки у Погодина, общей любовью пользовался магистръ математики П. П. Хилковъ, чуть-ли что не одолженный своимъ образованіемъ Погодину и потому питавшій къ нему безграничное сыновнее почтеніе и страхъ. Не смотря на свое пристрастіе къ модному платью и дорогимъ духамъ, Павелъ Павловичъ былъ весь дѣвчья скромность, начиная съ шепеляво-мягкой рѣчи, въ родѣ: «ахъ-съ, помилюйте-съ, какъ-зе-съ, мозно-съ», причемъ малѣйшій намекъ на что-либо, говорящее въ его пользу, приводилъ его въ смущеніе и краску. Конечно, эта слабость не прошла у мальчишекъ незамѣченной, и не только они, но, помню, даже, что и я не упустилъ случая потѣшиться надъ смущеніемъ Павла Павловича. Тогда была мода на дорогіе индѣйскіе фуляры, и когда, бывало, Павелъ Павловичъ доставалъ свой, чтобы отереть съ пальцевъ мѣлъ, которымъ писалъ на доскѣ, и въ комнатѣ разносился сильнѣйшій запахъ англійскихъ духовъ, мы попеременно восклицали: «Павелъ Павловичъ, приходится васъ поздравить».

— Съ цѣмъ-съ, госьпода-съ? недоумѣвая спрашивалъ Павелъ Павловичъ.

— Какъ-же, Павелъ Павловичъ, вы такъ разодѣты, надушены, что навѣрное вы женихъ, и навѣрное прямо отсюда поѣдете къ невѣстѣ.

— Ахъ-съ! ахъ-съ! восклицалъ Павелъ Павловичъ, испуганно похихикивая:—госьпода-съ, Михалъ Петловиць!

Конечно, влѣдствіе краски стыда, разливавшейся по лицу Павла Павловича, увѣренія въ предстоящей свадьбѣ удвоились со всѣхъ сторонъ, къ великому мученію Павла Павловича.

Однажды, когда онъ усердно чертилъ на доскѣ фигуры и уравненія, сидящіе въ глубинѣ комнаты Вегнеры до того накурили, что весь классъ съ Павломъ Павловичемъ вмѣстѣ плавалъ въ сизомъ туманѣ. Вдругъ дверь изъ корридора распахнулась, и на порогъ въ полной парадной формѣ показался Михаилъ Петровичъ, собравшійся на какое-то засѣданіе или молебствіе съ графомъ Строгановымъ во главѣ. Надо прибавить, что Погодинъ не выносилъ табачнаго дыма.

— А... а... а!.. кричалъ онъ, втягивая въ себя воздухъ для громогласной ругани; но вмѣсто словъ, онъ разразился страшными чиханіями.

— Здлывія зеляю! воскликнулъ, смиренно изгибаясь, Хилковъ.

— У... у... у... а... а... а... чхи!

— Здлывія зеляю!

Еще и еще разъ грозное: у... у..., прерываемое чиханіемъ и увѣнчанное: «здаявія зеляю!»

— Да не здравія желаю! а посмотри, что у тебя мальчишки дѣлають! прокричалъ наконецъ Погодинъ, захлопывая за собою дверь.

— Вотъ-съ, госьпода-съ, говорилиъ я-съ: Михаль Петловиць; вотъ онъ Михаль Петловиць и есть.

Послѣднимъ надворнымъ строеніемъ обширной погодинской дачи былъ деревянный флигель на углу Дѣвичьяго поля и переулка къ Саввѣ Освященному. Во флигелѣ этомъ помѣщался мѣщанинъ, отдѣлившій въ немъ помѣщеніе для мелочной лавки.

Я не помню, чтобы намъ во флигель или ученикамъ въ домѣ подавался завтракъ; поэтому не удивительно, что кромѣ чубуковъ, трубокъ и табаку мы посылали въ мелочную лавку къ сыну торговца Николаю или, какъ мы называли его, Николашкѣ также за незатѣйливыми съѣстными припасами: калачами, дешевой паюсной икрой, колбасою и медомъ. Не разъ приходившій къ намъ въ комнату съ просьбою дать затынуться изъ трубочки Варпановъ приносилъ вѣсть, что Вегнеры кутятъ: купили калачей и, положи ихъ на плечо, расхаживаютъ по комнатѣ, протестуя противъ Аграфены Михайловны и намѣреваясь съѣсть калачи съ покупнымъ медомъ.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ того-же протеста, я однажды разразился сатирическимъ стихотвореніемъ на Аграфену Михайловну, въ которомъ былъ куплетъ:

Нѣтъ, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда;
Пошлю я въ лавку за икрой
И ждать не стану до обѣда.

Помнится, каждый четвергъ родители Чистякова присылали ему со слугою большую кулебяку, преимущественно съ кашей. Кулебяку эту на блюдѣ, завязанномъ въ салфетку, слуга Чистякова приносилъ на головѣ черезъ Крымскій мостъ изъ-за Москвы-рѣки. Однажды, когда мы съ Чистяковымъ присѣли къ теплой еще кулебякѣ, дверь отворилась и вошелъ Погодинъ.

— Вотъ какое пированіе! воскликнулъ онъ и, пожелавъ добраго аппетита, ушелъ.

Однажды Погодинъ, внезапно захвативши у насъ одного изъ Вегнеровъ курящимъ и, выхвативъ у него мой длинный и превосходный черешневый чубукъ, загундосилъ въ носъ прерывающимся отъ негодованія голосомъ: «Мальчишка! поганецъ! мерзавецъ!»—и удары чубукомъ слѣдовали по спинѣ убѣгающаго Вегнера, и, когда тотъ скрылся

за растворенною настежь дверью, Погодинъ въ раздраженіи бросилъ чубукъ на порогъ и каблукомъ переломилъ его; затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «это, почтеннѣйшій, будетъ вамъ урокомъ не дозволить поганымъ мальчишкамъ курить у себя».

Не однимъ примѣромъ долбленія служилъ для меня, провинціального затворника, бывалый въ своемъ родѣ Чистяковъ. При его помощи я скоро познакомился въ Zubовскомъ трактирѣ съ цыганскимъ хоромъ, гдѣ я увлекся красивою цыганкой. Замѣтивъ, что у меня водятся карманныя деньжонки, цыгане заставляли меня платить имъ за пѣсни и угощать ихъ то тѣмъ, то другимъ. Такое увлеченіе привело меня не только къ растратѣ всѣхъ наличныхъ денегъ, но и къ распродажѣ всего излишняго платья, начиная съ енотовой шубки до фракной пары. При этомъ дѣло иногда не обходилось безъ пьянства почти до безчувствія. Надо сказать, что окно наше было окружено съ обѣихъ сторонъ колоннами, опиравшимися на высокій каменный цоколь, поднимавшійся аршина на два съ половиною отъ земли. Окно съ вечера запиралось ставнями съ Дѣвичьяго поля. Выходить ночью изъ нашего флигеля можно было не иначе, какъ по стеклянной галереѣ дома черезъ парадную дверь. Поднимать подобный шумъ, тѣмъ болѣе лѣтомъ, было немыслимо, такъ какъ Михаилъ Петровичъ, работая въ кабинетѣ нерѣдко за полночь, оставлялъ дверь на балконъ отпертою и по временамъ выходилъ на свѣжій ночной воздухъ. Поэтому мы съ Чистяковымъ, тихонько раскрывъ свое окно и прикрывши отверстіе снаружи ставнемъ, прыгивали съ цоколя на Дѣвичье поле къ подговоренному заранѣе извозчику, который и везъ насъ до трактира. Однажды, когда я сильно хмѣльной, везъ шатававшегося передо мною на дрожкахъ сюсюкающаго и безъ того косноязычнаго Чистякова, я заблаговременно досталъ извозчику большую противъ ряды монету и, приказавъ подъѣхать къ нашему окну шагомъ, велѣлъ тотчасъ безшумно отъѣхать, какъ скоро мы прикроемъ за собою ставень. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ съ дрожекъ встать на цоколь и въ комнату Чистякова. Но не успѣли мы еще потушить огня, какъ въ дверь постучались и послышался голосъ Погодина: «отоприте!»

— Боже тебя сохрани, сказалъ я Чистякову, — говорить; твое дѣло--ложись на кровать и спи.

Дѣлать было нечего, я отворилъ дверь, стараясь по возможности не дышать.

— Какой тутъ извозчикъ, видѣлъ я, подъѣзжалъ къ вашему окну? спросилъ Михаилъ Петровичъ. Внезапное вдохновеніе озарило

меня. «Это, должно быть, мѣщане, сказалъ я,—ладятъ подъ нашего лучшаго въ саду соловья».

— Видишь, подлецы, сказалъ Михаилъ Петровичъ,—надо за ними посматривать.

— Да мы и посматриваемъ, Михаилъ Петровичъ.

— Ну то-то! Да и вамъ пора спать. Прощайте!

Погодинъ затворилъ за собою дверь, и гроза миновала.

Не помню, по какому случаю, ужъ не ради-ли его дебелой возмужалости, въ нашей комнатѣ помѣстился и Тындовъ. Конечно, ни онъ, ни я не могли спорить въ прилежаніи съ Чистяковымъ, долбившимъ тетрадки напропалую поздно ночью, когда мы съ беззаботнымъ армяниномъ глубоко спали.

Однажды, когда мы съ Чистяковымъ готовились усердно изъ всемирной и русской исторіи, вошелъ отецъ Чистякова съ бриллиантовой Анной на шеѣ, которой никогда не снималъ, и сказалъ: «ну, Сергѣй, собирай свои тетрадки и поѣдемъ домой. Я за тебя экзамень уже выдержалъ».

Тутъ онъ рассказалъ, какъ у попечителя графа Строганова онъ, объяснивъ, что препятствіе къ поступленію въ университетъ выдержавшаго экзамень Чистякова за истеченіемъ года, на который онъ опередилъ своихъ сверстниковъ по гимназіи, само собою пало, испросилъ о допущеніи сына въ число студентовъ безъ новаго экзамена. Въ данную минуту разрѣшеніе уже было дано, и я одинъ остался готовиться къ экзамену, такъ какъ Тындовъ окончательно отказался отъ надежды поступить въ университетъ.

У Варпанова былъ дядя сенаторъ, котораго имени не упомяну: знаю только, что, по желанію послѣдняго, къ Варпанову ходилъ театральнй скрипачъ давать уроки, и что даже учитель съ ученикомъ сочинили въ честь дяденьки какую-то кантату и напечатали ее, посвятивъ его превосходительству отъ имени Варпанова. Иногда въ воскресенье дядя присылалъ за Варпановымъ прекрасную коляску, запряженную четверкой вороныхъ съ фореиторомъ. Тогда Варпановъ, вѣроятно, потому, что за неимѣніемъ родныхъ въ Москвѣ, я оставался дома, приходилъ ко мнѣ и звалъ кататься.

— Ну, голубчикъ, Шеншинъ, восклицалъ онъ,—поѣдемъ, пожалуйста, кататься и заѣдемъ въ полпивную.

— Эхъ братъ! восклицалъ я:—ты-бы хоть дядинаго кучера постыдился! Развѣ въ коляскахъ четверками ѣздить по полпивнымъ!

Надо прибавить, что Варпановъ всегда былъ одѣтъ по послѣдней модѣ. Сначала онъ было и упросилъ меня дозволить ему въ первой

моей комнатѣ упражняться на скрипкѣ; но однажды, когда онъ окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія, я, безуспѣшно сказавши: «убирайся вонъ!»—взялъ его за ухо и вывелъ въ корридоръ.

Однажды, въ воскресенье, Варпановъ, замѣтивъ извозчика подъ моимъ окномъ, сталъ приставать: «Скажи, душенька, куда ты ѣдешь?»

Въ праздничные дни я иногда съ удовольствіемъ ѣздилъ къ Павлу Павловичу, занимавшему прекрасную квартиру въ большомъ домѣ на Знаменкѣ. Не менѣе радушно, чѣмъ онъ самъ, принимала меня и угощала чаемъ пожилая его сестра.

Не имѣя причины скрываться, я отвѣчалъ Варпанову, что ѣду къ Хилкову. Тутъ я не могъ отвязаться отъ его убѣдительныхъ просьбъ взять его съ собою.

— Голубчикъ! воскликнулъ онъ, подходя къ непочатой банкѣ помады:—позволь мнѣ попомадиться.

— Изволь, сказалъ я, стараясь отдѣлаться отъ его просьбъ:—только съ тѣмъ, чтобы ты вымазалъ всю банку на голову.

— Не разсердишься? прихихикивая, спросилъ онъ.

— Сказалъ, такъ не разсержусь, отвѣчалъ я.

Смотрю, мой Варпановъ, запустивъ пятерню правой руки въ банку съ закругленнымъ дномъ, разомъ выковырнулъ весь комъ помады и, переложивъ его на лѣвую ладонь, сталъ правою мало по малу размазывать по своимъ кудрявымъ волосамъ. Черезъ двѣ минуты голова его стала бѣлою, какъ-бы вымазанная сметаню. Накрывшись своей блестящей циммермановской шляпой, онъ вышелъ и сѣлъ передо мною бокомъ на калиберъ, на которомъ я сидѣлъ верхомъ. Всю дорогу я ѣхалъ какъ-бы нохая стклянку съ духами. Даже милый и невозмутимый Павелъ Павловичъ воскликнулъ, увидавъ Варпанова: «что съ вами?»

Выше я упомянулъ о проживавшемъ съ нами въ одномъ корридорѣ Медюковѣ; но приходится нѣсколько остановиться на этой личности.

Какая-то неизвѣстная намъ богатая свѣтская барыня перемѣстила этого 18-ти или 17-ти-лѣтняго юношу, если не ошибаюсь изъ Вильны, къ Погодину для приготовленія въ университетъ. Видно было, что молодой человѣкъ принадлежалъ къ порядочному кругу, такъ какъ держалъ себя со всѣми весьма прилично, не проявляя той непочатой неотесанности, которою, не тѣмъ будь помянуть, отличался, напри- мѣръ, Чистяковъ, несмотря на свое прилежаніе. Учился Медюковъ у тѣхъ-же погодинскихъ учителей, поневолѣ готовясь изъ латинскаго языка и русской исторіи, хотя гораздо охотнѣе лнулъ къ француз-

скимъ и польскимъ романамъ, такъ какъ, поступивъ къ намъ изъ виленакаго пансіона Ганзіера, владѣлъ въ первое время гораздо свободнѣе польскимъ, чѣмъ русскимъ языкомъ. Это была молодая неиспорченная душа, исполненная самыхъ благородныхъ порывовъ, и я не безъ удовольствія слушалъ его, когда онъ съ любовью рассказывалъ о своемъ воспитателѣ Ганзіерѣ и о полковникѣ отцѣ своемъ, котораго онъ, кажется, никогда не видалъ. О матери онъ никогда не вспоминалъ, и я никогда и позднѣе не спрашивалъ его о его семействѣ. За-то при всей моей симпатіи къ этому милому юношѣ, я никогда не вѣрилъ въ возможность поступленія его въ университетъ.

Однажды, въ то время, какъ онъ сидѣлъ у меня въ комнатѣ передъ самымъ вступительнымъ экзаменомъ, вошелъ, прихрамывая, человекъ высокаго роста, лѣтъ подъ 30, со стальными очками на носу, и сказалъ: «Господа, честь имѣю рекомендоваться: вашъ будущій товарищъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій».

Оказалось, что онъ, чуть-ли не исключенный за непохвальное поведеніе изъ Троицкой духовной академіи, недавно вышелъ изъ больницы и, не зная что пачать, обратился съ предложеніемъ услугъ къ Погодину. Михаилъ Петровичъ, обрадовавшись сходному по цѣнѣ учителю, пригласилъ его остаться у него и помогъ перейти безъ экзамена на словесный факультетъ. Не только въ тогдашней дѣйствительности, но и теперъ въ воспоминаніи не могу достаточно надивиться на этого человека. Не помню въ жизни болѣе блистательнаго образчика схоласта. Можно было подумать, что этотъ человекъ живетъ исключительно дилеммами и софизмами, которыми для ближайшихъ цѣлей управляетъ съ величайшей ловкостью. Познакомившись съ Введенскимъ хорошо, я убѣдился, что онъ въ сущности зналъ только одно слово: хочу; но что во всю жизнь ему даже не приходилъ вопросъ,—хорошо-ли, законно-ли его хотѣнье. Такъ, первымъ рассказомъ его было, какъ онъ довелъ до слезъ сердобольную барыню въ больницѣ, пришедшую къ нему въ комнату послѣ пасхальной заутрени поздравить его со словами: «Христось воскрес!»

— Вмѣсто обычнаго «Воистину воскресъ», говорилъ Введенскій,—я сказалъ ей: «покорно васъ благодарю». Озадаченная сердобольная назвала меня безбожникомъ.—«Не я безбожникъ, отвѣчалъ я,—а вы безбожница; у васъ не только нѣтъ Бога, но вы даже не имѣете о немъ никакого понятія. Позвольте васъ спросить, что вы подразумеваете подъ именемъ Бога?» Конечно, я хотѣлъ надъ всѣми непостыями, которыя она по этому вопросу начала бормотать, и, убѣ-

дившись, вѣроятно, въ полномъ своемъ невѣдѣніи, барыня разревѣлась до истерики.

Конечно, и по переходѣ въ университетъ, Введенскій никогда не ходилъ на лекціи. Да и трудно себѣ представить, что могъ-бы онъ на нихъ почерпнуть. По латыни Введенскій писалъ и говорилъ такъ-же легко, какъ и по русски, и хотя выговаривалъ новѣйшіе языки до неузнаваемости, писалъ по нѣмецки, французски, англійски и итальянски въ совершенствѣ. Генеалогію и хронологію всемірной и русской исторіи помнилъ въ изумительныхъ подробностяхъ. Вскорѣ онъ перешелъ въ нашъ флигель и поселился въ комнатѣ Медюкова, который къ нему дружески привязался.

До самаго экзамена я продолжалъ брать уроки исторіи по тетрадкамъ Бѣляева «хромобѣса», который постоянно говорилъ мнѣ о приготавливаемомъ имъ въ университетъ изумительномъ ученикѣ Аполлонѣ Григорьевѣ. «Какая память, какое прилежаніе! говорилъ онъ,—не могу нахвалиться. Если, Богъ дастъ, поступите въ университетъ, сведу васъ непременно».

Вмѣстѣ съ приближеніемъ лѣта подъ наше съ Тындовымъ окно почти ежедневно приходилъ мороженникъ съ кадкою на головѣ и угощалъ насъ лакомствомъ; между прочимъ, и я наслаждался большимъ стаканомъ стѣме *brulé*, стоимымъ двугривенный. Замѣтивъ, съ какой алчностью скупой Тындовъ бралъ и себѣ стаканъ мороженаго, Медюковъ, не прочь иногда и пошалить, подошелъ и ловко ударилъ снизу стаканъ Тындова по дну, такъ что мороженое, исполнивъ *salto mortale*, шлепнуло на земь. Ярости и фырканьямъ Тындова не было предѣловъ. Вознегодовавъ на его грубую брань, я сказалъ: «что ты фыркаешь, какъ верблюдъ? да что тамъ верблюдъ! ты хуже верблюда! верблюда поведи на веревкѣ на рынокъ, за него все-таки 30 рублей дадутъ, а за тебя ничего не дадутъ!»

— Анъ дадутъ! наивно возразилъ Тындовъ и тѣмъ развеселилъ насъ, а Медюковъ приказалъ мороженнику наложить Тындову новый стаканъ мороженаго.

За нѣкоторое время до экзаменовъ Тындовъ объявилъ, что ему необходимо съѣздить въ Тифлисъ, но что къ зимѣ онъ снова вернется, чтобы засѣсть за работу для экзаменовъ въ будущемъ году. При этомъ онъ выпросилъ у меня на проѣздъ прекрасный кожаный чемоданъ, купленный мнѣ отцомъ въ Петербургѣ. Съ той поры я не встрѣчался уже ни съ Тындовымъ, ни съ чемоданомъ, за который мнѣ впоследствии порядкомъ досталось отъ отца.

— Михаилъ Петровичъ, сказалъ я, входя къ нему за нѣсколько

дней до вступительныхъ экзаменовъ въ университетъ,—не зная формальныхъ порядковъ, прошу вашего совѣта касательно послѣдовательныхъ мѣръ для поступленія въ университетъ.

— И прекрасно дѣлаете, почтеннѣйшій; идешь—надо узнать, къ кому обратиться въ университетъ—къ сторожу или къ его женѣ. А на какой факультетъ?

— На юридическій.

— Ну, хорошо, я тамъ секретарю скажу, а вы обратитесь къ нему, и онъ вамъ все сдѣлаетъ.

Начались экзамены. Получить у священника, протоіерея Терновскаго, хорошій баллъ было отличной рекомендаціей, а я еще, по милости Новосельскихъ семинаристовъ, былъ весьма силенъ въ катехизисѣ и получилъ пять.

Каково было мое изумленіе, когда на латинскомъ экзаменѣ, въ присутствіи главнаго латиниста Крюкова и декана Давыдова, профессоръ Клинь подалъ мнѣ для перевода Корнелія Непота. Чтобы показать полное пренебреженіе къ задачѣ, я, не читая латинскаго текста, сталъ переводить и получилъ пять съ крестомъ. Изъ исторіи добрѣйшій Погодинъ, помимо всякихъ Ольговичей, спросилъ меня о Петрѣ Великомъ, и при вопросѣ о его походахъ я назвалъ походъ къ Азовскому морю, Сѣверную войну, Полтавскую битву и Прутскій походъ. Изъ математики я, къ счастью, услышалъ отъ добрыхъ людей, что Д. М. Перевощиковъ, спрашивая у экзаменующаго: «что вы знаете?» терпѣть не могъ утвердительныхъ отвѣтовъ и тотчасъ-же доказывалъ объявившемуся знающимъ хотя-бы четыре первыхъ правила, что онъ ничего не знаетъ. Предупрежденный, я сказалъ, что проходилъ до такихъ-то предѣловъ и, удачно разрѣшивъ въ головѣ задачу, получилъ четверку.

Такимъ образомъ поступленіе мое въ университетъ оказалось блестящимъ, и я до того возгордился, что написалъ Крюммеру самохвальное письмо. Въ послѣдній день экзаменовъ я заказалъ себѣ у военного портнаго студенческой мундиръ, объявивъ, что не возьму его, если онъ не будетъ въ обтяжку. Я зналъ нѣкоторыхъ, не менѣе меня гордыхъ первымъ мундиромъ, какъ вывѣскою извѣстной зрѣлости для научныхъ трудовъ. Но мой восторгъ былъ только предвкушеніемъ офицерскаго мундира, составлявшаго мой всегдашній идеаль. Независимо отъ того, что всѣ семейныя наши преданія не знали другаго идеала, офицерскій чинъ въ то время давалъ потомственное дворянство, и я не разъ слышалъ отъ отца по поводу какого-то затруд-

ненія, встрѣченнаго имъ въ герольдіи: «мнѣ дѣла нѣтъ до ихъ выдумокъ, я кавалерійскій офицеръ и потому потомственный дворянинъ».

Въ такихъ кавалерскихъ стремленіяхъ надо, кажется, искать разгадки все болѣе и болѣе охватывавшаго меня чувства отвращенія къ юридическому поприщу, на которомъ я, вмѣсто гусара, видѣлъ себя крючкотворцемъ. И вотъ не прошло двухъ недѣль, какъ я появился въ кабинетѣ у Погодина съ слѣдующей рѣчью:

— Михаилъ Петровичъ, не откажите еще разъ въ вашей помощи. Я ненавижу законы и не желаю оставаться на юридическомъ факультетѣ, а потому помогите мнѣ перейти на словесный.

— Вѣдь вотъ, подумаешь, у теперешней молодежи какіе разговоры! Ненавижу законы! Что-жь вы, почтеннѣйшій, беззаконникъ, что-ли! Вѣдь на словесный факультетъ надо додерживать экзаменъ изъ греческаго.

— Буду держать, Михаилъ Петровичъ.

— Да вѣдь вамъ надо сильно дорожить университетомъ, коли вы человѣкъ безъ имени. Я, почтеннѣйшій, студентовъ у себя въ домѣ не держу, но для васъ дѣлаю исключеніе до Новаго года.

Добрѣйшій профессоръ В. И. Оболенскій развернулъ мнѣ первую страницу Одиссеи, хорошо мнѣ знакомую, и поставилъ пять. И вотъ я поступилъ на словесный результатъ.

Когда минула горячая пора экзаменовъ и Введенскій, надѣвъ тоже студенческой мундиръ, окончательно поселился у Медюкова, мы трое стали чаще сходитья по вечерамъ къ моему или Медюковскому самовару. Замѣтивъ, вѣроятно, энтузіазмъ, съ которымъ добродушный и сирый Медюковъ вспоминалъ о своемъ воспитателѣ Ганзіерѣ, прямолинейный Введенскій не отказывалъ себѣ въ удовольствіи продернуть бѣднаго юношу, сильно отдававшего польскимъ духомъ

— Позвольте, господа, восклицалъ Введенскій:—чтобы правильнѣе относиться къ дѣлу, слѣдуетъ понять, что Ганзіеръ миѣ. Для каждаго понимающаго, что такое миѣ, несомнѣнно, что когда дѣло идетъ о русскомъ юношѣ, получающемъ образованіе черезъ сближеніе съ иностранцами, то невольно возникаетъ образъ Ганзы, сообщившей нашимъ непочатымъ предкамъ свое образованіе. Во избѣжаніе нѣкоторой сложности такого представленія, миѣ уловляетъ тождественными звуками нужное ему олицетвореніе и появляется Ганзіеръ миѣ.

Надо было видѣть, до какой степени оскорбляло Медюкова такое отношеніе къ его воспитателю. Онъ кипятился, выходилъ изъ себя и, наконецъ, со слезами просилъ не говорить этого. Такимъ образомъ Ганзіеръ миѣ былъ оставленъ въ покоѣ.

Никогда съ тѣхъ поръ не приводилось мнѣ видѣть такого холоднаго и прямолинейнаго софиста, какимъ былъ Введенскій. Оглядываясь въ настоящее время на эту личность, могу сказать, что это былъ типъ идеальнаго нигилиста. Ни въ политическомъ, ни въ социальномъ отношеніи онъ ничего не желалъ, кромѣ денегъ для немедленнаго удовлетворенія мгновенныхъ прихотей, выражавшихся въ самыхъ примитивныхъ формахъ. Едва-ли онъ различалъ непосредственнымъ чувствомъ должное отъ недолжнаго. Во всемъ, что называется убѣжденіемъ, онъ представлялъ бѣлую страницу, но въ умственномъ отношеніи это была машина для выдѣлки софизмовъ, на подобіе специальныхъ машинъ для шитья или вязанья чулокъ.

— Позвольте, говорилъ онъ, услышавъ самую несомнѣнную вещь; — такое убѣжденіе требуетъ доказательствъ, а ихъ въ данномъ случаѣ не только нѣтъ, но есть множество въ пользу противоположнаго.

Но и при такой прямолинейности возможны не скажу страсти, а минутныя увлеченія. Такъ, нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ водки или хересу было достаточно, чтобы Введенскій признался намъ въ любви, которую онъ питаетъ къ дочери троицкаго полицеймейстера Засицкаго, за которую и ухаживаетъ какой-то болѣе поощряемый офицеръ.

Однажды онъ даже прочелъ мнѣ письмо, написанное имъ къ разборчивой матери любимой имъ дѣвушки, въ которомъ онъ два пола сравнивалъ съ двумя половинками разрѣзаннаго яблока. Въ настоящую минуту мнѣ ясно, до какой степени это сухое и сочиненное сравненіе обличало головной характеръ его отношеній къ дѣлу.

Подъ вліяніемъ неудачи онъ вдругъ невѣдомо съ чего приступилъ ко мнѣ съ просьбой написать сатирическіе стихи на совершенно неизвѣстную мнѣ личность офицера, ухаживающаго за предметомъ его страсти. Нѣсколько дней мучился я непосильною задачей и, наконецъ, разразился сатирой, которая, если-бы сохранилась, прежде всего способна была-бы пристыдить автора; но не такъ взглянулъ на дѣло Введенскій и сказалъ: «вы несомнѣнный поэтъ и вамъ надо писать стихи». И вотъ жребій былъ брошенъ. Съ этого дня, вмѣсто того, чтобы ревностно ходить на лекціи, я почти ежедневно писалъ новые стихи, все болѣе и болѣе заслуживающіе одобренія Введенскаго.

Однажды, помнится, это было по первозимью, Введенскій пригласилъ меня поѣхать къ Троицѣ. Мы наняли тройку туда и обратно и, чтобы избѣжать опросовъ у заставы, прошли за шлагбаумъ нѣшкомъ. Остановившись въ гостинницѣ, мы прошли въ домъ Засицкихъ. Не удивительно, что исполненной чувства достоинства матери и миловидной дочери мало льстило искательство угловатаго бурсака Вве-

денскаго. Въ обращеніи со мной все семейство не скупилось на привѣтствія, которыхъ тщетно добивался Введенскій. Иринархъ Ивановичъ повелѣ меня показывать монастырь съ его знаменитой ризницей, а затѣмъ отецъ казначей зазвалъ насъ къ себѣ пить чай. Чай, должно быть, пришлось всѣмъ намъ по вкусу, такъ такъ мы, одабривая его, выпили большую бутылку коньяку.

Нуждаясь въ деньгахъ, Введенскій обращался къ книгопродавцу Наливкину, прося у него и у другихъ, которыхъ именъ указать не умѣю, переводной работы. Сколько разъ, уходя поздно вечеромъ изъ комнаты Введенскаго, мы съ Медюковымъ изумлялись легкости, съ которою онъ, хохоча и по временамъ отвѣчая намъ, сдвинувъ очки на лобъ, что называется, строчилъ съ плеча переводы изъ Диккенса и Теккерея, которые затѣмъ безъ поправокъ отдавалъ въ печать.

Однажды, когда передъ Рождествомъ мнѣ пришлось подавать небольшое разсужденіе на греческомъ языкѣ, я попросилъ Введенскаго написать его за меня, полагая, что, будучи въ настоящую минуту пьянъ, онъ отложить исполненіе моей просьбы до другаго дня. Но, схвативъ бумагу и перо, Введенскій продолжалъ хохотать и черезъ нѣсколько минутъ страница покрылась греческимъ письмомъ съ надлежащими знаками препинанія и ударенія. Не будучи самъ въ состояніи написать подобной работы, я вынужденъ былъ преднамѣренно сдѣлать нѣкоторыя ошибки, безъ которыхъ добродушный Оболенскій, тѣмъ не менѣе, замѣтилъ-бы подлогъ. Но въ данное время подъ вліяніемъ Введенскаго я какъ-то безсознательно попалъ на стезю подлоговъ.

Между тѣмъ Введенскій, тряхнувъ, вѣроятно, академическою старинной, сталъ частенько отлучаться изъ дому, не ночуя даже дома. Мы съ Медюковымъ, насколько могли, скрывали эти выходки отъ Погодина. Но быть дядькою необузданнаго человѣка, старшаго лѣтами, весьма скучно. И когда однажды лихачъ въ малиновой бархатной шапкѣ, привезши совершенно пьянаго Введенскаго, потребовалъ за провозъ рубль, я выдалъ эти деньги, а Введенскаго, совершенно раздѣвши, мы уложили на кровать, платье-же его спрятали. Но эта мѣра мало помогала. Пьяный, заявляя желаніе ѣхать со двора, такъ крѣпко билъ кулакомъ по переплету зимней рамы, что можно было ожидать, что онъ порѣжется, попавъ въ стекло. Не помню, кто еще, чуть-ли не Варпановъ, подошелъ на эту сцену; и я нарочно громогласно заявилъ, что чего-бы Введенскій ни дѣлалъ, ни платья, ни денегъ ему не дадимъ, потому что послѣднихъ ни у кого нѣтъ. Тогда Введенскій, сидѣвшій въ одной сорочкѣ съ ногами на кровати, вдругъ испустилъ какой-то звѣроподобный визгъ и пальцами правой руки сдавилъ себѣ горло.

— Пусть, пусть его, господа, куражится! сказалъ я.

Но когда прошло приблизительно двѣ-три минуты, показавшіяся намъ вѣчностью, и Введенскій, продолжая сжимать горло, повалился на подушку, я побоялся, чтобы глупая комедія не превратилась въ трагедію, и сталъ разжимать ему заостреннѣвшіе пальцы. Много труда стоило освободить сдавленное такимъ образомъ горло; но когда и затѣмъ дыханіе не возобновлялось, мы перетрусили не на шутку и бросились къ колодцу, который находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ оконъ. Нѣкоторое время кувшины и тазы холодной воды обильными струями изливались на Введенскаго, не вызывая въ немъ никакихъ признаковъ жизни. Съ кровати текло, и мы ходили по полу въ водѣ. Наконецъ онъ громко вздохнулъ: «ох!»

Но судьбѣ угодно было съ дороги мертвящей софистики перевести меня на противоположную стезю беззавтѣтнаго энтузіазма.

Познакомившись въ университетѣ по совѣту Бѣляева, съ одутловатымъ, сѣроглазымъ и свѣтлорусымъ Григорьевымъ, я однажды рѣшился поѣхать къ нему въ домъ, прося его представить меня своимъ родителямъ.

Домъ Григорьевыхъ съ постоянно запертыми воротами и калиткою на задвижкѣ находился на Малой Полянкѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ церкви Спаса въ Наливкахъ. Принявъ меня какъ нельзя болѣе радушно, отецъ и мать Григорьева просили бывать у нихъ по воскресеньямъ. А такъ какъ я въ это время ѣздилъ къ нимъ на парномъ извозчикѣ, то уже въ слѣдующее воскресенье старики буквально довѣрили мнѣ свозить ихъ Полонушку въ циркъ. До той поры они его ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не отпускали изъ дому. Оказалось, что Ап. Григорьевъ, не зирая на примѣрное рвеніе къ наукамъ, успѣлъ, подобно мнѣ, заразиться страстью къ стихотворству, и мы въ каждое свиданіе передавали другъ другу вновь написанное стихотвореніе. Свои я записывалъ въ отдѣльную желтую тетрадку, и ихъ набралось уже до трехъ десятковъ. Вѣроятно, замѣтивъ наше взаимное влеченіе, Григорьевы стали поговаривать, что какъ было-бы хорошо, если-бы, отойдя къ новому году отъ Погодина, я упросилъ своего отца помѣстить меня въ ихъ домѣ вмѣстѣ съ Аполлономъ, причемъ они согласились-бы на самое умѣренное вознагражденіе.

Всѣ мы хорошо знали, что Н. В. Гоголь проживаетъ на антресоляхъ въ домѣ Погодина, но никто изъ насъ его не видалъ. Только однажды, всходя на крыльцо погодинскаго дома, я встрѣтился съ Гоголемъ лицомъ къ лицу. Его горбатый носъ и свѣтлорусые усы на-

всегда запечатлѣлись въ моей памяти, хотя это была единственная въ моей жизни съ нимъ встрѣча. Не будучи знакомы, мы даже не поклонились другъ другу.

О своихъ университетскихъ занятіяхъ въ то время совѣстно вспомнить. Ни одинъ изъ профессоровъ, за исключеніемъ декана И. И. Давыдова, читавшаго эстетику, не умѣлъ ни на минуту привлечь моего вниманія и, посѣщая по временамъ лекціи, я или дремалъ, поставивши кулакъ на кулакъ, или старался думать о другомъ, чтобы не слышать тоску наводящей болтовни. Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась въ объемѣ, и однажды я рѣшился отправиться къ Погодину за приговоромъ моему эстетическому стремленію.

— Я вашу тетрадку, почтеннѣйшій, передалъ Гоголю, сказалъ Погодинъ;—онъ въ этомъ случаѣ лучшей судья.

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Погодина тетрадку обратно со словами: «Гоголь сказалъ, это несомнѣнное дарованіе».

Добрый Медюковъ былъ почти единственнымъ слушателемъ моего восторженнаго чтенія чужихъ и собственныхъ стиховъ и разжигалъ меня своимъ неподдѣльнымъ участіемъ. Хотя онъ и называлъ какую-то госпожу Л—ву, которую посѣщалъ по воскресеньямъ и которая щедро снабжала его карманными деньгами, но никто никогда не спрашивалъ его о семейныхъ подробностяхъ.

Однажды онъ съ полной наивностью и даже усмѣшкой рассказывалъ, что вчера, въ воскресенье, знакомыя дамы стали выбирать для него подходящую фамилію и выбрали: Всеславинъ. При этомъ одна воскликнула: «Прекрасно, прекрасно! Отъ души желаемъ всѣ славы вамъ».

Бѣдный и милый юноша! Онъ никогда не дѣлалъ даже попытокъ къ поступленію въ университет и могъ-бы служить грустнымъ примѣромъ неудачнаго стремленія на классическую стезю людей совершенно къ ней неспособныхъ. Подумаешь, что, кромѣ университетскихъ, жизненныхъ путей не существуетъ.

Еще до возвращенія моего въ Новоселки, въ семействѣ нашемъ произошла значительная перемѣна. 87-лѣтній дѣдъ Василій Петровичъ скончался, и ближайшіе наслѣдники полюбовно раздѣлили оставшееся состояніе слѣдующимъ образомъ: отцу досталась Грайворонка, Землянскаго уѣзда, съ коннымъ заводомъ; дядѣ Петру Неофитовичу—село Клейменово и деревня Долгое, Мценскаго уѣзда; а дядѣ Ивану Неофитовичу—вторая половина родоваго имѣнія Добрая Вода и домъ въ Орлѣ.

Приближалось время Рождественскихъ вакацій, и, конечно, меня тянуло домой и къ дядѣ похвастать мундиромъ. Но по случаю рас-

продажи мною всего носильнаго платья, начиная съ шубы, и отсутствія денегъ, надо было достать послѣднихъ на переѣздъ до Мценска. Часы мои были тоже въ закладѣ, и оставалось единственное средство занять 50 рублей у погодинской кормилицы, которой я далъ слово выслать деньги въ скоромъ времени по приѣздѣ въ деревню. Наконецъ, лекціи кончились, и я съ отпускнымъ билетомъ въ рукахъ нанялъ сдаточнаго ямщика. Дорожа единственнымъ мундирнымъ скюртукомъ, я завязалъ его въ узелокъ съ бѣльемъ, а самъ выпросилъ у Введенскаго его нанковый халатъ на тонкой подкладкѣ изъ ваты; сверхъ этого легко подбитая ватой студенческая шинель съ мѣховымъ воротникомъ и лѣтняя форменная фуражка составляли всю мою одежду при 25-градусномъ морозѣ. Помню, на одной станціи я такъ застылъ, что долженъ былъ подниматься какъ-бы на ходуляхъ, такъ какъ ноги не сгибались въ колѣняхъ. Пока ямщики собирали перекладную, я продолжалъ шагать по двору, не входя въ избу. Я зналъ, что, войдя прямо въ тепло, рисковалъ жестоко обморозиться.

Не буду описывать радости домашней встрѣчи. Ее значительно омрачало матеріальное мое положеніе. Конечно, я не открывалъ ея никому, за исключеніемъ матери, которой объяснилъ необходимость выслать немедленно 50 руб. кормилицѣ Погодина. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ мать, не имѣвшая никогда подобной суммы, ухитрилась достать ее. Деньги эти были немедленно отправлены Введенскому съ убѣдительною просьбой передать ихъ кормилицѣ. Такимъ образомъ, главнѣйшее затрудненіе было на первыхъ порахъ устранено. Дальнѣйшее устроилось безъ моего почина. Убѣдившись, вѣроятно, что неопредѣленная выдача карманныхъ денегъ ведетъ молодаго человѣка только къ безрасчетнымъ тратамъ, отецъ и дядя, снабдивъ меня необходимымъ платьемъ, рѣшили давать мнѣ въ годъ карманныхъ денегъ, въ томъ числѣ и на платье, по 200 р. Съ той поры я уже никогда не впадалъ въ безысходное безденежье и научился по одежкѣ протягивать ножки.

Въ Новоселкахъ я нашелъ въ отцовскомъ флигелѣ, вмѣсто француза Каро, классически образованнаго нѣмца Фритче, выписаннаго отцомъ, вѣроятно, при помощи Крюммера для 12-ти-лѣтняго брата Васи. Этому Фритче я старался буквально переводить свои стихотворенія, отличавшіяся въ то время, вѣроятно, подъ вліяніемъ Мочалова, самымъ отчаяннымъ пессимизмомъ и трагизмомъ. Не удивляюсь въ настоящее время тому, что добродушный нѣмецъ совѣтовалъ мнѣ не читать этихъ стиховъ матери, которую воззванія къ кинжалу, какъ къ единственному прибѣжищу, не могли обрадовать.

Ко времени возвращенія въ Москву стужа сдалась, и я доѣхалъ безъ особенныхъ приключеній. Каковъ-же былъ мой ужасъ, когда при первой встрѣчѣ кормилица набросилась на меня съ упреками, и я узналъ, что Введенскій высланныя для кормилицы деньги истратилъ на собственныя прихоти.

Началась снова тоскливая жизнь ничѣмъ незанятаго студента, вырывающаяся изъ тѣсноты подобно пиву, пѣнящемуся во время перевозки.

Медюкова, переѣхавшаго на квартиру къ какой-то барынѣ, я уже не засталъ у Погодина.

Не припомню хорошенько, какимъ образомъ подружился я съ милымъ Куляпкой, ученикомъ пансіона профессора Павлова на Дмитровкѣ, въ домѣ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщался лицей Каткова. Не могу припомнить никакой неблагоприличной оргіи въ сотовариществѣ съ Куляпкой. Онъ любилъ театръ и всегда бралъ кресло для себя и для меня на драматическія представленія съ игрою Мочалова. Во время, о которомъ я говорю, Куляпка уже вышелъ изъ пансіона и помѣстился на Тверской на квартирѣ изъ 3--4 комнатъ. При этомъ отношенія между нами устроились съ полной братской простотою. Когда у меня еще водились деньги, Куляпка не разъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: «Шеншинъ, одолжи мнѣ 60 рублей, черезъ недѣлю отдамъ». На это я обычно отвѣчалъ, подавая бумажникъ: «отсчитай самъ».

За-то и мнѣ въ свою очередь не разъ приходилось обращаться съ той-же просьбой къ веселому Куляпкѣ и получать въ свою очередь отвѣтъ: «возьми самъ въ конторкѣ».

При періодическихъ денежныхъ приливахъ и отливахъ, положеніе наше во флигелѣ иногда принимало острый характеръ.

Бывало, кто-либо изъ насъ, выглянувъ въ окно на дворъ, крикнетъ: «Николашка идетъ!» — присутствующіе въ комнатѣ подбѣгали къ окошку и убѣждались, что сынъ лавочника, Николай, идетъ изъ-за угла дома къ нашему крыльцу на колѣняхъ; на колѣняхъ всходитъ на лѣстницу, отворяетъ дверь въ томъ-же положеніи и, переступая черезъ порогъ на колѣняхъ, стучается лбомъ объ полъ.

— Господа, Бога ради! восклицаетъ широколицый и рябой Николай:— не дайте пропасть, заплатите должокъ! (обыкновенно между 10—15-ю рублями). Отецъ сегодня увидалъ, что я отпустилъ въ долгъ, схватилъ меня за скобку, повалилъ на полъ и, наступя на волосы, сталъ ухаживать мѣднымъ безмѣномъ. (Полагаю, что послѣднее Николашка присовокуплялъ для яркости картины).

Конечно, Введенскій ежедневно обѣщался получить съ Наливкина деньги за переводъ и со мною разсчитаться. Но въ моей комнатѣ онъ появлялся довольно часто.

Однажды, когда, пуская дымъ изъ длиннѣйшаго гордоваго чубука, я читалъ какой-то глупѣйшій романъ, дверь отворилась и на порогѣ совершенно неожиданно появился мой отецъ въ медвѣжьей шубѣ. Зная отъ меня, какъ враждебно смотритъ отецъ мой на куреніе табаку, некурившій Введенскій, прослышавшій о пріѣздѣ отца, вбѣжалъ въ комнату и сказалъ: «извини, что помѣшалъ, но я забылъ у тебя свою трубку и табакъ».

Эта явная ложь до того не понравилась отцу, что онъ въ послѣдствіи не иначе говорилъ о Введенскомъ, какъ называя его «соловьемъ-разбойникомъ».

Когда отецъ уѣхалъ, приказавъ мнѣ пріѣхать въ гостинницу Шевалдышева къ его обѣду, я тотчасъ-же бросился къ Куляпкѣ, желая выйти по возможности изъ запутаннаго денежнаго положенія. На этотъ разъ Куляпка вышелъ ко мнѣ въ небольшую столовую и какимъ-то томнымъ жестомъ указалъ на сосѣдную комнату. Понявъ, что что-то неладно, я вполголоса объяснилъ ему, что отецъ мой неожиданно пріѣхалъ, и я прошу его меня выручить.

— А я только-что хотѣлъ бѣжать къ тебѣ, отвѣчалъ Куляпка:— мой тоже сегодня пріѣхалъ.

Такимъ образомъ, пожавъ другъ другу руки, мы грустно разстались, и я поѣхалъ въ гостинницу Шевалдышева.

— Гдѣ-же твои часы? спросилъ отецъ.

— У часовщика.

— Какъ? съ самаго Рождества? Это, братецъ, неисправный часовщикъ. Поѣдемъ взять у него часы.

Когда мы у дверей гостинницы сѣли въ санки, отецъ спросилъ: «куда-же ѣхать?» — я указалъ дорогу по направленію къ большому театру, около котораго часы были въ закладѣ. Но вотъ мы проѣхали театръ и извозчикъ повернулъ вверхъ по Кузнецкому мосту.

«Какъ это глупо! подумалъ я:—ну куда-же я везу старика, откладывая роковое объясненіе на какія-либо двѣ или три минуты».

— Папа, сказалъ я,—надо вернуться назадъ.

— Я такъ и зналъ, отвѣчалъ отецъ:—часы въ закладѣ; надо выкупить. Съ тобой закладная росписка?

— Со мной.

— Давай ее сюда.

Когда мы подъѣхали къ подъѣзду, я проводилъ отца на площадку

лѣтницы до двери закладчика, за которою отецъ велѣлъ мнѣ остаться, а самъ минутъ черезъ пять вернулся и передалъ мнѣ часы, не сказавши ни слова.

— Ты говоришь мнѣ, сказалъ онъ,—о семействѣ Григорьевыхъ. Поѣдемъ къ нимъ; я очень радъ познакомиться съ хорошими людьми. Да и тебѣ, по правдѣ-то сказать, было-бы гораздо полезнѣе попастьъ подъ вліяніе такихъ людей вмѣсто общества «соловья-разбойника».

И при этомъ отецъ не преминулъ прочитать наизусть одни изъ немногихъ стиховъ, удержавшихся въ его памяти вслѣдствіе ихъ назидательности:

«Простой цвѣточекъ дикій
 Нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой.
 И что же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ:
 Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ».

У Григорьевыхъ взаимное впечатлѣніе отцовъ нашихъ оказалось самымъ благопріятнымъ. Старикъ Григорьевъ сумѣлъ придать себѣ степенный и значительный тонъ, упоминая имена своихъ товарищей по дворянскому пансіону. Что-же касается до моего отца, то напускать на себя серьезность и сдержанность ему никакой надобности не предстояло. Мать Григорьева, Татьяна Андреевна, скелетоподобная старушка, поневолѣ показалась отцу солидной и сдержанной, такъ какъ при незнакомыхъ она воздерживалась отъ всякаго рода сужденій. Мой товарищъ Аполлонъ не могъ въ то время кому-бы то ни было не понравиться: это былъ образецъ скромности и сдержанности. Конечно, родители не преминули блеснуть его дѣйствительно прекрасною игрой на рояли.

Пока мы съ Аполлономъ ходили осматривать антресоли, гдѣ намъ предстояло помѣститься, родители переговорили объ условіяхъ моего помѣщенія на полномъ со стороны Григорьевыхъ содержаніи. Въ виду зимнихъ и продолжительныхъ лѣтнихъ вакацій, годовая плата была установлена въ 300 рублей.

На другой день утромъ Илья Аванасьевичъ перевезъ немногочисленное мое имущество изъ погодинскаго флигеля къ Григорьевымъ, а я, проводивши отца до зимней повозки, отправился къ Григорьевымъ на новоселье.

А. Фетъ.

Педагогическая и философская подготовка учителей средних учебных заведений.

(Окончаніе).

Положительные историческіе факты свидѣтельствуютъ, что философія даннаго времени есть высочайшее, всеобъемлющее и наиболѣе сознательное выраженіе степени всего духовнаго развитія человѣка въ данный моментъ. Кто сомнѣвается въ томъ, тотъ пусть вспомнитъ хоть о Платоновой и Аристотелевой философіи въ Греціи, о стоико-эпикурейской философіи въ Римской имперіи, о теологической философіи въ средніе вѣка, о Лейбницевой и Вольфовой философіи въ періодъ такъ называемаго просвѣщенія, о Кантовской философіи въ новое время, и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что философія непременно оказываетъ вліяніе на всю человѣческую жизнь, и ея вліяніе часто превосходитъ вліянія, оказываемыя иными элементами человѣческой культуры.

Не смотря на такое значеніе философіи, большинство людей, не говоримъ уже о полуобразованныхъ, но слывущихъ иногда даже учеными, до того предубѣждены въ наше время противъ философіи, что выказываютъ къ ней полное равнодушіе, невниманіе, доходящее порой даже до пренебреженія. Еще сравнительно недавно, нынѣ покойный, профессоръ Аландскій отрицалъ вовсе значеніе философіи, не признавая въ ней вовсе научнаго элемента. Въ двухъ нумерахъ (№ 1 и № 2) «Кіевскихъ университетскихъ извѣстій» за 1877 г. онъ помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ «Философія и наука», гдѣ подробно развилъ тѣ замѣчанія, какія высказаны были имъ на диспутѣ, происходившемъ по поводу защиты г. Козловымъ диссертации *pro verba legendi* въ университетѣ св. Владиміра, въ октябрѣ 1876 г. Сущность замѣчаній, высказанныхъ въ этой статьѣ, сводится къ тому, что не только опредѣленіе философіи, данное г. Козловымъ (какъ науки о

мірѣ) и взглядъ его на ея значеніе ошибочны, но и что вообще философія не наука, да и не можетъ быть наукою, такъ какъ, по его словамъ, у нея нѣтъ опредѣленнаго предмета, строго отграниченнаго отъ предмета другихъ наукъ, нѣтъ и своего метода («Философія и наука», стр. 135—136). По мнѣнію Аландскаго, «міръ изучается по частямъ спеціальными науками, каковы: математика, астрономія, физика, химія, біологія, психологія и т. д., и если въ мірѣ, какъ цѣломъ, окажется что-нибудь новое, чего не было въ простой суммѣ частей или долей міра, изучаемыхъ спеціальными науками, въ такомъ случаѣ для построенія понятія о мірѣ недостаточно будетъ и простаго объединенія теорій этихъ наукъ, простой суммы ихъ содержанія, а необходима будетъ новая наука и, разумѣется, что ничто не препятствуетъ назвать ее философіей. Напротивъ, если окажется, что, предположивъ совершенное состояніе спеціальныхъ наукъ какъ относительно полноты, такъ относительно точности ихъ свѣдѣній, мы получимъ въ ихъ теоріяхъ объясненіе *всего*, что представляетъ міръ, если, приведя въ связь теоріи спеціальныхъ наукъ, мы получимъ сѣть общихъ положеній, которою охватываются всѣ міровыя явленія и всѣ соотношенія между ними; въ такомъ случаѣ, думается мнѣ, понятіе міра какъ цѣлаго, состоящаго изъ вещей, явленій и событій, будетъ построено системою наукъ, перечисленныхъ выше и помощь какой-нибудь новой науки, хотя-бы и философіи, окажется вовсе не нужною». Профессоръ Аландскій, очевидно, склоняется къ послѣднему мнѣнію и потому отрицаетъ значеніе философіи, какъ науки. Г. Козловъ въ свое время, въ статьѣ «Философія какъ наука», далъ рѣшительный отпоръ этому мнѣнію и превосходно доказалъ, что философія не только наука, но необходимѣйшая изъ наукъ.

«Хотя міръ—писалъ онъ—не есть особый феноменъ, и хотя онъ изучается не какъ таковой, а по частямъ, но все-таки правильно построенное понятіе міра есть нѣчто *новое* сравнительно съ простою суммою знаній о частяхъ или доляхъ міра... По моему слабому «мудрованію», объединить или привести что-либо къ единству, значить изъ многихъ сдѣлать единое, и объединеніе теорій наукъ должно дать въ результатъ такой продуктъ, такое единое, въ которомъ-бы пропала для нашего сознанія самостоятельная специфичность теорій химическихъ, астрономическихъ, физическихъ, психологическихъ, и на мѣсто ихъ возникла-бы поглотившая ихъ теорія міра. Отчего-бы не признать эту теорію міра особой наукой и отчего-бы не допустить, что ее можно и должно назвать *философіей*?»

Между учеными-натуралистами есть не мало такихъ, которые

также отрицають значеніе философіи. Находя, что и основа или отправная точка, и метода познания въ естественныхъ наукахъ совершенно противоположны таковымъ въ философіи, они видятъ въ этой противоположности состоятельность естествовѣдѣнія и несостоятельность философіи, какъ познания. Основа или отправная точка естествовѣдѣнія есть опытъ и наблюденіе надъ единичными фактами, а потому метода познания въ немъ есть индукція, наведеніе или заключеніе отъ единичныхъ фактовъ къ общимъ законамъ. Напротивъ, основа или отправная точка въ философіи есть апріорное и сверхъопытное умозрѣніе, помимо единичныхъ фактовъ, а потому и метода познания въ ней есть дедукція, выведеніе изъ ума человѣческаго общихъ научныхъ положеній. Философія имѣетъ притязаніе на конструированіе, построеніе всего міра, всей природы и жизни безъ всякой помощи фактовъ, а слѣдовательно и безъ знанія ихъ. Такимъ образомъ философія, отвернувшись отъ природы и жизни, расплылась въ туманныя грезы, или-же обратилась въ сухія, мертвыя абстракціи, отвлеченія, между тѣмъ какъ, напротивъ, естествовѣдѣніе познаетъ живую дѣйствительность. Отсюда ясны причины, по которымъ натуралисты отрицають значеніе философіи. Но то время, когда философія занималась только метафизическими соображеніями, вдавалась въ крайности умозрѣнія и игнорировала внѣшній міръ, безвозвратно прошло; теперь она становится все болѣе и болѣе на твердую почву. Современная философія вовсе не чуждается единичныхъ фактовъ, наблюденій и опытовъ, слѣдовательно вовсе не чуждается природы и жизни, а напротивъ, отводитъ имъ подобающее мѣсто, пользуется ими для своей задачи, для возможнаго объединенія и обобщенія фактовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она признаетъ высокое значеніе *идей, началъ* (принциповъ), *законовъ*, коренящихся въ человѣческомъ разумѣ; она препятствуетъ всякому, а тѣмъ болѣе натуралисту, дѣлать легкомысленные и опрометчивые выводы изъ фактовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, этимъ нисколько не умаляется значеніе фактовъ. Даже такой философъ, какъ Кантъ, вполне признавалъ права эмпиризма, пока эмпиризмъ не становится догматичнымъ, а только противодѣйствуетъ веосновательнымъ притязаніямъ, забывающаго свое истинное назначеніе, разума, который, по словамъ Канта *), «кичится пронипательностью и знаніемъ тамъ, гдѣ собственно кончается и пронипательность и знаніе», который «смѣшиваетъ практическіе и теоретическіе интересы, чтобы тамъ, гдѣ ему удобно, оборвать нить фи-

*) См. Ланге, Ф. Исторія матеріализма, т. I, стр. 25.

зических изслѣдованій». Это насиліе разума надъ опытомъ, это неправильное обрываніе нити физическихъ изслѣдованій въ большомъ ходу и нынѣ, какъ въ эллинской древности. И это всегда будетъ тотъ пунктъ, гдѣ «здравая философія должна рѣзко и энергически принимать *положительные факты* подъ свою защиту».

Изучая исторію философіи, изучая разнообразныя философскія системы, не трудно замѣтить ихъ полное разногласіе по многимъ вопросамъ капитальной важности и поэтому естественно возникаетъ вопросъ: въ чемъ-же заслуги философіи и каковы добытые ею результаты? Положительнаго отвѣта на это не существуетъ, или, вѣрнѣе, на этотъ вопросъ дается слишкомъ много разныхъ отвѣтовъ. Вслѣдствіе этого распространилось мнѣніе, что философія есть праздное упражненіе ума, отвлекающее человѣка отъ дѣйствительнаго и положительнаго знанія, что метафизика есть совокупность безконечнаго множества ученій, взаимно исключаящихъ другъ друга во всемъ, отъ началъ до конечныхъ выводовъ, что вся ея исторія есть повѣствованіе о цѣломъ рядѣ печальныхъ заблужденій человѣческаго разума, и пр. Утомленное многовѣковыми исканіями, человѣчество отчаялось если не въ принципіальной возможности, то въ практической осуществимости метафизики. Многіе мыслящіе люди, бросивъ взоръ на ея прошедшее, осудили метафизику, какъ бесплодное донкихотство человѣческаго разума. Ей указываютъ на ея прошедшее, которое свидѣтельствуетъ о всей тщетѣ и суетности усилій, направленныхъ на познаніе сверхчувственнаго. До сихъ поръ метафизики не было, слѣдовательно ея и не будетъ, до сихъ поръ она заблуждалась, слѣдовательно и всегда будетъ заблуждаться. Но извѣстно, что «*a non esse ad non posse non valet consequentia*» (изъ небытія какой-либо вещи еще нельзя доказать ея невозможность); съ другой стороны, это самый серьезный аргументъ противъ метафизики, такъ какъ большая часть возраженій противъ метафизики вытекаютъ изъ него, и съ этимъ аргументомъ приходится считаться. Уже одно простое указаніе на бесплодность работъ нѣсколькихъ тысячелѣтій способно отвратить насъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ философскаго конструирования и вселить сомнѣніе въ возможность успѣха. Но, хотя-бы изъ почтенія къ тѣмъ исполинамъ мысли и духа, которые возлюбили вселенскую истину волею и умомъ и трудились надъ познаніемъ, ея, дабы изобразить ея идеалъ, начертать образъ ея и раскрыть его людямъ, изъ уваженія къ мысли всего человѣчества, слѣдуетъ спросить себя: полно, была-ли на самомъ дѣлѣ эта работа столь бесплодна? была-ли метафизика дѣйствительно столь суетна и лжива, разнорѣчія философвъ

столь велики и непримиримы? Для рѣшенія этого вопроса необходимо безпристрастное и серьезное изученіе исторіи философіи.

«Изучая ее долго и всесторонне, мы находимъ философію впереди умственного движенія человѣчества; ея идеи и умозрѣнія, ея «утопіи» реформируютъ религіи, преобразовываютъ общества, даютъ литературѣ направленіе и высшее содержаніе; она стоитъ впереди науки, ставитъ ей цѣли, опредѣляетъ ея методы, даетъ ей гипотезы, организуетъ совокупность знаній каждой данной эпохи въ стройное цѣлое. А метафизика—завѣтное святое святыхъ философіи, ея душа; отнимите метафизику, и философія распадется. Она есть то, что дѣлаетъ философію философіей, что отличаетъ ее отъ опытнаго, эмпирическаго знанія. Въ древности философія первая возстала противъ языческаго многобожія и проповѣдывала единого духовнаго Бога свободною разумною проповѣдью. Она приготовила все просвѣщенное человѣчество древняго міра къ разумному усвоенію началъ христіанства и, вдохновенная духомъ Христовымъ, создала православную догму, христіанскій гносисъ св. отцовъ. Она развила эту догму въ стройное зданіе и выражала въ себѣ разумное и свободное сознаніе Христовой истины. Въ самой чистой научной формѣ, помимо всего, что она дала историческимъ и нравственнымъ наукамъ, философія (метафизика) породила всѣ тѣ начала, на которыхъ зиждется механическое міросозерпаніе, повидимому, столь ей враждебное. Она установила это міросозерпаніе, и безъ нея самый матеріализмъ не сталъ-бы принципомъ научнаго изслѣдованія: атомистическая теорія и эволюціонизмъ, равно какъ и цѣлый рядъ другихъ гипотезъ, безъ которыхъ современная наука лишается всякаго свѣта и смысла—все это дары философіи (метафизики)» *).

Особенно интересенъ взглядъ на значеніе философіи, высказанный недавно профессоромъ Н. Я. Гротомъ **). «Мудрость—говоритъ онъ—не есть только знаніе внѣшняго міра, она есть прежде всего знаніе человѣкомъ самого себя. Она не есть только обладаніе наблюденіями, обобщеніями изъ опыта, выводами разсудка,—она есть обладаніе *высшими* абстрактными формулами жизни, *высшими* интуиціями чувства, *идеалами*, приобрѣтенными путемъ взаимнодѣйствія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка—отправленій логическаго мышленія и богатой фантазіи—всѣхъ доступныхъ человѣку ощущеній и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. И къ этой именно полнотѣ и единству всѣхъ данныхъ и факторовъ человѣческаго сознанія всегда стремилась философія.

*) Кн. Сергій Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи, стр. 32—33, 1890 г.

**) Н. Гротъ. Что такое метафизика? Вопросы философіи и психологіи, 1890 г. № 2.

Философія, какъ цѣлое, не есть ни наука только, ни искусство, ни религія, а есть философія—и должна всегда и прежде всего остаться сама собою. Но это не мѣшаетъ философіи быть одною своею стороною наукой, ибо она подводитъ наукѣ итоги, устанавливаетъ для нея общіе критеріи и методы, указываетъ ей на ея противорѣчія и ставитъ ей новые вопросы. Другою стороною философія будетъ всегда сродни искусству, ибо она объединяетъ и освѣщаетъ то, что отгадано художественнымъ чутьемъ и творитъ отвлеченные символы (принципы), охватывающіе конкретные образы поэтовъ, обличаетъ искусство (съ точки зрѣнія высшаго синтеза идеальныхъ понятій) во лжи и натяжкахъ, указываетъ ему новые идеалы и новые способы воздѣйствія на дѣйствительность. Наконецъ, есть и сторона общая у философіи и религіи, ибо философія служитъ для религіи способомъ повѣрки, проведенія и утвержденія предъ разумомъ истинъ вѣры, а также средствомъ устраненія изъ религіи всего того, что по существу ей чуждо, что составляетъ въ ней результатъ личныхъ и случайныхъ философскихъ вліяній.

«Поэтому исторически философія всегда сама строилась на основахъ науки, искусства и религіи даннаго народа и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказывала существенное воздѣйствіе на ихъ дальнѣйшее строеніе и развитіе: она то порождала или возрождала науку, искусство и религію, то сама изъ нихъ рождалась и возрождалась».

Итакъ, мы смѣло заявляемъ, что философія (со включеніемъ метафизики) не была суетной, ненужной и бесплодной игрою человѣческаго разума: необходимая наукѣ, религіи и искусству, необходимая человѣческому разуму, она, быть можетъ, необходимѣе всѣхъ наукъ въ настоящее время.

Оттого-то мы и видимъ, что едва-ли не большинство истинно великихъ ученыхъ были людьми, подвергшимися вліянію философіи и умѣвшими оцѣнить это вліяніе. Мы уже не говоримъ о такихъ міровыхъ генияхъ, какъ Аристотель, Декартъ, Лейбницъ, которые со славою великихъ ученыхъ соединяютъ славу первоклассныхъ философовъ; но ограничимся лишь поименованіемъ такихъ ученыхъ, которые не вдавались въ самостоятельныя философскія умствованія.

Такъ великій основатель новой механики Галилей заявляетъ, что употребилъ болѣе *лѣтъ* на занятіе философіей, чѣмъ *мѣсяцевъ* на занятіе математикой. И каковы-бы ни были недостатки, оставляемой нынѣ въ пренебреженіи, метафизики, ей нельзя во всякомъ случаѣ отказать въ мощномъ и часто благодѣтельномъ вліяніи на математическія и естественныя науки. Знаменитые натуралисты никогда, впрочемъ, не выражали неуваженія къ философіи.

«Я никогда—пишетъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ—не отзывался о Шеллингѣ иначе, какъ съ выраженіемъ удивленія. Нѣмцу неприлично относиться съ презрѣніемъ къ благородному стремленію связывать посредствомъ идей предметы наблюденія и опыта. Я никогда не сомнѣвался въ возможности натурфилософіи, хотя одна часть ея, которая трактуетъ о разнородности матеріи (специфическомъ различіи веществъ), до сихъ поръ не можетъ стать моимъ убѣжденіемъ. Натурфилософія Шеллинга, будучи противоположна грубому эмпиризму и простому накопленію фактовъ, вполне отличается, однако, отъ философскихъ мечтаній, за которыя слѣдуетъ винить не его, а непониманіе его ученія».

Великій фізіологъ Іоганнъ Мюллеръ, будучи въ Берлинѣ, слушалъ лекціи Гегеля, а Гельмгольцъ неоднократно признавалъ великія заслуги Канта *).

Зависимость естествознанія отъ философіи даже настолько велика, что почти всегда мы находимъ, что вслѣдъ за мощнымъ развитіемъ метафизическихъ системъ наступаетъ мощное развитіе естествознанія, а упадокъ первыхъ угрожаетъ послѣдному болѣе или менѣе продолжительною остановкою. Нерѣдко бываетъ такъ, что, испытавъ неудачу въ своей попыткѣ сразу овладѣть познаніемъ вселенной, человѣческое мышленіе разбивается на множество отдѣльных теченій, которыя въ свою очередь, дробясь все болѣе и болѣе, наконецъ, рискуютъ заглохнуть въ своей отдѣльности. Тогда, новымъ могучимъ соединеніемъ всѣхъ своихъ усилій, человѣческая мысль сливается въ новый общій потокъ, который уже успѣшнѣе преодолеваетъ препятствія къ достиженію общей истины. Итакъ, вотъ чѣмъ обязаны спеціальныя науки философіи. «Безъ логики научный методъ не могъ-бы достигнуть своей совершенной разработки. Безъ онтологическихъ умозрѣній не только не было-бы источника многихъ физическихъ теорій, но не существовало-бы того возбуждающаго дѣйствія на физику, которое столь явно обнаруживается въ различные моменты исторіи этой

*) Гельмгольцъ не только признавалъ заслуги Канта, но и самъ досуги свои посвящаетъ занятіямъ вопросами чисто философскаго характера; въ числѣ лицъ, пожелавшихъ чествовать берлинскаго философа Целлера къ пятидесятилѣтію его докторскаго званія, находимъ и Гельмгольца, давшаго одну изъ своихъ работъ по теоріи познанія для сборника философскихъ статей, которымъ товарищи пожелали чествовать Целлера («Philosophische Aufsätze», Lpz. 1887). Не чужды занятіямъ философскими вопросами и нѣкоторые другіе натуралисты; не говоримъ уже о Ламаркѣ, Бюффонѣ, Чарльзѣ Дарвинѣ, Уоллесѣ и Леббокѣ. Фізіологи Фехнеръ, Веберъ, Вундтъ, Дю-Вои Рэмонъ тоже не мало занимались философіею и философскими вопросами.

науки. Безъ этики не было-бы философіи права, философіи исторіи и политической экономіи. Врядъ-ли такія заслуги передъ наукою могутъ считаться настолько малыми, чтобы со стороны ученыхъ спеціалистовъ было умѣстно относиться съ пренебреженіемъ къ философіи» *). Отношеніе философіи къ искусству, безъ сомнѣнія, болѣе отдаленное, чѣмъ къ наукѣ; ибо философія имѣетъ менѣе значенія въ дѣлѣ художественнаго, чѣмъ въ дѣлѣ научнаго творчества. Философія главнымъ образомъ вліяетъ на пониманіе искусства, т.-е. на эстетическую критику. Но и это вліяніе въ высшей степени цѣнно. Безъ правильной художественной критики истинные таланты глочнутъ въ пренебреженіи, а посредственность награждается успѣхомъ.

Съ другой стороны и для художника недостаточно имѣть только само-бытную воспріимчивость, но нужна и нѣкоторая философская подготовка.

«Не можетъ подлежать сомнѣнію, что хотя художественное творчество не находится въ прямой зависимости отъ философіи, но пониманіе и оцѣнка продуктовъ этого творчества, т.-е. способность художественной критики, находятся въ прямой зависимости отъ философіи. Не философія прямо произвела Гомера, Фидіа или Шекспира, но она нужна для правильнаго ихъ пониманія. Если мы возьмемъ дѣятельность любаго великаго критика, то всегда можемъ прослѣдить ее до ея руководящихъ философскихъ воззрѣній: художественная критика черпаетъ свою силу въ системахъ философіи и, отрѣшаясь отъ этого источника, начинаетъ страдать диллетантизмомъ и отсутствіемъ строго выработаннаго эстетическаго критерія. Въ Германіи, напр., литературная и художественная критика вполне выросла на философской почвѣ; оттого она имѣетъ серьезное и глубокое значеніе. Величайшій изъ нѣмецкихъ критиковъ Лессингъ былъ не только человѣкъ съ основательною философскою подготовкою, но самъ, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе философа» **).

Кромѣ значенія для критики и пониманія искусства, философія еще важна тѣмъ, что вызываетъ уваженіе къ искусству и поддерживаетъ къ нему интересъ. Если для пониманія того, что такое красота, лучше всего обратиться къ твореніямъ великихъ художниковъ, то лучшее средство понять, что значитъ наслаждаться красотой, есть чтеніе великихъ философовъ. Вотъ почему время мощнаго разцвѣта итальянскаго искусства въ эпоху возрожденія было вмѣстѣ съ

*) См. Дебольскій, Историческій взглядъ на отношенія философіи къ наукѣ, искусству и нравственности. Педаг. Сборн. 1877.

**) См. Дебольскій, Историческій взглядъ на отношенія философіи къ наукѣ, искусству и нравственности. Педаг. Собр. 1877, стр. 56.

тѣмъ временемъ усиленнаго поклоненія греческой философіи и особенно Платону, ибо въ его твореніяхъ тогдашніе передовые люди находили теоретическое превознесеніе того художественнаго наслажденія, которое они практически испытывали при созерцаніи твореній Тиціана или Рафаэля.

Многіе художники были люди съ философскимъ образованіемъ и плоды этого образованія видны въ ихъ твореніяхъ. Въ числѣ такихъ художниковъ мы находимъ Данте, Гёте, Шиллера, у насъ, въ Россіи, И. С. Тургенева, графа Л. Н. Толстого. Самъ Гёте признаетъ средство своей поэзіи съ умозрѣніями Спинозы. «Я еще хорошо припоминаю—писалъ Гёте подъ старость—какія во мнѣ распространились спокойствіе и ясность, когда я сталъ перелистывать сочиненія этого замѣчательнаго человѣка. Это вліяніе было для меня совершенно явственно даже прежде, чѣмъ я могъ запомнить какія-нибудь частности». Далѣе Гёте прибавляетъ, что его занятія Спинозою оказали огромное воздѣйствіе на всю его послѣдующую поэтическую дѣятельность.

Итакъ, философія необходима и для процвѣтанія искусства, нужна для того, чтобы и среди художниковъ и въ обществѣ сохранялось правильное пониманіе значенія его и достоинства. «Если у насъ—справедливо замѣчаетъ г. Дебольскій—при значительномъ количествѣ достойныхъ тружениковъ науки, нѣтъ, однако, научныхъ школъ, нѣтъ философскаго единства, связывающаго русскую науку въ одно великое цѣлое, если у насъ нѣтъ настоящей художественной критики и, вслѣдствіе того, русская наука и русское искусство заключены въ тѣсныя рамки, не имѣютъ широкаго и могучаго вліянія на жизнь, то вину тому находимъ въ пренебреженіи философіей, и именно въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя, по своимъ задачамъ, должны быть прежде всего и больше всего заведеніями *философскими*, для которыхъ философія должна быть главнѣйшимъ и важнѣйшимъ предметомъ».

Нельзя сказать, чтобы мы, русскіе, въ настоящее время мало выказывали склонности къ занятіямъ философіею; въ образованномъ обществѣ всегда были и есть философскія теченія, но эти теченія, ни чѣмъ и ни кѣмъ не регулируемая, смѣнялись у насъ весьма быстро, разбивались на мелкіе ручейки, которые болѣе или менѣе быстро иссыкали въ пустынь скептицизма и, позднѣе, пессимизма. Нѣтъ ничего удивительнаго, что русская философія, не имѣя прочныхъ корней въ университетахъ, не разрабатываемая широко и всесторонне настоящими философами, черпала свои ученія и направленія въ западно-европейской философіи. Такъ, по словамъ проф. Грота, въ концѣ

прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго у насъ господствовала *французская* философія (Вольтеръ, Дидро, Гольбахъ, Гельвецкій, Руссо). Затѣмъ послѣдовалъ періодъ увлеченія *нѣмецкою* философіей — съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка быстро распространяется у насъ вліяніе германскихъ идеалистовъ, особенно Фихте и Шеллинга; съ конца тридцатыхъ совершается переворотъ въ пользу Гегеля; затѣмъ, чрезъ посредство Фейербаха, мы переходимъ къ доктринамъ нѣмецкихъ матеріалистовъ и, наконецъ, реакція противъ крайностей этого направленія приводитъ насъ на короткое время къ увлеченію системами Шопенгауэра и Гартмана. Въ 60-хъ годахъ возникло у насъ другое движеніе въ пользу эмпирической философіи англичанъ: Дж. Ст. Милль и Спенсеръ и, параллельно съ ними, англійская опытная психологія, съ ея главнымъ представителемъ Бэномъ, овладѣваютъ вниманіемъ значительной части русскаго образованнаго общества. Милль и Спенсеръ, въ свою очередь, ведутъ насъ къ увлеченію Ог. Контомъ и позитивизмомъ, а затѣмъ и современною экспериментальною психологіею французовъ. Такимъ образомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ вліянія философскихъ направленій Запада все болѣе и болѣе перекрещиваются и перепутываются. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ у насъ были ревностные и несогласные ни на какіе компромиссы поклонники ученій Конта, Дж. Ст. Милля, Спенсера, Шопенгауэра и Гартмана*).

Въ дополненіе къ этому краткому очерку проф. Грота слѣдуетъ добавить, что въ сущности немногіе русскіе ученые и писатели занимались серьезно философіей, большинство-же «интеллигенціи» представлялось популярными извлеченіями изъ сочиненій наиболѣе вліятельныхъ мыслителей, а такъ какъ во всякомъ даже полуобразованномъ обществѣ живетъ часто несознаваемая потребность въ философіи, то неудивительно, что люди, сдумѣвшіе подмѣтить эту потребность и попасть въ тонъ общественныхъ запросовъ, всегда пользовались болѣшимъ или меньшимъ вниманіемъ нашей читающей публики.

Въ нашемъ обществѣ всегда жило и живетъ стремленіе къ философіи, и были случаи, когда это стремленіе поднималось на значительную высоту. Были у насъ попытки построить и собственныя философскія системы: такъ, еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, И. В. Кирѣевскій занимался вопросомъ: «о необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». «Я думаю—писалъ онъ **)—что фило-

*) См. Н. Я. Гротъ. О задачахъ журнала. См. Вопросы философіи и психологіи, № 1 1890 г.

***) См. полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевского, изд. 1861, Кошелева, стр. 325, т. II.

софія *нѣмецкая* въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самую удобную ступень мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанию вѣрующаго разума». Съ 70-хъ годовъ у насъ замѣчаются попытки вполнѣ самостоятельной критики и собственныхъ философскихъ построений. Достаточно непомнить читателямъ хорошо извѣстные труды Вл. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. Н. Страхова, А. А. Козлова *). Съ начала 80-хъ годовъ число самостоятельныхъ попытокъ освѣщенія и посильнаго разрѣшенія различныхъ философскихъ вопросовъ быстро возрастаетъ: «молодежь—какъ говоритъ проф. Гротъ (и это указаніе весьма пѣнно)—все болѣе и болѣе охотно сосредоточивается на специальномъ изученіи философіи»; въ Москвѣ, по почину проф. Троицкаго, основывается въ 1885 г. Психологическое общество, оказывающее серьезную поддержку и вліяніе на разработку философскихъ вопросовъ, а съ прошлаго года издающее философскій журналъ, редактируемый проф. Н. Я. Гротомъ. Проф. Гротъ возлагаетъ надежды на возможность развитія у насъ самостоятельной русской философіи. Мы привѣтствуемъ съ своей стороны это пожеланіе, но думаемъ, что, прежде чѣмъ пролагать новые пути къ самостоятельной философіи, весьма полезно углублять и усовершенствовать уже пріобрѣтенныя философскія знанія, и вновь освѣщать ихъ посредствомъ сопоставленія взглядовъ древнихъ и новѣйшихъ философовъ **). Думаемъ поэтому, что пока школа (университетъ) не приметъ подъ свое особенное покровительство философію, пока въ академическихъ стѣнахъ наука эта не будетъ считаться необходимою для всякаго студента, нечего надѣяться, что русская философія получитъ прочныя основы и твердую постановку. Наши педагоги, не имѣя прочной философской подготовки, будутъ долго еще свысока поглядывать на педагогику, не считая ее наукой, возлагая надежды на личную свою опытность и создавая доморощенные дидактики и методики, или насаждая у насъ давно устарѣвшія западно-европейскія педагогическія системы, отъ которыхъ на родинѣ этихъ системъ уже давно отказались! Серьезное-же философское образованіе въ университетахъ не замедлитъ отразиться на всѣхъ сферахъ нашей

*) Прибавимъ къ этимъ именамъ также имена гр. Л. Н. Толстаго, В. Я. Данилевскаго, Н. Я. Грота, Н. И. Карѣева. Ред.

***) Эта мысль развита подробнѣе въ нашей рецензіи: «Новый философскій журналъ», см. журналъ «Гимназія», № 2—3, 1890 г.

научной и общественной дѣятельности; мы впоследствии увидимъ преобразованною и возрожденною нашу беллетристику, въ настоящее время почти беспочвенную, и нашу литературную критику, характеризующуюся въ послѣднее время почти полнымъ отсутствіемъ талантовъ и, наконецъ, и самая наука во многомъ пойдетъ впередъ, получить новую силу и мощь.

Перейдемъ теперь къ непосредственному вліянію философіи на педагогику. Такъ какъ философія оказываетъ могущественное вліяніе на науку, искусство и общественную жизнь, то уже чрезъ ихъ посредство она должна оказывать вліяніе и на дѣло воспитанія. Но она и прямо вліяетъ на педагогику, возвышая цѣли и улучшая средства воспитанія. Цѣлью воспитанія, какъ извѣстно, служитъ человѣкъ, удовлетворяющій наивысшимъ требованіямъ умственного, нравственного и физическаго достоинства. Безъ такой цѣли не можетъ быть дѣятельности воспитанія, такъ какъ невозможно работать, не зная, какого рода продуктъ имѣешь въ виду произвести.

Вліяніе философіи на педагогику обнаруживается, прежде всего, въ установленіи надлежащаго подчиненія *средствъ* воспитанія его цѣлямъ. Весь рядъ воспитательныхъ средствъ, направляясь къ одной верховной цѣли, образуетъ извѣстный рядъ вторичныхъ или подчиненныхъ цѣлей.

Представимъ себѣ теперь, что верховная, окончательная цѣль воспитанія неясна или неизвѣстна. Тогда вторичныя, подчиненныя цѣли, которыя служатъ для нея лишь средствами, пріобрѣтаютъ характеръ независимый и самостоятельный. Воспитаніе въ такомъ случаѣ останется при своей Technikъ, но лишится своего идеала. Тогда окажется, что всевозможное усовершенствованіе педагогической техники въ силахъ будетъ дать мало-мальски удовлетворительныхъ результатовъ. Неважно, что учебники или другіе элементы педагогической практики станутъ лучше и совершеннѣе; разъ потерялся идеалъ умственной самодѣятельности, никакое внѣшнее усиліе самаго добросовѣстнаго учителя не въ силахъ будетъ зажечь въ умахъ учениковъ того божественнаго огня, безъ котораго нѣтъ дѣйствительнаго познанія и мышленія. Школа выпускаетъ въ жизнь толпу посредственностей, лишенныхъ тѣни малѣйшей оригинальности въ пониманіи, хотя лицъ, знающихъ недурно и греческій и латинскій языки и даже геометрію съ физикой, довольно много. «Пусть—говоритъ г. Дебольскій—утратится живой идеалъ *нравственнаго достоинства*, и тогда послушаніе, чистоплотность, прилежаніе, знаніе приличій обратятся въ цѣли воспитанія. При помощи искуснаго и послѣдовательнаго ряда дѣйствій,

настойчивый и внимательный воспитатель, конечно, может дисциплинировать волю своего питомца, развить въ немъ порядочность и аккуратность, вселить привычку къ труду и къ правильному распредѣленію своего времени. Но какимъ жалкимъ продуктомъ въ нравственномъ отношеніи выйдетъ этотъ столь тщательно «воспитанный» человекъ! Какъ мало будетъ онъ приспособленъ къ тому, чтобы стать посетителемъ самостоятельныхъ и твердыхъ убѣжденій! Какъ ничтоженъ окажется онъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ жизни, которые требуютъ энергическаго и страстнаго порыва! Какъ трудно отъ него будетъ ожидать, чтобы онъ оставилъ, въ случаѣ нужды, ту торную тропу, на которую поставила его судьба, и явился самостоятельнымъ творцомъ новыхъ условій жизни! Безъ нравственнаго идеала нравственное воспитаніе обращается просто въ дрессировку и потому въ большинствѣ случаевъ приноситъ не пользу, а вредъ» (стр. 273). Если таково значеніе *идеала* въ умственномъ и нравственномъ воспитаніи, то очевидна, важность яснаго пониманія *цѣли* воспитанія, которое достигается только при свѣтѣ философіи, и такимъ образомъ философія, въ концѣ-концовъ, оказывается высшею, послѣднею инстанціею въ дѣлѣ образованія воспитательнаго идеала. Къ несчастью, въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуется утрата этого высокаго идеала человека. Мы при этомъ расплачиваемся за грѣхи прошлаго. Еще недалеко отъ насъ то время, когда студенты-филологи рѣдко посѣщали лекціи философіи, а студенты другихъ факультетовъ приходили иногда послушать профессора философіи «курьеза ради». Среди академической молодежи господствовало яко-бы позитивное направленіе, т.-е. матеріализмъ самой низкой пробы; этотъ (а не философскій) матеріализмъ цѣликомъ овладѣвалъ умами даже лучшей части учащейся молодежи; студенты математики и натуралисты только по наслышкѣ знали, что есть-де какая-то педагогика и философія, и послѣднюю они отождествляли съ «туманной метафизикой», т.-е. ученіемъ, не заслуживающимъ названія науки и вниманія просвѣщеннаго ума, какимъ, безъ сомнѣнія, считалъ себя всякій студентъ. Да этому и удивляться нечего, когда многіе профессора и особенно молодые доценты съ кафедръ игнорировали философію. Учащаяся-же молодежь, по окончаніи университетскаго курса, выходила въ жизнь, вооруженная довольно обширными спеціальными свѣдѣніями и почти съ полнымъ отсутствіемъ философскаго міросозерпанія. Жизнь, какъ на зло, довольно рѣдко предъявляетъ къ намъ требованія въ отношеніи обширныхъ спеціальныхъ знаній (въ особенности, если сфера дѣятельности даннаго лица ограничена, какова сфера, въ которой приходится работать

земскимъ и уѣзднымъ городскимъ врачамъ, присяжнымъ повѣреннымъ, мировымъ судьямъ, наконецъ, учителямъ провинціальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ). Многія изъ спеціальныхъ знаній, за недостаткомъ спроса на нихъ, мало-по-малу растрчивались, терялись, и тутъ-то и проявлялось во всемъ ужасѣ отсутствіе самаго важнаго въ жизни — идеала человѣка, руководящагося высокими принципами истины, добра и красоты; поэтому неудивительно, что среди такъ-называемыхъ «интеллигентовъ» есть не мало людей, влачащихъ, строго говоря, весьма жалкую жизнь, не понимающихъ, зачѣмъ они получили высшее образованіе, къ чему оно примѣнимо и какую пользу можно извлечь изъ него. Неудивительно поэтому, что даже «педагоги», съ теченіемъ времени, превращаются въ рутинеровъ и что между лицами, получившими высшее образованіе, есть не мало такихъ, которые личный успѣхъ, удовлетвореніе личнаго самолюбія ставятъ на первый планъ, для которыхъ матеріальныя выгоды являются едва-ли не самымъ важнымъ дѣломъ жизни. Отсюда та педагогическая рознь, которую мы видимъ у насъ, отсюда отсутствіе общихъ интересовъ; специалистъ остается на всю жизнь специалистомъ.

Если присмотрѣться къ жизни провинціальныхъ учителей, то можно замѣтить, что большинство цѣликомъ погружается въ такъ-называемую провинціальную тиву, что тѣ-же интересы, которые занимаютъ полуобразованное или даже вовсе необразованное провинціальное общество, часто занимаютъ и нашихъ педагоговъ, не мало однако-же кичащихся тѣмъ, что они получили высшее образованіе. Карты, сплетни, пересуды, мелкіе личные счеты даютъ о себѣ знать даже на засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ, гдѣ, казалось-бы, люди должны сплотиться ради общаго дѣла и должны-бы оставить всѣ мелкіе обиденные интересы. Но это невозможно: другихъ интересовъ неоткуда взять. Мы беремъ на себя смѣлость сказать, что многое зависитъ и не отъ людей, которые иной разъ положительно «не вѣдаютъ, что творять», что многое зависитъ отъ почти полного отсутствія философскаго образованія и тѣсно связанной съ нимъ этической подготовки. Мы не умѣемъ возвыситься (да и возможно-ли это?) при помощи одного греческаго или латинскаго языка, математики или естественной исторіи надъ будничными интересами дня; одна химія съ ботаникой, или дифференціальное исчисленіе съ интегральнымъ, или даже Циперонъ съ Гомеромъ не даютъ еще нравственной устойчивости и широты мировоззрѣнія. Намъ плохо воспитывали даже въ университетѣ, гдѣ такъ-же, какъ и въ средней школѣ, должно быть не одно только ученіе, но и воспитаніе, въ самомъ ши-

рокомъ значеніи этого слова. Поэтому мы еще разъ повторимъ, что во главѣ всѣхъ наукъ должна стоять философія, она должна давать тонъ и направленіе всей университетской, а чрезъ нее и нашей, дѣятельности. Если на какомъ-бы то ни было жизненномъ пути нужно быть не только специалистомъ, но и человѣкомъ, то надо-же позаботиться о воспитаніи прежде всего «человѣка», а такъ какъ педагогу и впослѣдствіи нужно имѣть дѣло съ людьми, то для него изученіе философіи и педагогики дѣло наиважнѣйшее, и онъ прежде всего долженъ быть философски-образованнымъ человѣкомъ, а затѣмъ уже филологомъ, математикомъ, натуралистомъ.

Въ первой книжкѣ журнала «Гимназія» за 1890 годъ г. Янчевецкій высказываетъ желаніе, чтобы во главѣ среднеучебнаго заведенія стояли люди не только съ высшимъ, но и съ научнымъ образованіемъ; для этого онъ предлагаетъ облегчить доступъ къ ученой степени доктора историко-филологическаго факультета, какъ это сдѣлано для медиковъ. «Если инспекторъ губернской земской управы—прибавляетъ онъ—долженъ имѣть ученую степень доктора медицины, то тѣмъ болѣе обязательно имѣть высшую ученую степень директору гимназіи». Мы присоединяемся къ этой мысли, но думаемъ, что вовсе не желательно, чтобы во главѣ учебныхъ заведеній стояли непременно доктора специальныхъ наукъ, будь это греческій языкъ или математика. Наболѣе приличнымъ, по нашему мнѣнію, было-бы стоять во главѣ учебныхъ заведеній людямъ съ хорошею философскою или педагогическою подготовкою. Для этого весьма желательно было-бы облегчить доступъ къ экзамену на магистра и доктора философіи, какъ сдѣлано это въ Германіи, гдѣ встрѣтить такую почетную степень далеко не рѣдкость, даже между учителями гимназіи. Но, конечно, важнѣе всего сдѣлать философію и ея дисциплины предметомъ особенныхъ попеченій университетовъ, будущимъ-же учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній необходимо дать, кромѣ специального образованія, также образованіе строго-философское и педагогическое. Безъ этого образованія учитель, даже при наилучшей постановкѣ специальныхъ факультетскихъ предметовъ и при наилучшихъ программахъ для среднихъ учебныхъ заведеній, не въ состояніи будетъ сдѣлать того, къ чему его обязываетъ специально-педагогическое его призваніе, знамя котораго онъ долженъ всегда держать по возможности высоко.

М. Демковъ.

РАЗВИТІЕ ПРАВСТВЕННОГО ЧУВСТВА У ДѢТЕЙ.

(Le développement du sens moral chez l'enfant par M. Gabriel Compayré *).

I.

Исторія развитія нравственныхъ идей въ сознаниі ребенка — предметъ очень трудный и сложный. Задача психологовъ, которые изучаютъ уже сформировавшееся нравственное сознание, рассматриваютъ высшія формы нравственности, которые, однимъ словомъ, — начинаютъ съ конца, ихъ задача относительно легка. Они различаютъ двѣ-три идеи очень точныя и ясныя: благо, долгъ, отвѣтственность; описываютъ чувства, которыми сопровождаются эти идеи, и на этомъ останавливаются. Все кажется яснымъ въ сознаниі Сократа, Франклина и вообще какого-нибудь мыслителя, подобно тому, какъ все ясно и гладко на вершинѣ плоскогорья, хотя для того, чтобы добраться до нея, нужно пробираться во тмѣ тумановъ и облаковъ, идти по извилистымъ тропинкамъ, взбираться на крутые обрывы.

Но если при свѣтѣ разума, созрѣвшаго подъ вліяніемъ возраста и опыта, нравственное сознание обнаруживается въ ясныхъ чертахъ, зато какія трудности встрѣчаетъ наблюдатель въ періодъ роста, образованія, медленнаго развитія нравственности, въ періодъ темной работы чувства и ума, изъ которой мало-по-малу возникаетъ истинная нравственность.

Какъ-бы мы ни были расположены приписывать вліянію врожденности и наслѣдственности весьма многое въ области всѣхъ нашихъ наклонностей, а слѣдовательно и наклонностей нравственныхъ, все-таки здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проявляется вліяніе воспитанія и общественной среды. Нравственное сознание не есть простой даръ природы, оно не естественная сила, которая сразу организовалась, какъ это думаютъ безусловные рационалисты и философы эволюціонной школы. Гербертъ Спенсеръ, напримѣръ, допускаетъ настоящія «прав-

*) *Révue pédagogique*. 1890, VII.

ственные интуиціи»; онъ говоритъ о душевныхъ движеніяхъ, которыя «непосредственно соотвѣтствуютъ хорошему или дурному поведенію», которыя являются послѣдствіемъ измѣненій въ нервахъ,—измѣненій, происшедшихъ отъ накопленія опытовъ нашихъ предковъ и медленно устанавливавшихся въ цѣломъ ряду человѣческихъ поколѣній. На это Ренуве справедливо отвѣчаетъ: «мы знаемъ изъ наблюденій надъ дѣтьми и изъ опытовъ воспитанія, что наслѣдственность не даетъ человѣку при его рожденіи точнаго опредѣленія хорошихъ и дурныхъ поступковъ» *). Нравственное сознаніе, въ большей своей части, есть способность приобретаемая, создающаяся мало-по-малу, развивающаяся только въ опредѣленныхъ условіяхъ, подлежащая разнаго рода превращеніямъ, требующая старательнаго ухода,—способность, въ началѣ совершенно не похожая на ту, какую она явится въ своемъ окончательномъ развитіи.

Нравственное сознаніе не есть чисто личное приобретение, для чего достаточно было-бы произвола личности, предоставленной ей собственнымъ силамъ; оно больше всѣхъ другихъ нашихъ способностей нуждается въ содѣйствіи внѣшнихъ вліяній; оно предполагаетъ поддержку и поощреніе человѣческой среды; оно сообщается, внушается намъ родителями и учителями. Однимъ словомъ, нравственность не только собственное достояніе каждаго разумнаго существа, приходящаго въ міръ: она въ гораздо большей степени есть продуктъ культуры и воспитанія, выводъ изъ жизни общественной, родъ «благодати», извиѣ приходящей къ намъ.

«Развитіе разума—говоритъ Прейеръ—до такой степени подчинено вліянію среды и воспитанія на естественныя наклонности, а воспитательныя системы до такой степени разнообразны, что нѣтъ возможности изложить ходъ нормальнаго умственнаго развитія» **). Мнѣніе Прейера, допускающее, можетъ быть, возраженія въ его примѣнимости къ умственному развитію, вполне примѣнимо къ нравственному чувству, правильная выработка котораго нарушается и видоизмѣняется множествомъ причинъ. Для образованія совѣсти необходимо столько приготовительныхъ трудовъ; нравственность состоитъ изъ такихъ различныхъ элементовъ, представляетъ такой сложный порядокъ частей, послѣдовательно почерпаемыхъ изъ запаса нашего умственнаго развитія, что въ дѣйствительности въ мірѣ дѣтей, который подчиненъ произволу столькихъ воспитательныхъ системъ, трудно ука-

*) «Critique philosophique» 1875, II, стр. 324.

***) Preyer. «L'Ame de l'Enfant», стр. 289.

зять хоть одинъ примѣръ полнаго и безупречнаго развитія нравственнаго чувства.

Потому-то и въ мірѣ взрослыхъ людей мы такъ часто наталкиваемся на личности съ неустановившеюся, колеблющеюся моралью: или вообще совѣсть становится слабою, способною къ уступкамъ, потому что многочисленныя условія, обезпечивающія ея развитіе, не оставили послѣдовательныхъ и прочныхъ впечатковъ въ душѣ ребенка; или въ ней не достаетъ какого-нибудь существеннаго элемента, потому что въ прогрессивномъ ряду чувствъ и идей, создающихъ нравственное бытіе, была пропущена какая-нибудь ступень. У иного, напримѣръ, сильно разовьется чувство справедливости, и всякая несправедливость вызоветъ въ немъ искренній крикъ негодованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ останется почти вовсе неразвитаю способность сдерживать собственныя страсти; другой сдѣлается безупречнымъ исполнителемъ закона, но не будетъ знать ни горячей привязанности, ни порывовъ самопожертвованія. Стоитъ только всмотрѣться получше, и мы найдемъ причины этихъ недостатковъ и нравственныхъ пробѣловъ въ самой жизни ребенка, въ особыхъ условіяхъ его воспитанія: холодность или отсутствіе матери, недостатокъ отцовскаго авторитета, одиночество или удаленіе отъ общества, и т. д.

Потому-то въ высшей степени интересно шагъ за шагомъ слѣдить въ ребенкѣ за тѣми слабыми попытками, изъ которыхъ впослѣдствіи разовьется его воля, хотя-бы только для того, чтобы показать, какимъ образомъ дальнѣйшее воспитаніе и лучшая разновидность его—личное усиліе—могутъ въ юности и зрѣломъ возрастѣ исправить поврежденія въ зданіи, заложенномъ еще въ дѣтствѣ. Мы увидимъ, какъ въ вихрѣ капризныхъ желаній и беспорядочныхъ побужденій, характеризующихъ первые годы жизни, мало-по-малу возникаетъ нѣчто твердое, опредѣленное, а именно—*подчиненіе правилу*, являющемуся сначала чѣмъ-то внѣшнимъ для ребенка, неотдѣлимымъ отъ тѣхъ личностей, которыя предписываютъ ему извѣстный порядокъ. Мы увидимъ, какъ вмѣсто эгоизма, который сначала только одинъ и вызываетъ повинненіе, является мало-по-малу безкорыстное желаніе быть добрымъ только для того, чтобы быть добрымъ. Мы увидимъ, какъ *правило*, воплощенное сначала въ родителяхъ, въ своемъ таинственномъ развитіи обращается въ понятіе или чувство внутренняго обязательства, въ отвлеченную идею долга и закона. Это мы можемъ узнать, наблюдая ребенка съ колыбели.

II.

Исходной точки нравственнаго развитія слѣдуетъ, конечно, искать въ аффектахъ. Основнымъ началомъ всего, что развитый умъ признаетъ за добродѣтель и энергическое стремленіе ко благу, основнымъ началомъ всей той нравственной красоты, которою отличается, напри- мѣръ, совѣсть, по опредѣленію Канта, является тотъ простой фактъ, что каждый ребенокъ способенъ чувствовать боль и страхъ: онъ сдерживаетъ свой плачь и крикъ, видя угрожающія проявленія родительской воли. «Человѣкъ, который неспособенъ чувствовать удовольствіе и страданіе—говоритъ Рибо—неспособенъ быть внимательнымъ», и тѣмъ менѣе способенъ быть нравственнымъ человѣкомъ.

Слѣдовательно, первоначальною формою нравственнаго сознанія является страхъ передъ властью родителей—это признается почти всѣми. Благо, по первой концепціи ребенка, есть только то, что предписано или разрѣшено, а зло—то, что запрещено. Прейеръ, посвятившій только нѣсколько строкъ занимающему насъ вопросу, утверждаетъ, что на второмъ году жизни ребенка сознаніе блага, т.-е. дозволеннаго, и зла, т.-е. запрещеннаго, оказывается уже приобретенымъ прежде*). Джемсъ Селли пишетъ: «отвращеніе ребенка къ причиненію зла есть исключительно эгоистическое чувство, которое заставляетъ его ненавидѣть наказанія и бояться ихъ»**). Выражаясь точнѣе, зломъ для ребенка является не столько запрещеніе со стороны родителей, сколько тѣ неприятыя послѣдствія, которымъ онъ подвергается, нарушая это запрещеніе.

Даже въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ еще не въ состояніи понять смыслъ предписанія или запрещенія, нравственное воспитаніе уже начинаетъ укореняться въ немъ вслѣдствіе того только, что окружающіе молча противопоставляютъ его капризамъ свою неизмѣнную волю. Мы видѣли матерей, которыя достигали того, что ребенокъ не будилъ ихъ ночью и самъ не просыпался и не просилъ груди только потому, что онѣ не уступали его просьбамъ, доказывая ему такимъ образомъ бесполезность крика. Сначала это было трудно и требовало нѣкотораго терпѣнія; отецъ занялся этимъ и въ теченіе нѣсколькихъ ночей сряду уносилъ ребенка въ свою комнату. Только въ этомъ смыслѣ, и то не на продолжительное время, слѣдуетъ признавать и примѣнять принципъ Руссо, который онъ ошибочно распространилъ не на одни

*) Preyer, op. cit., стр. 301.

**) James Sully: «The Teacher's Handbook of psychology», Лондонъ, 1886, стр. 420.

только первые мѣсяцы жизни, принципъ подчиненія слѣпыхъ желаній ребенка идеѣ вышней необходимости. Хорошо, если при первой возможности та воля, изъ которой исходятъ приказанія, а впоследствии совѣты, замѣнить эту обязательность вышней необходимости: никогда не рано говорить ребенку о его нравственныхъ обязанностяхъ.

Но мы еще не дошли до этого. Первые уроки нравственности истекають изъ обязательной воли родителей. Этой волѣ нѣтъ надобности вооружаться цѣлою системою взысканій, что и непримѣнимо къ новорожденному: довольно и того, что она обнаружилась. Кому изъ отцовъ не случалось наблюдать, что достаточно возвысить голосъ или придать лицу строгое выраженіе, чтобы побѣдить мелкія попытки упрямства въ малютокѣ; но это возможно только при непремѣнномъ условіи, чтобы такъ поступали съ самаго начала, при первомъ проявленіи того, что желаютъ подавить.

Въ ребенкѣ есть много естественнаго послушанія, которое какъ-бы опережаетъ приказанія, есть чувство инстинктивнаго страха, съ которымъ нужно обращаться очень осторожно, чтобы не выработать раболѣпнаго характера. Нравственные призывы не нашли-бы въ немъ отголоска, если-бы въ природѣ ребенка не было безсознательнаго, дремлющаго инстинкта, который нужно только просвѣтить и пробудить, и этотъ инстинктъ не есть только чувство слабости въ присутствіи силы. Онъ—особое предрасположеніе, которымъ природа снабжаетъ ребенка,—предрасположеніе, подкрѣпленное, если не созданное, нравственными привычками, добродѣтельными усиліями нашихъ предковъ. «Цивилизованный ребенокъ—говоритъ Гюйо—не дикарь безъ вѣры и удержа; онъ способенъ подчиниться игу закона. Воспитаніе встрѣчаетъ въ немъ уже предустановленное чувство законности» *). Того-же мнѣнія держатся Сѣлли и Эггеръ: «Дитя очень рано обнаруживаетъ расположеніе подчиняться посторонней власти, и этотъ нравственный инстинктъ, по всей вѣроятности, является только наслѣдіемъ соціальной опытности и нравственной культуры многихъ поколѣній» **). «Несомнѣнно, что въ такомъ цивилизованномъ обществѣ, каково наше, воспитаніе много помогаетъ развитію дѣтскаго разума, но также несомнѣнно и то, что у дѣтей существуетъ природное послушаніе, вслѣдствіе котораго они и воспринимають получаемые ими уроки» ***).

*) *Guyau*: «Éducation et Hérité», стр. 79.

**) *James Sully* op. cit., стр. 420.

***) *Egger*: «Observations et réflexions sur le développement de l'intelligence et du langage chez les enfants».

Какъ-бы то ни было, вслѣдствіе-ли врожденнаго инстинкта или вслѣдствіе наслѣдственной передачи, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что ребенокъ охотно преклоняется передъ правиломъ, которое воплощается его воображеніемъ въ волѣ родителей. У ребенка скоро является желаніе прилагать правило не только къ себѣ самому, но и къ другимъ. Двадцатитрехъ-мѣсячный сынъ Тидемана «подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ его наказали за то, что онъ тамъ напачкалъ, и безъ всякаго посторонняго вызова немедленно заявилъ, что если кто напачкаетъ въ комнатѣ, того прибьютъ» *). Ребенокъ обобщаетъ очень быстро, и идея *правила* мало-по-малу отдѣляется въ его умѣ отъ лицъ, осуществлявшихъ эту идею въ его глазахъ. Онъ приучается соблюдать правило даже въ отсутствіе родителей: доказательствомъ можетъ служить ребенокъ, котораго наблюдалъ Прейеръ, и который, будучи тридцати двухъ мѣсяцевъ отъ роду, заявлялъ горячій протестъ своей нянѣ, противодѣйствовавшей сдѣланному ему запрещенію, напримѣръ, запрещенію ѣсть съ ножа **).

Какъ ни важно это первоначальное расположеніе ребенка въ видахъ будущаго пріобрѣтенія нравственныхъ понятій, но въ немъ еще невозможно усмотрѣть чего-нибудь, похожаго на истинную нравственность. Все еще сводится только къ импульсу повиновенія или къ той ассоціаціи между извѣстными дѣйствіями и ихъ неприятыми послѣдствіями, которая устанавливается въ умѣ ребенка. Сила этихъ ассоціацій до такой степени велика, что ребенокъ, начавшій бояться наказаній и ненавидѣть эти заявленныя ему и предусмотрѣнныя послѣдствія его проступковъ, кончаетъ тѣмъ, что проникается ненавистью къ самымъ проступкамъ.

Приписывать груднымъ ребятамъ обладаніе нравственнымъ чувствомъ, какъ это дѣлаетъ Бернаръ Перэ, значило-бы злоупотреблять словами. Повидимому, г. Перэ упрекаетъ себя за то, что относить первыя проявленія нравственности только къ шестому или даже къ седьмому мѣсяцу жизни ребенка. «Образованіе объективныхъ понятій добра и зла, этихъ умственныхъ зародышей нравственнаго чувства, *можетъ быть констатировано только на шести-семимѣсячномъ возрастѣ*» ***). Самъ Дарвинъ, однаково щедрый и къ дѣтямъ, и къ животнымъ, заявляетъ, что онъ замѣтилъ въ своемъ сынѣ проявленіе нравственнаго чувства только на четырнадцатомъ мѣсяцѣ его

*) *Tiedemann*: «Observations sur le développement des facultés de l'âme chez les enfans» въ «*Journal général de l'instruction publique*», 1863, т. I, стр. 319.

***) *Preyer*, op. cit., стр. 305.

***) *Bernard Perez*: «*La Psychologie de l'enfant*», стр. 335.

жизни. Мы не стоимъ за большее или меньшее число мѣсяцевъ, такъ какъ, по нашему убѣжденію, ребенокъ въ дѣйствительности не отличается добра и зла не только въ два, три года отъ роду, но даже и значительно позже. Чтобы считать ребенка нравственно-способнымъ, слѣдовало-бы допустить неточность въ опредѣленіи нравственного чувства, которая ослабила-бы его значеніе, и въ то-же время допустить мечтательное толкованіе нѣкоторыхъ явленій дѣтской жизни. И, въ самомъ дѣлѣ, какіе-же примѣры приводятъ Дарвинъ и Перръ? «Когда моему Додди — говоритъ Дарвинъ — было два года и семь съ половиною мѣсяцевъ, я засталъ его въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ столовой, и замѣтилъ, что его глаза блещутъ сильнѣе обыкновеннаго и что онъ вообще смотритъ какъ-то странно и натянуто. Тогда я вошелъ въ столовую поглядѣть, въ чемъ дѣло, и замѣтилъ, что плутишка попользовался толченымъ сахаромъ, а это ему было запрещено. Такъ какъ онъ никогда не подвергался никакому наказанію, то его состояніе, конечно, не могло быть объяснено страхомъ, и я думаю, что оно было вызвано борьбою между удовольствіемъ попробовать сахару и пробужденіемъ упрековъ совѣсти *)». Для насъ совершенно понятно, почему Дарвинъ, въ оправданіе своего вывода, старается дать замѣтить, что Додди никогда не былъ наказанъ; но вѣдь Додди зналъ, что ѣсть сахаръ запрещено, и несомнѣнно испыталъ, что за всякимъ нарушеніемъ запрещенія слѣдовало неудовольствіе отца, лишеніе его обычныхъ ласкъ, и Додди, пойманный въ моментъ преступленія, былъ возбужденъ, потому что боялся попасть въ немилость **). А, можетъ быть, Додди былъ покоенъ, такъ какъ предвидѣлъ, что ему нельзя будетъ повторить продѣлку, нельзя будетъ еще разочекъ полакомиться. Сынъ Тидемана, семнадцати мѣсяцевъ отъ роду, *украдкой* ѣлъ сахаръ, конечно, не по чувству стыда, а для того, чтобъ ему не помѣшали.

*) «Revue scientifique» отъ 14 іюля 1877.

***) Чтобы убѣдиться, что ребенокъ въ подобныхъ случаяхъ нисколько не доказываетъ обладанія нравственнымъ чувствомъ, стоитъ только припомнить аналогическій анекдотъ, взятый изъ жизни животныхъ. Роменсъ въ своей книгѣ: «L'intelligence des animaux» рассказываетъ о поступкѣ собаки, которая украдала только одинъ разъ во всю свою жизнь. Однажды, очень проголодавшись, она стащила котлету и унесла ее подъ диванъ. Хозяинъ сдѣлалъ видъ, что онъ этого не замѣтилъ; а виновница лежала нѣсколько минутъ подъ диваномъ, и въ ней происходила борьба между желаніемъ съѣсть котлету и чувствомъ долга; наконецъ долгъ восторжествовалъ, и «собака принесла и положила къ моимъ ногамъ похищенную котлету. Особенное значеніе этому примѣру — прибавляетъ Роменсъ — придаетъ то обстоятельство, что упомянутой собаки никогда не били».

Такого-же рода факты приводитъ и Перэ: дитя одиннадцати мѣсяцевъ повинуется, когда его отецъ возвыситъ голосъ и строго скажетъ ему: «молчи!». Ребенку не хочется ходить одному, но его заставляютъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ виду того лакомства, которое его привлекаетъ. Нужно много доброй воли, чтобы украсить эпитетомъ *нравственныхъ* такія дѣйствія, въ которыхъ обнаруживается или только желаніе матеріальнаго удовлетворенія, или боязнь непріятностей, ассоціированныхъ въ памяти съ тѣмъ или другимъ поступкомъ, или—самое большее—умѣнье дѣлать различіе между родительскими ласками и угрозами. Повиновеніе ребенка, боязливаго отъ природы, вполне объясняется ассоціаціею идей и памятью, въ связи съ эгоистическою чувствительностью и сознаниемъ удовольствія и страданія, и мы рѣшительно отказываемся вѣрить, что младенецъ *обладаетъ нравственнымъ чувствомъ*, когда онъ повинуется по привычкѣ или изъ страха.

III.

Спѣшимъ оговориться, что въ этотъ приготовительный періодъ развитія нравственнаго чувства дѣйствуетъ не одинъ только эгоизмъ: въ неплотную ткань дѣтскихъ эмоцій вскорѣ вплетается новая петля, появляется новый элементъ—привязанность. Вскорѣ послѣ своей первой улыбки ребенокъ дѣлается способнымъ любить тѣхъ, кто о немъ заботится. На этой, второй, ступени развитія нравственности *благомъ* въ глазахъ ребенка является то, что доставляетъ удовольствіе тѣмъ, кого онъ любитъ, а *зломъ*—то, что огорчаетъ ихъ. Стараясь избѣгать проступковъ, потому что за ними слѣдуетъ наказаніе, стараясь подчиняться даннымъ правиламъ, потому за это ждетъ его награда, ребенокъ, медленно подвигающійся по нравственному пути, находитъ поддержку своей рѣшимости въ той инстинктивной симпатіи, которая привязываетъ его къ отцу и матери, въ томъ довѣрїи или, точнѣе говоря, въ той вѣрѣ, которую они ему внушаютъ. И опять-таки, въ силу законовъ ассоціаціи, когда ребенокъ начинаетъ желать родителямъ радости и ненавидѣть горе, причиняемое его проступками тѣмъ, кого онъ любитъ, онъ мало-по-малу начинаетъ любить и ненавидѣть тѣ или другіе изъ своихъ проступковъ, самихъ по себѣ, безъ отношенія къ любимымъ личностямъ.

Множество фактовъ и наблюденій подтверждаютъ такое значеніе симпатіи, зарождающагося сочувствія. Луи Ферри сообщаетъ, что трехлѣтняя дѣвочка сказала своей матери, хвалившей ее за хорошее

поведеніе: «Мама, мнѣ хочется, чтобы ты была совсѣмъ довольна: мнѣ хочется быть доброй всегда!» *). Для этого ребенка *быть доброй* значило доставить удовольствіе матери. «Желаніе доставить мнѣ удовольствіе—говоритъ г-жа Гизо о своей семилѣтней дочери—было такъ сильно, что предостерегало ее отъ малѣйшихъ проступковъ» **). «Я наблюдала ребенка—говоритъ г-жа Неккеръ де-Соссюръ—который, видя въ глазахъ матери выраженіе недовольства, не сопровождаемаго ни угрозами, ни бранью, отказывался отъ игръ и, готовый разрыдаться, прятался въ темный уголь, лицомъ къ стѣнѣ» ***). Иной матери, для того, чтобы побѣдить лѣнь или легкомысліе дѣтей, достаточно предоставить имъ работать не при ней, а подъ надзоромъ другаго, менѣе любимаго ими лица. И если сначала привязанность къ родителямъ вызываетъ только отвращеніе къ тому, что ими запрещено, то вскорѣ она становится дѣятельною силою; она вызываетъ въ дѣтяхъ успіе удовлетворить отца и мать, вести себя, какъ они желаютъ, чтобы имъ не приходилось жаловаться, страдать изъ-за дѣтей.

Приведенные нами факты относятся къ позднѣйшему періоду дѣтской жизни; но можно указать на проявленія чувства привязанности въ болѣе раннемъ возрастѣ, напримѣръ, на второмъ году. «На тринадцатомъ мѣсяцѣ—говоритъ Дарвинъ—я замѣтилъ въ своемъ сынѣ пробужденіе «нравственнаго чувства». Однажды я сказалъ ему: «Додди не хочетъ поцѣловать своего бѣднаго папу: Додди злой!»—Эти слова несомнѣнно его разстроили и, когда я сѣлъ, онъ вытянулъ губы съ намѣреніемъ меня поцѣловать; потомъ онъ сталъ махать рукою съ разсерженнымъ видомъ, пока я не подошелъ поцѣловаться съ нимъ». Предполагаемое «нравственное чувство» Додди несомнѣнно было только проявленіемъ нѣжности, извѣстной потребности нѣкоторыхъ дѣтей ласкаться къ родителямъ и отвѣчать на ихъ ласки. Тидеманъ говоритъ, что его сынъ на пятнадцатомъ мѣсяцѣ «плакалъ, когда отталкивали его руку, которую онъ любилъ протягивать въ знакъ своей привязанности». Но Тидеманъ по своему объясняетъ этотъ фактъ, видя въ немъ раннее проявленіе чувства чести, хотя было-бы вѣрнѣе видѣть въ этомъ проявленіе именно привязанности.

*) *L. Ferri*: «Observations sur une enfant» въ «Filosofia delle scuole italiane» за октябрь-ноябрь 1890 г.

**) *M-me Guizot*: «Lettres de famille sur l'Education», изд. Дидье. 1888, т. I, стр. 90.

***) *M-me Necker de-Saussure*: «L'Education progressive», кн. III, гл. II.

Стремленіе симпатизировать близкимъ лицамъ замѣчается въ ребенкѣ очень рано. Въ своемъ воспитательномъ журналѣ, говоритъ Комперэ, я отмѣтилъ, что одинъ изъ моихъ сыновей поддавался вліянію тихаго, ласковаго голоса, и ночью, когда просыпался и готовъ былъ расплакаться, если его долго оставляли одного, онъ успокоивался, когда я подходилъ, прикасался къ нему рукою, бралъ его руку или слегка дотрогивался пальцами до его лба. Ребенокъ раньше, чѣмъ думаютъ, способенъ оцѣнивать присутствіе друга, защитника; онъ радуется этому другу, и въ такой радости видно смутное начало привязанности, которою онъ вскорѣ будетъ отвѣчать на привязанность окружающихъ къ нему самому.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что и въ душѣ ребенка, какъ и въ душѣ взрослого, уже смѣшиваются противоположные элементы, изъ которыхъ образуются, повидимому, простыя, а на самомъ дѣлѣ сложныя эмоціи. Всѣ дѣти любятъ материнскую ласку, но стремятся къ ней по различнымъ побужденіямъ: сначала они желаютъ ея, какъ эгоисты, потому что она имъ самимъ доставляетъ наслажденіе, и потому, что у нихъ существуетъ потребность въ атмосферѣ мира и нѣжности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они добиваются ласки и по безкорыстному сердечному побужденію, смутно понимая, что ласка одинаково пріятна какъ тому, кого ласкаютъ, такъ и тому, кто ласкаетъ.

«Тонкость нравственнаго чувства—справедливо замѣчаетъ Е. Эггеръ—не есть только продуктъ воспитанія и привилегія старшаго возраста». Въ доказательство онъ напоминаетъ о тѣхъ маленькихъ, всѣмъ намъ знакомыхъ, семейныхъ сценахъ, когда дитя, послѣ строгаго выговора, удваиваетъ ласковость, «какъ будто для того, чтобы заставить забыть свое упрямство... Никогда ребенокъ не бываетъ такъ веселъ, какъ послѣ подобныхъ маленькихъ бурь». Ясно, что ему хочется снова войти въ милость, и что лишенный въ данное время того нравственнаго благополучія, которое доставляетъ согласіе съ волею родителей, онъ торопится вернуться къ нормальному порядку и снова сдѣлаться предметомъ дорогой ему ласки. Называть такія явленія «угрызениями совѣсти» или «инстинктомъ примиренія» было бы преувеличенно. Еще и еще разъ повторяемъ, что искать въ ребенкѣ признаковъ истинной нравственности—ничто иное, какъ химера. Не слѣдуетъ обманываться кажущимися аналогіями между вполне опредѣленными состояніями развитой совѣсти и неясными неопредѣленными ихъ подобіями въ совѣсти зарождающейся.

Какъ-бы то ни было, ребенокъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ, когда, еще не обладая разумомъ, но уже одаренный чувствительными

способностями, онъ возвысился отъ инстинктивнаго эгоизма до безкорыстной чувствительности. Если между родителями и дѣтьми, между учащимися и учителями существуетъ взаимная симпатія и привязанность,—дѣло нравственности выиграно. Въ дѣтствѣ такая привязанность всегда останется самымъ сильнымъ двигателемъ нравственности. Талантливая писательница, г-жа Фредерика Бремеръ, романы которой являются точнымъ отраженіемъ наблюдений надъ дѣйствительностью, говоритъ устами одной изъ своихъ героинь: «иногда, истощивши всякія мѣры, случалось мнѣ обнимать виновнаго ребенка и плакать вмѣстѣ съ нимъ, или радостно цѣловать его, когда онъ былъ умникъ, и вообще эти средства не оставались безъ результата!» *).

А сколько людей остается въ этомъ отношеніи дѣтьми на всю жизнь! Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ замѣтить, что многіе, не достигая полнаго нравственнаго развитія, въ теченіе всего своего существованія не идутъ дальше которой-нибудь изъ описанныхъ нами ступеней: что должно-бы быть только временнымъ фазисомъ, дѣлается окончательною формою ихъ недоразвитаго нравственнаго чувства. Страхомъ наказанія и расчетомъ на выгоды при подчиненіи извѣстнымъ внѣшнимъ правиламъ исчерпывается нравственный кодексъ у большинства людей. На болѣе высокой ступени, для нѣжныхъ и чувствительныхъ сердецъ, единственнымъ принципомъ добродѣтели остается желаніе быть полезнымъ или пріятнымъ для другихъ, стремленіе дѣлать добро: они обобщаютъ инстинктъ, заставляющій ребенка повиноваться родителямъ. «Если я дѣлаю другому добро, я счастливъ; если-же дѣлаю зло, являются угрызенія совѣсти, и я страдаю. Мнѣ и не нужно другихъ правилъ для жизни», говоритъ Легуве **).

IV.

Итакъ, для различенія блага и зла, у ребенка существуютъ двѣ первоначальныя основы: эгоистическая мораль,—результатъ страха и прирожденнаго послушанія,—и мораль сочувствующая. Оба эти принципа дѣйствуютъ рядомъ, опираясь другъ на друга, прежде чѣмъ ребенокъ научится говорить, прежде чѣмъ слова *добро* и *зло* получатъ для него какой-нибудь смыслъ.

*) *M-me Frédérique Bremer*: «Le Foyer domestique», пер. со шведскаго, Парижъ, Гарнье, 1853.

***) *M. Legouvé*: «Fleurs d'hiver», «Fruits d'hiver». 1890, стр. 44.

Трудность дѣтской психологіи заключается въ томъ, что, описывая наблюдаемые ею мелочные, неопредѣленные, полубезсознательные факты, ей приходится прибѣгать къ установкѣ словесныхъ терминовъ и влѣдствіе этого неточно передавать самые факты, преувеличивать ихъ, придавать имъ такое значеніе, какого они въ сущности не имѣютъ. Языкъ, которымъ мы говоримъ, не можетъ опредѣленно обозначить возникающія явленія и понятія, болѣе близкія къ области грѣзъ, чѣмъ къ области сознанія, которыя въ душѣ ребенка не приняли еще достаточно точной и опредѣленной формы, способной воплотиться въ словесномъ выраженіи. Подвести неопредѣленные, мимолетныя движенія дѣтской чувствительности подъ категоріи такъ-же трудно, какъ взвѣсить вѣяніе вѣтерка или задержать въ рукѣ улетающій дымокъ. Генезисъ и организаціи нравственнаго чувства предполагаютъ множество незамѣтныхъ поступательныхъ движеній, скрытыхъ мелкихъ оттѣнковъ, легкихъ паровъ, осаждающихся только мало-по-малу, цѣлую серію темныхъ, таинственныхъ основъ, проявляющихся въ быстрыхъ, мимолетныхъ проблескахъ.

На той ступени развитія, которую мы описали, ребенокъ обладаетъ только личною нравственностью, т.-е. все то небольшое, что доступно ему въ области морали, онъ сознаетъ только по отношенію къ себѣ самому. Начиная говорить, онъ въ состояніи сказать только о самомъ себѣ: «бебочка хорошій мальчикъ» или «бебочка дурной мальчикъ». Не имѣя понятія объ обществѣ, онъ не представляетъ себѣ, что и другіе, подобно ему, могутъ руководиться страхомъ и привязанностью и подъ вліяніемъ этихъ чувствъ подчиняться активному стремленію къ благу.

Съ другой стороны, въ своемъ наивномъ пониманіи правила, этого первоначальнаго эскиза будущей идеи нравственнаго закона, онъ видитъ въ этомъ правилѣ живую, дѣйствительную волю родителей. Онъ вполне отождествляетъ правило съ личностью родителей или, по крайней мѣрѣ, съ личностью одного изъ нихъ, котораго онъ больше боится или больше любитъ. Про чувствительнаго ребенка, который слушается отца или матери, не въ фигуральномъ смыслѣ можно сказать: «онъ или она—его совѣсть!». Такая полная и искренняя иллюзія не должна никого удивлять, такъ какъ она иногда, хотя въ иной формѣ, проявляется также въ людяхъ, достигшихъ уже умственной зрѣлости.

По мнѣнію Комперэ, г-жа Некеръ де-Соссюръ въ началѣ главы: «De la conscience avant quatre ans» дѣлаетъ слишкомъ поспѣшный выводъ, говоря: «въ три года у ребенка есть живая идея добра и

зла, хотя онъ и не выражаетъ ея въ общихъ терминахъ. Онъ признаетъ общій для всѣхъ законъ, молчаливое соглашеніе, уважать которое обязательно». И г-жа Некеръ де-Соссюръ прибавляетъ, что для этого нужно только одно условіе, чтобы «было возбуждено его вниманіе». А развѣ это не равняется требованію, чтобы ребенокъ сосредоточился въ самомъ себѣ, овладѣлъ собою, подавилъ увлекающія его дурныя чувства для того, чтобы онъ могъ прислушаться къ голосу собственной совѣсти и рѣшилъ сознательно вопросъ о добрѣ и злѣ.

Нѣтъ, не путемъ вдохновенія или внутренняго просвѣтленія создается различіе нравственныхъ началъ, какъ думаютъ философы, преувеличивающіе значеніе врожденности или не признающіе въ достаточной степени необходимость вѣшнихъ побужденій для развитія предрасположеній врожденныхъ. Чтобы первые проблески сдѣлались вполне ясными, чтобы укрѣпились первоначальныя побужденія, чтобы общая идея блага и зла путемъ послѣдовательныхъ отвлеченій выдѣлилась изъ конкретныхъ и личныхъ представленій, ребенку нужно пройти черезъ цѣлый рядъ опытовъ, нужно, чтобы увеличилась сила его мышленія и чувства сообразно окружающимъ его условіямъ.

Замѣтимъ, что если, съ одной стороны, сформировавшееся нравственное сознаніе дѣлается высшимъ принципомъ добродѣтельныхъ поступковъ, однимъ изъ источниковъ практической морали, то и на добродѣтельные поступки, съ другой стороны, можно смотрѣть, какъ на одинъ изъ источниковъ нравственнаго сознанія: мы хотимъ сказать, что осуществленіемъ блага въ практической жизни развивается и очищается самое нравственное чувство. Между нравственными вѣрованіями и исполненіемъ долга существуетъ то-же отношеніе, какое вообще существуетъ между вѣрою и дѣламъ. «Имѣйте вѣру, и вы будете дѣйствовать»—справедливо, но также справедливо и другое: «дѣйствуйте, и въ силу вашей дѣятельности возрастетъ ваша прежняя вѣра и появится такая, какой у васъ еще не было». И въ зрѣломъ возрастѣ у насъ не бываетъ яснаго представленія нравственныхъ идей, пока намъ не придется исполнить какой-нибудь великій житейскій долгъ, напр. долгъ семьянина или патріота. Для выясненія идеи блага, ребенку еще необходимѣе, чтобы въ теченіе коротенькой жизни его въ скромной сферѣ его дѣятельности какъ можно чаще приходилось ему дѣлать добро. Подчиняя его правилу, вы не только достигаете выгодъ вѣшней дисциплины, но вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно устанавливаете для него цѣлую серію однородныхъ опытовъ, повтореніе которыхъ запечатлѣваетъ въ мозгу ребенка понятіе о томъ,

каковъ онъ долженъ быть, чтобы заслужить ваше расположеніе и похвалу.

Такъ образуется точка опоры, вокругъ которой впоследствии группируются чувства и мысли ребенка: сначала онъ будетъ испытывать удовольствіе, чувствуя свое согласіе съ волею родителей, а потомъ проявится самолюбіе, желаніе, чтобы его уважали и хвалили. И если, по внезапному побужденію, ему случится проявить щедрость или сдѣлать великодушный поступокъ, который ему не былъ предписанъ, но одобреніе которому онъ прочтетъ въ глазахъ родителей, то онъ почувствуетъ удовлетвореніе и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе поступать хорошо и въ будущемъ. Сынъ Дарвина, двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ отъ роду, отдаетъ маленькой сестрѣ послѣдній кусокъ своего пряника и восклицаетъ съ восторгомъ: «о, Додди добрый! Додди добрый!»

Мораль выгоды и мораль привязанности вносятъ и въ повиновеніе внимательнаго ребенка зародыши способности управлять своимъ поведеніемъ. Но, чтобы точнѣе опредѣлилось понятіе полезнаго, чтобы усилилось чувство привязанности, необходимо, чтобы ребенокъ уже болѣе развитой, въ три-четыре года, началъ отдавать себѣ болѣе ясный отчетъ въ послѣдствіяхъ своихъ собственныхъ и чужихъ поступковъ; необходимо, чтобы общественныя отношенія, въ особенности ежедневныя сношенія съ дѣтьми того же возраста открыли ему болѣе широкую сферу для приложенія симпатіи. Мы не утверждаемъ, что одинокій ребенокъ, у котораго нѣтъ ни сестры, ни брата, и который не посѣщаетъ товарищей, не можетъ развиваться нравственно, но у него это развитіе пойдетъ труднѣе и медленнѣе.

Общественная жизнь въ ея дѣтскихъ формахъ — истинная школа нравственности: свободно играя со своими сверстниками, ребенокъ узнаетъ ихъ достоинства и недостатки и на себѣ испытываетъ послѣдствія ихъ доброты или злобы. Большой шагъ впередъ сдѣланъ будетъ тогда, когда ребенокъ начнетъ говорить не только про себя: «бечка нехорошій!», но скажетъ про брата или сестру: «Поль злой!» «Марта злая!», и скажетъ не потому, что они не послушались родителей, какъ это случалось и съ нимъ, а потому, что Поль ударилъ его больно кулакомъ, а Марта отняла у него игрушку или пирогъ, лишеніе которыхъ было для него очень чувствительно. Та-же самая выгода получается и при сближеніи съ хорошими товарищами, которые окажутъ ему маленькія услуги, подѣлятся съ нимъ тѣмъ, что у нихъ есть. При этомъ возникнетъ у ребенка не только чувство признательности или гнѣва, но, при повтореніи опытовъ, и стремленіе понять отношенія зависимости, которыми связываются дѣйствія другаго съ

его собственнымъ благомъ и, слѣдовательно, судить по результатамъ о чужой добротѣ или злобѣ, конечно, сначала только въ чисто утилитарномъ смыслѣ.

Эти неясныя представленія сдѣлаются болѣе опредѣленными, когда онъ замѣтитъ, что Поля платитъ ему ударомъ за ударъ, а Марта, которой онъ никогда не обижалъ, становится къ нему ласковою; онъ начнетъ понимать и другаго рода отношенія зависимости между своимъ образомъ дѣйствій относительно другихъ и ихъ образомъ дѣйствій съ нимъ самимъ. Ребенку не нужно большихъ усилій, чтобы по своему понять евангельскую истину: «дѣлай другому», «не дѣлай другому», такъ какъ онъ по опыту знаетъ, что долженъ самъ подавать примѣръ хорошаго обращенія.

Сношенія съ другими дѣтьми, укрѣпляя утилитарныя тенденціи маленькаго моралиста, въ то-же время открываютъ и новые пути его чувству.

Онъ сердится и протестуетъ не только когда самъ является жертвою грубости Поля или зависти Марты, но когда подобныя-же невзгоды выпадаютъ на долю кого-нибудь изъ его братьевъ или товарищей. Онъ ставитъ себя на мѣсто обиженнаго, и страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ; новымъ двигателемъ, замѣняющимъ эгоизмъ, является симпатія. Гельвецій говоритъ: «мы все обладаемъ двумя чувствами, которыя служатъ основою обществу: состраданіемъ и справедливостью. Если ребенокъ увидитъ, какъ терзаютъ другаго ребенка, онъ мгновенно почувствуетъ безпокойство; онъ выразитъ это своими слезами и криками; онъ поможетъ страдальцу, если будетъ въ состояніи» *).

Такъ расширяется дѣтская чувствительность, такъ появляются новые притоки у того источника горя и радости, который сначала ограничивался тѣснымъ кругомъ эгоистическихъ впечатлѣній. Сознательныя идеи и чувства растутъ, и, переходя отъ обобщенія къ обобщенію, ребенокъ приближается къ полному нравственному развитію. Онъ перестаетъ заботиться исключительно о личномъ благосостояніи; изъ благороднаго побужденія онъ принимаетъ участіе въ горѣ другихъ, по мѣрѣ той привязанности, которую чувствуетъ къ нимъ. Привычка къ такимъ чувствованіямъ мало-по-малу разовьется въ стремленіе избѣгать всякаго злаго поступка не потому, что послѣдствіемъ его можетъ явиться возмездіе, но потому, что онъ можетъ причинить страданіе другому.

Такимъ образомъ мы дошли до того сложнаго состоянія, въ кото-

*) Гельвецій: «Объ умѣ». Введеніе, VI.

ромъ являются смѣшанными нѣкоторые изъ существенныхъ элементовъ нравственнаго чувства, и если мы захотимъ резюмировать встрѣтившееся намъ на пройденномъ пути, то, предоставивши себѣ высказаться за ребенка нашимъ точнымъ языкомъ, который еще не доступенъ для него, мы сказали бы то, что послѣдовательно говорилъ ребенокъ самому себѣ:

«Если я сдѣлаю то, что мнѣ запрещено, напримѣръ, если я побью маленькаго брата, папа будетъ меня бранить и накажетъ; мама этимъ огорчится; братъ мнѣ отплатитъ; я злой, потому что причинилъ боль брату».

Конечно, мы предполагаемъ, что основы нормальнаго развитія дѣтскихъ способностей не затронуты какою-нибудь виѣшнею причиною ранней испорченности. Въ большинствѣ случаевъ дурныя наклонности, духъ неповиновенія, прирожденная сухость сердца, гнѣвъ, гордость могутъ задержать описанное нами развитіе, но они не останавливаютъ проявленія внутренней силы, дѣйствующей въ ребенкѣ.

V.

А все-таки главное впереди. До сихъ поръ мы были свидѣтелями приговорительной работы; еще не явилось ничего такого, что-бы возбудило въ ребенкѣ идею нравственнаго закона, существующаго самостоятельно, что-бы возбудило чувство внутренней обязательности, понятіе о долгѣ въ точномъ смыслѣ,—однимъ словомъ, истинную совѣсть. Мы видимъ, что сынъ Тидемапа, скоростѣлый во всѣхъ отношеніяхъ, двухъ съ половиною лѣтъ отъ роду, думая, что онъ совершилъ хорошій поступокъ, восклицалъ: «всѣ на свѣтѣ скажутъ, что это добрый мальчикъ!» и переставалъ шалить, когда ему скажутъ, что сосѣди это видятъ. Но какъ ни важно придавать значеніе общественному мнѣнію, въ чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ видѣть только расширенное стремленіе заслужить похвалу родителей, это боязливое подчиненіе чужому мнѣнію вовсе не составляетъ эквивалента тому внутреннему умозаключенію, на основаніи котораго взрослый человѣкъ признаетъ извѣстный образъ дѣйствія самъ по себѣ хорошимъ и чувствуетъ себя обязаннымъ поступать такимъ образомъ. Но какъ-же совершается этотъ послѣдній переломъ въ развитіи нравственности? Какъ, вмѣсто эгоистическихъ или симпатическихъ мотивовъ, наконецъ, появляется эта чистая и отвлеченная идея блага, которую пробуждаетъ въ каждомъ его внутренній судья? Такой окончательный переворотъ можетъ совершиться въ ребенкѣ только одно воспитаніе, которое поможетъ его природѣ.

Конечно, если дать человѣку время, то силою собственныхъ размышленій, путемъ долговременнаго житейскаго опыта, среди испытаній и въ школѣ несчастія, совѣсть можетъ развиваться и самостоятельно; въ долгій срокъ она и безъ посторонней помощи принесетъ свои плоды. И дѣйствительно, необходимо допустить такое самобытное развитіе совѣсти, такъ какъ человѣчество вышло-же изъ дикаго состоянія, и нравственность установилась. Но вы не можете сознательно требовать такого отвлеченія отъ ребенка, если овъ предоставленъ только собственнымъ силамъ. Одинъ изъ современныхъ педагоговъ дошелъ до того, что пишетъ: «Въ сущности, дѣтской нравственности нѣтъ; нравственность у дѣтей такая-же, какъ и у взрослыхъ: у однихъ заученая, у другихъ прилагаемая къ дѣлу, по мѣрѣ ихъ силъ, изъ выгоды, по сочувствію, вслѣдствіе повиновенія или самолюбія; но никогда не вслѣдствіе строгаго чувства исключительнаго долга, къ которому они, по нашему мнѣнію, совершенно неспособны» *). Неспособны сами по себѣ — да, но при помощи воспитанія — нѣтъ! Воспитаніе можетъ ускорить движеніе идей, ознакомить ребенка съ законами совѣсти и отчасти избавить его отъ тяжкаго труда исключительно личной выработки нравственнаго чувства. Конечно, нельзя внести полнаго свѣта въ совѣсть ребенка, но уроки въ семьѣ и въ школѣ могутъ очень рано заронить въ его душу, какъ въ почву, уже хорошо подготовленную самую природой, тѣ нравственные зародыши, которые разовьются дальнѣйшимъ воспитаніемъ. И если правъ Кине, что во взросломъ устойчиво только то, что подготовлено въ дѣтствѣ, нельзя не пожелать такой-же подготовки и въ области морали.

Припомнимъ по этому поводу мнѣнія нѣкоторыхъ воспитателей. Г-жа Ремюза выражаетъ желаніе, чтобы указаніе необходимости: «должно, слѣдуетъ» въ дѣлѣ управленія ребенкомъ было какъ можно раньше замѣнено указаніемъ обязательности: «ты долженъ, ты обязанъ» **). Таково-же мнѣніе и г-жи Гизо, которая устанавливаетъ фактъ вліянія нравственныхъ идей и въ дѣтяхъ шести-семи-лѣтняго возраста. «Мнѣ приходилось видѣть—говоритъ она—что дѣти, уже чувствительныя къ добру, находятъ въ немъ и двигателя своихъ усилій, и награду за нихъ. Усердіе одной усиливается при исполненіи урока, въ которомъ она видитъ только одинъ интересъ, интересъ хорошаго приготовленія къ нему; другая съумѣетъ подавить въ себѣ желаніе побить свою подругу за то, что она разрушила ея карточный

*) *Alexandre Martin*: «L'Éducation du caractère», Парижъ, 1887, стр. 70.

**) *M-me de Rémusat*: «Essai sur l'éducation des femmes», стр. 111.

домикъ, изъ одного удовольствія сказать мнѣ: «не правда-ли, мама, я хорошо сдѣлала?» *). Мишле, обыкновенно догматически высказывающій свои мнѣнія, идетъ еще дальше: «Развѣ ты долженъ ужъ такая сложная идея, которая требуетъ объясненій? Ни въ какомъ случаѣ! Въ рабочемъ мірѣ, безъ воспитанія и безъ разсужденій, очень рано усваивается идея долга путемъ простой интуиціи» **). Мишле забываетъ, что въ томъ *рабочемъ мірѣ*, о которомъ говоритъ, онъ гипотетически допускаетъ правильность привычекъ, добродѣтельные примѣры, т.-е. то, что само по себѣ есть уже воспитаніе, и притомъ наилучшее воспитаніе.

Уроки несомнѣнно могутъ быть производительны, если они просты, приспособлены къ небольшому опыту ребенка. Но слѣдуетъ быть осторожными, чтобы не заслужить упрека, который сдѣлалъ недавно одинъ талантливый писатель по поводу обученія морали въ начальныхъ школахъ Франціи: «Оффиціальныя программы превосходны — говоритъ онъ — но нельзя ожидать, чтобы мальчуганъ пересталъ воровать яблоки у соседа, если ему прочтутъ соответствующія статьи закона о кражѣ». Мы не будемъ читать статей закона, говоритъ Комперэ, но языкомъ болѣе простымъ объяснимъ ему, что есть общаго въ тѣхъ различныхъ обязанностяхъ, къ исполненію которыхъ мы его приучаемъ. Мы укажемъ ему на чувства удовольствія или неудовольствія, которыя онъ уже испытываетъ, поступая хорошо или дурно. Мы похвалимъ его за хорошіе поступки и постыдимъ за дурные. И расчитывая отчасти на вліяніе своихъ рѣчей и увѣщаній, главнымъ образомъ мы будемъ опираться на самые поступки, на упражненіе и примѣры. Идея блага почерпается изъ личныхъ добродѣтельныхъ поступковъ, а идея отвѣтственности изъ личнаго пользованія свободой. Въ общеобязательности нравственнаго закона ребенокъ убѣждается на живыхъ, дѣйствительныхъ фактахъ, видя, что всѣ его окружающіе подчиняются одному и тому-же правилу. Маркъ Аврелій говорилъ объ отдѣльныхъ добродѣтеляхъ: «дѣдъ научилъ меня терпѣнію... Матери я обязанъ благочестіемъ... Отецъ внушилъ скромность»; но то-же самое можно сказать и вообще о совѣсти, основномъ началѣ всѣхъ добродѣтелей. Дѣтская совѣсть всегда формируется отъ соприкосновеній съ совѣстью отца, матери и воспитателей.

Какъ на доказательство отъ противнаго, можно указать на факты, показывающіе, что съ отсутствіемъ воспитанія совпадаетъ и полное

*) *M-me Guizot*: «Lettres de famille» etc., т. I, стр. 103.

**) *Michelet*. «Nos fils», стр. 187.

безсиліе нравственнаго чувства. Стоит заглянуть въ книги, гдѣ затрогивается вопросъ о преступности дѣтей. Мы не смѣшиваемъ нравственнаго чувства съ практическою моралью, но все-таки въ правѣ судить о деревѣ по его плодамъ и о состояніи совѣсти по виѣшнимъ фактамъ, въ которыхъ оно обнаруживается. Изъ 9.906 дѣтей, заключенныхъ въ 1875 году въ исправительныхъ заведеніяхъ, у 4.543 не было ни отца, ни матери, или одного изъ родителей; 154 воспитывались въ пріютахъ, т.-е. вовсе были лишены семейнаго воспитанія; 1.518 были незаконнорожденные, т.-е. воспитанные въ развратѣ; 1.615 происходили отъ преступныхъ родителей, т.-е. получали уроки безнравственности *). Что-же мы можемъ отвѣтить малолѣтнему преступнику, когда онъ говоритъ: «мною никто и никогда не интересовался; ребенкомъ я былъ предоставленъ на жертву всѣмъ случайностямъ, — и я погибъ».

Легко было-бы привести множество примѣровъ, доказывающихъ могущественное вліяніе первоначальнаго воспитанія на нравственность или безнравственность дѣтей. Но эта сила виѣшнихъ воспитательныхъ побужденій нисколько не исключаетъ дѣйствія природы и безъ него была-бы непонятна. Ребенокъ съ самыхъ первыхъ дней жизни не былъ-бы способенъ къ такому подчиненію родительской власти, какое мы замѣчаемъ въ немъ, если-бы онъ по какому-то тайному инстинкту не подозрѣвалъ въ личной волѣ родителей общаго закона долга, если-бы онъ хоть на половину не догадывался, что въ приказаніяхъ родителей есть, такъ сказать, подкладка нравственной власти. Ошибка тѣхъ, кто оспариваетъ относительную врожденность или наследственность нравственнаго сознанія, состоитъ въ томъ, что они рассматриваютъ какъ врожденное, какъ самостоятельное произведеніе природы только то, что проявляется въ первые часы жизни. Но развѣ можно сказать, что растенію цвѣсти не свойственно, такъ какъ цвѣты появляются на стеблѣ только въ извѣстный моментъ его развитія? Развѣ можно сказать, что нѣкоторыя формы сумасшествія не наследственны, такъ какъ зародышъ послѣ многихъ лѣтъ тайнаго существованія, когда онъ находился, какъ говорятъ, въ «скрытомъ» состояніи, обнаруживается у потомковъ въ зрѣломъ возрастѣ, на сороковомъ или пятидесятомъ году? Изъ того, что для разцвѣта нравственнаго сознанія необходимы извѣстныя условія, нельзя заключать, что оно не свойственно человѣку. Невозможно опредѣлить съ точностью, въ какой мѣрѣ природа и воспитаніе участвуютъ въ этомъ,

*j) *M. Othenin d'Haussonville: «L'Enfance à Paris» 1879.*

потому что при постоянномъ обмѣнѣ, происходящемъ между внутреннимъ и вѣшнимъ міромъ, никогда нельзя съ точностью опредѣлить, что именно ребенокъ вырабатываетъ самъ и что онъ пріобрѣтаетъ отъ другихъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что никакой возрастъ не можетъ и не долженъ быть чуждъ нравственной культуры. Не слѣдуетъ даже ждать того момента, когда слово начнетъ служить намъ, какъ орудіе воспитанія; дѣйствіе лучше слова и можетъ предшествовать ему. Конечно, могутъ найтись шутники, которымъ покажется страннымъ, что философъ осмѣливается поднимать великіе вопросы о власти надъ собою, о совѣсти и морали въ виду маленькаго, бѣленькаго, розовенькаго существа, которое еще и ходить-то не умѣетъ, которое скорѣе похоже на живую игрушку, повѣшенную на шею къ матери. Но зато тѣ, кто знаетъ, какъ медленно развиваются способности, какими тонкими, неосязаемыми корнями связаны цвѣты и плоды зрѣлаго возраста съ прошлымъ ребенка, тѣ, подобно намъ, займутся этими первыми, темными движеніями нравственной жизни, говорить въ заключеніе Комперэ. Школа долга должна быть первою школою будущаго человѣка.

Вотъ почему вовсе не преждевременно съ самой колыбели думать объ отвѣтственности, о нравственныхъ обязательствахъ, которыя впоследствии будутъ возложены на ребенка, такъ мило улыбающагося теперь въ своей бессознательной невинности, идеи и чувства котораго пока еще являются только отраженіемъ идей и чувствъ родителей, подобно тому, какъ его правая или лѣвая щека, какъ персикъ, освѣщенный солнцемъ, дѣлается совершенно розовою отъ соприкосновенія съ материнскою грудью, которая кормитъ его и къ которой онъ только-что припадалъ.

Конечно, Комперэ въ реферированной нами статьѣ его далеко не исчерпываетъ глубокаго, сложнаго и еще столь мало разработаннаго вопроса о развитіи нравственнаго чувства у дѣтей, вопроса, требующаго тщательнаго и разносторонняго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе работа Комперэ представляетъ, по нашему мнѣнію, большой интересъ, съ одной стороны, какъ сводъ мнѣній современныхъ психологовъ по вопросу о развитіи нравственнаго чувства у дѣтей, и притомъ въ общедоступномъ изложеніи, и, съ другой стороны, какъ извѣстнаго рода оправданіе уроковъ *морали* во французскихъ школахъ, уроковъ, которые однакожь ни въ какомъ случаѣ не могутъ, по нашему убѣжденію, замѣнить отсутствующаго въ современной французской школѣ преподаванія основъ религіи.

Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ.

I.

Въ первомъ номерѣ журнала «Русская Школа» (январь 1890 г. былъ перепечатанъ изъ «Педагогическаго сборника» циркуляръ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 21 октября 1889 года. Этимъ циркуляромъ воспрещается *«приглашеніе для занятій съ неуставяющими воспитанниками (военно-учебныхъ заведеній) репетиторовъ со стороны, на средства родителей»*, а вмѣсто того предлагается оказывать необходимую помощь *«средствами заведенія»*... *«въ тѣхъ случаяхъ, когда, по убѣжденію начальства заведенія, эта «помощь въ видѣ репетиторовъ»... «оказалась-бы необходимою»*.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ циркуляръ имѣетъ важное значеніе: онъ затрогиваетъ серьезный вопросъ о «репетиторствѣ» и если не вполне «пресѣкаетъ», то во всякомъ случаѣ *ограничиваетъ* вообще всѣмъ школамъ зло, произтекающее отъ современной «моды на репетиторовъ».

Вопросъ о «репетиторахъ и репетиціонныхъ урокахъ» принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ числу серьезныхъ и важныхъ педагогическихъ вопросовъ и заслуживаетъ всесторонняго обсуждения. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ педагогическихъ журналахъ мало говорилось по этому поводу. По крайней мѣрѣ, мы помнимъ только одну статью г. И Бѣлоруссова, напечатанную въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1879 г. Въ настоящую минуту у насъ нѣтъ подъ рукою этой статьи *). Но, сколько помнимъ, почтенный авторъ ея старался доказать, что репетиторство въ гимназіяхъ, во-первыхъ, вредно и, во-вторыхъ, не согласно съ «учебными планами» и «объяснительными записками» къ нимъ. Эти мысли автора без-

*) Авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить здѣсь, что онъ пишетъ свою статью во время каникулъ, не въ городѣ, а въ деревнѣ, гдѣ бібліотеки нѣтъ.

спорно вѣрны, и статья г. Бѣлоруссова заслуживала большаго къ себѣ вниманія. Къ сожалѣнію, «репетиторство» не только не прекратилось, а напротивъ, все болѣе и болѣе входитъ, такъ-сказать, въ моду. Родители считаютъ чуть не обязанностью своею приглашать репетиторовъ, ихъ дѣти требуютъ репетиторовъ, педагоги потворствуютъ и родителямъ, и дѣтямъ, и репетиторамъ. А въ результатѣ— печальный фактъ: половина учениковъ гимназіи (а иногда и больше) учится въ одно и то-же время одному и тому-же у двухъ учителей— у преподавателя гимназіи до обѣда и у репетитора-студента или ученика какого-либо изъ старшихъ классовъ гимназіи послѣ обѣда. Явленіе безспорно очень печальное и не рекомендуемое то учебное заведеніе, въ которомъ эта *зараза*, эта худшая изъ модъ, не встрѣчая надлежащаго отпора со стороны педагоговъ, наиболѣе распространена *). По истинѣ, человѣкъ рабъ моды! Мода портитъ иногда физическое здоровье человѣка, мода-же губительно дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ и на умственное развитіе ученика. Ибо поручить ученику-репетитору «обучать» дитя—не значить-ли это сознательно вытравливать въ молодомъ организмѣ зародыши самодѣятельности, подавлять силу воли ученика, убивать въ немъ вѣру въ себя, въ свои силы, не значить-ли это, наконецъ, притуплять умственные способности репетируемаго? Иначе мы не можемъ смотрѣть на репетиторство, да и едва-ли найдется такой педагогъ, который сталъ-бы серьезно отрицать, что зло репетиторства велико, что отъ него страдаютъ: а) *репетируемые*, б) *учителя* и в) *сами репетиторы-ученики*.

II.

а) *Страдаетъ ученикъ*: въ немъ заглушается самодѣятельность и вѣра въ себя, въ свои силы, и чѣмъ дольше при ученикѣ находится репетиторъ, тѣмъ хуже для репетируемаго. Привычка—великое дѣло. Если мальчикъ съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ искать помощи у другихъ, ждать, такъ-сказать, *подсказа* даже въ томъ случаѣ,

*) Вполнѣ раздѣляя взгляды почтеннаго автора предлагаемой статьи на важное значеніе вопроса о репетиторствѣ и о вредѣ послѣдняго въ большинствѣ случаевъ для пользующихся помощью репетитора учениковъ, редакція полагаетъ однакожъ, что корень этого столь распространеннаго въ нашемъ обществѣ зла заключается не въ *модѣ* на репетиторство, а во всемъ строѣ нашей среднеобразовательной школы и въ особенности въ постановкѣ нѣкоторыхъ предметовъ учебнаго курса въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. *Ред.*

когда онъ, безъ сомнѣнія, самъ могъ-бы справиться съ дѣломъ, если ни одного урока онъ не готовилъ безъ репетитора, не смотря на то, что въ классѣ все было объяснено, то, безъ сомнѣнія, такой ученикъ только въ силу какой-либо случайности можетъ дойти до высшихъ классовъ и окончить курсъ; но, и дошедши до старшихъ классовъ и получивъ даже аттестатъ «зрѣлости», онъ остается человѣкомъ, неспособнымъ къ полной самодѣятельности, человѣкомъ умственно «дряблымъ». Вотъ почему мы встрѣчаемъ иногда такіе печальные факты, что репетитора имѣютъ даже ученики старшихъ классовъ и при томъ—*horribile dictu!*—вплоть до полученія въ руки «аттестата зрѣлости». Мы вовсе не преувеличиваемъ; мы говоримъ только о томъ, чему сами были свидѣтелями. Когда-же можетъ сложиться и выработаться въ человѣкѣ благородное стремленіе къ самодѣятельности, любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ, вѣра въ себя и свои силы, готовность идти на встрѣчу труду и житейскимъ невзгодамъ? Вотъ почему, между прочимъ, немногіе изъ нынѣшнихъ юношей отличаются силой воли, рѣшительностью, предприимчивостью и достойною подражанія ломоносовскою «упрямою» въ трудахъ. Печать умственной и нравственной дряблости лежитъ на челѣ современнаго молодого человѣка. Вѣра въ себя заглушена въ немъ уже на ученической скамьѣ. Не даромъ безъ одобренія, безъ учительскаго «*да*», «*хорошо*», «*ладно*», «*дальше*» и т. п. понукательныхъ словъ нашъ ученикъ не всегда рѣшится продолжать начатый отвѣтъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ хорошо знаетъ то, о чемъ говоритъ. Излишняя самоувѣренность—порокъ; но и недоувѣріе къ себѣ самому, къ своимъ силамъ и познаніямъ—не добродѣтель. А между тѣмъ, кто имѣлъ репетитора годъ-другой, тотъ навѣрное и въ школѣ, и въ жизни не будетъ отличаться любовью къ самодѣятельности, и вовсе не потому, что онъ «отъ природы слабъ», а именно потому, что слишкомъ ужъ онъ долго «*ходилъ на помочахъ*» и жилъ «*чужимъ умомъ*». Мы не располагаемъ въ настоящую минуту статистическими данными, но увѣрены, что не оканчиваютъ курса, «*выступаютъ*» изъ учебнаго заведенія по преимуществу тѣ, которые имѣли репетиторовъ болѣе или менѣе продолжительное время; что, напротивъ, оканчиваютъ съ успѣхомъ курсъ въ гимназій и хорошо идутъ въ университетѣ по преимуществу тѣ, кого судьба хранила отъ этихъ *неопытныхъ* и *неумныхъ* учителей-учениковъ *).

*) «Репетиторы—это люди, которые должны были-бы поставить малоуспѣшнаго ребенка на ноги, *выучить его учиться*. Для этого требуется большая опыт-

Итакъ, репетиторство вредно прежде всего потому, что оно *ослабляетъ въ репетируемыхъ силу воли, вѣру въ себя и стремленіе къ самодѣятельности и самостоятельному труду*. А безъ этихъ качествъ человѣкъ на каждомъ шагу—и въ школѣ и въ жизни—будетъ встрѣчать «непреодолимыя препятствія».

Усѣйте его жизненный путь розами, онъ все-таки будетъ жаловаться, что на его пути такъ много шиповъ. Не этимъ-ли, между прочимъ, объясняются жалобы на школу? А школа—это роза, только не безъ шиповъ.

Кромѣ того, репетиторство дурно вліяетъ на ученика и въ томъ отношеніи, что оно пріучаетъ репетируемыхъ возлагать большія надежды на домашнее приготовленіе. У такихъ учениковъ нѣтъ внутреннихъ мотивовъ быть въ классѣ внимательными и любознательными. Дѣти всѣ вообще склонны къ разсѣянности; но желаніе «узнать что либо» часто побѣждаетъ въ нихъ эту нехорошую склонность и заставляетъ ихъ быть въ большей или меньшей степени «сосредоточенными». Вотъ почему дѣти сидятъ въ школѣ большею частью хорошо. Репетируемые ученики и въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи класснаго вниманія, хуже другихъ. Почему? Мысль, что мнѣ дома, послѣ уроковъ, скажутъ все то-же, что говорятъ и объясняютъ въ классѣ; мысль, что я еще «десять разъ успѣю» услышать объясняемое, — эта мысль безсознательно вліяетъ на дитя, и вліяетъ, конечно, дурно. Какъ часто бываетъ, что ученикъ, изъ за страха передъ наказаніемъ, не шалитъ, сидитъ смиренно, но, увы! его мысли витаютъ гдѣ-то вѣдъ класса. Уже по глазамъ вы видите, что ученикъ «мечтаетъ», а не слушаетъ, а если и слушаетъ, то безъ достаточной интенсивности, при которой только и возможно понять и усвоить то, что говорятъ. Говорите мнѣ сколько угодно, но если я «думаю свою думу», если я занятъ другимъ чѣмъ-либо или просто «глазѣю» то, конечно, я не пойму и не запомню того, что вы мнѣ толковали; я слышала, можетъ быть, ваши слова, но они не вошли въ мое сознаніе, они были для меня «пустымъ звукомъ». А такими именно «мечтателями», думающими свою думу или просто «хлопающими гла-

ность, сноровка, знаніе методики. Наши репетиторы, можетъ быть, способные гимназисты, студенты, но это не люди, умѣющие учить. Сплошь и рядомъ они сами выполняютъ за ребенка его уроки, какъ-то: рѣшаютъ задачи, дѣлаютъ переводы, письменныя работы и пр. и въ конецъ уже отучаютъ его отъ самостоятельности, отъ умѣнья учиться» («Вѣстникъ воспитанія». 1890 г. № 1, V отд., стр. 128), Эти вполнѣ справедливыя слова неизвѣстнаго автора (Н. О. В.) заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

зами» бывают прежде всего *репетируемые*. Оно и понятно. Нужно воспитать въ себѣ способность «сосредоточиваться» и умѣнье «превращаться во вниманіе». А у репетируемыхъ нѣтъ даже побудительныхъ причинъ, нѣтъ *внутренняго мотива* къ воспитанію этихъ свойствъ. Русское «авось» вообще всеильно, а на репетируемаго оно дѣйствуетъ всего больше; дѣйствіе его неотразимо, и надежда на «авось» вполне простительна ученику, въ которомъ *старшіе* не хотятъ воспитать существенной черты характера — любви къ самодѣятельности.

Итакъ, во-2-хъ, репетиторство замедляетъ развитіе въ ученикѣ способности «сосредоточивать все свое вниманіе» на томъ или на другомъ предметѣ.

Въ 3-хъ, репетируемый страдаетъ и потому, что онъ долженъ учиться въ одно и то-же время одному и тому-же предмету у двухъ различныхъ учителей, при чемъ, неопытный и большею частью неумѣлый учитель-ученикъ имѣетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть больше вліянія на своего питомца, чѣмъ учитель-педагогъ и специалистъ своего дѣла. Странно это, а между тѣмъ это такъ. Учиться одновременно у двухъ учителей вообще трудно: и тотъ и другой учитель имѣютъ свои приемы и методы, а если ихъ у репетитора-ученика вовсе нѣтъ (какъ это чаще всего бываетъ), то тѣмъ печальнѣе и грустнѣе за репетируемаго. Предположимъ, что ученикъ былъ внимателенъ въ классѣ; онъ, конечно, уже усвоилъ или почти усвоилъ урокъ, и именно такъ, какъ объяснялъ учитель. Приходитъ учитель-репетиторъ, онъ «объясняетъ» снова урокъ, и его объясненія не могутъ быть повтореніемъ того, что говорилъ учитель на урокѣ. Слѣдовательно, заключаетъ ученикъ, слушай—не слушай въ школѣ, а дома учись. Такъ ужъ лучше возложить всѣ надежды на домашнее приготовленіе «съ репетиторомъ»... Само собою разумѣется, что ни одинъ ученикъ не дѣлалъ намъ подобныхъ признаній, да онъ не дѣлалъ ихъ ни товарищамъ, ни самому себѣ. Все это совершается *помимо сознательной воли* ученика, и иначе совершаться не можетъ. Такимъ образомъ классное время ученикъ (репетируемый) проводитъ безъ пользы для себя, а потому работы у имѣющаго репетитора всегда больше, чѣмъ у того, кто его не имѣетъ. Послѣдній только *воспроизводитъ, повторяетъ* дома то, что онъ слышалъ и пріобрѣлъ въ классѣ, а первый «*вновь разучиваетъ* урокъ». А толку и пользы изъ этой двойной работы, или, вѣрнѣе, изъ двойной *траты времени* всегда выходитъ очень мало, ибо репетируемый *своею головою* не работаетъ ни въ классѣ, ни дома. Итакъ, репетиторство вредно и потому, въ-3-хъ, что ре-

петируемый, учась одновременно у двухъ учителей и возлагая всегда большія надежды на домашнее приготовленіе «съ репетиторомъ», тратитъ непроизводительно вдвое больше времени, а пользы изъ своихъ трудовъ онъ извлекаетъ несравненно меньше, чѣмъ ученикъ, не имѣющій репетитора.

Наконецъ, въ-4-хъ, нужно помнить, что родители не могутъ быть въ большей части случаевъ хорошими цѣнителями репетиторовъ: одинъ «слишкомъ строгъ», другой, напротивъ, «слишкомъ добръ и снисходителенъ», третій «необщителенъ» и проч., и вотъ нѣкоторые родители мнѣняютъ репетиторовъ, «какъ перчатки». Часто за одинъ годъ у ученика перебивается 5—6 репетиторовъ. А насколько вредны для учениковъ частыя перемены учителей, это знаетъ всякій педагогъ. Погоня за «дешевымъ» репетиторомъ играетъ при этомъ тоже не послѣднюю роль. Кому не извѣстны послѣдствія этой погони? Репетиторъ набралъ такихъ *дешевыхъ* уроковъ два-три, а то и больше. Вотъ онъ и «*посматриваетъ на часы*», боясь, какъ-бы не засидѣться «*изъ за пустяковъ*». Польза репетируемаго тутъ на второмъ планѣ.

б) *Страдаетъ и учитель.* 1) Мы уже говорили выше, что у репетируемаго ученика нѣтъ внутреннихъ побудительныхъ причинъ быть внимательнымъ и любознательнымъ въ классѣ. Одинъ «мечтаетъ», другой «думаетъ свою думу», третій, болѣе живой, мальчикъ, разговариваетъ съ сосѣдомъ или такъ или иначе «шалитъ», а иной безъ шуму «зѣваетъ». Тяжело и больно наблюдать въ классѣ такія явленія, и чѣмъ больше подобныхъ субъектовъ въ классѣ, тѣмъ больше «крови испортитъ» учитель въ борьбѣ съ указанными выше вольными и чаще «*невольными*» проступками учениковъ. Нужно имѣть холодную кровь, или не любить своего дѣла, чтобы «равнодушно» смотрѣть на подобное небрежное (хотя-бы и невольное) отношеніе ученика къ тому, чѣмъ занятъ въ данную минуту учитель. И чѣмъ больше у учителя любви къ дѣлу, тѣмъ хуже для его нервовъ. Проповѣди о томъ, чтобы учитель былъ «всегда ровень, спокоенъ, хладнокровенъ»—не болѣе, какъ пустыя фразы *): только машина съ одинаковою ровностью, правильностью и спокойствіемъ дѣйствуетъ и тогда, когда она «дѣлаетъ свое дѣло», и тогда, когда она отрываетъ руку

*) Негельсбахъ въ своей «Гимназической педагогикѣ» говоритъ: не должны быть учителями «и тѣ, которые не могутъ гнѣваться, потому что *равнодушнымъ* примѣненіемъ закона нельзя произвести *никакого* впечатлѣнія на юношество, и потому что они никогда не поступаютъ съ надлежащей твердостью» («Гимназія» 1888 г., кн. II, стр. 52). Мнѣніе это столько-же оригинально, сколько и справедливо.

или «мнетъ кости» несчастнаго рабочаго. Школа—не фабрика, а учитель не бездушное колесо педагогическаго механизма. Итакъ, первая непріятность для учителя, вытекающая отчасти изъ того факта, что репетиторство теперь «въ большой модѣ»—это *ослабленіе въ репетитуемыхъ ученикахъ интенсивности класснаго вниманія, любознательности и интереса къ тому, что говоритъ учитель.*

2) Кромѣ того, часто учителю приходится не только учить, но и «переучивать» репетитуемыхъ. А переучивать, какъ извѣстно, труднѣе и непріятнѣе, чѣмъ учить.

3) Далѣе репетиторство вредитъ также учителю и въ томъ отношеніи, что оно мѣшаетъ ему слѣдить за развитіемъ ученика. Часто ученикъ «устывающій» переходитъ у него въ число «неустывающихъ» только потому, что репетиторъ «распустилъ возжи». А если ученикъ до сихъ поръ учился самостоятельно, если онъ до сихъ поръ «шелъ на помочахъ», то ослабленіе бдительности репетитора, безъ сомнѣнія, отразится на успѣхахъ ученика. Надежда на домашняго учителя все та-же: но, увы! она можетъ обмануть ученика. Между тѣмъ, преподаватель гимназіи не всегда можетъ угадать, гдѣ должно искать причину ослабленія успѣшности: въ томъ-ли, что у мальчика слабыя способности, въ томъ-ли, что онъ разлѣнился, или въ томъ, что ученикъ недостаточно развитъ, чтобы слѣдовать за курсомъ? «А ларчикъ просто открывался»: репетиторъ началъ холоднѣе относиться къ дѣлу (благо онъ упрочилъ свое положеніе въ домѣ родителей ученика), или, въ лучшемъ случаѣ, онъ сталъ обращать все свое вниманіе на слабыя познанія ученика въ другомъ предметѣ.

4) Еще непріятнѣе для преподавателя то обстоятельство, что чѣмъ больше въ классѣ учениковъ, имѣющихъ репетитора, тѣмъ труднѣе учителю оцѣнивать самого себя, т.-е. свои приемы и методы. Ученикъ успѣваетъ; но чего стоитъ ему эта «временная» успѣшность?—этого учитель не знаетъ. Довольный успѣхами учениковъ и своимъ методомъ, онъ идетъ впередъ все тѣмъ-же *шагомъ*, не подозрѣвая, что многимъ его предметъ кажется «труднымъ», а его требованія слишкомъ «строгими». И тутъ репетиторство является непріятнымъ для «строгаго» учителя средостѣпиемъ.

Наконецъ, въ-5-хъ, чѣмъ больше въ томъ или другомъ классѣ репетитуемыхъ, тѣмъ стыднѣе преподавателямъ этого класса. А между тѣмъ, не всегда виноваты въ этомъ случаѣ учителя. Ниже мы увидимъ, гдѣ должно искать причинъ чрезмѣрнаго распространенія репетиторства.

Итакъ, репетиторство выставляетъ учителя въ глазахъ людей,

не посвященныхъ въ тайны школьнаго механизма, въ дурномъ свѣтѣ; оно позоритъ его. А между тѣмъ, если-бы кто-нибудь въ настоящее время, въ этотъ періодъ «процвѣтанія репетиторства» вздумалъ судить о достоинствахъ преподавателей по количеству «репетлируемыхъ», то онъ сдѣлалъ-бы непростительную погрѣшность и показалъ-бы, что онъ плохо знаетъ школьное дѣло и взаимоотношеніе семьи и школы. Мы говоримъ это въ виду того, что встрѣчаются и такіе цѣнители, которые съ апломбомъ знатока педагогическаго дѣла заключаютъ: «много репетлируемыхъ въ классѣ—значитъ учитель ведетъ дѣло плохо». Такое заключеніе было-бы совершенно справедливо, если-бы вопросъ о репетиторахъ былъ рѣшенъ правильно. Какъ онъ долженъ быть рѣшенъ, объ этомъ мы скажемъ ниже, въ третьей части нашей статьи.

в) *Страдаетъ репетиторъ.* 1) Ужъ одно то, что лучшая пора жизни большей части нашихъ учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній проходить «въ погонѣ за уроками», т.-е. за «металломъ», ужъ это обстоятельство не дѣлаетъ чести учебному заведенію, въ которомъ пріютилось репетиторство (а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ оно положительно «процвѣтаетъ»). Тратитъ молодые силы и время въ ранней молодости не на пріобрѣтеніе знаній, не на самообразование, а на «заработокъ денегъ», по нашему мнѣнію, крайне неправильно. Только *крайняя* нужда, т.-е. нужда въ кускѣ хлѣба могла-бы извинить стремленіе юноши *учить другихъ* въ золотую пору *самообученія* и отнимать у себя такимъ образомъ время и возможность *всецѣло* посвятить себя наукѣ. А между тѣмъ, репетированіемъ занимаются у насъ и тѣ, которые *вовсе* незнакомы съ *нуждою*, у которыхъ все необходимое есть. Часто и даже очень часто нашимъ репетиторамъ деньги нужны только для того, чтобы купить часы, модные сапоги или табаку по вкусу.

2) Эта «погоня за уроками» отнимаетъ у большей части нашихъ учениковъ (старшихъ классовъ) дорогое время, которое они должны-бы были употреблять на чтеніе книгъ, на занятія *любимымъ* предметомъ, на занятія музыкой, которая столь-же нужна для молодаго человѣка, какъ и науки. Увы! въ настоящее время напрасно вы будете искать учениковъ хоть сколько-нибудь начитанныхъ и не найдете вы такихъ учениковъ, которые посвящали-бы свободное время на пополненіе свѣдѣній по тому или другому «любимому» предмету. Увы! «любимыхъ» предметовъ теперь нѣтъ, за то «ненавистныхъ» много. Даже хорошіи ученикъ дальше программы, дальше того, что *требуется*, не идетъ. Но и «обязательное» ученики усваиваютъ не столько изъ любви къ

дѣлу, сколько изъ-за страха передъ экзаменами. Печальный фактъ! Только тотъ, кто самъ обманывается или другихъ обманываетъ, будетъ утверждать противное. Мы не говоримъ, что всѣ безъ исключенія ученики учатся теперь только «страха ради», какъ не говоримъ, что *единственная* причина упадка любви къ наукамъ — репетиторство; мы утверждаемъ только, что большею частью ученики дальше *обязательнаго* не идутъ, что *начитанныхъ* учениковъ почти нѣтъ, и что одною изъ причинъ этихъ грустныхъ фактовъ должно признать «моду на репетиторовъ и репетиторство».

3) Слѣдовательно, одною изъ причинъ поразительной *неразвитости* и умственной незрѣлости нашихъ учениковъ должно признать то обстоятельство, что въ низшихъ классахъ большая часть учениковъ «репетируется», а въ старшихъ «репетируетъ». Тамъ убивается самостоятельность ученика, его воля и личность, здѣсь тратится время не на то, на что должны употреблять его учащіяся. Уже отъ преподавателя ученикъ низшихъ классовъ получаетъ умственную пищу въ пережеванномъ видѣ *); а тутъ еще на сцену является репетиторъ,

*) Къ сожалѣнію, методъ «пережевыванія» есть послѣднее слово методологіи,—и попробуйте вы отступить отъ него, непременно просльзуете отсталымъ человѣкомъ, «обскурантомъ» въ педагогическомъ мірѣ. Всѣ ухищренія современной методологіи сводятся въ концѣ-концовъ къ тому, чтобы учитель какъ можно больше объяснял и говорилъ, а ученикъ отдѣлывался-бы односложными: «да», «нѣтъ» или краткимъ *повтореніемъ* уже подготовленнаго учителемъ отвѣта. Въ этомъ отношеніи наше «объяснительное чтеніе» достойно вниманія. Въ теченіе цѣлаго урока ученику не приходится сказать и одной связной, болѣе или менѣе полной и самостоятельной фразы. Г. Анненскій въ своей прекрасной и поучительной статьѣ «Образовательное значеніе роднаго языка» совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ классѣ мы не находимъ «*обнаруженія внутренняго міра*» ученика, т.-е. главнаго содержанія всякой *живой рѣчи*; что «современная школа съ ея *дрессировкой* съ одной стороны (низшая и средняя школа) и академическимъ *чтеніемъ лекцій*—съ другой (университетъ и др. высшія учебныя заведенія) слишкомъ ушла отъ живой бесѣды, составлявшей сущность школы отдаленныхъ временъ». А чего стоитъ наша модная эвристика, наша «система *выспрашиванія* съ ея переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее?» Катехизація, по справедливому замѣчанію г. Анненскаго, «*деспотически* стремится проникнуть и туда, гдѣ предметъ самъ по себѣ ясенъ... она носитъ *грубо-планированный* характеръ»; разъ она кокетится поэтическаго произведенія, «она стираетъ въ сознаніи ученика инстинктивно понимаемую имъ разницу между обыденнымъ взглядомъ на природу и поэтическимъ... она *вытѣсняетъ синтезъ въ мысли и рѣчи*... Для упражненія синтетической епособности, конечно, слишкомъ мало чисто *механическаго повторенія* выработанныхъ отвѣтовъ, которымъ при катехизаціи закрѣпляется тотъ или другой рядъ вопросовъ...» Эвристическою системою «хотя бы укрѣпить въ ученикѣ правильные приемы мышленія; но такъ какъ очень немногіе педа-

который еще разъ, сообразно съ своимъ развитіемъ и пониманіемъ, пережевываетъ то, чѣмъ долженъ питаться дѣтскій умъ, и вотъ дитя доходить «на помочахъ» до старшихъ классовъ. Оставаясь неразвитымъ, владѣя такимъ умственнымъ аппаратомъ, который «не принимаетъ», «не варитъ» здоровой, сочной умственной пищи въ непережеванномъ видѣ, ученикъ дѣлается часто репетиторомъ и, лишая себя возможности поправить *невольные* грѣхи и «ошибки ранней молодости», онъ посвящаетъ все свое свободное время на дѣло, столько-же трудное и недоступное для него, сколько и вредное во многихъ отношеніяхъ, т.-е. на репетированіе другихъ.

Можемъ-ли мы при такомъ ходѣ дѣла ожидать хоть слабой степени начитанности, развитія и умственной зрѣлости нашихъ гимназистовъ? Неподкупная и вмѣстѣ печальная дѣйствительность подсказываетъ намъ отрицательный отвѣтъ.

4) Наконецъ, юность, по словамъ Карамзина, расточительна: она не цѣнитъ здоровье. День проходитъ въ «погонѣ за уроками» и на урокахъ; слѣдовательно «репетитору» приходится учить свои уроки по вечерамъ и ночамъ. Такой неправильный образъ жизни отражается на здоровьѣ ученика. Кромѣ того, репетиторство есть такое занятіе, которое дурно вліяетъ на нервы. Это безспорный фактъ, и чѣмъ больше любви къ дѣлу, тѣмъ хуже для нервовъ. И выходитъ, такимъ образомъ, что *mens non sana in corpore non sano*. Даже та польза, которую толковый и добросовѣстный репетиторъ можетъ получить для себя отъ стремленія выяснить репетлируемому ученику неувоенные имъ въ классѣ уроки (*docendo discimus*), не можетъ, по

гоги похожи на Песталоцци и Фребеля, то *эвристическій методъ* подчасъ становится очень скучнымъ для учителя и для класса дѣломъ, а иногда даже квалифицированнымъ мученіемъ для учениковъ («Образовательное значеніе роднаго языка». Ин. Анненскаго. «Русская Школа», янв. 1890 г., стр. 32 и слѣд.). Еще болѣе *притупляющая пережевыванія* заключается въ себѣ современный методъ веденія сочиненій. Даже *сочиненіе* вырабатывается въ классѣ учителемъ за ученика: *планъ данъ* (на языкѣ современной методологіи это значитъ: *выработаны учениками при помощи учителя*; но вѣдь ученики *поддакивали* только, а учитель говорилъ), мысли даны, взаимоотношеніе этихъ мыслей указано, даже вѣсъ и значеніе каждой мысли и чуть не фразы предусмотрены на урокѣ. Ученику опять-таки приходится только переписать то, что онъ *запомнилъ* (и все-то у насъ бьетъ на память, а не будитъ мысль!) или можетъ быть даже *записалъ* (конечно, черезъ пятое десятое) въ черновой тетради. Гдѣ-же тутъ мѣсто для предполагаемаго *сочиненія*? Гдѣ здѣсь *самодѣятельность*? и въ чемъ она можетъ выразиться? Кажется, только въ переписываніи... Впрочемъ, о современномъ методѣ веденія сочиненій мы намѣрены поговорить въ другой разъ.

нашему убѣжденію, искупить всего того зла, которое порождается репетиторствомъ.

Итакъ, репетиторство притупляетъ способности репетитуемого, убиваетъ въ немъ силу воли, дѣлаетъ его умственно дряблымъ: оно затрудняетъ учителя при оцѣнкѣ способностей и развитія учениковъ и своихъ приѣмовъ и методовъ; оно, наконецъ, является одною изъ многихъ причинъ умственной незрѣлости репетиторовъ, ихъ неначитанности и поверхностнаго отношенія къ дѣлу; оно-же дурно вліяетъ на здоровье репетитора, дѣлая его истиннымъ сыномъ «нашего нервнаго вѣка». Вотъ въ чемъ зло современной моды на репетиторовъ или «репетитороманіи».

III.

Гдѣ-же причины этого печальнаго явленія? Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что репетиторство быстро развилось и, не встрѣчая протеста ни со стороны родителей, ни со стороны педагоговъ, вошло въ современный педагогическій механизмъ, какъ существенная часть его, какъ необходимое колесо или винтъ? Кто виноватъ тутъ? Школа или семья?

Не беремся отвѣтить на эти вопросы положительно; но постараемся указать на тѣ причины, которыя мы признаемъ главными.

1) Прежде всего виноватъ тутъ духъ времени: всѣ и все куда-то спѣшить, чего-то ищетъ въ будущемъ, пренебрегая настоящимъ. Эта черта времени проглядываетъ, между прочимъ, и въ томъ, что родители желаютъ какъ можно поскорѣе научить своихъ дѣтей читать и писать, какъ можно скорѣе провести ихъ по тернистой дорогѣ школьнаго образованія, чтобы опять-таки скорѣе «посадить» дѣтей на мѣсто, или, какъ говорятъ, поскорѣе «вывести въ люди», пристроить ихъ, — и все скорѣе и скорѣе!.. Да, виноваты прежде всего родители. Они заботятся только о томъ, чтобы ихъ дѣти прошли поскорѣе школу; они убиваются, проливаютъ слезы, когда ихъ дитя, начавшее учиться уже чуть не по 5-му или 6-му году, не усиваетъ въ школѣ; они плачутъ и страдаютъ даже тогда, когда учитель говоритъ имъ, что неуспѣшность ученія ихъ дитяти зависитъ только отъ «неразвитости». «Придетъ время, мальчикъ разовьется и поидетъ», говоритъ педагогъ. Но, увы! родители сквозь слезы спрашиваютъ: «не взять-ли для сына репетитора?» Къ сожалѣнію, не всякій педагогъ сумѣетъ убѣдить отца или плачущую мать въ томъ, что репетиторъ не нуженъ. Да и убѣждать бесполезно. Если есть хоть малѣйшая матеріальная

возможность, родители все-таки возьмутъ репетитора, благо ихъ такъ много. Вдвойнѣ виноваты тѣ родители (а такихъ, съ сожалѣнію, большинство), которые, помѣстивъ дитя въ школу, считаютъ себя свободными отъ хлопотъ,—отъ присмотра и наблюденія за тѣмъ, какъ относятся ихъ дѣти къ своимъ обязанностямъ въ школѣ и дома. Рѣдкіе изъ родителей «слѣдятъ» за аккуратнымъ и своевременнымъ выполненіемъ тѣхъ *небольшихъ* уроковъ, которые даются ученику *на домъ*. Нужды нѣтъ, что ученикъ приноситъ «задачникъ» съ единицею по вниманію или съ другимъ какимъ-либо «замѣчаніемъ» класснаго наставника, родители рѣдко обращаютъ вниманіе и «отзываются» на эти замѣчанія: дитя по старому не выполняетъ своего дѣла (мы говоримъ про начало учебнаго года), а родителямъ «все некогда присмотрѣть за ребенкомъ». Обыкновенно они берутся за умъ тогда, когда уже поздно, т. е. когда отъ дитяти требуется уже большое усиліе, чтобы загладить «грѣшки».

Но какъ загладить? Репетиторъ является тутъ единственнымъ *тѣмъ*. Вотъ почему въ концѣ учебнаго года репетиторы завалены работой,—такъ много нуждающихся въ репетиторѣ! И репетиторы, замѣтите, пожинаятъ, гдѣ не сѣяли: слабый ученикъ допущенъ къ экзамену «*по снисхожденію*» *), благо снисходительность теперь въ большой цѣнѣ и модѣ, слабому ученику I, II класса поставили по двумъ или даже по тремъ предметамъ 3 (три) вмѣсто 2 (двухъ). Репетитору честь и слава! Да и какъ его не прославлять, когда въ одну четверть (а иногда и того меньше) своимъ магическимъ жезломъ онъ поднималъ ученика на ноги; нужды нѣтъ, что ноги-то глиняныя, что въ слѣдующемъ году потребуются снова репетиторъ, чтобы еще разъ «поднять на ноги» мальчика, который снова упадетъ въ слѣдующемъ классѣ. Словомъ, ученикъ встаетъ, чтобы падать, и падаетъ, чтобы вставать впредь до старшихъ классовъ, а иногда вплоть до полученія «аттестата зрѣлости». Молва о цѣли-

*) А это *снисхожденіе*, по своимъ послѣдствіямъ, для большинства «слабыхъ» хуже самаго строгаго наказанія: слабого «перетягиваютъ», чтобы онъ безъ азбуки читалъ, чтобы, не умѣя считать, рѣшалъ сложныя задачи, чтобы, не умѣя склонять и спрягать и не зная словъ, переводилъ на древніе языки «мудренныя» иногда «фразы» и т. п.,—словомъ, чтобы слабый оставался и впредь слабымъ и мѣшалъ-бы въ слѣдующемъ классѣ и товарищамъ, и учителю. Такая вредная *снисходительность* у насъ въ ходу, уже по тому, что она «нравится родителямъ» и отвѣчаетъ духу нашего «торопливаго» времени. Негельсабахъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «неравномѣрно подготовленные ученики *тормозятъ* преподаваніе и бываютъ *мученіемъ* для учителей» («Гимназія». 1888 г., кн. II, стр. 34).

тельной силѣ репетиторовъ распространяется все шире и шире (а о «снисхожденіи», оказанномъ учителями двумъ, тремъ десяткамъ учениковъ, и именно репетируемымъ, родители не знаютъ, ибо «что происходитъ на педагогическихъ совѣтахъ, то тайна»). Родители приходятъ къ убѣжденію, что учителя строги и учить не умѣютъ; что, напротивъ, «стоитъ лишь завести очки», т.-е. взять репетитора хотя-бы въ концѣ года—и дѣло будетъ сдѣлано,—ученикъ перейдетъ въ слѣдующій классъ.

Бываютъ и другіе мотивы приглашенія репетиторовъ. Часто родители не имѣютъ ни времени, ни охоты заниматься такимъ дѣломъ, какъ *постоянный* надзоръ за мальчикомъ и наблюдение за приготовленіемъ уроковъ. «Свѣтъ рѣшилъ», что и тутъ нуженъ репетиторъ. Часто мальчуганъ выходитъ изъ повиновенія родителямъ или родственникамъ. Чѣмъ пособить горю? Опять приглашаютъ репетитора, который въ такомъ случаѣ играетъ роль воспитателя. Во всѣхъ этихъ случаяхъ являются репетиторы по винѣ главнымъ образомъ родителей.

2) Но и педагоги не безгрѣшны. Мы уже сказали, что не всякій педагогъ имѣетъ достаточно силы воли, чтобы не уступить плачущей матери и не согласиться съ нею, что «*можетъ быть*» сынъ ея будетъ учиться лучше, если она возьметъ для него репетитора. Къ сожалѣнію, это бываетъ довольно часто.

Но еще болѣе жаль, что не всѣ педагоги прониклись убѣжденіемъ въ томъ громадномъ вредѣ, какой приносятъ репетиторы большинству изъ числа репетируемыхъ. Если-бы всѣ педагоги были проникнуты убѣжденіемъ, что репетиторство вредитъ а) ученику, б) учителю и в) самому репетитору (о чемъ сказано нами выше), то мы, безъ сомнѣнія, не писали бы настоящей своей статьи. Къ сожалѣнію, часто сами учителя «совѣтуютъ» родителямъ взять репетитора,—и не только тогда, когда эта мѣра не бесполезна (объ этомъ скажемъ ниже), но и тогда, когда репетиторъ положительно вредитъ. Въ этомъ случаѣ педагоги стоятъ на почвѣ тѣхъ родителей, которые стараются во что-бы то ни стало *поскорѣ* довести ученика до «аттестата зрѣлости», дающаго извѣстныя «права» (въ *правахъ* вѣдь все дѣло), хотя-бы онъ былъ ужъ очень «незрѣлымъ» и *неразвитымъ* субъектомъ. Въ данномъ случаѣ и педагоги платятъ дань своему *нервно-торопливому* вѣку. Иногда, впрочемъ, эти совѣты взять репетитора объясняются неправильнымъ истолкованіемъ причинъ неуспѣшности. Гдѣ виноватъ ученикъ, тамъ часто, со словъ родителей, винятъ «строгаго» учителя какого-нибудь «труднаго» предмета. Въмѣсто того,

чтобы посовѣтоваться съ этимъ «строгимъ» учителемъ и спросить его мнѣнія о причинахъ неуспѣшности, услужливый педагогъ (классный наставникъ, инспекторъ или директоръ) «ничтоже сумняся», самъ совѣтуетъ родителямъ взять репетитора. Въ этихъ случаяхъ виноваты въ «непротивленіи злу» сами педагоги. Гораздо больше виноваты въ этомъ отношеніи педагогическіе совѣты *), которые рѣдко занимаются вопросомъ, нуженъ-ли въ *данномъ* случаѣ репетиторъ, или нѣтъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, такой важный вопросъ долженъ быть рѣшаемъ не однимъ учителемъ, не класснымъ наставникомъ, не инспекторомъ или директоромъ гимназіи, а *непрерѣнно* педагогическимъ совѣтомъ. Главное значеніе при этомъ должны имѣть голоса преподавателей того класса, въ которомъ находится ученикъ, для котораго родители его желаютъ имѣть репетитора.

Вдвойнѣ виноваты педагогическіе совѣты въ томъ, что *разрѣшаютъ* репетировать почти всѣмъ ученикамъ старшихъ классовъ, вовсе не зная «*педагогическихъ* способностей» своихъ учениковъ. Дѣло это ведется обыкновенно такъ: въ началѣ учебнаго года ученики трехъ (а иногда и четырехъ) старшихъ классовъ подають директору гимназіи заявленія о своемъ желаніи давать уроки **).

На ближайшемъ совѣтѣ эти «заявленія» обсуждаются, и почти каждому ученику «разрѣшается» репетировать. И какъ не разрѣшить? Одни успѣваютъ если не хорошо, то сносно, другіе бѣдны; а между тѣмъ потребность въ репетиторахъ велика. Но быть бѣднымъ или успѣвать удовлетворительно еще не значитъ быть хорошимъ репетиторомъ, способнымъ принести пользу, а не вредъ своему паціенту.

Между тѣмъ, при указанной постановкѣ дѣла, репетиторы почти всегда приносятъ положительный вредъ репетлируемымъ ими ученикамъ.

Репетировать не легче, чѣмъ учить, а иногда даже труднѣе, потому что репетиторы имѣютъ дѣло не съ лучшими учениками (послѣдніе не нуждаются въ нихъ), а всегда съ худшими, съ больными, такъ сказать, субъектами, какова-бы ни была ихъ болѣзнь,—лѣньность-ли, малоспособность или неразвитость. Съ такими субъектами

*) Кстати замѣтимъ, что кругъ дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ съ каждымъ годомъ становится все уже и уже. Оно и понятно: дѣятельность педагога-учителя введена въ столь узкія рамки, что монотонность, однообразіе и *безжизненность* теперешнихъ совѣтовъ—явленіе столько-же неизбежное, сколько и печальное. Мысли и desiderata большинства членовъ совѣта не могутъ обыкновенно «перелетать за частоколъ» ихъ внутренняго міра, до котораго, видимо, никому нѣтъ дѣла. Нормально-ли это, не намъ судить.

***) Бланки для «свидѣтельствъ» на право репетированія напечатаны даже нѣкоторыми предупредительными составителями ученическихъ «дневниковъ».

трудно справляться даже опытному педагогу. Какъ-же справится съ ними неопытный гимназистъ-репетиторъ? Прежде чѣмъ ученикъ VI, VII или VIII классовъ сдѣлается хоть сколько-нибудь *безопаснымъ* и полезнымъ врачомъ, онъ непременно, противъ своего желанія, погубитъ десятокъ своихъ пациентовъ; погубитъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что приучитъ ученика постоянно ждать помощи со стороны; онъ убьетъ въ мальчикѣ зачатки самодѣятельности и вѣру въ свои силы.

Если трудно-больныхъ поручаютъ лѣчить опытнымъ, хорошимъ врачамъ, то тѣмъ болѣе опытность нужна тому, кто лѣчитъ не тѣло, а душу человѣка, его умственно-психическій складъ.

А кому изъ нашихъ учениковъ-репетиторовъ нельзя было-бы сказать: «врачу, исцѣлися самъ». Но кто скажетъ это? кто оцѣнитъ приемы и методы ученика-репетитора? Родители въ этомъ случаѣ не могутъ быть цѣнителями,—по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ,—уже по тѣмъ причинамъ, въ силу которыхъ родители не могутъ быть хорошими учителями своихъ дѣтей. Кто-же долженъ быть цѣнителемъ и судьей ученика-учителя, который къ тому-же часто дѣлается и «воспитателемъ»? Намъ кажется, что судьей въ этомъ случаѣ можетъ и долженъ быть исключительно педагогическій совѣтъ, который выдаетъ ученику «свидѣтельство на право репетиторванія». Но—*conditio, sine qua non*—педагогическій совѣтъ *всегда долженъ хорошо знать, кому онъ даетъ это обоюдоострое оружіе*; онъ долженъ знать не успѣхи только и поведеніе ученика-репетитора, но и его приемы и методы обученія,—короче, онъ долженъ знать его, какъ *репетитора*. Если-же этого достигнуть нельзя (а такое мнѣніе приходится слышать довольно часто), то самыя понятія: «*ученикъ-репетиторъ*», «*ученикъ-учитель*», «*ученикъ-воспитатель*» должны быть навсегда исключены изъ педагогическаго лексикона, т.-е. *репетиторство* въ его нынѣшнемъ смыслѣ должно быть *уничтожено* въ виду того громаднаго вреда, на который мы указали и который сознавался и сознается очень многими педагогами.

М. Крыгинъ.

(Окончаніе будетъ).

НУЖДЫ КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ.

Въ программу занятій перваго всероссійскаго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (съ 26-го декабря 1889 по 6-е января 1890 года) вошелъ, между прочимъ, и вопросъ о коммерческомъ образованіи. Нѣсколько засѣданій съѣзда посвящено было разсмотрѣнію цѣлаго ряда представленныхъ по этому предмету докладовъ, возбудившихъ оживленные пренія. То, что за недостаткомъ времени не могло быть высказано, нашло себѣ выраженіе въ обстоятельно изложенныхъ особыхъ мнѣніяхъ. Вообще, съѣздъ по данному вопросу вызвалъ къ жизни весьма обильный матеріалъ, служащій если не къ полному уясненію вопроса, то, по крайней мѣрѣ, къ установленію на него надлежащей точки зрѣнія. Передъ нами въ настоящее время «Труды» съѣзда, изданные въ 6-ти томахъ, изъ которыхъ пять заключаютъ въ себѣ воспроизведеніе всѣхъ докладовъ и сдѣланныхъ на нихъ въ засѣданіяхъ съѣзда замѣчаній, а шестой — общій обзоръ сдѣланныхъ постановленій и возбужденныхъ вопросовъ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, останавливаемся пока на коммерческомъ образованіи.

По коммерческому образованію представили съѣзду свои доклады гг. Прокофьевъ и Езерскій о преподаваніи бухгалтеріи, проф. Петровъ — о занятіяхъ по товаровѣдѣнію, проф. Ходскій — о высшемъ коммерческомъ образованіи и г. Моревъ — о единообразіи преподаванія въ коммерческихъ училищахъ (см. «Труды», т. I, отдѣлъ III, коммерческое образованіе).

По докладамъ гг. Прокофьева и Езерскаго, въ засѣданіи 2-го января 1890 года принята слѣдующая резолюція:

«Желательно, чтобы предложенный г. Езерскимъ планъ преподаванія коммерческой ариѳметики и бухгалтеріи, а также вопросы, за-

ключающіеся въ докладѣ г. Езерскаго, были разсмотрѣны въ спеціальной комиссіи, при содѣйствіи общества распространенія коммерческихъ знаній, и результаты доложены ближайшему съѣзду».

Указывая на точность ариѳметическихъ вычисленій, какъ на базисъ бухгалтерскаго дѣла, преподаватель бухгалтеріи А. В. Прокофьевъ рекомендуетъ сохраненіе въ конторахъ повѣрочнаго вычисленія на счетахъ, за которыми онъ признаетъ преимущество передъ всѣми другими счетными аппаратами.

Придавая курсу коммерческой ариѳметики характеръ сближенія съ предстоящей каждому ученику конторской работой и практической дѣятельностью вообще, г. Прокофьевъ предлагаетъ начинать курсъ съ товарныхъ вычисленій и заканчивать статьями о займахъ, о пари золота и серебра и о расцѣнкѣ товаровъ. При этомъ самымъ удобнымъ способомъ класснаго изученія, по мнѣнію докладчика, является веденіе одного и того-же дѣла, съ возможнымъ разнообразіемъ оборотовъ, каждымъ ученикомъ класса.

Что-же касается системы счетоводства, которой должно держаться преподаваніе, то г. Прокофьевъ говоритъ, что главнымъ образомъ должно сообщать ученикамъ двойную систему, какъ наиболее ясную и уже вполне оцѣненную на практикѣ.

Это послѣднее утвержденіе поддерживалось почти всѣми ораторами, говорившими въ собраніи съѣзда 2-го января, за исключеніемъ г. Езерскаго, который настаивалъ на вопросѣ о пересмотрѣ всѣхъ дѣйствующихъ системъ счетоводства, отъ чего собраніе уклонилось, не отказавъ, однако, въ извѣстномъ вниманіи представленіямъ г. Езерскаго, какъ то видно изъ резолюціи собранія.

Съ своей стороны содержатель счетоводныхъ курсовъ Ѳ. В. Езерскій внесъ особое мнѣніе, въ которомъ какъ сказано въ «обзорѣ занятій I отдѣленія» (см. съѣздъ р. дѣят. по техн. и проф. образ. въ Россіи, 1889—1890 г., общая часть), «рядомъ примѣровъ доказываетъ, что, по правиламъ счетоводства простой и двойной системы, весьма часто, ради баланса, выставляютъ различныя подставныя цыфры расходовъ и приходовъ, на самомъ дѣлѣ не произведенныхъ, отчего счета затемняются и влекутъ къ ошибкамъ» (стр. 20). Въ первомъ томѣ «Трудовъ» мы находимъ обстоятельную формулировку взглядовъ г. Езерскаго на это дѣло. Г. Езерскій прежде всего нападаетъ здѣсь на иноязычную терминологію. Замѣна русскихъ словъ *приходъ* и *расходъ* латинскими *debet* и *credit* ведетъ въ счетоводствѣ къ затемнѣнію истины, къ именованію подъ терминомъ *кредитъ* расходовъ подставныхъ, необходимыхъ, однако, итальянскому счетовод-

ству для соблюденія основнаго принципа его системы — двойной записи каждой цыфры.

Кромѣ того, какъ доказываетъ г. Езерскій, двойная система въ той-же мѣрѣ, какъ и простая, ограничивается въ счетоводствѣ лишь двумя факторами торговаго дѣла при простой формѣ обмѣна, производимаго двумя сторонами, причемъ у каждой есть свой приходъ и расходъ. Г. Езерскій обращаетъ вниманіе на то, что обмѣнъ сопровождается еще остаткомъ, который требуетъ особаго учета.

Рядомъ примѣровъ г. Езерскій доказываетъ, что въ счетоводствѣ по простой и двойной системѣ весьма часто элементы остатка объединяются въ одну цыфру съ элементами расхода или прихода, а для выведенія баланса выставляются различныя подставныя цыфры расходовъ и приходовъ, на самомъ дѣлѣ не произведенныхъ.

Не беремъ судить, насколько справедливы обвиненія г. Езерскаго. Думаемъ, однако, что и собраніе съѣзда, въ которомъ г. Езерскій возбудилъ свой вопросъ, чувствовало себя далеко не въ сферѣ своей компетенціи и безпристрастія. Здѣсь были по преимуществу педагоги, преподаватели коммерческихъ наукъ, теоретики дѣла, весьма часто, къ сожалѣнію, отрѣшающіеся отъ живаго представленія результатовъ своей педагогической задачи. Занятые исключительно преподаваніемъ, наши преподаватели бухгалтеріи, быть можетъ, не всегда въ курсѣ промышленныхъ дѣлъ. Они хорошо выучиваютъ своихъ питомцевъ, по другой вопросъ — всегда-ли птенцы нашихъ коммерческихъ школъ, по выходѣ изъ нихъ, чувствуютъ себя вполне оперенными? Повторяемъ, преподаватели бухгалтеріи, при всемъ уваженіи къ ихъ достойной и весьма усердной дѣятельности, еще недостаточно компетентны для рѣшенія вопроса объ истинной, вполне соответствующей ходу русской промышленности, счетоводной системѣ.

Вопросъ, возбужденный г. Езерскимъ, является капитальнымъ въ промышленной и государственной жизни. Но, съ другой стороны, не являются-ли беспочвенными сужденія педагогическаго собранія, каковымъ несомнѣнно былъ съѣздъ по своему составу и задачамъ, о томъ, какъ учить бухгалтеріи, когда возбуждены заслуживающія вниманія сомнѣнія относительно того, чему именно учить, какую именно систему утверждать, давая ее въ руки учениковъ нашихъ школъ, въ той или другой мѣрѣ сообщающихъ знаніе счетоводства?

Въ виду всего этого вышеприведенная резолюція съѣзда постановлена совершенно правильно. Вопросъ требуетъ спеціальной разработки и, какъ намъ извѣстно, состоящая при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ постоянная комиссія по техническому образова-

нію организуетъ теперь для разработки вопроса о бухгалтеріи спеціальную комиссію, въ составъ которой, на ряду съ лицами, стоящими во главѣ учебнаго дѣла счетоводства, войдутъ также представители промышленныхъ заведеній и государственныхъ учреждений, заинтересованныхъ въ незыблемой постановкѣ счетоводства.

Но задача коммерческаго образованія не ограничивается подготовленіемъ бухгалтеровъ, хотя, по замѣчанію одного изъ ораторовъ собранія 2-го января, г. Никитинскаго (стр. 55), говорившаго по поводу доклада профессора Петрова о товаровѣдѣніи, большинство изъ учившихся (около 80%) въ коммерческихъ училищахъ занимаются исключительно бухгалтеріей. Между тѣмъ, настоящее коммерческое дѣло требуетъ не только счетоводовъ, но и товаровѣдовъ, соотвѣтственно чему въ программахъ нашихъ коммерческихъ училищъ поставленъ предметъ товаровѣдѣнія. Но, какъ говорилъ тотъ-же ораторъ г. Никитинскій, всякій, преподающій товаровѣдѣніе, знаетъ, что иностранные курсы этого предмета имѣютъ крайне рутинную постановку. «Эти курсы—говоритъ г. Никитинскій—состоятъ въ перечисленіи сортовъ товаровъ, слѣдовательно въ номенклатурной сторонѣ дѣла и въ краткомъ упоминаніи о происхожденіи товаровъ и географическихъ пунктахъ, откуда получаютъ и куда направляются товары». Въ докладѣ своемъ «о практическихъ занятіяхъ по химіи и товаровѣдѣнію въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ» профессоръ этого учебнаго заведенія П. П. Петровъ выдвинулъ на первый планъ тѣсную связь товаровѣдѣнія съ химіей. Онъ избавляетъ своихъ учениковъ отъ курсовъ товаровѣдѣнія, которое такъ печально характеризуетъ г. Никитинскій, и сосредоточиваетъ ихъ на лабораторныхъ занятіяхъ, давая имъ въ руки методъ химическаго изслѣдованія съ практической цѣлью расцѣпки товаровъ и опредѣленія ихъ доброкачественности. Не останавливаясь на химическомъ анализѣ, профессоръ Петровъ также учитъ своихъ учениковъ владѣть и микроскопомъ въ тѣхъ-же цѣляхъ пракческаго товаровѣдѣнія. Выше цитированный ораторъ г. Никитинскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на докладъ профессора Петрова, предложилъ расширить еще болѣе взглядъ на живое соотношеніе товаровѣдѣнія съ естествознаніемъ, вообще говоря, что «не только область химіи, но и область физики, область естественныхъ наукъ повторяется на каждомъ шагу въ курсѣ товаровѣдѣнія».

Согласно всему вышеизложенному, собраніе 2-го января постано-

вило слѣдующую резолюцію: «Преподаваніе товаровѣдѣнія должно быть поставлено *научно*, пользуясь всѣмъ тѣмъ научнымъ матеріаломъ, который даетъ весь курсъ естествовѣдѣнія въ коммерческихъ училищахъ, согласно методу, изложенному въ докладѣ профессора Петрова».

Если-же, съ одной стороны, по отношенію къ счетоводству, заходить рѣчь о несовершенствѣ системы, съ другой, по отношенію къ товаровѣдѣнію, чувствуется потребность внесенія научнаго характера въ этотъ основной предметъ коммерческихъ знаній, то вообще въ сферѣ коммерческаго образованія чувствуется необходимость особаго подъема научныхъ знаній путемъ созданія высшаго учебнаго заведенія по коммерческимъ наукамъ. О необходимости устроить такой высшій коммерческій институтъ говорилъ на съѣздѣ профессоръ Ходскій. Люди съ высшимъ коммерческимъ образованіемъ необходимы въ роли руководителей въ большихъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ, равно какъ въ государственномъ управленіи есть не мало должностей, требующихъ специальныхъ познаній по части коммерческихъ и финансовыхъ наукъ. Не менѣе нужны люди съ высшимъ коммерческимъ образованіемъ для пополненія контингента преподавателей и руководителей въ среднихъ и низшихъ коммерческихъ школахъ.

Насколько назрѣлъ вопросъ о высшемъ коммерческомъ образованіи, показываетъ отношеніе къ этому вопросу русскаго купечества. Какъ сообщалъ на съѣздѣ профессоръ Маркевичъ, одесское купечество усиленно, но не вполне успѣшно ходатайствуетъ о разрѣшеніи устроить высшіе коммерческіе курсы при мѣстномъ коммерческомъ училищѣ. Вообще идея коммерческаго образованія столь популярна среди купечества, что наше торговое сословіе никогда не останавливается передъ жертвами на этотъ предметъ, и всѣ наши спеціальныя коммерческія учебныя заведенія въ матеріальномъ отношеніи болѣе чѣмъ обеспечены. Послѣднимъ выраженіемъ горячей готовности русскаго купечества способствовать распространенію въ своей средѣ общаго образованія, поставленнаго въ связь съ коммерческими занятіями, является учрежденіе въ Харьковѣ коммерческаго училища.

Предпринявъ это благое дѣло въ память чудеснаго избавленія Государя Императора отъ грозившей всей царской семьѣ опасности 17-го октября, харьковское купечество ассигновало на предметъ учрежденія коммерческаго училища 100.000 руб. и рѣшило обложить ежегоднымъ сборомъ 50 рублей каждое свидѣтельство I гильдіи и 15 рублей каждое свидѣтельство II гильдіи. Уставъ училища внесенъ на обсуж-

деніе Государственнаго Совѣта и въ самомъ непродолжительномъ времени можно ожидать его Высочайшаго утвержденія.

Обращаясь къ существующимъ уже коммерческимъ училищамъ, напомнимъ, что, какъ говорилъ на сѣздѣ профессоръ Ходскій, ежегодные доходы Коммерческаго С.-Петербургскаго училища превышаютъ расходы на 27.000 рублей.

Но докладъ профессора Ходскаго вызвалъ сильную оппозицію, выразившуюся какъ въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ въ вечернемъ собраніи сѣзда 2-го января, такъ и въ отдѣльномъ мнѣніи г. Фишера, къ которому присоединилась группа лицъ, весьма авторитетныхъ въ вопросахъ коммерческой школы. Возраженія эти сдѣланы, однако, не по существу, а лишь по отношенію къ ссылкамъ докладчика на высшія коммерческія школы за-границей, каковыя школы, по утвержденію возражавшихъ профессору Ходскому, отнюдь не выше по своему курсу нашихъ среднихъ коммерческихъ школъ. Въ силу этого противники идеи профессора Ходскаго считаютъ предложеніе его преждевременнымъ и несоотвѣтствующимъ нуждамъ торговаго сословія, но съ слѣдующею оговоркою: «Другое дѣло, если рѣчь пойдетъ объ учрежденіи при томъ или другомъ изъ существующихъ коммерческихъ училищъ особыхъ педагогическихъ курсовъ для лицъ, желающихъ посвятить себя преподаванію въ коммерческихъ школахъ. Такому учрежденію, при разумной и строго-обдуманной организаціи, порадуются всякій, понимающій потребности коммерческаго образованія» (стр. 77). Нечего объяснять здѣсь, что подобныя педагогическіе курсы составятъ не что иное, какъ проектируемое профессоромъ Ходскимъ высшее коммерческое учебное заведеніе, и такимъ образомъ оказывается, что его идея пользуется сочувствіемъ даже противниковъ высказанныхъ имъ обобщеній.

Исходя изъ мысли гг. оппонентовъ идеи профессора Ходскаго о педагогическихъ курсахъ при коммерческихъ училищахъ и принимая во вниманіе существованіе возникшаго два года тому назадъ общества распространенія коммерческихъ знаній, мы-бы рекомендовали нашимъ коммерческимъ училищамъ приложить бѣольшую заботу о сохраненіи связи между училищами и ихъ питомцами по окончаніи ими курса. При каждомъ училищѣ должно быть учреждено общество бывшихъ его воспитанниковъ, какъ съ цѣлями благотворительными, такъ и съ цѣлями дальнѣйшаго научнаго самоусовершенствованія. Здѣсь должны быть кадры какъ высшихъ коммерческихъ институтовъ, такъ и общества распространенія коммерческихъ знаній.

Какъ-бы то ни было, сѣздъ призналъ желательнымъ устройство

высшихъ коммерческихъ институтовъ, и докладъ профессора Ходскаго опредѣлено препроводить въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдомство Императрицы Маріи и въ Министерство Финансовъ.

Относительно общаго характера постановки преподаванія коммерческихъ знаній наибольшее сочувствіе бывшихъ на съѣздѣ представителей коммерческихъ наукъ вызвалъ докладъ преподавателя Петровскаго коммерческаго училища Д. Д. Морева «о единообразіи преподаванія въ коммерческихъ училищахъ и установленіи нормальныхъ программъ». Единогласнымъ постановленіемъ съѣзда въ засѣданіи 4-го января были приняты слѣдующія пожеланія:

1) По отношенію къ предметамъ общеобразовательнаго курса желательнѣе болѣе однообразіе учебныхъ плановъ и программъ въ существующихъ у насъ коммерческихъ училищахъ.

2) Усвоеніе коммерческими училищами учебнаго плана и программы реальныхъ училищъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ средствомъ для достиженія этого единообразія; коммерческимъ училищамъ нуженъ свой особенный планъ общеобразовательнаго курса, болѣе приспособленнаго къ спеціальной ихъ задачѣ.

3) По отношенію къ новымъ языкамъ и большинству спеціальныхъ предметовъ каждое коммерческое училище должно вырабатывать свои особые планы и программы, примѣняясь къ особннымъ условіямъ и потребностямъ мѣстной торговли.

Вопросъ о коммерческомъ образованіи былъ затронутъ и въ другомъ отдѣленіи, а именно въ IV-мъ, посвященномъ вопросамъ женскаго профессиональнаго образованія. Въ напечатанномъ на страницахъ нашего журнала интересномъ докладѣ А. Н. Страннолюбскаго «Современныя нужды высшаго женскаго профессиональнаго образованія», почтеннымъ педагогомъ было высказано, между прочимъ, что утвердившееся обыкновение предоставлять мѣста женщинамъ въ торговыхъ заведеніяхъ, банкирскихъ конторахъ, въ управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ и пр., указываетъ на необходимость и своевременность организаціи женскаго коммерческаго образованія. Въ подтвержденіе своихъ доводовъ докладчикъ указывалъ на постановку женскаго коммерческаго образованія во Франціи, гдѣ женщины на поприщѣ веденія торговыхъ дѣлъ завоевали себѣ прочное положеніе. По мнѣнію А. Н. Страннолюбскаго женскія коммерческія училища должны быть учреждаемы самостоятельно, независимо отъ общеобразовательныхъ заведеній, чтобы не нарушать принципа самоцѣльности общаго образованія.

Идея А. Н. Страннолюбскаго получила въ настоящее время даль-

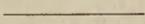
пѣйшее развитіе. Разумѣемъ здѣсь устройство женскихъ курсовъ коммерческихъ знаній. Вышеупомянутое общество распространенія коммерческихъ знаній устроило широко поставленные курсы по всеѣмъ предметамъ коммерческихъ наукъ. Но женщины рѣшительно не пустили ни въ составъ самого общества, ни на его курсы, что подало поводъ къ расколу въ средѣ членовъ, едва не приведшему общество къ распаденію на самыхъ первыхъ порахъ его дѣятельности. Въ настоящее время, какъ мы слышали, возникаетъ новое общество, которое ставитъ своей исключительной задачей распространеніе коммерческихъ знаній среди женщинъ. Будущее общество, учредители котораго, руководимые лицомъ, занимающимъ выдающійся постъ въ сферахъ, въ-дающихъ нужды нашей промышленности, энергично трудятся надъ выработкой основаній для осуществленія задуманнаго дѣла, и именно къ нимъ мы обращаемъ настоящія строки. Но неужели возникающее общество создастъ новые курсы и не примкнетъ къ уже существующимъ начинаніямъ? Укажемъ, наприимѣръ, на «Женскую профессиональную школу С. П. фонъ-Дервизъ», богато обставленное учебное заведеніе, уже давшее въ прошломъ 1890 году первый выпускъ ученицъ своего коммерческаго отдѣленія, прошедшихъ двухгодичный курсъ коммерческихъ знаній. Школа фонъ-Дервизъ выпустила въ прошломъ году 15 ученицъ и готовить къ выпуску текущаго года 25, но, какъ намъ извѣстно, не отказываетъ въ приѣмъ желающимъ и пока еще располагаетъ свободными вакансіями. Школа фонъ-Дервизъ обставлена выдающимися педагогическими силами; важень ея опытъ, ея ошибки даже, безъ которыхъ невозможно никакое живое дѣло. Отчего-бы вновь возникающему обществу не искать единенія съ школой фонъ-Дервизъ? Если классы ея переполнятся, можно тамъ-же открыть параллельные классы, пользуясь тѣмъ-же помещеніемъ, но другими часами, и уже впоследствии окрѣпшую учебную колонію отдѣлить отъ метрополи.

Есть и еще почва, гдѣ обѣщаютъ развиться коммерческіе курсы для женщинъ. Знаменитый въ исторіи русскаго благотворенія Демидовскій домъ призрѣнія уже съ годъ тому назадъ вошелъ съ проектомъ преобразованій и расширенія имѣющагося при немъ женскаго учебнаго заведенія, и въ этомъ проектѣ главное мѣсто занимаютъ курсы коммерческихъ знаній, на которые предполагается допускать воспитанницъ, прошедшихъ школу среднеобразовательную въ томъ-же Демидовскомъ заведеніи. Пусть возникающее общество попеченія о коммерческомъ образованіи женщинъ вступитъ въ сношенія съ администраціею Демидовскаго дома и окажетъ этому почтенному учреж-

денію нравственную поддержку въ дѣлѣ проведенія его проектовъ законодательными путями, и для женщинъ явится новая школа коммерческихъ наукъ.

Бывшій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію представилъ собою торжество всероссійскаго единенія и получилъ результаты, достойно одѣненные правительствомъ. Послѣдовало Высочайшее соизволеніе на устройство втораго съѣзда по профессиональному образованію въ 1893 г. въ Москвѣ. Нужно ожидать еще большихъ результатовъ отъ этого съѣзда въ городѣ, составляющемъ «сердце земли русской», въ этомъ средоточіи русской промышленности и торговли, а вопросъ о коммерческомъ образованіи именно тамъ, въ Москвѣ, будетъ, конечно, поставленъ на надлежащую почву.

— инъ.

ВАНДУТЪ ОПНѢКСТРЪ
 10. РЕВУСТЪ

Цѣль и средства преподаванія низшей математики.

ГЛАВА II.

Отдѣльныя статьи курса низшей математики съ общеобразовательной точки зрѣнія.

Abeunt studia in mores.
Ovidius Naso.

Установивъ въ первой главѣ настоящей статьи *) общія точки зрѣнія на образовательную и практическую цѣли преподаванія низшей математики, мы въ настоящей главѣ прежде всего намѣрены, на основаніи этихъ точекъ зрѣнія и на основаніи фактическаго содержанія практикуемыхъ у насъ курсовъ различныхъ отдѣловъ этого предмета, указать — какія статьи этихъ курсовъ могутъ быть безъ ущерба для дѣла устранены и какія идеи и статьи, напротивъ, должны бы быть включены въ каждый изъ этихъ отдѣловъ изъ области такъ-называемой высшей математики.

Ариѳметика какъ предметъ образованія должна быть различаема непремѣнно троякая: 1) ариѳметика ранняго дѣтскаго возраста, элементарная, первоначальная, въ самой основѣ и сущности своей наивная, оперирующая надъ нагляднѣйшими ариѳметическими *представленіями*: единицею, числомъ, какъ результатомъ дѣйствительнаго (не только словеснаго) счета, сложеніемъ, вычитаніемъ, умноженіемъ и дѣленіемъ чиселъ въ самыхъ простыхъ случаяхъ примѣненія этихъ дѣйствій; 2) ариѳметика возраста отроческаго, цыфирная, практическая, для которой важны не только ариѳметическія представленія, но и умѣнія, ариѳметика — искусство, греческая логистика, французскій calcul numérique, по-нѣмецки Zifferrechnen, та ариѳметика, которую

*) «Русская Школа», февраль 1891 года.

Въетъ, творецъ новѣйшей алгебры, называетъ *ars minor* и которой изученіе доступно дѣтямъ съ должнымъ запасомъ ариѳметическихъ представленій: 3) ариѳметика теоретическая, руководимая научно-логическими точками зрѣнія, оперирующая уже въ сферѣ ариѳметическихъ понятій и потому доступная только для обладающаго, кромѣ ариѳметическихъ представленій и умѣній, также и нѣкоторымъ, довольно значительнымъ, вкусомъ къ приемамъ точнаго математическаго мышленія и изслѣдованія.

Ариѳметикѣ первоначальной ребенокъ начинаетъ учиться въ самомъ раннемъ возрастѣ и продолжаетъ учиться (до вступленія въ школьный возрастъ) въ играхъ, въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, но какъ-бы мимоходомъ, пока, наконецъ, не станетъ заниматься ею болѣе или менѣе систематически подъ чѣмъ-либо руководствомъ, дома, въ приготовительномъ классѣ или въ начальной школѣ. Ариѳметику первоначальную можно охарактеризовать какъ совокупность тѣхъ преимущественно наглядно-психологическихъ (но отнюдь не логическихъ) элементовъ ариѳметическаго вычисленія, которыми исчерпывается психологическая основа ариѳметики.—Практическая ариѳметика (т.-е. ариѳметика вычисленій) предполагаетъ эту психологическую основу уже имѣющуюся у учащихъ на-лицо, и курсъ ея обыкновенно проходитъ въ низшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ среднихъ и старшихъ отдѣленіяхъ школы начальной; этотъ курсъ сводится къ приученію дѣтей къ вѣрному, быстрому и болѣе или менѣе изящному производству дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами. У насъ при этомъ ариѳметическими считаются только первыя четыре дѣйствія, во Франціи-же и нѣкоторыхъ другихъ странахъ это названіе распространяется также на возвышеніе чиселъ въ квадратъ и кубъ, на извлеченіе изъ чиселъ квадратныхъ и кубическихъ корней и даже на логариѳмическія вычисленія. Въ ариѳметикѣ практической интуитивный характеръ первоначальной ариѳметики замѣняется техникою и объясненіями.—Что касается курса теоретической ариѳметики, котораго объемъ и содержаніе, а также мѣсто въ курсѣ низшей математики до настоящаго времени не вполне точно еще установлены, то этотъ курсъ долженъ-бы руководиться уже исключительно логическими, теоретическими, научно-математическими точками зрѣнія. Вслѣдствіе того, что усвоенію правилъ и умѣній практической ариѳметики должны быть посвящены первые годы школьной жизни ребенка, въ основу этого курса не могутъ быть положены теоретическія точки зрѣнія со сколько-нибудь значительнымъ аппаратомъ аксіомъ, теоремъ, опредѣленій, доказательствъ, каковой аппаратъ умѣстенъ только

въ курсѣ ариѳметики теоретической. Недаромъ покойный академикъ В. Я. Буняковскій и многіе другіе авторы ариѳметику, называемую выше практической, считаютъ только сводомъ правилъ выполненія дѣйствій. Такъ, напримѣръ, Буняковскій въ своемъ «Лексиконѣ» прямо говоритъ, что «алгебра доказываетъ тѣ правила, которыми ариѳметика руководствуется», что во всякомъ случаѣ предполагаетъ отсутствіе въ ариѳметикѣ доказательствъ. Почти такъ-же смотрятъ на дѣло Монферье, Ог. Контъ, Дюгамель, Лагранжъ и многіе другіе—на практическую ариѳметику вычисленій, которая единственно и можетъ и должна быть изучаема среднимъ человѣкомъ въ возрастѣ 10—13 лѣтъ, т. е. въ низшихъ трехъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Съ Буняковскимъ нельзя согласиться только въ томъ, что алгебра, будтобы, «доказываетъ тѣ правила», которыми ариѳметика руководствуется при производствѣ вычисленій: у алгебры, какъ это выяснено въ предъидущей статьѣ и будетъ выяснено еще болѣе въ настоящей, совсѣмъ инныя цѣли, и доказывать теоремы, на которыхъ основано производство дѣйствій—задача не алгебры, а теоретической ариѳметики, какъ эту послѣднюю понимаютъ Бертранъ, Серре, а изъ русскихъ авторовъ Н. И. Билибинъ и В. Н. Стрекаловъ, изъ коихъ послѣдній въ своемъ, весьма интересномъ и заслуживающемъ всяческаго вниманія со стороны педагоговъ-математиковъ, курсѣ теоретической ариѳметики особенно строго опредѣлилъ для себя задачу подобнаго курса *).

Несмотря на то, что общій характеръ всѣхъ этихъ трехъ курсовъ и на практикѣ болѣе или менѣе подходитъ подъ вышепредложенныя характеристики ихъ, но тѣмъ не менѣе многія частности этихъ курсовъ не вполне отвѣчаютъ требованіямъ каждаго изъ нихъ.

Такъ, напримѣръ, курсъ ариѳметики приготовительнаго класса часто основанъ, съ одной стороны, на такъ называемомъ монографическомъ, ни къ чему не ведущемъ, изученіи числа (благодаря распространенности у насъ задачника Евтушевскаго), а съ другой—слишкомъ обремененъ рѣшеніемъ задачъ, совсѣмъ не отвѣчающихъ основнымъ требованіямъ курса и вовсе не припоровленныхъ къ выработкѣ въ умѣ учащагося основныхъ ариѳметическихъ представленій; далѣе, въ этомъ курсѣ, по винѣ не строго методическаго подбора задачъ и

*) «Теоретическая ариѳметика» В. Стрекалова (Спб. 1890 г.). Не должно смѣшивать теоретическую ариѳметику съ «Теоріею чиселъ», какъ это склонны дѣлать нѣкоторые; если сохранить и для ариѳметики эпитеты «низшей» и «высшей», то рекомендуемую нами для одного изъ высшихъ классовъ ариѳметику должно называть низшей теоретической ариѳметикою, причѣмъ высшею ариѳметикою придется называть уже теорію чиселъ.

упражненій и по винѣ господства во многихъ случаяхъ того или инаго вида изученія числа, таблицы четырехъ дѣйствій усваиваются дѣтьми не твердо,—что оказываетъ крайне вредное вліяніе на всемъ протяженіи остальнаго курса ариѳметики и алгебры, ибо усвоенію таблицъ при изученіи практической ариѳметики и курса алгебры уже невозможно посвящать свое вниманіе: знаніе таблицъ является психологически-необходимою основой всего остальнаго курса. Не желая въ этомъ мѣстѣ останавливаться на выясненіи значенія специально для этого курса подобранныхъ и составленныхъ задачъ и упражненій, такъ какъ этотъ вопросъ не входитъ въ программу настоящей главы и достаточно освѣщенъ нами въ I-й части нашего «Методическаго сборника ариѳметическихъ задачъ для среднеучебныхъ заведеній», считаемъ, однако-же, умѣстнымъ указать, что задачи и упражненія на этой ступени обученія должны отличаться возможно большою простотою, должны быть свободны вполнѣ отъ всякихъ условныхъ и искусственныхъ выраженій (въ родѣ «больше на столько-то», «больше во столько-то», «меньше во столько-то разъ», «увеличить число», «прибыль» и «убытокъ» и т. п.), а тѣмъ болѣе должны быть свободны отъ данныхъ, обращающихъ наивную ариѳметическую задачу въ задачу алгебраическаго характера, требующую отъ учащагося особенной изобрѣтательности и находчивости. Несоблюденіе указанныхъ условій, конечно, только препятствуетъ достиженію курсомъ этой, дѣтской, такъ сказать, ариѳметики его истиннаго назначенія и образовательныхъ цѣлей.

Въ курсѣ практической ариѳметики, съ точки зрѣнія истинныхъ цѣлей его, найдемъ тоже не мало лишняго и, кромѣ того, мы въ немъ натолкнемся на пробѣлы, которые должны быть непремѣнно восполнены. Прежде всего и въ этомъ курсѣ встрѣчаемся съ пристрастіемъ къ задачамъ сложнымъ, запутаннымъ, къ задачамъ чисто-алгебраическаго характера, какъ будто цѣль обученія практической ариѳметикѣ, между прочимъ, состоитъ также и въ усвоеніи дѣтьми способовъ распутыванія запутанныхъ задачъ. Истинная цѣль обученія практической ариѳметикѣ вовсе не предполагаетъ необходимости въ рѣшеніи такихъ задачъ. Что-же касается мнимаго, будто-бы особенно развивательнаго, а потому будто-бы и образовательнаго значенія задачъ этого рода, то, во-первыхъ, не для чего искать развивательныхъ моментовъ непремѣнно въ задачахъ, когда они имѣются въ великомъ изобиліи и въ самомъ курсѣ; а во-вторыхъ, именно образовательное значеніе этихъ задачъ, благодаря слишкомъ узкой, специальной и, притомъ, недоступной большинству учащихся сферѣ умственныхъ интересовъ, возбуждаемыхъ рѣшеніемъ ихъ, оказывается

ничтожнымъ; въ-третьихъ, наконецъ, задачи запутанныя и алгебраическаго характера на громадное большинство учащихся оказываютъ даже прямо вредное вліяніе, отбивая у нихъ охоту отъ занятій ариѳметикою, неправильно отождествляемою ими, по примѣру большинства учителей, съ этими задачами и наводя на учениковъ только великое уныніе и даже тоску, столь вредно отзывающіяся на всей умственной дѣятельности учащагося *). Далѣе въ курсѣ практической ариѳметики встрѣчаемся со статью объ обращеніи періодическихъ дробей въ обыкновенныя, которая не можетъ быть съ достаточною научною строгостью обоснована въ этомъ курсѣ, съ ученіемъ о пропорціяхъ, которое по самому духу своему принадлежитъ низшей алгебрѣ, со включеніемъ ученія объ ариѳметическихъ пропорціяхъ, абсолютно ни для чего въ настоящее время не нужныхъ. Что ученіе о пропорціяхъ есть ученіе, входящее въ составъ ученія о равенствѣ двухъ выраженій, т. е. ученія о формулахъ—спорить никто не станетъ, ибо всякому понятно, что пропорція, въ которой всѣ члены извѣстны, есть аналитическое равенство, обладающее извѣстными свойствами, а пропорція, въ которой одинъ изъ членовъ неизвѣстенъ, есть уравненіе; ученіе-же о равенствахъ и уравненіяхъ умѣстно только въ алгебрѣ, а не въ практической ариѳметикѣ и даже не въ ариѳметикѣ теоретической. Что-же касается такъ-называемыхъ *арифметическихъ* пропорцій, то очевидно, что онѣ неумѣстны не только въ ариѳметикѣ, но и вообще нигдѣ неумѣстны, ибо не нужны онѣ ни для кого и ни для чего на свѣтѣ. «А какъ-же—спроситъ читатель—ученики станутъ рѣшать задачи на тройныя правила, на правило процентовъ, учета векселей и т. д.?» Несомнѣнно, что умѣніе рѣшать задачи на нѣкоторыя тройныя правила необходимо и съ практической, и съ образовательной точки зрѣнія; но задачи этого рода должны быть отнесены, въ большинствѣ случаевъ, къ числу упражненій на нахожденіе части цѣлаго и цѣлаго по частямъ, и кромѣ того, задачи этого рода легко могутъ быть, какъ это извѣстно читателю, разрѣшаемы и безъ пропорцій.

*) Это пристрастіе къ труднымъ задачамъ со стороны учащихся заставило и пишущаго эти строки, если не переполнить, то, во всякомъ случаѣ, снабдить ими, можетъ быть, въ слишкомъ значительной мѣрѣ, вторую часть составленнаго имъ «Методическаго сборника ариѳметическихъ задачъ»; но въ этомъ послѣднемъ сочиненіи задачи хоть расположены по типамъ, и притомъ въ немъ задачи алгебраическаго характера выдѣлены въ отдѣльныя, самостоятельныя рубрики. Ср. «Опытъ методики ариѳметики для преподавателей математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (глава III: основные методическіе принципы обученія ариѳметикѣ, и въ особенности §§ 8—9).

Гораздо умѣстнѣе, чѣмъ въ курсѣ ариѳметики, прибѣгнуть къ рѣшенію задачъ на тройныя правила съ помощью пропорцій при прохожденіи въ *алгебрѣ* ученія о составленіи уравненій съ однимъ и со многими неизвѣстными *). Должно, кромѣ того, замѣтить, что нѣкоторыя изъ такъ-называемыхъ «тройныхъ правилъ» и совѣтъ должны бы быть исключены изъ курса практической ариѳметики: таковы, напр., такъ-называемый, притомъ неправильно называемый, «математическій» учетъ векселей, нигдѣ на свѣтѣ не практикуемый на дѣлѣ, да и вообще все «правило учета векселей», не вносящее въ курсъ никакихъ новыхъ образовательныхъ моментовъ, а также такъ-называемое «правило смѣшенія втораго рода», въ случаѣ неопредѣленныхъ рѣшеній, непонятныхъ учащемуся ариѳметикѣ по самому существу своему, такъ какъ неопредѣленность рѣшенія можетъ быть выяснена должнымъ образомъ только съ алгебраической точки зрѣнія.

Перебравъ такимъ образомъ статьи курса практической ариѳметики, подлежащія исключенію по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, мы должны также указать статью, совершенно игнорируемую не только въ учебникахъ ариѳметики и преподавателями этого предмета, но даже въ задачникахъ: мы говоримъ о сокращенныхъ способахъ вычисленія въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, гдѣ сокращеніе вычисленій (сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія) легко можетъ быть выполнено, гдѣ оно ускоряетъ дѣло вычисленія и гдѣ оно, стало-быть, вполне умѣстно **). Да и вообще должно-бы обращать надлежащее вниманіе не только на традиціонные, но и на другіе способы производства четырехъ дѣйствій надъ числами цѣлыми и дробными. Такъ, напр., кромѣ традиціонныхъ способовъ ихъ производства, крайне полезно, какъ въ практическомъ, такъ и въ образовательномъ смыслѣ, производство сложенія съ помощью записыванія каждой частной суммы, производство вычитанія многозначныхъ чиселъ съ помощью сложенія и съ помощью ариѳметическаго дополненія, производство умноженія, начинающееся съ высшихъ разрядовъ множителя, производство дѣленія безъ записыванія частныхъ произведеній на отысканную цифру частнаго и съ помощью составленной ранѣе таблицы произведеній дѣлителя на числа отъ 1-цы до 9-ти включительно, и т. под. Далѣе

*) Къ сожалѣнію, у пишущаго эти строки, въ свое время, не хватило мужества—изъ перваго изданія «Учебника ариѳметики», имъ составленнаго, совершенно исключить ученіе о пропорціяхъ, а задачи на тройныя правила распределить по всему своему «Методическому сборнику» въ надлежащихъ мѣстахъ.

**) Ср. «Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ», ч. II, стр. 32 (№№ 231—300) и стр. 189 (№№ 2276—2300).

необходимо научить производству умноженія десятичныхъ дробей по тому простому способу, на которомъ особенно настаиваетъ въ своихъ лекціяхъ въ нормальной школѣ Лагранжъ (ср. «Опытъ методики ариѳметики для преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»; стр. 176), и выработать въ учащихся единственно правильный взглядъ на дѣйствія надъ составными именованными числами и на преобразование ихъ, а именно тотъ взглядъ, по которому эти дѣйствія и преобразования являются лишь практическимъ и крайне простымъ приложеніемъ ученій о четырехъ дѣйствіяхъ надъ отвлеченными числами. Только при соблюденіи приведенныхъ выше соображеній истинная цѣль, преслѣдуемая изученіемъ практической ариѳметики, будетъ достигнута: дѣти научатся правильно, быстро и изящно производить дѣйствія надъ числами и при этомъ умъ ихъ приобрететъ какъ-разъ тѣ навыки, которые достаточны и необходимы для дальнѣйшаго слѣдованія по пути математическаго познания и общей умственной культуры.

При этомъ, само собою разумѣется, что правила дѣйствій должны быть, гдѣ это необходимо, мотивируемы, многія теоретическія положенія должны быть принимаемы безъ доказательства и что вообще никакія доказательства въ истинномъ смыслѣ этого слова въ курсѣ практической ариѳметики не должны-бы быть терпимы: неточныя—потому, что они развращаютъ умъ учащагося, а точныя—потому, что умъ малолѣтняго не въ состояніи постигнуть ихъ силу и смыслъ, и поэтому подобныя доказательства учащагося скорѣе отъ истиннаго знанія и пониманія отвращаютъ, чѣмъ къ нему приближаютъ. *Мотивировать ариѳметическое правило или техническій приемъ* не то же, что доказать теорему, на которой основано это правило или данный приемъ вычисленія *). Немотивированное правило, если оно по самому существу своему не очевидно, не должно быть терпимо въ среднемъ учебномъ заведеніи, и въ этомъ заключается причина, почему мы не можемъ сочувствовать столь распространенному во Франціи взгляду на объемъ и содержаніе ариѳметики,—взгляду, по которому въ курсъ этого предмета входятъ также дѣйствія извлеченія квадрат-

*) Къ сожалѣнію, мы не были въ состояніи держаться вполне строго этого взгляда въ составленномъ нами «Учебникѣ ариѳметики», и надѣемся выполнить это не ранѣе, чѣмъ въ ближайшемъ изданіи этого учебника, не взирая на то, что приведеніе въ исполненіе этого давнишняго желанія нашего въ нѣкоторыхъ пунктахъ будетъ нѣсколько расходиться съ заслуживающими во многихъ другихъ пунктахъ полного сочувствія соображеніями опубликованнаго недавно новаго плана преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ныхъ и кубическихъ корней изъ чиселъ и даже выполненіе логарифмическихъ вычисленій.

Чтобы покончить на этотъ разъ съ ариѳметикою и цѣлью преподаванія этого предмета, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о курсѣ ариѳметики, подлежащемъ усвоенію въ одномъ изъ высшихъ классовъ средняго учебнаго заведенія. *Повторенію* курса практической ариѳметики, какъ объ этомъ уже говорилось въ первой главѣ настоящей статьи и какъ это, надѣемся, еще яснѣе вытекаетъ изъ вышепредложеннаго детальнаго разсмотрѣнія этого послѣдняго курса, нельзя сочувствовать. Гораздо умѣстнѣе занятія *дополненіемъ* ариѳметическихъ познаній и умѣній новыми элементами теоретическаго характера: на первомъ планѣ должна стоять теорія дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами, теорія общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго двухъ и нѣсколькихъ чиселъ; кромѣ того, долженъ быть пройденъ болѣе или менѣе закругленный курсъ приближенныхъ вычисленій. Благодаря такой постановкѣ теоретической ариѳметики, она, съ одной стороны, пріобрѣтетъ въ глазахъ учащагося значеніе *науки* (что для его умственнаго развитія очень важно), а съ другой стороны дастъ ему возможность понять необходимыя впоследствии вычисленія надъ приближенными величинами, въ которыхъ учащійся средняго учебнаго заведенія оказываются вполне безпомощными не только практически, но и въ логическомъ смыслѣ, не будучи въ состояніи поручиться за достовѣрность результатовъ, получаемыхъ ими при вычисленіяхъ надъ приближенными величинами. При этомъ должно замѣтить, что изъ теоріи чиселъ въ среднеобразовательный курсъ теоретической ариѳметики должно входить по возможности меньше, такъ какъ цѣль этого послѣдняго курса не можетъ заключаться въ ознакомленіи учащагося со всѣми перспективами, открываемыми этимъ предметомъ въ безконечной области всевозможныхъ теоретическихъ вопросовъ о числѣ. При постановкѣ обученія ариѳметикѣ, подобной охарактеризованному выше, теоретическая ариѳметика будетъ въ состояніи научно доказать тѣ теоремы, на которыхъ основано производство дѣйствій, а практическая будетъ въ состояніи отдаться выполненію своей крайне важной образовательной и практической роли въ курсѣ средняго учебнаго заведенія; научить сознательному, вѣрному, быстрому и изящному производству ариѳметическихъ вычисленій.

Итакъ, сводя итоги всему выясненному выше относительно троякаго курса ариѳметики въ среднеучебномъ заведеніи, выводимъ, что изъ курса ариѳметики приготовительнаго класса должно устранить: «изученіе чиселъ», употребленіе искусственныхъ, слишкомъ условныхъ

выраженій и терминовъ и рѣшеніе сколько-нибудь замысловатыхъ и запутанныхъ задачъ; изъ курса практической ариѳметики должно быть устранено рѣшеніе хоть сколько-нибудь запутанныхъ задачъ и въ особенности задачъ алгебраическаго характера, а также исключены слѣдующія ученія: о періодическихъ дробяхъ, объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, о рѣшеніи задачъ съ помощью пропорцій, объ учетѣ векселей, о смѣшеніи втораго рода. Взамѣнъ этого должны быть внесены въ курсъ простѣйшія ученія о производствѣ дѣйствій во многихъ случаяхъ, допускающихъ сокращеніе вычисленій, о разныхъ способахъ письменнаго производства дѣйствій надъ десятичными числами, а также (вслѣдствіе практическихъ требованій) упражненія въ примѣненіи метрической системы мѣръ къ частнымъ случаямъ. Что касается курса ариѳметики, обыкновенно проходимаго въ одномъ изъ высшихъ классовъ средняго учебнаго заведенія, то этотъ курсъ долженъ носить характеръ курса дополнительнаго по содержанію и теоретическаго по самому духу своему, а такъ называемое «повтореніе» практическаго курса ариѳметики должно быть признано по меньшей мѣрѣ несообразнымъ ни съ практическою цѣлью ариѳметики, ни тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія образовательной. Надѣемся, при этомъ, что ни одинъ практикъ-преподаватель не станетъ отрицать того, что какъ усвоившіе, такъ и недостаточно хорошо усвоившіе себѣ въ низшихъ классахъ курсъ практической ариѳметики, къ *повторенію* этого курса въ одномъ изъ высшихъ относятся не иначе, какъ съ полнымъ отвращеніемъ и, въ лучшихъ случаяхъ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Съ этимъ фактомъ тоже слѣдуетъ считаться.

Теперь мы можемъ обратиться къ курсу такъ называемой низшей алгебры, распадающейся, какъ это подробно изложено въ первой главѣ настоящей статьи, на три отдѣла: 1) общей ариѳметики или, вѣрнѣе, ариѳметики конечныхъ алгебраическихъ выраженій, той части ученія о дѣйствіяхъ надъ числами, которую Вьетъ называлъ *ars major* и которая называлась также *arithmetica universalis*, *arithmetica speciosa* *), а у нѣмцевъ называется *allgemeine Arithmetik*; 2) собственно низшей алгебры,

*) Интересно объясненіе, даваемое нѣкоторыми этому послѣднему термину: согласно этому объясненію, ученые юристы, дабы изложить свои общія правовыя воззрѣнія съ помощью частныхъ случаевъ, называли заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ гражданскаго права фиктивными именами: *Cajus*, *Sempronius* и т. д., и эти фиктивные лица назывались *species*. Какъ-бы то ни было, но особенность общей ариѳметики, какъ ученія о дѣйствіяхъ надъ символами, обозначающими числа вообще, этимъ объясненіемъ одного изъ ея названій освѣщается весьма ярко и образно. (Ср. Cantor, *Geschichte der Mathematik*, стр. 403).

той отрасли, которая весьма характерно называлась иногда *arithmetica divinatoria*, т. е. ученія о рѣшеніи уравненій, и 3) низшаго алгебраическаго анализа, занимающагося свойствами нѣкоторыхъ алгебраическихъ функцій. Изъ этихъ трехъ отдѣловъ первый не должно смѣшивать съ теоретической ариѳметикой, хотя въ нихъ замѣчается сходство двоякаго рода: основныя аксіомы теоретической ариѳметики должны также войти въ ариѳметику общую; то-же справедливо относительно основныхъ теоремъ о четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ; съ другой стороны, теоретическая ариѳметика можетъ пользоваться буквами для обозначенія чиселъ, а равно нѣкоторыми обще-арифметическими обозначеніями: знаками и знакоположеніями разнаго рода: коэффиціентами, показателями. Но этимъ и исчерпываются ихъ точки соприкосновенія: во всемъ остальномъ и цѣли, и пути ихъ, помимо обще-математическихъ приѣмовъ, расходятся.

Предметъ общей ариѳметики — производство дѣйствій (сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія, возвышенія въ степень и извлеченія корней) надъ числами положительными и отрицательными, надъ рациональными количествами и радикалами, надъ вещественными и комплексными выраженіями вида $a+bi$, гдѣ i обозначаетъ положительное значеніе квадратнаго корня изъ отрицательной единицы. Но при этомъ она не можетъ заниматься результатами дѣйствій, когда эти результаты представляютъ собою безконечные ряды, потому что ученіе о рядахъ не можетъ быть примѣняемо какъ должно къ вопросамъ общей ариѳметики, а также должна игнорировать многозначность радикала, показатель котораго больше двухъ, потому что ученіе о различныхъ значеніяхъ радикала соприкасается уже съ теорією уравненій и съ теорією тригонометрическихъ функцій, съ одной стороны, а съ теорією функцій комплекснаго переменнаго — съ другой. Стройнымъ въ научномъ и логическомъ отношеніяхъ, такимъ образомъ, является въ низшей математикѣ изъ всѣхъ ученій общей ариѳметики только ученіе о первыхъ *четырехъ* дѣйствіяхъ надъ алгебраическими количествами, если установить принципъ, что безконечнаго дѣленія нѣтъ и что результатъ такъ-называемаго безконечнаго дѣленія долженъ быть изображаемъ въ видѣ нѣкоторой цѣлой функціи, сложенной съ нѣкоторою дробною. Ученія-же объ извлеченіи корней и даже о возвышеніи въ степень, — въ виду необходимости, для истолкованія дробныхъ и комплексныхъ показателей, обращаться къ радикаламъ-же и къ тригонометрическимъ функціямъ, — страдаютъ не только неполнотою содержанія, но (что еще хуже) крайней нематематичностью изложенія. Еще менѣе благополучно, въ этомъ отношеніи, обстоитъ дѣло съ ученіями

собственно алгебры: уравненія первой и второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ проходятся обстоятельно, ученіе о системѣ совмѣстныхъ уравненій первой степени со многими неизвѣстными проходится тоже довольно подробно, хотя уже менѣе полно, по причинѣ того, что полнота предполагаетъ ученіе объ опредѣлителяхъ; объ уравненіяхъ-же высшихъ степеней съ однимъ неизвѣстнымъ и о совмѣстныхъ уравненіяхъ высшихъ степеней низшая алгебра вовсе не заикается, и ученіе объ уравненіяхъ по этому въ ней производитъ впечатлѣніе довольно грустное. Оставляя пока выводы изъ этихъ фактовъ въ сторонѣ, должно замѣтить, что еще менѣе связаны единой руководящей логической идеей тѣ ученія анализа, которыя почему-то включены въ курсъ низшей алгебры. Для доказательства этого можно обратиться къ самому разработанному для низшей алгебры ученію о логариѣмахъ; оно (если говорить откровенно) прямо неосновательно, такъ какъ не принимаетъ во вниманіе, что логариѣмъ всякаго числа (положительнаго, отрицательнаго, комплекснаго) имѣетъ безчисленное множество значеній, такъ какъ далѣе ученіе объ интерполированіи излагается поневолѣ кратко и тоже неосновательно и такъ какъ, наконецъ, степень достовѣрности вычисленныхъ, съ помощью логариѣмовъ, цифръ результата учащемуся остается совершенно неизвѣстной. Кромѣ того, полное и болѣе или менѣе образовательное изложеніе теоріи логариѣмовъ предполагаетъ примѣненіе къ истолкованію показательной функціи 10^x теоріи предѣловъ, ибо иначе значеніе этой функціи при несоизмѣримомъ съ единицею показателѣ является крайне необоснованнымъ. Еще менѣе основательно въ курсѣ низшей алгебры является практически и теоретически ненужное абитуриенту средне-учебнаго заведенія сокращенное ученіе о Ньютоновомъ биномѣ (въ особенности для случаевъ дробнаго и комплекснаго показателя) и многія другія ученія, по какому-то грустному недоразумѣнію включаемыя въ низшую алгебру.

«Знать все невозможно: должно удовлетвориться пониманіемъ», т.-е. должно свой умъ воздѣлать такимъ образомъ, чтобы онъ былъ въ состояніи разобраться въ трудностяхъ вопросовъ, предлагаемыхъ жизнью и наукою. Человѣкъ, посвящающій себя по окончаніи полнаго курса въ среднемъ учебномъ заведеніи изученію математическихъ наукъ, съ величайшею легкостью усвоить себѣ надлежащія ученія о Ньютоновомъ биномѣ во всемъ его объемѣ (но уже съ точки зрѣнія Тэйлоровой строки), а также о значеніяхъ радикала n -ой степени, о теоріи опредѣлителей, которую нѣкоторые желали-бы (по примѣру, кажется, южногерманскихъ реальныхъ школъ) включить въ курсъ низшей алгебры, о логариѣмическихъ функціяхъ, и т. п. Для средняго-же абиту-

ріента среднеучебнаго заведенія не только безвредно, но даже прямо полезно изъ курса такъ-называемой низшей алгебры пройти только то, что можетъ быть пройдено вполне основательно и многосторонне и что можетъ быть вполне научно обосновано. Ученія алгебры и алгебраическаго анализа не то-же, что наивныя ученія практической аримететики: одною интуиціею въ теоріи функцій алгебра прожить въ настоящее время не можетъ, если въ курсъ этого предмета включать все то, что въ него нынѣ включается. Недаромъ-же, въ самомъ дѣлѣ, почтенный переводчикъ классическаго сочиненія Жозефа Бертрана по предмету алгебры, Н. И. Билибинъ, дополнившій это сочиненіе многими статьями и исключившій изъ него многія ученія математическаго анализа, въ родѣ теоріи производныхъ и т. п.,—чувствуя, что курсъ собственно алгебры неполонъ безъ ученія объ уравненіяхъ высшихъ степеней, внесъ въ самый текстъ (а не въ отдѣлъ дополнительныхъ статей) своего объемистаго перевода весьма объемистую статью объ уравненіяхъ высшихъ степеней. Недаромъ также самъ Жозефъ Бертранъ, въ своемъ замѣчательномъ и заслуживающемъ вниманія всякаго преподавателя математики «Трактатѣ алгебры» *) не дѣлитъ алгебры на низшую и высшую, а излагаетъ въ первой части все, что онъ считаетъ доступнымъ усвоенію въ классахъ, гдѣ проходитъ элементарная математика, а во второй—ученія, предназначаемыя «для классовъ спеціальной математики», и только въ этой послѣдней части онъ излагаетъ на-ряду съ теоріею рядовъ (притомъ *послѣ* этой теоріи) ученіе о соединеніяхъ и биномѣ Ньютона. Не опасаясь поэтому попасть въ число враговъ математики, мы, въ интересахъ дѣла, рѣшаемся поставить курсъ такъ-называемой низшей алгебры подъ защиту требованій общаго образованія и скромно напомнить сторонникамъ нынѣ практикуемыхъ курсовъ низшей алгебры основной принципъ этого образованія: только то, что *необходимо* либо съ практической, либо-же съ общеобразовательной точки зрѣнія, умѣстно въ курсѣ общеобразовательнаго средняго учебнаго заведенія.

Практически (для успѣшнаго прохожденія среднеобразовательнаго курса физики и геометріи) достаточно знанія четырехъ, пяти (но не шести или семи) дѣйствій надъ алгебраическими количествами, и умѣніе облечь данный вопросъ въ одежду уравненія; для общихъ-же цѣлей образованія необходимы развитіе въ умѣ учащихся, съ помощью обученія общей аримететики и началъ алгебры, правильныхъ идей объ отвлеченіи, объ обобщеніи, объ анализѣ, какъ приемахъ

*) *Traité d'algèbre par Joseph Bertrand. Paris, 1876.*

мышления и изслѣдованія, а это вполне достижимо съ помощью общей ариѳметики четырехъ дѣйствій, съ помощью возможно полнаго, въ одномъ изъ высшихъ классовъ, анализа остальныхъ двухъ дѣйствій (возвышенія и извлеченія корней), съ помощью ученія объ уравненіяхъ первой, второй и третьей степени съ однимъ неизвѣстнымъ и о совмѣстныхъ уравненіяхъ первой степени и съ помощью опять-таки возможно полнаго, въ одномъ изъ высшихъ классовъ, освѣщенія, если не анализа (который на-врядъ-ли возможенъ въ среднемъ учебномъ заведеніи) вопросовъ объ уравненіяхъ высшихъ степеней, когда учащіяся знакомы уже съ тригонометрическими функціями.

Abeunt studia in mores; дѣйствительно: занятія наукою вліяютъ на нравъ, на характеръ, на привычки человѣка, притомъ вліяютъ вполне специфическимъ, каждой отрасли знанія болѣе или менѣе свойственнымъ образомъ; не должно поэтому терпѣть въ курсѣ средняго учебнаго заведенія ничего незаконченнаго, несовершеннаго въ логическомъ отношеніи, ничего такого, что могло-бы учащемуся внушить хотя-бы малѣйшую тѣнь неуваженія къ наукѣ, къ знанію, къ силѣ ума человѣческаго. Учащійся долженъ твердо знать—что онъ знаетъ и чего не знаетъ: полужнаніе поэтому не должно быть терпимо ни въ какомъ случаѣ. Если, на примѣръ, проходило въ курсѣ ученіе о рѣшеніи нѣкоторыхъ двучленныхъ уравненій вида $x^n - 1 = 0$, то учащійся всегда долженъ твердо знать, что онъ можетъ, въ состояніи разрѣшить уравненіе этого вида только при такихъ-то и такихъ-то значеніяхъ показателя n , а при другихъ значеніяхъ показателя n онъ этого сдѣлать не въ состояніи; въ противномъ случаѣ и все это ученіе никакой образовательной цѣнности не имѣетъ. Но такое умѣніе отличать знаніе отъ незнанія требуетъ уже нѣкоторой, довольно высокой, степени умственной зрѣлости и самосознанія. Поэтому общая ариѳметика четырехъ дѣйствій и уравненія первой степени должны быть пройдены въ низшихъ, а остальные дѣйствія (возвышеніе и извлеченіе корней)—въ одномъ изъ высшихъ классовъ, и къ высшимъ-же должны быть отнесены нѣкоторыя другія ученія алгебры, какъ науки о рѣшеніи уравненій, причемъ пограничная черта между извѣстнымъ учащемуся и неизвѣстнымъ ему должна быть рѣзко отмѣчена въ умѣ учащагося. Ученія-же о логариѳмическихъ вычисленіяхъ, а тѣмъ болѣе тоже несовершенное въ низшей алгебрѣ, а именно въ отношеніи обобщеній, ученіе о биномѣ Ньютона, болѣе или менѣе громоздкая теорія общаго наибольшаго дѣлителя, теорія непрерывныхъ дробей, далѣе хотя и легкія, но мало-значущія въ образовательномъ смыслѣ теоріи прогрессій, сложныхъ процентовъ, срочныхъ уплатъ и т. под.

могли-бы быть, безъ особеннаго ущерба не только для практическихъ, но и для образовательныхъ цѣлей курса низшей алгебры, вполне устранены изъ этого курса. Отъ этого выигрышъ во времени получился-бы громадный, и эта экономія во времени могла-бы быть съ величайшею выгодною употреблена на лучшее усвоеніе учащимися ученой общей ариѳметики и собственно алгебры и на пользу лучшаго преподаванія геометріи.

Можетъ показаться непослѣдовательностью, съ выше намѣченной точки зрѣнія, сохраненіе въ курсѣ низшей математики ученой объ уравненіяхъ; но это ученіе, несмотря на то, что оно не можетъ быть исчерпано въ курсѣ среднеучебнаго заведенія даже въ своихъ отрывкахъ, доступныхъ воспитаннику средняго учебнаго заведенія, представляетъ столько практически важныхъ (для курсовъ физики и геометріи) и столько образовательныхъ, съ точки зрѣнія логико-математической, моментовъ, что отказаться отъ этихъ отрывковъ не представляется возможнымъ, чего отнюдь нельзя сказать о невѣрной отъ начала до конца элементарной теоріи логарифмовъ, о биномѣ Ньютона въ жалкой формѣ его, практикуемой въ среднеучебномъ заведеніи, и о многихъ другихъ ученіяхъ, подлежащихъ, по нашему разумѣнію, исключенію изъ курса учебныхъ заведеній. Мы отлично знаемъ, что нашъ взглядъ на логарифмическія вычисленія заслужить особенное порицаніе со стороны очень многихъ; но мы боимся, что это порицаніе объясняется тѣмъ, что при этомъ интересы математики и учебныхъ традицій ставятся выше интересовъ образованія. Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ, не смотря на нѣкоторую понятную робость, преодолѣть въ себѣ сознаніе, что теорія логарифмовъ и логарифмическія вычисленія представляются учащемуся какою-то хитрою вычислительною машиною, устройствомъ и дѣйствіемъ которой ему въ концѣ-концовъ все-таки непонятны,—а такой выводъ на умъ его не можетъ оказать никакого полезнаго развивательнаго вліянія. Мало-ли на свѣтѣ хитрыхъ и остроумныхъ машинъ и механизмовъ? Но не слѣдуетъ-же изъ этого, что учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній должны быть посвящены въ дѣйствіе хотя-бы, напр., Аркрайтова ткацкаго станка, или Томасова ариѳметра, или, наконецъ, въ дѣйствіе обыкновенной Зингеровой швейной машины? При этомъ еще большой вопросъ: не легче-ли учащагося ознакомить съ устройствомъ любой изъ названныхъ машинъ, чѣмъ съ тою непонятною машиною, которую представляетъ собою «Логарифмически-тригонометрическое руководство» Брёмикера, и не больше-ли развивательныхъ элементовъ содержится въ ознакомленіи его со швейною машиною, чѣмъ въ болѣе или ме-

иѣ механическомъ и безсознательномъ выполненіи имъ логарифмическихъ вычисленій, самая основа и степень достовѣрности которыхъ для учащихся остаются болѣе или менѣе покрытыми мракомъ неизвѣстности. Тому, кто знаетъ, что такое логарифмическая функція и какъ вычисляются положительные и всякіе другіе логарифмы положительныхъ и другихъ чиселъ *на самомъ дѣлѣ*, тому, кто ясно представляетъ себѣ возможность дѣйствительнаго, а не фиктивнаго только построенія таблицъ, о которомъ говорится въ курсахъ низшей алгебры,—двухъ часовъ работы достаточно, чтобы понять, что такое логарифмическія вычисленія и какъ ихъ дѣлать; мало того: ему только и доступна оцѣнка величія и истиннаго значенія этой вычислительной машины. Для учащагося-же въ среднемъ учебномъ заведеніи логарифмическія вычисленія—излишняя роскошь при обычной бѣдности истиннаго математическаго образованія, безумная трата золотаго времени надъ вненужными, въ сущности непонятными, тонкостями, въ то время какъ его такъ мало для усвоенія основъ математическаго мышленія и изслѣдованія. «А какъ-же быть тогда при рѣшеніи треугольниковъ?» спроситъ, можетъ быть, иной читатель. Этотъ вопросъ будетъ нами разсмотрѣнъ ниже; въ настоящую-же минуту замѣтимъ, что вопросъ о практическомъ рѣшеніи треугольниковъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ преподаванія математики въ среднемъ учебномъ заведеніи и что представляющееея намъ рѣшеніе этого вопроса не только не ослабляетъ, но даже прямо подкрѣпляетъ выше намѣченное рѣшеніе о содержаніи и объемѣ курса низшей алгебры въ среднеучебномъ заведеніи.

Цѣль изученія низшей алгебры въ среднемъ учебномъ заведеніи заключается, какъ объ этомъ уже было упомянуто выше, въ привитіи уму учащагося навыковъ и методовъ правильнаго отвлеченія, обобщенія и анализа числовыхъ вопросовъ. Средства для достиженія этой цѣли будутъ разсмотрѣны въ слѣдующей статьѣ; здѣсь-же считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ также еще объ одномъ дополненіи курса алгебры, нами проектируемаго для среднеучебнаго заведенія; мы говоримъ о геометрическомъ истолкованіи разнаго рода алгебраическихъ количествъ: положительнаго и отрицательнаго, цѣлаго и дробнаго, рациональнаго, иррациональнаго и даже комплекснаго; кромѣ того, желательно внесеніе въ алгебру термина «функція» и идеи, связанной съ этимъ терминомъ, а равно первоначальное ученіе о Декартовыхъ координатахъ, и даже (*horribile dictu!*) о кривой, которой ординаты изображаются данною функціею. Вотъ эта послѣдняя идея особенно важна въ образовательномъ отношеніи, и въ настоящее время идея

кривой, олицетворяющей ходъ измѣненія какой-либо функціи, можно сказать, сдѣлалась идеею, безъ которой почти невозможно обойтись образованному человѣку вообще и ни въ одной отрасли знанія въ частности. Кромѣ того, въ курсѣ низшей алгебры должны быть введены идеи теоріи предѣловъ въ связи съ теоріею безконечно-малыхъ величинъ. Изъ сочувствія къ этимъ новымъ въ курсѣ алгебры статьямъ читатель, надѣемся, не откажется вывести, что не по нескромности только и не по недоразумѣнію пишущій эти строки осмѣливается причислять себя къ числу друзей истинно-математическаго склада математическаго образованія, а не къ числу его враговъ, и если ему все-таки приходится относиться отрицательно ко многимъ статьямъ такъ-называемой низшей алгебры, то у него есть къ тому достаточныя основанія и оправданія въ самой идеѣ *общаго* образованія, цѣль котораго гораздо важнѣе, чѣмъ хотя прочно и давно, но болѣе или менѣе случайно установившіеся взгляды на объемъ и содержаніе среднеобразовательнаго курса низшей алгебры.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о преподаваніи геометріи, мы, однако-же, должны, ни мало при этомъ не забѣгая впередъ, указать на то, что курсу общей ариѳметики обыкновенно предшествуетъ и долженъ предшествовать нѣкоторый агрегатъ упражненій, котораго цѣль заключается въ ознакомленіи учащагося съ алгебраическимъ языкомъ, его грамматикою, орфографіею и каллиграфіею и съ искусствомъ выразительнаго чтенія алгебраическихъ фразъ. Это введеніе въ общую ариѳметику, конечно, не должно задаваться слишкомъ обширными задачами и не должно потребовать болѣе одного полугодія; кромѣ того, каждое изъ упражненій этого рода должно преслѣдовать только одну цѣль: научить дѣтей пониманію смысла алгебраическаго выраженія и ясному различенію порядка дѣйствій; упражненія-же въ изображеніи знаками слишкомъ сложныхъ функціи, выраженныхъ притомъ самымъ неестественнымъ образомъ (въ родѣ, напр., «квadrата суммы квадратовъ частныхъ, происходящихъ отъ раздѣленія куба числа a на квадратъ суммы чиселъ a и b » и т. д.) и въ обратномъ переводѣ на обыкновенный, притомъ неестественный, языкъ подобныхъ сложныхъ функціи; такія упражненія должно считать излишними. Далѣе является вопросъ: какимъ характеромъ отличается общая ариѳметика—практическимъ или-же теоретическимъ? Намъ кажется, что, не забѣгая впередъ, т.-е. не касаясь средствъ преподаванія этого предмета, можно смѣло утверждать, что производство дѣйствій въ случаяхъ, когда они совершаются надъ ариѳметическими числами, т.-е. когда нѣтъ рѣчи о числахъ фиктивныхъ, отличается характеромъ практи-

ческимъ; при введеніи-же чиселъ фиктивныхъ въ область операций, производство дѣйствій должно уже основываться на соответствующихъ теоріяхъ. Что-же касается ученія объ уравненіяхъ, то оно является, какъ и дѣйствія возвышенія и извлеченія корней, всецѣло проникнутымъ теоріею и безъ теоріи не можетъ быть построено съ должною основательностью.

Обращаясь къ геометріи, мы прежде всего должны высказаться противъ полнаго преобразованія курса Евклидовой геометріи въ духѣ геометріи синтетической, новой, къ каковому преобразованію въ настоящее время готовы склониться многіе изъ современныхъ намъ нѣмецкихъ авторовъ (Раузенбергеръ, Губертъ Мюллеръ, Шлегель и многіе другіе). Евклидова *система* должна быть замѣнена другою, болѣе доступною уму учащагося юноши и болѣе отвѣчающею современнымъ требованіямъ логики математическихъ наукъ, но ни объемъ, ни содержаніе Евклидовой геометріи не должны быть сколько-нибудь значительно измѣняемы, такъ какъ усвоеніе юношами возможнаго большаго количества геометрическихъ истинъ не такъ важно, какъ усвоеніе ими логики той отрасли математическихъ наукъ, которую представляетъ собою Евклидова геометрія. Мы ни мало не отрицаемъ истинной прелести и удивительнаго изящества методъ и ученій синтетической, новой геометріи; но воспитать умъ въ духѣ строгаго мышленія можно скорѣе на вѣчныхъ, неподвижныхъ, если можно такъ выразиться, Евклидовыхъ «Началахъ», чѣмъ на принципахъ новой геометріи, интересныхъ болѣе въ специально-научномъ и геометрически-методологическомъ, чѣмъ въ чисто-логическомъ отношеніи. Можно согласиться со многими справедливыми нападками на частности наиболѣе употребительныхъ нынѣ учебниковъ Евклидовой геометріи, съ нападками даже на наиболѣе классическое сочиненіе по этому предмету, т.-е. на Евклидовы «Начала», можно постараться извлечь полезные уроки и изъ нападковъ Шопенгауера и другихъ враговъ Евклидовой системы на манеру Евклидовыхъ доказательствъ; но все это будутъ частности, которыя не въ состояніи пошатнуть значенія Евклидовой геометріи какъ *учебнаго предмета*, воспитывающаго умъ учащагося въ духѣ неустаннаго стремленія къ истинѣ, въ духѣ строгаго и энергичнаго мышленія, въ духѣ логики и истинныхъ умственныхъ интересовъ. Если-бы мы не дорожили временемъ читателя и не боялись утомить его вниманіе избыточными цитатами, мы могли-бы привести противъ каждой изъ нападковъ на Евклидову геометрію возраженія какъ собственныя, такъ и болѣе авторитетныхъ лицъ; но мы считаемъ это излишнимъ и преждевременнымъ, ибо у насъ

еще не настало время нападокъ на Евклидову геометрію, какъ таковую: это была-бы полемика противъ нѣкоторыхъ, преимущественно нѣмецкихъ, авторовъ, которая ни для кого не интересна. И по объему своему, и по содержанію, и наконецъ, по особенностямъ своего вліянія на умъ учащагося, Евклидова геометрія, въ той или иной, конечно, удовлетворительной ея обработкѣ, должна быть признана въ высшей степени подходящимъ предметомъ среднеобразовательнаго курса математики. Весь вопросъ можетъ быть только о томъ, не надо-ли сократить курсъ или дополнить его ученіями новой, синтетической геометріи, и о томъ, какимъ образомъ этотъ курсъ долженъ быть поставленъ, дабы принести умственному благосостоянію и развитію учащагося наибольшую пользу. Увеличивать объемъ курса, очевидно, не для чего, если не считать тѣхъ или иныхъ частныхъ въ теоріи предѣловъ, въ ученіи объ относительномъ положеніи прямой и окружности и двухъ окружностей въ плоскости и т. п.; этого не слѣдуетъ дѣлать въ виду того, что фактическихъ познаній по предмету геометріи не только у средняго абитуриента средняго учебнаго заведенія вполне достаточно, но ихъ достаточно даже и для будущаго прилежнаго студента математики; новаго-же въ отношеніи школы мышленія увеличеніе объема курса геометрии внесетъ мало въ умъ учащагося. А этимъ единственно только и можно было-бы мотивировать увеличеніе объема курса Евклидовой геометрии. Наконецъ, и въ отношеніи закругленности и законченности курса этотъ послѣдній предметъ поставленъ едва-ли не благопріятнѣе всѣхъ остальныхъ отдѣловъ низшей математики. Стало-быть, и съ этой точки зрѣнія особенное увеличеніе или уменьшеніе объема курса не представляются необходимыми. Все дѣло только въ томъ, какъ достигнуть того, чтобы изученіе въ среднихъ и высшихъ классахъ общеобразовательной геометрии принесло максимумъ пользы умственному развитію учащихся. Но этотъ вопросъ касается уже средствъ обученія, о которыхъ у насъ рѣчь впереди. Считаемъ здѣсь, однако, умѣстнымъ указать на жалкое у насъ положеніе рѣшенія задачъ на построеніе, которыя по духу своему гораздо тѣснѣе связаны въ логическомъ и методическомъ отношеніяхъ съ самымъ курсомъ геометрии, чѣмъ даже такъ-называемыя у насъ «ариѳметическія задачи» связаны съ курсомъ ариѳметики. И странное дѣло: въ то время, какъ задачами ариѳметическими у насъ увлекаются до забвенія непосредственныхъ цѣлей обученія ариѳметикѣ, задачамъ на построеніе, составляющимъ «плоть отъ плоти и кость отъ кости» Евклидовой геометрии у насъ отводится нѣкоторое подобающее ихъ значенію мѣсто

только въ реальныхъ училищахъ, въ классическихъ-же гимназіяхъ эта дисциплина, можно сказать, находится въ полномъ небреженіи. Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ рѣшенія учащимися *тысячъ* задачъ на построеніе и внесенія въ курсъ всѣхъ новѣйшихъ методовъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе (ср. превосходное сочиненіе по этому предмету Петерсена, появившееся и у насъ въ переводѣ *). Но рѣшеніе задачъ съ помощью такъ-называемаго способа послѣдовательныхъ постановокъ (способа древнихъ) и съ точки зрѣнія геометрическихъ мѣстъ представляетъ собою и должно представлять прямо часть, необходимый ингредиентъ курса Евклидовой геометріи, и безъ этого ингредиента курсъ низшей математики вообще и геометріи въ особенности какъ-бы лишенъ сферы приложенія усваиваемыхъ учащимися познаній и тѣмъ самымъ лишенъ упражненій въ примѣненіи анализа къ частнымъ случаямъ. Конечно, ученія геометріи сами по себѣ содержатъ въ себѣ очень много случаевъ для развитія въ учащемся разнообразныхъ полезныхъ логическихъ навыковъ, точно такъ-же, какъ и ученіе объ уравненіяхъ ихъ не лишено; но человѣкъ, никогда не занимавшійся рѣшеніемъ задачъ на построеніе, такъ-же много теряетъ, какъ и человѣкъ, умѣющій рѣшать уравненія, но не составившій на своемъ вѣку ни одного уравненія. Совѣмъ не то въ ариѳметикѣ и въ запутаныхъ, такъ сказать, ариѳметическихъ задачахъ: здѣсь самое производство дѣйствія есть цѣль и средство въ одно и то-же время, ясныя и безъ запутанныхъ задачъ; въ геометріи-же ученія и логика ея — цѣль, а задачи на построеніе — вполне оправдываемое ею средство къ лучшему выполненію этой цѣли.

Крайне поучительнымъ при этомъ является (если читатель удостоилъ всѣ наши соображенія и сомнѣнія своего благосклоннаго вниманія) то обстоятельство, что въ области геометріи, сравнительно съ областями ариѳметики и низшей алгебры, мы замѣчаемъ гораздо меньше пунктовъ разногласія, разъ дѣло ограничивается только вопросомъ о цѣли преподаванія этого предмета и объ объемѣ и содержаніи этого предмета; за-то тѣмъ болѣе вниманія возбуждаетъ вопросъ о средствахъ обученія этому предмету, и какъ въ настоящей главѣ предмету геометріи посвящено немного мѣста, а больше мѣста посвящено ариѳметикѣ и низшей алгебрѣ, такъ въ слѣдующей придется обратить на средства обученія геометріи и методическіе вопросы этого обученія гораздо болѣе вниманія, чѣмъ на вопросы объ

*) Петерсенъ, Методы и теоріи рѣшенія геометрическихъ задачъ на построение, перев. М. С. Аксенова, подъ ред. А. П. Грузинцева. Харьковъ. 1883.

обученіи алгебрѣ, и еще болѣе, чѣмъ на вопросы объ обученіи ариѳметикѣ. Это объясняется не столько тѣмъ, что вопросы методики алгебры и ариѳметики разработаны болѣе, чѣмъ вопросы методики геометріи, сколько тѣмъ, что задачи обученія геометріи гораздо обширнѣе и многообразнѣе, чѣмъ задачи преподаванія остальныхъ отдѣловъ низшей математики.

Прежде чѣмъ закончить настоящую главу нашей статьи общимъ обзоромъ тѣхъ ученій логики (формальной и индуктивной), которыя находятъ свое примѣненіе въ курсѣ низшей математики, мы должны рассмотретьъ вопросъ о курсѣ прямолинейной тригонометріи, подлежащемъ прохожденію въ среднемъ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи. Курсъ прямолинейной тригонометріи, какъ извѣстно, распадается на двѣ существенно различныхъ части, изъ которыхъ одну составляетъ ученіе о взаимной зависимости между различными тригонометрическими функціями и ученіе объ измѣненіи тригонометрическихъ функцій въ зависимости отъ нѣкоторыхъ измѣненій ихъ аргументовъ, а другая занимается собственно тригонометрією, т.-е. рѣшеніемъ треугольниковъ по достаточному для того числу данныхъ. Практическое значеніе для другихъ соприкасающихся съ математикою предметовъ обученія въ ср.-учебн. заведеніяхъ (для физики, механики, космографіи) имѣетъ преимущественно первая часть или даже, вѣрнѣе, только элементы ученія о тригонометрическихъ функціяхъ; за-то несомнѣнно громадно образовательное значеніе этого ученія: въ немъ учащіяся впервые знакомятся съ функціями періодическими и притомъ допускающими основательную разработку основныхъ свойствъ каждой изъ нихъ. При этомъ элементы ученія объ обратныхъ тригонометрическихъ функціяхъ ($\arcsin x$, $\arccos x$ и т. д.) тоже могутъ оказать на умъ учащагося полезное развивательное вліяніе. Невозможность должнаго выясненія, въ среднеобразовательномъ учебномъ заведеніи, способовъ *вычисленія* тригонометрическихъ функцій могла-бы на насъ повліять въ томъ смыслѣ, что курсу тригонометріи, какъ и ученію о логарифмахъ, не мѣсто въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если-бы самое существованіе тригонометрическихъ функцій не вытекало изъ геометрическаго вопроса и если-бы функціи этого рода были, на подобіе функціи логарифмической, многозначными. Далекое не такъ просто разрѣшается вопросъ о рѣшеніи треугольниковъ. Возможность рѣшенія ихъ должна быть извѣстна учащимся, какъ и возможность вычисленія значенія данной тригонометрической функціи при данномъ значеніи ея аргумента; но ни пракческаго умѣнья вычислять эти значенія, ни пракческаго-же умѣнья рѣшать задачи на отысканіе

всѣхъ элементовъ треугольника по достаточному для того числу данныхъ, никакія соображенія относительно истинной цѣли преподаванія математики потребовать не могутъ. Практической пользы умѣнье рѣшать треугольники принести не могутъ никакой, ибо если имѣть въ виду рѣшеніе геодезическихъ задачъ, то, во-первыхъ, для рѣшенія ихъ нужна чаще всего тригонометрія сферическая, а во-вторыхъ, для этого нужны тѣ познанія по низшей геодезіи, которымъ среднее общеобразовательное учебное заведеніе не можетъ удѣлить мѣста въ своемъ курсѣ. Когда ученики среднихъ учебныхъ заведеній рѣшаютъ треугольники, они производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто-бы они занимаются дѣломъ; но въ дѣйствительности дѣло это и важность его есть не иное что, какъ оптический, если можно такъ выразиться, обманъ; ибо какъ вычислены натуральныя величины тригонометрическихъ функций—учащійся не имѣетъ ни малѣйшаго представленія; далѣе, о томъ, какъ вычислены логарифмы ихъ—онъ тоже не знаетъ и знать какъ слѣдуетъ тоже не можетъ; наконецъ, насколько достовѣрны получаемые имъ результаты—онъ тоже не знаетъ и знать не можетъ. Къ чему-же, въ такомъ случаѣ, сводится образовательное значеніе его упражненій въ рѣшеніи треугольниковъ? Если говорить откровенно, то оно сводится къ чисто-механическому пользованію нѣкоторыми формулами и тою большою машиною неизвѣстнаго устройства, которая называется «Логарифмически-тригонометрическимъ руководствомъ» барона Георга Веги или другою подобной машинкою меньшаго формата (Пржевальскаго и др.). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что польза отъ подобныхъ упражненій ничтожна и вовсе не отвѣчаетъ количеству непродуцируемаго въ сущности труда, затраченнаго на усвоеніе умѣнья обращаться съ помянутой машиною логарифмическихъ вычисленій. Курсъ тригонометрії долженъ непосредственно примыкать къ тому курсу *чистой* математики (алгебры и геометріи), который проходится въ среднеучебномъ заведеніи, долженъ отличаться характеромъ строго логическимъ, если мы желаемъ добиться лучшихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, какіе этимъ курсомъ нынѣ достигаются. Для этого изъ него должна быть устранена вся практическая его часть, а вмѣсто того учащіеся должны-бы быть ознакомлены (опять-таки строго теоретически) съ основными теоремами тригонометрії сферической, благо ихъ немного, если не принимать во вниманіе Неперовыхъ аналогій и другихъ формулъ, важныхъ по своему практическому значенію. Понятно при этомъ, что упражненія въ преобразованіи тригонометрическихъ формулъ и въ рѣшеніи подходящихъ тригонометрическихъ уравненій могутъ сыграть весьма значительную роль

въ дѣлѣ развитія въ учащихся вкуса и интереса къ тождественнымъ преобразованіямъ и съ немалымъ выигрышемъ для дѣла истиннаго *математическаго* образованія замѣнить автоматическія логариѣмическія вычисленія, которыми посвящающій себя спеціальному изученію математики овладѣетъ въ послѣдствіи гораздо лучше и скорѣе, чѣмъ это возможно сдѣлать въ средне-учебномъ заведеніи. Не въ логариѣмическихъ вычисленіяхъ и не въ механическомъ рѣшеніи треугольниковъ долженъ лежать центръ тяжести занятій математикою въ послѣднихъ классахъ ср. учебн. заведеній, а въ сознательныхъ занятіяхъ математикою, содержательною какъ въ отношеніи идей, ее одухотворяющихъ, такъ и въ отношеніи методовъ, составляющихъ ея силу и гордость. Это—уже не вопросъ о средствахъ преподаванія математики и о распредѣленіи курса ея по годамъ, вопросъ, къ посильному разрѣшенію котораго мы обратимся въ слѣдующей главѣ настоящей статьи, а вопросъ коренной, кардинальный, отъ того или инаго разрѣшенія котораго зависитъ весь строй и складъ математическаго образованія, даваемого среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Отказавшись, напр., въ курсѣ тригонометріи отъ логариѣмическихъ вычисленій, можно тѣмъ больше вниманія обратить на тѣ ученія о тригонометрическихъ функціяхъ, которыя могутъ сослужить великую службу алгебрѣ (напр., формула Моавра), и такимъ образомъ внести въ познанія учащагося нѣсколько новыхъ идей весьма высокой математической цѣнности.

Въ заключеніе-же мы считаемъ полезнымъ замѣтить, что такъ какъ образовательная цѣль математики сводится преимущественно къ привитію уму учащагося логическихъ навыковъ и стремленія къ мысленію точному и научному, то логическая сторона дѣла при изученіи отраслей низшей математики выдвигается и должна выдвигаться на первый планъ. Нѣтъ такого ученія въ математикѣ, которое не иллюстрировало-бы на примѣрѣхъ вполне подходящемъ и научномъ какое-либо ученіе логики (Гауберъ, Дробишъ, Тренделенбургъ). Конечно, не подчиненія преподаванія математики требованіямъ *терминологіи* формальной или индуктивной логики, а только того, чтобы всѣ ученія низшей математики были, такъ сказать, насквозь проникнуты ученіями и требованіями логики—вотъ чего раціональная педагогика можетъ ожидать отъ курса низшей математики въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи. Ни пріобрѣтенія возможно большаго количества фактическихъ познаній, ни чрезмѣрной работы математической памяти, ни, наконецъ, выработки умѣнья рѣшать болѣе или менѣе ограниченный циклъ задачъ нѣкоторыхъ типовъ преподаваніе низшей математики преслѣдовать не можетъ и не должно.

Цѣль преподаванія математики можетъ заключаться только въ слѣдующемъ: 1) дать учащемуся нѣкоторыя необходимыя на практикѣ математическія умѣнья, 2) дать ему нѣкоторое количество незыблемыхъ и прочныхъ знаній, которое сохранилось-бы у него на всю жизнь, 3) дать ему нѣкоторое количество такихъ знаній, которыя, если-бы они и были впоследствии забыты, легко могли-бы быть, въ случаѣ надобности, возобновлены, и 4) дать (это самое главное) учащемуся болѣе или менѣе обширный циклъ умственныхъ, логическихъ навыковъ, которые остались-бы у него на всю жизнь и которыхъ приобрѣтеніе есть конечная и, строго говоря, единственная цѣль, а также главнѣйшее оправданіе болѣе или менѣе объемистаго курса математики въ среднемъ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи.

С. Шохоръ-Троцнй.

(Окончаніе будетъ).

ЛИГА НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВО ФРАНЦІИ *).

На парижской выставкѣ 1889 г., въ числѣ международных конгрессовъ, засѣдалъ конгрессъ представителей «частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія». Идея и организація этого конгресса принадлежали французской «лигѣ народнаго образованія», дѣятельность которой является самымъ блестящимъ доказательствомъ того, что можетъ сдѣлать частная инициатива на этомъ поприщѣ. Основатель французской лиги, Жанъ Масэ, началъ это дѣло, будучи простымъ учителемъ въ маленькомъ эльзасскомъ мѣстечкѣ Бебленгеймѣ. Этотъ человѣкъ, занимающій теперь мѣсто сенатора и пользующійся огромной популярностью во всей Франціи, былъ сыномъ рабочаго. Въ молодости своей онъ увлекался социалистическими идеями, принималъ участіе въ боннскомъ возстаніи 1849 года и даже принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа и жить нѣкоторое время въ Нормандіи подъ чужимъ именемъ. Когда-же онъ вернулся опять въ Парижъ, то положеніе вещей уже настолько измѣнилось, что нечего было и думать о какой-либо политической дѣятельности. Онъ пристроился къ журналу «La République», который поручилъ ему отправиться въ провинцію для подысканія корреспондентовъ. Эта поѣздка, по собственнымъ словамъ Масэ, имѣла большое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность. Онъ путешествовалъ, большей частью пѣшкомъ, изъ

*) О французской лигѣ народнаго образованія на страницахъ «Русской Школы» упоминалось уже не разъ, а именно: въ статьѣ А. М. Калмыковой подъ заглавіемъ «Международный конгрессъ и проч.» (апрѣль 1890 г., стр. 76) и еще болѣе подробно—въ статьѣ Я. В. Абрамова подъ заглавіемъ «Очерки частной инициативы и т. д.» (ст. I: «Частная инициатива и народное образованіе за границей», сентябрь 1890 г., стр. 106—108). Тѣмъ не менѣе редакція «Русской Школы» охотно даетъ мѣсто и настоящей статьѣ, въ виду крайне важнаго значенія интересующей насъ лиги, заслуживающей основательнаго съ нею ознакомленія, какъ съ явленіемъ весьма замѣчательнымъ въ исторіи просвѣщенія народныхъ массъ.

города въ городъ, мимоходомъ останавливался во множествѣ деревень и, сталкиваясь постоянно лицомъ къ лицу съ жизнью простаго народа, имѣлъ возможность ознакомиться съ его интересами и стремленіями и убѣдиться въ глубокомъ невѣжествѣ, царствовавшемъ въ этой средѣ. Онъ ясно понялъ, что невѣжество народа, его неумѣніе отличать враговъ отъ друзей, были однимъ изъ главныхъ препятствій для правильного государственнаго развитія Франціи, и тутъ у него впервые зародилась мысль посвятить себя дѣлу народнаго образованія. Но къ осуществленію этой мысли онъ приступилъ уже много лѣтъ спустя. Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ путешествія, Масэ женился и долженъ былъ оставить прежній скитальческій образъ жизни. Онъ взялъ мѣсто учителя въ женскомъ пансіонѣ въ эльзасской деревушкѣ Бебленгеймѣ и бросилъ занятія политикой, убѣдившись въ совершенной бесплодности этихъ занятій въ данную минуту. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ жилъ вдали отъ общественной жизни, всецѣло отдавшись своему учительскому дѣлу и занимаясь, сверхъ того, сочиненіемъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Изъ его сочиненій этого рода наибольшій успѣхъ имѣла переведенная и на русскій языкъ «Исторія кусочка хлѣба».

Но у Масэ было слишкомъ много силъ и энергіи, чтобы удовлетвориться дѣятельностью учителя начальной школы, и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ принялся за организацію «Верхне-Рейнскаго общества сельскихъ бібліотекъ», въ основу котораго легли тѣ-же идеи, которымъ обязано своимъ существованіемъ другое—болѣе крупное дѣло Масэ—«лига народнаго образованія».

Первый толчокъ къ организаціи сельскихъ бібліотекъ во Франціи данъ былъ правительствомъ. Въ 1850 г. возникло благотворительное общество подъ покровительствомъ президента республики, принца Луи Бонапарта, поставившее себѣ цѣлью устройство бібліотекъ во всѣхъ сельскихъ общинахъ. Членами этого общества были большей частью лица изъ высшей свѣтской и духовной аристократіи; но именно вслѣдствіе того, что за дѣло взялись люди, стоящіе столь далеко отъ народной жизни, эта правительственная попытка не удалась, и общество распалось. Масэ руководствовался совсѣмъ инымъ принципомъ при основаніи своего общества: онъ имѣлъ въ виду пробудить *частную инициативу* сельскихъ жителей и заставить ихъ *самихъ* приняться за устройство бібліотекъ. Члены «Верхне-Рейнскаго общества сельскихъ бібліотекъ» должны были, каждый въ своемъ мѣстечкѣ, стараться объ устройствѣ бібліотеки: они должны были добыть разрѣшеніе мэра, вербовать сочувствующихъ дѣлу людей, собирать деньги и вы-

писывать книги. Годовой членскій взносъ равнялся 5 фр. Главная дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ мѣстныхъ членовъ; роль общества, по словамъ Масэ, сводилась къ тому, чтобы только «давать толчокъ» («donner l'impulsion»). «Толчокъ сверху былъ данъ и не удался — говоритъ онъ въ своей статьѣ о сельскихъ библіотекахъ. — Возьмемся-же за дѣло сами и попробуемъ, каждый у себя, добиться того, чего не могло достигнуть правительство. Чтобы распространять образованіе въ народѣ, нужно работать въ самой деревнѣ, переходя отъ человѣка къ человѣку и дѣйствуя живымъ словомъ на своихъ сосѣдей... Цѣль «Верхне-Рейнскаго общества сельскихъ библіотекъ» заключается собственно не въ устройствѣ библіотекъ въ деревняхъ, а въ томъ, чтобы заставить самихъ деревенскихъ жителей устраивать ихъ. Само собой разумѣется, что инициатива этого устройства не можетъ принадлежать неграмотнымъ или полуграмотнымъ крестьянамъ, составляющимъ большинство деревенскаго населенія; слова мои поэтому обращены къ наиболѣе просвѣщеннымъ жителямъ деревни — къ нотаріусамъ, докторамъ, учителямъ, священникамъ, землевладѣльцамъ, въ промышленныхъ округахъ — къ фабрикантамъ. Въ каждой деревнѣ можно найти кого-нибудь изъ подобныхъ представителей интеллигенціи, которые должны смотрѣть на устройство библіотеки и вообще на распространеніе знаній въ народѣ, какъ на свою священную обязанность». Выборъ книгъ всецѣло былъ предоставленъ мѣстнымъ организаторамъ библіотекъ. Общество только высылало имъ уже существующіе каталоги и всячески содѣйствовало доставленію избранныхъ книгъ въ деревню, входя въ сдѣлки къ книгопродавцами и уплачивая издержки по пересылкѣ.

«Верхне-Рейнское общество сельскихъ библіотекъ» сразу энергически взялось за дѣло: черезъ годъ у него было уже 930 членовъ и около 30 библіотекъ, основанныхъ въ сельскихъ общинахъ. Въ годовомъ отчетѣ дѣятельности общества Масэ говоритъ, что оно должно стремиться къ введенію новаго элемента въ жизнь деревни — къ созданію умственныхъ интересовъ. «Мы должны добиться того — говоритъ онъ — чтобы каждая деревня имѣла свою библіотеку, какъ она имѣетъ свою церковь, свою школу и свою мэрію, чтобы библіотека составляла одно неразрывное цѣлое съ прочими учрежденіями деревни».

Движеніе въ пользу устройства народныхъ библіотекъ распространилось очень быстро, и подъ вліяніемъ этого успѣха у Масэ мало-помалу созрѣла мысль о расширеніи задачъ общества и о распространеніи его на всю Францію. Въ программу дѣятельности новаго общества должно было входить не только устройство народныхъ библіотекъ,

но также и организація публичныхъ лекцій для народа, вечернихъ курсовъ для взрослыхъ и школъ для дѣтей, народныхъ клубовъ и вообще всяческое содѣйствіе образованію и умственному развитію народа.

И вотъ, 25 октября 1866 г. Масэ напечаталъ въ мѣстной газетѣ воззваніе, предлагая всѣмъ, кому дороги интересы народнаго просвѣщенія, соединиться и организовать «лигу народнаго просвѣщенія». Согласно основному принципу Масэ, лига должна была опираться исключительно на частную инициативу сочувствующихъ ей членовъ общества. По мнѣнію Масэ, образованіе и развитіе простаго народа имѣетъ особенно важное значеніе во Франціи, потому что, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, народъ является главнымъ рѣшителемъ судебъ страны.

Но, признавая все значеніе «лиги народнаго образованія» для политической жизни народа, Масэ въ первомъ-же воззваніи своемъ рѣшительно заявляетъ, что предполагаемая имъ лига не должна служить никакой опредѣленной политической или религіозной партіи, такъ что люди самыхъ разнородныхъ убѣжденій одинаково могутъ быть работниками лиги.

Особенность плана Масэ заключалась въ томъ, что лига его не выставляла никакой обязательной программы, а предоставляла полную свободу дѣятельности мѣстнымъ «кружкамъ» (*cercles locaux*), надъ устройствомъ которыхъ должны были работать ея члены. Центръ тяжести всего движенія лежалъ именно въ этихъ мѣстныхъ кружкахъ.

Когда Масэ обнародовалъ свои воззванія въ мѣстныхъ газетахъ и началъ собирать подписи, къ нему съ разныхъ сторонъ стали стекаться письма съ просьбою о разъясненіи задачъ лиги и ея своеобразнаго устройства. Многихъ удивляло отсутствіе программы, отсутствіе всякой централизаціи денежныхъ средствъ и предоставленіе самостоятельности мѣстнымъ кружкамъ. «Какой-же смыслъ имѣетъ лига, если каждый кружокъ будетъ по своему вырабатывать свою программу и регулировать свой бюджетъ?» говорится въ одномъ изъ такихъ писемъ. Всѣ эти недоумѣнія Масэ пытается разъяснить въ своей статьѣ о задачахъ новаго общества, помѣщенной во второмъ бюллетенѣ лиги. Прежде всего онъ останавливается на томъ, что въ предполагаемой имъ лигѣ не должно быть никакого центрального правленія съ сосредоточеннымъ въ немъ капиталомъ. Лига имѣетъ свой центръ въ Библенгеймѣ, куда стекаются всѣ извѣстія о результатахъ, достигнутыхъ кружками, и откуда, въ свою очередь, рассылаются въ кружки разныя, нужныя имъ, свѣдѣнія. Тамъ-же печатаются бюллетени лиги. Все

это не требует больших издержекъ и поэтому большая часть денежных средствъ лиги должна, точно также, находиться въ распоряженіи мѣстныхъ кружковъ. «Когда какая-нибудь лига имѣетъ въ виду борьбу противъ одного какого-нибудь общественнаго учрежденія, какъ, на примѣръ, лига Коодена противъ хлѣбныхъ законовъ—говорить Масэ—то я понимаю, что она должна сосредоточить свои денежные средства, чтобы придать больше силы и единства совмѣстному дѣйствію. Но зло, противъ котораго мы боремся, распространено повсюду, и бороться противъ него нужно долгіе и долгіе годы. При такихъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется, въ центральной кассѣ не представляется никакой необходимости»... «Пусть тѣ, которые хотятъ сдѣлаться членами нашей лиги—пишетъ онъ далѣе—не ждутъ ни обнародованія программы, ни назначенія правленія. Пусть они входятъ въ нее съ рѣшимостью обойтись безъ правленія, съ рѣшимостью самимъ организовать свое дѣло и самимъ выработать себѣ программу дѣятельности, сообразно своимъ потребностямъ».

Относительно программы кружковъ Масэ прибавляетъ, что теперь уже, подъ тысячью разныхъ названій, существуютъ готовые кружки будущей лиги, которые работаютъ надъ распространеніемъ образованія въ народѣ. Таковы, на примѣръ, «промышленное общество» въ Эльбефѣ, занимающееся устройствомъ библиотекъ и курсовъ для народа: «ассоціація для пропаганды народнаго образованія» въ Нантѣ; «общество для распространенія полезныхъ знаній» въ Муленѣ, и многія другія. Новымъ кружкамъ не придется далеко ходить за программой: они могутъ заимствовать ее у этихъ предшественниковъ. Роль лиги, по мысли Масэ, должна заключаться въ установленіи связи между всѣми уже существующими обществами этого рода и въ организаціи новыхъ, подобныхъ-же обществъ.

Несмотря на нѣкоторыя недоумѣнія, вызванныя новизною и смѣлостью идей Масэ, лига его сразу встрѣтила большое сочувствіе въ обществѣ. 15 ноября 1866 года Масэ напечаталъ свое второе воззваніе, и этотъ день считается днемъ основанія лиги. Первыми тремя членами, давшими свои подписи (годовой членскій взносъ долженъ былъ быть не менѣе франка) были каменьщикъ, кондукторъ желѣзной дороги и городской сержантъ. Самъ Масэ подписался четвертымъ и, обладая такимъ образомъ чстырьмя подписчиками, объявилъ въ газетахъ, что лига фактически уже существуетъ. Черезъ мѣсяць членовъ было 510, а черезъ годъ число ихъ достигло до 4.792. Въ этотъ-же годъ къ нимъ присоединилось нѣсколько обществъ, задающихъ также цѣлью распространенія образованія въ народѣ, каковы,

напримѣръ, уже упомянутое выше промышленное общество въ Эль-бефѣ, и друг.

Первымъ кружкомъ, открывшимся благодаря пропагандѣ идей лиги, былъ кружокъ въ деревнѣ Шевильи (деп. Луары). Вотъ письмо основателя этого кружка Борильона къ Масэ (напечатанное въ 3-мъ бюллетенѣ лиги отъ 15 мая 1867 г.): «Благодаря вашему проекту организаціи лиги народнаго образованія, шевильская община обладаетъ теперь народной библіотекой въ 140 томовъ, которая очень усердно посѣщается. Въ прошлое воскресенье въ зданіи библіотеки открылся рядъ публичныхъ чтеній. Подобныя чтенія будутъ происходить каждое воскресенье, а по окончаніи полевыхъ работъ—и нѣсколько разъ въ недѣлю. Такія публичныя чтенія являются однимъ изъ могущественныхъ орудій для распространенія полезныхъ знаній въ народѣ, такъ какъ, возбуждая любознательность въ своихъ неграмотныхъ слушателяхъ, они тѣмъ самымъ побуждаютъ посѣщать курсы для взрослыхъ, которые мы намѣреваемся вскорѣ открыть. Въ будущемъ году члены лиги предполагаютъ еще болѣе расширить кругъ своей дѣятельности. Членскіе взносы 1867 года пошли на основаніе библіотеки, а въ будущемъ 1868 году кружокъ думаетъ распределить свой доходъ слѣдующимъ образомъ: треть пойдетъ на содержаніе библіотеки, а двѣ трети будутъ отданы общинной школѣ, чтобы сдѣлать бесплатнымъ первоначальное обученіе для дѣтей».

Открытіе шевильскаго кружка было важнымъ фактомъ въ исторіи лиги: это было первое практическое осуществленіе ея идей, доказывающее, что статьи Масэ, взывавшія къ пробужденію частной инициативы въ обществѣ, не прошли безслѣдно. Слѣдующимъ кружкомъ, открывшимся подъ влияніемъ идей лиги, былъ кружокъ въ Метцѣ. Этотъ кружокъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны клерикаловъ, которые, такимъ образомъ, съ самаго начала открыто заявили себя врагами новаго движенія. Мецкій архіепископъ отлучилъ отъ церкви организаторовъ кружка за ихъ «систематическое игнорированіе религіи». Вражда клерикаловъ была, однакоже, не въ силахъ помѣшать дѣлу лиги, которая все развивалась и крѣпла. Открывались кружки въ Нанси, Тулузѣ, Гаврѣ, Руанѣ, Марсели. Наконецъ, въ Парижѣ открылось отдѣленіе лиги подъ предсѣдательствомъ Фламариона; кружокъ этотъ игралъ важную роль въ позднѣйшей дѣятельности лиги, являясь посредникомъ между парижскими книгопродавцами и провинціальными учредителями библіотекъ. Кромѣ городскихъ кружковъ, основывались и многочисленные кружки въ деревняхъ. Вообще, по мнѣнію Масэ, члены лиги должны были преимуще-

щественно направлять свои усилія на распространеніе знаній въ крестьянской средѣ, такъ какъ туда образованіе проникаетъ гораздо медленнѣе и съ большими затрудненіями, чѣмъ въ низшіе классы городского населенія.

Разсмотримъ подробнѣе дѣятельность мѣстныхъ кружковъ. Прежде всего кружокъ принимался обыкновенно за устройство библіотеки. Члены лиги собирались въ назначенный день, избирали изъ своей среды бюро, устраивали подписку для сбора денегъ и ходатайствовали предъ мэромъ о разрѣшеніи на открытіе библіотеки. Собравъ достаточное количество денегъ, кружокъ покупалъ книги, нанималъ помѣщеніе и объявлялъ библіотеку открытой. За пользованіе книгами бралась незначительная плата, около пяти су въ мѣсяцъ. Библіотека открывалась обыкновенно при весьма небольшомъ количествѣ книгъ, которое затѣмъ быстро возрастало и достигало иногда значительныхъ цифръ. Такъ, народная библіотека въ Версалѣ при открытіи своемъ имѣла не болѣе сотни книгъ, а въ 1889 г. въ ней было уже 16.500; въ библіотекѣ, основанной тулузскимъ кружкомъ, было 4.900 книгъ; въ библіотекѣ въ Шамбонъ-Фожеролѣ—2.860 книгъ, и т. д.

Въ началѣ существованія лиги во Франціи не было специальной литературы для народа, и въ составъ народной библіотеки входили книги, предназначенныя для средней интеллигентной публики. Приведемъ здѣсь каталогъ народной библіотеки, составленный обществомъ Франклина (цѣль этого общества, основаннаго въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ Жюль Симона, заключалась въ томъ, чтобы доставлять книги, по удешевленной цѣнѣ, въ сельскія и школьныя библіотеки). Каталогъ этотъ считался образцовымъ, и многія библіотеки, при своемъ основаніи, руководствовались имъ; для насъ онъ особенно интересенъ какъ указаніе на сравнительно-высокую степень развитія низшихъ классовъ народа во Франціи. Каталогъ заключаетъ въ себѣ около 500 книгъ и подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ религіи и морали, помѣщены, въ числѣ прочихъ, сочиненія Боссюэта, Фенелона, Шатобриана, «Мысли» Паскаля, «Долгъ» Жюль Симона. Историческій отдѣлъ посвященъ преимущественно исторіи Франціи, и тамъ помѣщены, на примѣръ, такія серьезныя и обширныя сочиненія, какъ 17-томная исторія Франціи Анри Мартэна, его-же популярная исторія Франціи въ 4 томахъ; затѣмъ идутъ историческія сочиненія Огюстена Тьера, «Вѣкъ Людовика XIV» Вольтера, сочиненія по исторіи революціи Минье и Тьера, сочиненія Геродота и Тацита, «Исторія Англіи» Маколея. Французскіе романисты и драматическіе писатели представлены въ очень не-

значительномъ количествѣ (не слѣдуетъ забывать, что каталогъ составленъ въ шестидесятыхъ годахъ): Корнель, Расинъ, Мольеръ, «Paul et Virginie», «Эжени Грандэ» Бальзака, романы изъ народной жизни Жоржъ Зандъ, сочиненія Жюль Верна и Эркмана-Шатриана и еще нѣсколько произведеній разныхъ мало извѣстныхъ писателей— вотъ все, что предлагалось читателямъ изъ народа по части отечественной изящной словесности. Число переводныхъ романовъ, особенно переводовъ англійскихъ и американскихъ писателей, гораздо значительнѣе: такъ, въ каталогѣ помѣщены, между прочимъ, всѣ романы Вальтеръ Скотта, нѣсколько романовъ Диккенса, «Путешествіе Гулливера» Свифта, «Робинзонъ Крузоэ», «Хижина дяди Тома», романы Купера, Майнъ-Рида и Марриета. Русская литература представлена двумя книгами: «Капитанской дочкой» Пушкина и «Записками охотника» Тургенева. Книгъ естественно-научнаго содержания въ каталогѣ обозначено всего 24. Въ числѣ ихъ есть нѣсколько изданій *Bibliothèque utile* по 50 сантимовъ, очевидно предназначенныхъ для учащихся. Таковы «Histoire de la terre» Бротье, «Les phénomènes de la mer» Марголе и друг. Затѣмъ идутъ спеціальныя книги по земледѣлію и разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, книги по гигиенѣ и, наконецъ, по политической экономіи. Последнихъ всего 14, и въ числѣ ихъ находятся сочиненія Бастиа и Сэя.

Кромѣ устройства сельскихъ библиотекъ, лига взяла на себя устройство библиотекъ въ тюрьмахъ, больницахъ и казармахъ.

Въ бюллетеняхъ Масэ, къ сожалѣнію, встрѣчается очень мало указаній на то, какія книги преимущественно читаются народомъ, но и изъ этихъ немногихъ указаній видно, что литературные вкусы читающихъ не вездѣ одинаковы. Въ большинствѣ случаевъ, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ любимымъ чтеніемъ являются романы, причемъ особеннымъ успѣхомъ пользуются романы Жюль Верна, Майнъ-Рида и Эркмана-Шатриана. Почти во всѣхъ письмахъ учредителей библиотекъ къ Масэ упоминается о томъ, съ какимъ рвеніемъ читаются романы послѣдняго. Но есть указаніе и на то, что читатели изъ народа интересуются также научными сочиненіями. Вотъ, напримѣръ, письмо завѣдующаго библиотекой, устроенной реймскимъ кружкомъ при мастерскихъ Виллемино, въ которыхъ работало нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ: «Большинство читателей, можно сказать, поглощаютъ книги—пишетъ онъ Масэ.—Женщины читаютъ съ такимъ-же рвеніемъ, какъ и мужчины. На слѣдующемъ собраніи членовъ кружка я буду просить объ удвоеніи количества книгъ. Очень интересный симптомъ:

меньше всего спросъ на романы. Больше всего спрашиваются книги историческія, естественно-научныя и путешествія».

Позднѣе лига организовала одно очень полезное учрежденіе, удобное особенно для отдаленныхъ сельскихъ общинъ, гдѣ такъ трудно доставать книги. Это такъ называемыя «летучія библіотеки» (*Bibliothèques roulantes*). Цѣль ихъ заключается въ снабженіи книгами для чтенія учениковъ сельскихъ школъ и устраиваются онѣ слѣдующимъ образомъ: организуется центральное бюро, которое разсылаетъ въ школы ящики съ книгами. Книги, уже прочитанныя въ одной школѣ, отсылаются въ другую, оттуда въ третью и т. д.; такимъ образомъ одна и та-же партія книгъ обходитъ всѣ школы, расположенныя близко одна отъ другой. Эта система впервые была введена въ 10-ти городскихъ школахъ Нанси и въ 16-ти сельскихъ школахъ въ его окрестностяхъ.

Кромѣ устройства народныхъ библіотекъ, кружки лиги дѣятельно занимались организаціей публичныхъ лекцій для народа. Черезъ три года послѣ основанія лиги такія чтенія уже были устроены въ 16-ти кружкахъ. Въ деревняхъ главнымъ затрудненіемъ для устройства лекцій было отсутствіе лекторовъ, но и это препятствіе оказалось возможнымъ преодолѣть. Во многихъ деревняхъ за это дѣло взялась та самая деревенская интеллигенція, къ которой обращался Масэ въ своихъ первыхъ статьяхъ. Такъ, въ деревнѣ Рибовиль (въ Эльзасѣ) аптекаръ читалъ публичныя лекціи по химіи, мэръ—по астрономіи, пасторъ—по ботаникѣ. Одинъ изъ жителей деревни, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, ознакомилъ слушателей съ нравами и обычаями этой страны. Члены лиги, живущіе въ городахъ, также взяли за устройство народныхъ чтеній по окрестнымъ деревнямъ. Такъ, профессоръ мецкаго лицея Вакка отправился читать лекціи въ деревушку Сольнъ, гдѣ мѣстный кружокъ лиги организовалъ рядъ публичныхъ лекцій по вопросамъ земледѣлія. Подъ вліяніемъ лиги одинъ ветеринаръ изъ Ремиремона сталъ разъѣзжать по окрестнымъ деревнямъ и читать лекціи о рациональномъ уходѣ за скотомъ; въ маленькомъ городкѣ Вернонѣ образовалось цѣлое общество (*association philotechnique*), члены котораго поставили себѣ цѣлью устраивать въ сосѣднихъ деревняхъ чтенія для народа по вопросамъ земледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Насколько усердно посѣщались эти лекціи, можно судить на основаніи слѣдующаго разсказа, приводимаго въ одномъ изъ бюллетеней Масэ: докторъ Тентингъ, который въ теченіе пяти лѣтъ прочелъ болѣе 200 народныхъ лекцій по деревнямъ департамента Юнны, рассказывалъ на годовомъ собра-

ніи мѣстныхъ членовъ лиги, что, возвращаясь однажды съ одной изъ своихъ лекцій, онъ встрѣтился съ жандармскимъ чиновникомъ, который сказалъ ему: «Вы заставили меня проѣхать даромъ. Я присланъ сюда, чтобы наблюдать за порядкомъ въ кабакахъ, а, благодаря вашей лекціи, они были почти пусты».

Въ деревняхъ чтенія имѣли обыкновенно спеціальный характеръ, касаясь практическихъ вопросовъ земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ городахъ-же чтенія были гораздо разнообразнѣе и интереснѣе. Напримѣръ, въ нансійскомъ кружкѣ читались лекціи для народа о положеніи рабочаго класса во Франціи до 1889 года, о Жаннѣ д'Аркъ, о гигиенѣ и др.

Народныя лекціи служили какъ-бы введеніемъ въ тѣ курсы для взрослыхъ, которые, спустя нѣкоторое время, стали открываться почти во всѣхъ кружкахъ лиги. Образцомъ для подобныхъ курсовъ послужили вечерніе курсы для рабочихъ, устроенные еще въ 50-хъ годахъ въ Гебвиллерѣ и Мюльгаузенѣ. Жанъ Буркаръ, владѣтель гебвиллерскихъ фабрикъ, началъ это дѣло съ устройства библіотеки для рабочихъ и затѣмъ предложилъ имъ сговориться между собой и сообща выбрать какой-нибудь наиболѣе интересующій ихъ предметъ для занятій, обѣщая со своей стороны предоставить имъ соотвѣтственнаго учителя и разныя необходимыя приспособленія. Вначалѣ идея эта туго прививалась среди рабочихъ. Раньше другихъ образовался кружокъ хороваго пѣнія. Потомъ приказчики составили кружокъ для изученія англійскаго языка; затѣмъ уже и рабочіе начали соединяться для изученія французскаго языка, ариѳметики, рисованія и т. д. Когда былъ сдѣланъ первый шагъ, то дѣло быстро пошло впередъ, и число учениковъ вскорѣ настолько увеличилось, что помѣщеніе библіотеки оказалось слишкомъ тѣснымъ, и Ж. Буркаръ долженъ былъ выстроить особое зданіе для помѣщенія «рабочей академіи», какъ называютъ его курсы Масэ. Въ ней, кромѣ трехъ классныхъ залъ, устроена еще библіотека и лабораторія для занятій физикой и химіей. Постройка зданія и организація курсовъ въ общемъ обошлась ея инициатору-фабриканту около 60.000 франковъ. Кромѣ рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ Буркара, эти вечерніе курсы посѣщались многими жителями сосѣднихъ деревень. Обученіе было вполне бесплатное. Изъ приведенной у Масэ таблицы занятій учениковъ за 1863 г. видно, что больше всего народа занималось рисованіемъ (68 человекъ), затѣмъ французскимъ языкомъ (53) и химіей и физикой (52). Общеобразовательные предметы, какъ литература, исторія и географія, по-

видимому, не внушали рабочимъ особаго интереса, и эти курсы привлекали менѣе всего слушателей (только 10—11 человекъ).

Въ 1864 году, подѣ влияніемъ примѣра Гебвиллера, подобныя-же курсы для рабочихъ открылись и въ Мюльгаузенѣ, гдѣ на нихъ сразу подписалось 500 человекъ. Эта цифра, показывающая, до какой степени въ рабочихъ сильна жажда знанія, будетъ еще знаменательнѣе, если принять въ соображеніе, что въ Мюльгаузенѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рабочій день продолжался 12 часовъ и что въ числѣ записавшихся на вечерніе курсы было много рабочихъ, живущихъ въ сосѣднихъ деревняхъ, которымъ, по окончаніи занятій, приходилось еще пропутешествовать нѣсколько верстъ пѣшкомъ, чтобы добраться до дому. Не смотря на продолжительность обязательной ежедневной работы, рабочіе затрачивали свои немногіе свободные часы на расширеніе скуднаго запаса своихъ знаній. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, рабочіе показали, что они хорошо понимаютъ свои истинные интересы. Изъ исторіи другихъ странъ можно привести многочисленныя примѣры такого-же горячаго отношенія рабочихъ къ распространенію образованія въ своей средѣ: укажемъ хотябы на дѣятельность англійскихъ рабочихъ союзовъ, которые сами, безъ участія и помощи со стороны фабриканта, устраиваютъ библіотеки, публичныя чтенія и даже спеціальныя школы для технического образованія рабочихъ. Хотя французскіе рабочіе не проявляютъ такой предпримчивости и самонадѣянности, которая является отличительной чертой англійскаго рабочаго класса, но и у нихъ замѣчается сильное стремленіе къ образованію, и, благодаря этому, они представляютъ собою благопріятную почву для просвѣтительной дѣятельности лиги!

Изучивъ устройство мюльгаузенскихъ и гебвиллерскихъ курсовъ и познакомившись съ организаціей подобныхъ-же учрежденій въ другихъ странахъ, Масэ ревностно принялся за пропаганду ихъ во Франціи, и кружки лиги, съ самаго начала своего существованія, взялись за это дѣло. Въ Кольмарѣ, Метцѣ, Діеппѣ, Марселѣ—ездѣ открывались подобныя курсы, которые посѣщались очень усердно. Программа ихъ была, приблизительно, вездѣ одна и та-же: вездѣ преподавались предметы начальнаго обученія, какъ грамматика, арифметика и рисованіе, потомъ естественныя науки—физика, химія и гигиена и, наконецъ, бухгалтерія. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ эта программа значительно расширялась: въ Метцѣ, кромѣ всего этого, читались лекціи по исторіи и дѣйствующему праву. Очень широкую программу выработала себѣ «Association rhocéenne» въ Марселѣ. Въ

составъ курса входили лекціи морали, соціологіи, космографіи, исторіи религиозныхъ войнъ, англійскій и даже итальянскій языки. По образцу Гебвиллера ученики всегда сами выбирали себѣ предметы занятій, и слушаніе всѣхъ лекцій не было для нихъ обязательнымъ. Курсы эти вездѣ были бесплатными.

Одинъ изъ парижскихъ кружковъ лиги, *cercele de la rue Villahordoin*, устроилъ подобныя-же бесплатныя курсы для рабочихъ на дому у профессоровъ. Эти домашніе курсы имѣли то преимущество, что они устанавливали болѣе тѣсное общеніе между учащими и учащимися. Разъ въ недѣлю тамъ устраивались литературные вечера, куда собирались настоящіе и бывшіе слушатели курсовъ и гдѣ происходили разговоры по поводу прочитанныхъ книгъ.

Такъ какъ курсы и чтенія продолжались только въ теченіе зимы, то, чтобы не прерывать сношеній со своими учениками и слушателями, нѣкоторые кружки устраивали во время лѣтнихъ мѣсяцевъ совмѣстныя воскресныя прогулки и экскурсіи. Цѣлью прогулокъ избирались обыкновенно какія-нибудь промышленныя заведенія и фабрики, посѣщеніе которыхъ могло быть интересно и поучительно для рабочихъ.

Одною изъ задачъ лиги было также устройство школъ для дѣтей, но въ первые годы своей дѣятельности именно это дѣло подвигалось довольно медленно, отчасти потому, что устройство школы требовало сравнительно большихъ средствъ, отчасти-же потому, что въ немъ не чувствовалось такой настоятельной потребности, такъ какъ большинство дѣтей, не посѣщавшихъ школы, принуждаемы были къ этому не недостаткомъ школъ, а бѣдностью родителей. Поэтому члены лиги, главнымъ образомъ, заботились о томъ, чтобы отправлять въ школы бѣдныхъ дѣтей, внося деньги за ихъ ученіе (какъ, напр., въ Мюльгаузенѣ), или оказывая матеріальную поддержку семьямъ, которыя, по бѣдности, не могутъ дать своимъ дѣтямъ начальное образованіе (какъ гаврскій, руанскій и др. кружки). Кружокъ въ Гаврѣ ставитъ себѣ слѣдующія задачи: «кружокъ предполагаетъ розыскивать дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ, которыя не посѣщаютъ школы, стараться всѣми мѣрами повліять на ихъ родителей въ томъ смыслѣ, чтобы тѣ посылали своихъ дѣтей въ школу, доставать нуждающимся дѣтямъ соотвѣтственную одежду и книги, вносить за нихъ плату за ученіе и наблюдать за ихъ успѣхами. Чтобы достигнуть всего этого, кружокъ назначаетъ по два своихъ члена на участокъ (всѣхъ участковъ въ Гаврѣ 28), на которыхъ возлагается обязанность розыскивать неучащихъ дѣтей и принимать всяческія мѣры для опредѣленія ихъ въ

школу». Многіе другіе кружки тоже задавались подобными задачами. Напримѣръ, кружокъ лиги въ Понтъ-Одомерѣ прямо выставяетъ однимъ изъ пунктовъ своей программы: «*chasse aux enfants, qui ne vont pas à l'école*». Основатель этого кружка—пишетъ Масэ—самъ лично занимается ловлей «маленькихъ бродягъ»: перваго попавшагося уличнаго мальчишку, который въ школьное время возится на улицѣ, вмѣсто того, чтобы учиться, онъ беретъ за руку и отводитъ въ школу, куда вносить за него плату. На обязанности членовъ кружка лежитъ также наблюденіе за тѣмъ, чтобы дѣти, находящіяся на ихъ попеченіи, аккуратно посѣщали школу. Мюльгаузенскій кружокъ лиги въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгалъ даже къ слѣдующему средству, чтобы заставить родителей посылать дѣтей въ школу: такъ какъ во многихъ семьяхъ 10—12-лѣтнія дѣти уже имѣли свои заработки, которыхъ они лишались, поступая въ школу, то кружокъ выплачивалъ этимъ семьямъ такую-же сумму, какую они получили-бы отъ своихъ дѣтей, и такимъ образомъ послѣднія получали начальное образованіе безъ матеріальнаго ущерба для своихъ родныхъ. Многіе кружки устраивали также такъ называемыя «*garderies de poupons*» или «ясли» для самыхъ маленькихъ дѣтей, чтобы освободить отъ надзора за ними старшихъ братьевъ и сестеръ, для которыхъ это служило однимъ изъ главныхъ препятствій для посѣщенія школы. Организациа такихъ яслей всюду была дѣломъ женщинъ. Вообще, женщины играютъ очень важную роль въ дѣятельности лиги: достаточно упомянуть о предсѣдательницѣ версальскаго кружка, *м-ме Нирполитте Меуньер*, которая основала библіотеки въ двадцати слишкомъ деревняхъ и во всѣхъ этихъ деревняхъ устраивала цѣлый рядъ чтеній для народа.

Наконецъ, члены лиги взяли также за организацию такъ-называемыхъ народныхъ клубовъ (*cercles populaires*), образцомъ для которыхъ послужили нѣмецкіе *Arbeiterbildungsvereine*. Во Франціи первый народный клубъ былъ устроенъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Мюльгаузенѣ, гдѣ для него выстроено особое зданіе, заключающее въ себѣ нѣсколько большихъ залъ для концертовъ и публичныхъ лекцій, библіотеку и музей. Сюда рабочіе приходятъ въ свободное время, чтобы поговорить между собой, почитать газеты и журналы, поиграть въ домино, шашки и шахматы (карты совершенно изгнаны изъ всѣхъ подобныхъ клубовъ). По этому образцу устраивали свои народные клубы и кружки лиги. Въ первый-же годъ ихъ было основано довольно много (два клуба въ Марселѣ съ 16.000 и 2.500 членовъ, клубъ въ Метцѣ съ 1.750 членами, клубы въ Таннѣ, Гебвил-

леръ и другихъ мѣстахъ). Нѣкоторые кружки, по недостатку средствъ, устраивали клубъ въ помѣщеніи бібліотеки. При клубѣ иногда устраивались естественно-научные и промышленные музеи, служившіе важнымъ подспорьемъ для публичныхъ лекцій и вечернихъ курсовъ для народа.

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ обширна и разнообразна дѣятельность лиги. Менѣе чѣмъ въ три года (отъ 1867 до начала 1870) она приобрѣла 17.856 членовъ и основала 59 мѣстныхъ кружковъ. При такомъ расширеніи предпріятія требовалась уже большая систематичность и централизація въ веденіи дѣла; поэтому Масэ передалъ въ руки парижскаго кружка завѣдываніе центральнымъ бюро и печатаніе бюллетеней, а самъ отправился лично пропагандировать идеи лиги въ провинціи.

Во время войны съ Пруссіей дѣятельность лиги, конечно, была приостановлена, но какъ только былъ заключенъ миръ, всѣ съ ужасной энергіей принялись за работу. «Школьный учитель побѣдилъ насъ, онъ-же за насъ и отмститъ», говорилъ Масэ. И вотъ, чтобы дать полный просторъ дѣятельности школьнаго учителя, лига рѣшилась добиться введенія законодательнымъ путемъ обязательнаго и безплатнаго первоначальнаго обученія во Франціи. Въ октябрѣ 1871 г. по всѣмъ провинціальнымъ кружкамъ были разосланы петиціи и подписные листы. Чтобы покрыть почтовые издержки предпріятія, комитетъ лиги, разсылавшій эти листы, просилъ всѣхъ прилагать къ своей подписи по одному су (около копѣйки на наши деньги). Отъ этого все петиціонное движеніе получило впослѣдствіи названіе «движенія копѣйки противъ невѣжества» (*mouvement national du sou contre l'ignorance*). Результаты петицій получились слѣдующіе: черезъ полгода было собрано 847.761 подпись, а черезъ годъ къ этому прибавилось еще 69.506 новыхъ подписей. Въ общей сложности, вмѣстѣ съ подписями, собранными еще до войны подобными-же петиціями въ Страсбургѣ, сумма всѣхъ подписей равнялась 1.267.267. Это было самое крупное петиціонное движеніе, какое когда-либо было во Франціи, и Масэ съ гордостью тогда могъ сказать себѣ, что трудъ его не пропалъ даромъ и что лига достигла своей цѣли: скромное общество для распространенія знаній въ народѣ, основанное, благодаря неустанной энергіи совершенно неизвѣстнаго и небогатаго учителя живущаго гдѣ-то въ заброшенной эльзасской деревушкѣ, разрослось въ великое національное дѣло и стало однимъ изъ видныхъ факторовъ народнаго образованія во Франціи. Конечно, было-бы почти невозможно собрать около полутора милліона подписей, если-бы по всей

Франціи не была раскинута сѣть мѣстныхъ кружковъ лиги, вслѣдствіе чего установилась нѣкоторая связь между людьми, работающими на этомъ поприщѣ. Разсѣянные по городамъ и деревнямъ Франціи, члены лиги горячо отозвались на мысль о введеніи обязательнаго бесплатнаго обученія, и каждый у себя дѣятельно работалъ надъ собираніемъ подписей. Почва для этого была уже подготовлена, и вотъ почему получились такіе блестящіе результаты.

Но это предпринятое лигой петиціонное движеніе возбудило противъ себя сильное негодованіе клерикаловъ, которые, уже съ самаго момента ея возникновенія, относились къ ней крайне неблагожелательно, чуя въ ней опаснаго врага. Національное собраніе отказалось поставить на очередь вопросъ объ обязательномъ бесплатномъ обученіи, и петиціи были препровождены къ Дюпанлу, предсѣдателю парламентской коммисіи по народному образованію, который собирался оставить ихъ подъ спудомъ. Но члены лиги были люди рѣшительные и энергично продолжали добиваться своей цѣли. Предсѣдатель парижскаго кружка Эм. Воше, придумалъ слѣдующее средство, чтобы усилить дѣйствіе петицій: онъ обратился ко всѣмъ выборнымъ представителямъ народа — членамъ парламента, муниципальнымъ совѣтникамъ, мэрамъ и др. — и просилъ ихъ дать свои подписи для петицій. Черезъ пять недѣль уже было собрано 35 тысячъ подписей народныхъ представителей, являющихся выразителями мнѣній 14—15-милліоннаго населенія Франціи. Къ несчастью для лиги, въ самый разгаръ этой агитаціонной кампаніи произошло паденіе министерства Тьера, и власть перешла въ руки старинныхъ враговъ лиги — клерикаловъ. Тяжелыя времена настали для лиги: префекты запрещали публичныя чтенія, закрывали библіотеки и народные клубы; школамъ данъ былъ приказъ не принимать никакихъ пособій отъ лиги, и народнымъ учителямъ предписывалось выйти изъ числа ея членовъ. Даже пала вмѣшался въ это дѣло и въ своей энцикликѣ отъ 21 ноября 1872 года разразился громовыми проклятіями противъ этого вредоноснаго учрежденія. Можно было думать, что дѣло лиги проиграно и столько трудовъ и усилій пропало даромъ. Но идеи лиги уже настолько глубоко вкоренились во французскомъ обществѣ, что никакія преслѣдованія не могли остановить ея развитія и, несмотря на воздвигнутое противъ нея гоненіе, къ 1876 году у нея было уже 30.000 членовъ и основано было 210 кружковъ, болѣе 400 коммунальныхъ библіотекъ и 175 библіотекъ въ казармахъ. Когда-же клерикальное министерство пало и во главѣ правленія очутился Жюль Ферри, лига получила полное право

гражданства и ея проект введенія обязательнаго бесплатнаго обученія былъ принятъ и утвержденъ палатой депутатовъ.

Въ 1881 году собрался первый конгрессъ делегатовъ отъ всѣхъ обществъ, входящихъ въ составъ лиги, на которомъ были выработаны статуты лиги и намѣченъ путь для дальнѣйшей дѣятельности. Въ рѣчи своей на этомъ конгрессѣ Масэ говорилъ, что лига и впредь должна быть свободна отъ всякой партійности: «наше дѣло—создавать избирателей, а не устраивать выборы—говорилъ онъ. Много труда стоило намъ сдѣлаться свободнымъ народомъ. Постараемся-же сохранить свою свободу, а это возможно только въ томъ случаѣ, если каждый изъ насъ будетъ стоять на стражѣ ея». За этимъ первымъ конгрессомъ, со времени котораго лига получила правительственную санкцію, слѣдовалъ рядъ такихъ-же ежегодныхъ конгрессовъ, а въ 1889 г. лига устроила первый международный конгрессъ представителей «частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія», гдѣ принимали участіе всѣ европейскія государства, и даже Китай, Японія, Аргентинская республика и др. На немъ рѣшено было предпринять организацію международной лиги народнаго образованія. Французская лига, основавшая за 23 года своего существованія болѣе 1.200 кружковъ для распространенія знаній въ народѣ, теперь еще болѣе расширяетъ свои задачи и, по выраженію Масэ, «становится во главѣ интернаціональнаго крестоваго похода противъ невѣжества». Представителями Россіи на парижскомъ конгрессѣ были три извѣстныя дѣятельницы на поприщѣ народнаго образованія: г-жи Алчевская, Калмыкова и Кашпирева. Г-жа Алчевская была даже избрана вице-предсѣдательницей одного изъ засѣданій конгресса, и докладъ ея обратилъ на себя общее вниманіе.

Мы видѣли, какое громадное значеніе въ исторіи народнаго образованія во Франціи имѣли труды и усилія частныхъ лицъ, положившихъ всю свою душу на избранное ими дѣло.

Исторія французской лиги доказываетъ, чего можно достигнуть энергичной совмѣстной работой. Намъ остается только пожелать, чтобы примѣръ этой лиги хотя отчасти содѣйствовалъ образованію подобныхъ учрежденій также и у насъ, въ Россіи.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

Въ 1865 году губернское земское собраніе постановило: «имѣя въ виду пунктъ VII ст. 2 «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», дающій земству право не ограничиваться въ дѣлѣ народнаго образованія исключительно однимъ участіемъ въ хозяйственномъ отношеніи, земству необходимо принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и оказать ему возможную матеріальную помощь, съ условіемъ, конечно, чтобы вліяніе земства на народное образованіе соразмѣрялось съ приносимыми имъ средствами».

Въ 1868 году губернское земское собраніе еще точнѣе формулировало свое отношеніе къ народному образованію — «земство должно участвовать въ развитіи народнаго образованія, съ одной стороны, посредствомъ дѣятельнаго матеріальнаго и нравственнаго пособія существующимъ и вновь образуемымъ училищамъ, посредствомъ вызова и поощренія частной и общественной инициативы къ поддержкѣ существующихъ и образованію новыхъ училищъ, съ другой стороны — посредствомъ образованія новыхъ наставниковъ для этихъ училищъ». На экстренномъ собраніи въ томъ-же году было постановлено назначить 3.000 рублей на покупку руководствъ, книгъ, на облегченіе народнымъ учителямъ возможности посѣщать образцовыя школы для ознакомленія съ принятыми въ нихъ улучшенными методами преподаванія. Въ смѣту 1869 года на вышеуказанныя нужды было внесено 5.000 рублей и прибавлено, что, кромѣ образцовыхъ школъ, учителя должны посѣщать *учительскіе съѣзды*.

Въ засѣданіи 11 января, того-же 1868 года, губернское земское собраніе избрало комиссію для разработки вопроса *объ учительской школѣ*. Комиссія выработала уставъ, который, по двукратномъ разсмотрѣннн, былъ утвержденъ собраніемъ въ 1869 году и затѣмъ отправленъ на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Это

послѣднее признало уставъ учительской школы безусловно отвѣчающимъ своему назначенію и сдѣлало лишь незначительныя измѣненія, съ которыми собраніе согласилось, послѣ чего вторично отправило уставъ на разсмотрѣніе того-же министерства, поручивъ въ то-же время комиссіи сдѣлать всѣ нужныя подготовительныя мѣры, чтобы учительская школа могла быть открыта въ 1871 году. И дѣйствительно, 16 августа этого года открытіе школы состоялось, но не надолго. Въ 1873 году былъ полученъ уставъ, утвержденный министерствомъ, но, вопреки сказанному въ предварительной бумагѣ, настолько измѣненный, что земство не могло согласиться съ нимъ: министерство совершенно устраняло земство и сдѣлало изъ учительской школы казенное заведеніе, на которое земство должно было лишь отпускать деньги. Тогда это послѣднее, понятно, отказалось отъ школы и передало ее въ вѣдѣніе министерства. Начиная съ 1875 года, губернское земство ежегодно ассигнуетъ по 3.000 рублей *на содержаніе стипендіатовъ* въ этой бывшей земской Поливановской школѣ, получившей, съ переходомъ въ министерство, названіе «третьей учительской семинаріи Московскаго учебнаго округа».

Почти одновременно съ вопросомъ объ учрежденіи учительской школы губернское земское собраніе въ 1869 году поручило училищной комиссіи войти въ соглашеніе съ учредительницею женскихъ педагогическихъ курсовъ, П. И. Чепелевскою, *о помѣщеніи на курсы на первый разъ 20, а впослѣдствіи 30 стипендіатовъ съ цѣлю образованія учительницъ для начальныхъ народныхъ училищъ*. Въ 1870 году на эти курсы было уже отправлено положенное число стипендіатовъ, а въ 1872 году послѣдовалъ первый выпускъ. Въ этомъ году курсы Чепелевской были преобразованы въ женскую семинарію, отношенія къ которой со стороны земства, правда, не измѣнились, но въ то-же время оно, по предложенію гласнаго И. А. Сипягина, избрало особую комиссію, которой поручено было обсудить вопросъ: не цѣлесообразнѣе-ли будетъ для земства, вмѣсто содержанія стипендіатовъ, *учрежденіе особой семинаріи для приготовленія учительницъ сельскихъ школъ?*

Въ 1878 году земство, *съ цѣлю дать возможность лучшимъ ученицамъ начальныхъ школъ Московской губерніи подготовляться къ поступленію на земскія стипендіи въ женскую учительскую семинарію* при братствѣ св. равноапостольной Маріи, учредило въ Маріинскомъ Ризположенскомъ въ Москвѣ церковномъ училищѣ отъ московскаго губернскаго земства *10 стипендій*.

Въ 1872 году губернское земское собраніе постановило *учредить лтніе учительскіе курсы* и поручило управѣ ходатайствовать объ от-

крытія ихъ въ 1873 году, съ цѣлью ознакомленія сельскихъ учителей Московской губерніи съ новыми методами преподаванія. Постановленія губернскаго земскаго собранія относительно лѣтнихъ курсовъ повторялись ежегодно до 1879 года, а курсы состоялись въ 1873, 1874, 1875, 1876 и 1879 годахъ, приче́мъ земство израсходовало на нихъ за все время 22.435 рублей. Заботясь о поднятіи умственного уровня персонала преподавателей, земство одновременно обращало вниманіе и на матеріальное обезпеченіе народныхъ учителей. Такъ, въ 1869 году губернское земское собраніе, согласно предложенію управы *), постановило отчислить для образованія училищнаго фонда для будущаго обезпеченія содержаніемъ и поощренія учителей и учительницъ, образуемыхъ на счетъ губернскаго земства, 25.000 рублей. Въ томъ-же году собраніе постановило вносить ежегодно послѣ перваго выпуска изъ учительской семинаріи въ теченіе 6 лѣтъ въ губернскую смету на обезпеченіе учителей и учительницъ по 125 рублей на каждаго выпускаемаго воспитанника и по 100 руб. на каждую выпущенную въ учительницы стипендіатку.

Въ 1872 году, по предложенію гласнаго Д. Н. Жукова, собраніе поручило управѣ разработать вопросъ объ учрежденіи эмеритальной кассы для учителей и учительницъ.

Въ 1877 году, по предложенію князя В. А. Черкаскаго, собраніе постановило, чтобы, помимо воспитанниковъ и стипендіатокъ земства, всѣ прочіе учителя и учительницы сельскихъ начальныхъ школъ Московской губерніи, служба которыхъ будетъ признана земствомъ полезною, пользовались-бы также добавочнымъ окладомъ.

Въ 1878 году гласнымъ А. А. Оленинымъ было предложено назначить учителямъ и учительницамъ за 10 лѣтъ службы пенсію въ размѣрѣ 100 рублей, а за 15 лѣтъ—150 рублей въ годъ.

Въ 1884 году губернскимъ земскимъ собраніемъ былъ утвержденъ уставъ эмеритальной кассы для обезпеченія учителей и учительницъ, прослужившихъ опредѣленное число лѣтъ въ земскихъ школахъ и оставившихъ службу.

Такое благородное и теплое отношеніе земства къ учителямъ и учительницамъ, отдающимъ всѣ лучшія силы свои на великое дѣло

*) Здѣсь къ слову скажемъ, что отъ начала земскихъ учреждений и до послѣдняго времени, т.-е. во весь четверть-вѣковой періодъ предѣвателемъ Московской губернской земской управы былъ почтенный и видный земскій дѣятель Д. А. Наумовъ, 25-ти лѣтній юбилей котораго недавно былъ отпразднованъ (6-го октября 1890 года) въ Москвѣ, приче́мъ въ юбилей этомъ приняла участіе вся земская Россія. Въ сферѣ народнаго образованія заслуги Д. А. Наумова особенно цѣнны.

воспитанія народа, привлекало въ школы лучшихъ людей, которые только и могли быть исполнителями завѣтной мечты земства—дать образованіе всему сельскому населенію, вывести его изъ тьмы на широкій путь свѣта и знаній, безъ чего отечество наше долгое время будетъ коснѣть въ невѣжествѣ и не займетъ подобающаго ему мѣста среди народовъ Европы, называющей насъ и доселѣ «варварами», что во многихъ отношеніяхъ справедливо. Чтобы показать, чего достигло земство вышеописанными дѣйствіями для увеличенія и повышенія уровня педагогическаго состава, играющаго самую важную роль въ дѣлѣ народнаго образованія, приведемъ за семилѣтіе количество учителей и учительницъ въ каждомъ уѣздѣ Московской губерніи, а за 1889 годъ данныя относительно образовательнаго ценза ихъ.

Учителей и помощниковъ.

	188 ² / ₃	188 ³ / ₄	188 ⁴ / ₅	188 ⁵ / ₆	188 ⁶ / ₇	188 ⁷ / ₈	188 ⁸ / ₉
Московский	25	33	33	34	39	36	34
Богородскій	33	40	40	41	40	40	38
Бронницкій	19	19	19	20	18	19	21
Верейскій	17	22	22	22	27	22	22
Волоколамскій	16	20	20	23	22	23	22
Дмитровскій	15	27	27	24	25	27	27
Звенигородскій	17	26	26	25	28	24	24
Клинскій	12	17	17	21	18	20	18
Коломенскій	27	39	39	40	40	38	37
Можайскій	3	10	10	8	9	8	5
Подольскій	12	19	19	18	17	16	16
Рузскій	13	20	20	20	17	18	21
Серпуховскій	30	37	37	37	33	35	35

По губерніи 239 *) 329 329 333 333 326 320

Учительницъ и помощницъ.

	188 ² / ₃	188 ³ / ₄	188 ⁴ / ₅	188 ⁵ / ₆	188 ⁶ / ₇	188 ⁷ / ₈	188 ⁸ / ₉
Московский	35	54	54	56	56	61	61
Богородскій	16	19	19	23	32	33	36
Бронницкій	18	29	29	32	36	35	36
Верейскій	8	8	8	9	7	11	11
Волоколамскій	7	11	11	11	11	11	13
Дмитровскій	16	29	29	31	31	30	29
Звенигородскій	8	7	7	8	7	11	10
Клинскій	33	36	36	39	40	38	40
Коломенскій	14	25	25	28	29	34	37
Можайскій	4	3	3	4	4	5	8
Подольскій	2	—	—	2	5	6	8
Рузскій	13	12	12	15	12	12	11
Серпуховскій	16	18	18	21	24	24	23

По губерніи 190 *) 251 251 279 294 311 323

*) За 188²/₃ годъ ни въ итогахъ по уѣздамъ, ни по губерніи не вошли помощники учителей и помощницы учительницъ: первыхъ всего было 27, а вторыхъ 28. Имѣлись они преимущественно въ уѣздахъ—Клинскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Бронницкомъ и Московскомъ.

И т ѣ х х и д р у г и х х в м ѣ с т ѣ х .

	188 ² / ₃	188 ³ / ₄	188 ⁴ / ₅	188 ⁵ / ₆	188 ⁶ / ₇	188 ⁷ / ₈	188 ⁸ / ₉
Московский	60	87	87	90	95	97	95
Богородский	49	59	59	64	72	73	74
Бронницкий	37	48	48	52	54	54	57
Верейский	25	30	30	31	34	33	33
Волоколамский	23	31	31	34	33	34	35
Дмитровский	31	56	56	55	56	57	56
Звенигородский	25	33	33	33	35	35	34
Клинский	45	53	53	60	58	58	58
Коломенский	41	64	64	68	69	72	74
Можайский	7	13	13	12	13	13	13
Подольский	14	19	19	20	22	22	24
Рузский	26	32	32	35	29	30	32
Серпуховский	46	55	55	58	57	59	58
По губернии	429 *)	580	580	612	627	637	643

Изъ обще-губернскихъ итоговъ для учащихся обоего пола видно, что педагогическій персоналъ увеличивался ежегодно, причемъ количество учительницъ возрастало, начиная съ 188⁷/₈ года, въ ущербъ учителей. Обращаясь затѣмъ къ образовательному цензу тѣхъ и другихъ, не исключая помощниковъ и помощницъ, мы возьмемъ, какъ уже сказали, одинъ лишь 188⁸/₉ годъ, въѣвчающій 25-ти-лѣтнюю дѣятельность земства. Вотъ какъ въ этомъ году распредѣлялся педагогическій составъ по образованію.

У ѣ з д ы .

	Изъ университетовъ и духовныхъ академій.		Изъ учительскихъ семинарій.		Окончившіе курсъ.		Неокончившіе курсъ.		Изъ гимназій, реальныхъ училищъ и институтовъ.		Изъ прогимназій.		Изъ уѣздныхъ училищъ.		Изъ духовныхъ училищъ.		Изъ городскихъ, приходскихъ и дворянскихъ министерскихъ училищъ.		Изъ разныхъ низшихъ учебныхъ заведеній.		Изъ ремесленныхъ школъ.		Домашняго образованія.		Общее число преподавателей.		
	У	Ч	И	П	Т	Е	Л	Е	И	В	С	Ш	Д	О	М	О	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	
Московский	2	20	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	29
Богородский	2	11	3	2	1	2	5	8	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38
Бронницкий	—	13	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Верейский	1	1	1	5	1	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Волоколамский	—	15	1	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Дмитровский	1	14	4	2	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Звенигородский	—	4	2	12	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23
Клинский	—	8	—	4	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14
Коломенский	—	9	1	3	—	—	3	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27
Можайский	—	1	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Подольский	—	13	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Рузский	—	12	2	2	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19
Серпуховский	—	10	6	8	2	—	1	3	2	1	3	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	35
По губернии	6	131	27	43	7	3	28	26	6	5	2	3	287														

*) За 188²/₃ годъ ни въ итогахъ по уѣздамъ, ни по губернии не вошли помощники учителей и помощницы учительницъ: первыхъ всего было 27, а вторыхъ 28. Имѣлись они преимущественно въ уѣздахъ—Клинскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Бронницкомъ и Московскомъ.

	П	о	м	о	щ	н	и	б	о	в	ь.		
Московский	—	2	—	1	1	—	—	1	—	—	—	5	
Богородский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Бронницкий	—	—	—	1	—	2	1	—	1	—	—	5	
Верейский	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	
Волоколамский	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	2	
Дмитровский	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	3	
Звенигородский	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	
Клинский	—	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	4	
Коломенский	1	—	—	2	1	—	2	4	—	—	—	10	
Можайский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Подольский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Рузский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	
Серпуховский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
По губернии	1	5	—	4	4	—	7	7	2	1	—	2	33
Всѣхъ вмѣстѣ	7	136	27	47	11	3	35	33	8	6	2	5	320

У Б З Д Ы.

	Изъ женскихъ учитель- скихъ семинарій.	Изъ институтовъ.	Изъ гимназій.	Изъ пансіоновъ.	Изъ прогимназій.	Изъ старшійшихъ учи- лицъ.	Изъ Филаретовскаго училища.	Изъ городскихъ, приход- скихъ и дворянскихъ министерскихъ училищъ.	Изъ разнѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.	Изъ ремесленныхъ школъ.	Домашняго образованія.	Общее число препода- вателейъ.
	У	ч	и	т	е	л	б	н	и	ц	ь.	
Московский	17	2	7	2	1	1	3	—	3	—	2	38
Богородский	16	—	2	—	5	1	6	1	—	—	3	34
Бронницкий	14	3	2	2	1	4	1	—	—	—	—	28
Верейский	1	—	1	—	2	1	2	1	—	1	1	10
Волоколамский	2	—	—	—	1	—	4	—	1	—	3	13
Дмитровский	3	4	—	—	11	—	2	—	—	—	1	21
Звенигородский	2	1	—	—	—	2	—	1	1	—	2	9
Клинский	27	—	1	—	1	1	1	—	—	—	—	32
Коломенский	—	1	1	1	13	2	1	1	—	—	1	20
Можайский	3	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	6
Подольский	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	8
Рузский	—	—	1	—	1	1	4	2	1	—	1	11
Серпуховский	4	2	2	—	3	1	4	—	1	—	4	21
По губернии	96	13	18	5	39	12	32	7	7	1	21	251
	П	о	м	о	щ	н	и	ц	ь.			
Московский	4	—	2	1	—	2	5	—	5	—	4	23
Богородский	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	2
Бронницкий	—	—	—	1	1	1	2	—	1	—	2	8
Верейский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Волоколамский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дмитровский	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	8
Звенигородский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Клинский	1	1	—	1	1	—	1	2	1	—	—	8
Коломенский	—	—	1	—	13	1	1	—	1	—	—	17
Можайский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	2
Подольский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рузский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Серпуховский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	2
По губернии	5	1	3	3	26	5	9	2	9	—	9	72
Всѣхъ вмѣстѣ	101	14	21	8	65	17	41	9	16	1	30	323

Такимъ образомъ, изъ 643 учителей, учительницъ, помощниковъ и помощницъ высшее образованіе получили 1⁰/₀, специально-педагогическое 36,8⁰/₀ и среднее 16,8⁰/₀, а вмѣстѣ, получившихъ высшее (изъ университетовъ и академій), специальное (мужскія и женскія учительскія семинаріи) и среднее (окончившіе курсъ семинарій, гимназій, реальныхъ училищъ, епархіальныхъ и т. д.) образованіе—53,2⁰/₀; получившихъ образованіе болѣе чѣмъ низшее (неокончившіе курса семинарій и окончившіе прогимназіи, уѣздныя и духовныя училища)—28,6⁰/₀, а низшее всего 18,2⁰/₀.

Если мы припомнимъ теперь учрежденія земства, устроенныя для поднятія уровня преподавателей, то можно съ увѣренностью сказать, что составъ педагогическаго персонала въ школахъ московскаго земства вполне удовлетворяетъ своему назначенію.

Чтобы покончить съ учащими въ земскихъ школахъ, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о вознагражденіи ихъ за преподаваніе.

До 1878 года, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1880 и 1881 размѣръ преподавательскаго гонорара колебался между 100—200 рублей; начиная-же съ этого времени жалованье было таково:

УѢЗДЫ:	Размѣры вознагражденія педагогическому персоналу въ годъ въ рубляхъ.		Отъ губернскаго земства въ видѣ приплаты учителямъ и учительницамъ.	Форма и размѣръ добавочнаго вознагражденія отъ уѣзднаго земства.	Наивысшій размѣръ жалованья.
	Отъ уѣзднаго земства.	Отъ помощникамъ.			
Московский . . .	300	200	— —	Прибавка черезъ первые три года по 25 руб., а черезъ слѣдующіе три по 50 р., и такъ до 475 руб.	475
Богородскій . . .	240	—	40 и 50		300
Бронницкій . . .	240	180	40 и 60		300
Верейскій . . .	200	—	40 и 100		300
Волоколамскій . . .	200—240	120	40, 60 и 100		300
Дмитровскій . . .	200	180	40 и 100		300
Звенигородскій . . .	200—240	—	40, 60 и 100		300
Клинскій . . .	200	120	40 и 100		300
Коломенскій . . .	учителямъ 200 учит-цамъ 160	120	40 и 100	Учителямъ и помощникамъ по 40 р. и, кромѣ того, за выслугу лѣтъ по 60 р. черезъ каждое пятилѣтіе. За уроки пѣнія и черченія платится особо.	450
Можайскій . . .	240	100	40 и 60	Наградныхъ выдается черезъ первые 3 года по 25 руб., черезъ слѣдующія 6 лѣтъ по 50 руб.	210 и 350
Подольскій . . .	200—240	—	40, 60 и 100		300
Рязскій . . .	200	35—65	40 и 100		300
Серпуховскій . . .	200	—	40 и 100		306

Въ такихъ-то условіяхъ находятся наставники и наставницы земскихъ школъ Московской губерніи. Если мы вспомнимъ максимальный окладъ до-реформеннаго учителя въ размѣрѣ 100 руб. въ годъ, то не можемъ не замѣтить значительнаго повышенія вознагражденія въ настоящее время, причемъ, нѣтъ сомнѣнія, гонораръ этотъ будетъ увеличиваться въ будущемъ, судя по времени, за которое жалованье со 100—200 руб. еще въ 1880 и 1881 году дошло въ Московскомъ уѣздѣ до 475, въ Клинскомъ—до 450 и почти нигдѣ не спускается ниже 300 рублей въ годъ для учителей, а помощники лишь въ Рязкомъ уѣздѣ пользуются незначительнымъ окладомъ, во всѣхъ-же остальныхъ уѣздахъ жалованье имъ не бываетъ меньше 100 руб., но въ большинствѣ—120, 180, а въ Московскомъ даже 200 руб., въ то время, какъ нормальный окладъ помощникамъ и помощницамъ въ старыхъ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ не превышалъ никоимъ образомъ 75 рублей въ годъ. Прибавимъ еще, что всѣ земскіе учителя и учительницы пользуются готовыми квартирами, что возвышаетъ вознагражденіе на довольно значительный $\frac{1}{10}$, такъ какъ врядъ-ли при мало-мальски человѣческой обстановкѣ возможно найти даже въ селеніи квартиру менѣе чѣмъ за 60—100 рублей въ годъ.

Но какъ-бы ни былъ удовлетворителенъ педагогическій персоналъ, въ какихъ-бы выгодныхъ внѣшнихъ условіяхъ онъ ни находился, не всегда учителя могутъ успѣшно вести свое дѣло — многое зависитъ отъ учебныхъ пособій, безъ которыхъ и хорошій педагогъ, что солдатъ безъ ружья. Земство не оставило безъ вниманія и эту сторону дѣла. Не говоря уже о томъ, что тѣ элементарныя пособія, по которымъ дѣти учатся въ школахъ, даются въ большинство училищъ земствомъ бесплатно *), земство, мало-по-малу, снабжаетъ школы *библіотеками*.

Еще въ 1878 году, по предложенію А. А. Оленина—«ассигновать на устройство библіотеки при училищахъ 13.000 руб., изъ которыхъ 10.000 на библіотеки для учениковъ и 3.000 — для учителей»,— собраніе постановило: «не приступать немедленно къ обсужденію этого вопроса, а предварительно разработать его». Въ 1879 году губернское земское собраніе уже *утвердило правила для выдачи пособій на устройство библіотекъ*, и въ настоящее время такихъ библіотекъ имѣется 277, а именно:

*) Въ 1883 году, напримѣръ, всѣми уѣздными земствами на учебныя пособія было ассигновано 13.725 руб., причемъ 369 школъ получали бесплатно учебныя пособія, а 264—письменные принадлежности.

Въ Московскомъ уѣздѣ	при 62 школахъ.
» Богородскомъ »	» 16 »
» Бронницкомъ »	» 23 »
» Верейскомъ »	» 14 »
» Волоколамскомъ »	» 24 »
» Дмитровскомъ »	» 40 »
» Звенигородскомъ »	» 5 »
» Клинскомъ »	» 34 »
» Коломенскомъ »	» 7 »
» Можайскомъ »	» 4 »
» Подольскомъ »	» 18 »
» Рузскомъ »	» 4 »
» Серпуховскомъ »	» 26 »
	277

На устройство учительскихъ библиотекъ губернское земство отпускаетъ до 100 рублей на каждую, а на школьныя оно-же даетъ по 25, при условіи, чтобы уѣздное земство ассигновывало не меньшую сумму.

Теперь всѣми признано, что главная причина того печальнаго явленія, что извѣстный % изъ окончившихъ школы нерѣдко забываетъ грамоту — это полное прекращеніе какихъ-бы то ни было занятій со стороны окончившихъ ученіе, полный разрывъ со школою и совершенное неимѣніе книгъ среди сельскаго населенія. Учрежденіе библиотекъ уничтожаетъ эту причину: онѣ привлекаютъ бывшихъ учениковъ въ училища за книгами, препятствуютъ забвенію грамоты и, будучи хорошо организованными, служатъ къ приобрѣтенію знаній и развитію сельскаго населенія. До какой степени это послѣднее чувствуется потребность въ книгахъ, это можно видѣть изъ матеріаловъ, собранныхъ земствомъ въ 1883 году по этому вопросу. Изъ 400 отвѣтовъ на запросъ объ отношеніи населенія къ чтенію, вообще къ книгамъ, только въ 30-ти указывается на индифферентизмъ населенія къ чтенію, остальные-же 370 отвѣтовъ указываютъ на совершенно противоположное. Такъ, учитель Едневскаго училища, Клинскаго уѣзда, писалъ: «Грамотное населеніе къ чтенію книгъ относится сочувственно; многіе очень часто обращаются за книгами для чтенія, но библиотеки при школѣ нѣтъ, и потому приходится отказывать. Нерѣдко просятъ указать, какія книги купить. За отсутствіемъ другихъ книгъ, берутъ учебники и прописи».

«Я давала старшимъ дѣтямъ книги на домъ—сообщала учительница Березинскаго земскаго училища, того-же уѣзда—семьи дѣтей слушали чтеніе нѣкоторыхъ книгъ съ удовольствіемъ и просили дѣтей приносить еще; къ сожалѣнію, книгъ при школѣ очень мало».

«Библиотеки нѣтъ — писалъ учитель Старо-Рузскаго училища, Рузскаго уѣзда — но имѣть библиотеку было-бы очень полезно: въ нашемъ приходѣ много грамотныхъ крестьянъ обоюго пола, обучившихся въ мѣстной школѣ и сдѣлавшихся уже отцами и матерями;

крестьяне эти любятъ читать и могутъ читать съ пользою. Учебныя книги берутъ неохотно: онѣ надоѣли имъ въ школахъ».

«Библиотеки нѣтъ — сообщалъ учитель Кузнецовскаго училища, Верейскаго уѣзда—взрослые грамотные крестьяне и окончившіе курсы ученики просто осаждаютъ просьбами книгъ; приходится давать учебники».

Изъ Дмитровскаго уѣзда учитель Ассауровскаго училища писалъ: «Крестьяне часто спрашиваютъ книгъ для чтенія и даже очень обижаются, а дать нечего—библиотеки нѣтъ».

Изъ того-же уѣзда учитель Васильевскаго училища писалъ, что «грамотные крестьяне постоянно спрашиваютъ книгъ для чтенія, но ихъ совсѣмъ нѣтъ при школахъ. Если-бы обложить желающихъ читать извѣстной платой, въ размѣръ, напримѣръ, 20 — 30 коп. въ годъ, многіе-бы изъявили желаніе платить, лишь-бы получать книги для чтенія. Любовь къ чтенію сильно развита».

Намъ кажется, приведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ необходимы при школахъ библиотеки и какую важную услугу народному образованію дѣлаетъ земство, учреждая при училищахъ такія библиотеки.

Помимо библиотекъ, московское земство устроило при нѣкоторыхъ школахъ *народныя чтенія*, весьма способствующія какъ связи сельскаго населенія съ училищами, такъ и развитію его. Такія чтенія имѣются въ настоящее время при 62 школахъ, а именно—при 54 въ Московскомъ уѣздѣ, при 3-хъ — въ Коломенскомъ, при 2-хъ — въ Дмитровскомъ и при 1-й въ уѣздахъ — Богородскомъ, Клинскомъ и Серпуховскомъ; изъ нихъ при 58 школахъ чтенія сопровождаются *туманными картинами*.

Чтобы заключить съ внутреннею организаціею школьнаго дѣла, скажемъ еще, что при многихъ школахъ, помимо общеобразовательныхъ предметовъ, преподаются и *практическія знанія*, а именно:

При сколькихъ школахъ преподаются нижеслѣдующія практич. знанія.

	У	Б	З	Д	Ы:									
	Московскій.	Богородскій.	Бронницкій.	Верейскій.	Волоколамскій.	Дмитровскій.	Звенигородскій	Клинскій.	Коломенскій.	Могайскій.	Подольскій.	Рузскій.	Серпуховскій.	Всего школъ.
Пѣніе.	29	16	17	26	13	16	15	13	15	3	9	13	37	222
Рисованіе	2	—	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	7
Ремесло	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2
Руководліе	23	—	—	4	3	4	2	10	4	—	1	1	11	63
Садоводство и огородничество.	1	—	—	27	—	—	—	—	—	—	—	2	1	31
Пчеловодство.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого.	57	16	20	57	16	20	17	24	20	3	10	16	50	326

Приводя данныя, характеризующія внутреннюю организацію школьнаго дѣла въ Московской губерніи, мы касались почти исключительно постановленій губернскаго земскаго собранія. Но это послѣднее, обыкновенно, является выразителемъ мнѣній и желаній всѣхъ въ совокупности уѣздныхъ земствъ данной губерніи, такъ что, говоря о дѣятельности губернскаго земства, мы привели значительное количество фактовъ, характеризующихъ дѣятельность и уѣздныхъ земствъ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность ограничиться теперь по каждому уѣзду въ отдѣльности приведеніемъ лишь наибольшаго числа постановленій, проектовъ и отдѣльныхъ мнѣній гласныхъ уѣздныхъ земствъ относительно народнаго образованія за періодъ времени съ 1865 по 1889 годъ.

Въ Московскомъ уѣздѣ на уѣздномъ земскомъ собраніи въ 1865 году гласный Лукашъ и *крестьянинъ* Николаевъ, предлагая ввести *обязательное обученіе*, ставили условіемъ, чтобы такое имѣло мѣсто лишь въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ школы, а также, чтобы пребываніе въ школѣ дѣтей не длилось болѣе трехъ часовъ въ сутки.

Въ 1878 году, земская управа, произведя изслѣдованіе о судьбѣ бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ, пришла къ выводу, что большинство ихъ, съ выходомъ изъ школы, прекращаетъ свое образованіе, а потому предлагала: 1) устраивать *дополнительныя ремесленныя училища*, 2) *учреждать воскресныя и вечернія занятія* съ мальчиками, занятыми домашними работами, и 3) *устраивать библіотеки*, посредствомъ которыхъ дѣти, не могущія посѣщать болѣе школу, могли-бы продолжать и поддерживать свое образованіе.

Въ 1866 году гласнымъ *изъ крестьянъ* П. О. Капраловымъ была внесена записка, въ которой авторъ рекомендовалъ *планъ устройства школьнаго дѣла въ уѣздѣ*. Записка эта послужила основаніемъ для работы особой комиссіи, избранной собраніемъ для разработки вопроса объ организаціи народнаго образованія въ уѣздѣ.

Въ 1873 году предсѣдателемъ училищнаго совѣта княземъ Трубецкимъ былъ представленъ обстоятельнѣйшій докладъ о состояніи школъ съ проектомъ ряда мѣръ для ихъ улучшенія. Предложенія князя Трубецкаго почти безъ измѣненія были приняты собраніемъ.

Въ 1874 году членъ училищнаго совѣта Н. П. Малиницъ, доказывая въ своемъ отчетѣ превосходство земскихъ школъ предъ до-реформенными, предлагалъ, между прочимъ — *устройство двухнедельнаго учительскаго съѣзда, устройство школьныхъ праздниковъ, учрежденіе нѣсколькихъ центральныхъ библіотекъ, введеніе гимнастики и при-*

обрѣтеніе для училища небольшихъ клочковъ земли какъ для учебныхъ на ней занятій, такъ и для ученическихъ отдыховъ.

Въ Верейскомъ уѣздѣ на земскомъ собраніи 1886 года гласный Шлиппе высказывался за то, чтобы обращалось особенное вниманіе на образованіе двочекъ, какъ будущихъ матерей семействъ. Поэтому онъ предлагалъ приглашать на службу преимущественно учительницъ. «До сихъ поръ—говорилъ г. Шлиппе—образованіе народа лежало на духовенствѣ; если оно не успѣвало, то въ этомъ нельзя его винить, такъ какъ средства у духовенства были весьма ограничены и притомъ-же у насъ не введено обязательное образованіе». Сославшись на примѣръ Запада и указавъ на невозможность ожидать развитія школьнаго дѣла отъ самого народа, гласный предлагалъ собранію высказаться «за обязательное образованіе съ обязанностью родителей посылать дѣтей въ школу отъ 8-ми-лѣтняго возраста». Земское собраніе рѣшило вопросъ объ обязательномъ обученіи въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ Волоколамскомъ уѣздѣ въ 1875 году членъ управы Бажановъ сдѣлалъ заявленіе о введеніи въ уѣздѣ обязательнаго обученія.

Въ Клинскомъ уѣздѣ однимъ изъ первыхъ проектовъ относительно народнаго образованія былъ проектъ гласнаго священника Соболева, который, какъ и гласный верейскаго земства Шлиппе, предлагалъ распространять образованіе въ народѣ при посредствѣ образованія двочекъ.

Въ 1875 году гласный А. А. Оленинъ внесъ на собраніи предложеніе, «чтобы дѣтей, окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ, родители не имѣли права отдавать въ услуженіе въ трактиры и питейныя заведенія въ теченіе трехъ лѣтъ по окончаніи ими курса». Предложеніе это было принято собраніемъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ въ 1866 году уѣздное земское собраніе высказалось за бесплатное и обязательное обученіе, при этомъ гласный Борховъ выразилъ мнѣніе, что «если-бы и явились такія личности, которыя-бы не сознавали потребности грамотности, то въ видахъ пользы ихъ дѣтей—будущихъ гражданъ, общество въ правѣ требовать исполненія своихъ благихъ предположеній; отсюда вытекаетъ и право требовать обязательнаго обученія,—это не болѣе, какъ та-же обязательность, которую мы всѣ несемъ, именно, повиновеніе закону, хотя-бы мы и не сочувствовали ему. Притомъ, обязанность эта не можетъ быть тягостна ни для кого—она можетъ не нравиться лишь лицамъ, не пекущимся о благѣ своихъ дѣтей».

Въ 1868 году гласный Смирновъ предлагалъ, «во избѣжаніе дур-

наго вліянія на нравственное развитіе юношества, ходатайствовать, чтобы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ устраиваются земскіи школы, было запрещено открывать кабаки и другія питейныя заведенія».

Въ Рязкомъ уѣздѣ въ 1866 году на разсмотрѣніе уѣзднаго земскаго собранія было представлено мнѣніе члена комиссіи для разработки вопросовъ по народному образованію П. В. фонъ-Менгдена *объ обязательности и бесплатности народнаго образованія*.

Въ 1867 году гласный А. А. Валицкій, имѣя въ виду недостатокъ средствъ для открытія начальныхъ училищъ, указалъ на *воскресные классы*, которые не требуютъ никакихъ денежныхъ пожертвованій.

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ 1870 году гласный А. Н. Корсаковъ указывалъ собранію на то, что дѣти, недостигшія 10-ти-лѣтняго возраста, вмѣсто того, чтобы посѣщать школу, отдаются на фабрики и другія промышленныя заведенія. Признавая такое вліяніе вреднымъ, онъ находилъ нужнымъ *ходатайствовать предъ правительствомъ о запрещеніи крестьянскимъ дѣтямъ поступать на фабрики ранѣе 12-ти-лѣтняго возраста*.

Въ 1872 году гласный Жуковъ внесъ въ собраніе цѣлый проектъ о мѣрахъ для улучшенія школьнаго дѣла. Докладчикъ предлагалъ: 1) *ходатайствовать о введеніи въ уѣздѣ обязательнаго образованія*, 2) *устраивать ежегодно учительскіе съезды*, 3) *увеличить жалованье учителямъ*, 4) *выдавать обществамъ пособія на постройки школы* въ размѣрѣ до 200 рублей и, наконецъ, 5) въ виду примѣра городской воскресной школы, весьма мало посѣщаемой рабочими вслѣдствіе того, что они проводятъ время въ разныхъ питейныхъ заведеніяхъ, предлагалъ *ходатайствовать о закрытіи послѣднихъ въ праздничные дни*. Относительно перваго своего предложенія докладчикъ сослался на примѣръ Запада, который доказалъ всю благодѣтельность введенія системы обязательнаго образованія. «Ждать органическаго закона объ обязательномъ обученіи для всей имперіи — говорилъ докладчикъ — нѣтъ основанія, такъ какъ пришлось-бы ждать его, можетъ быть, цѣлое столѣтіе. Но если по многимъ причинамъ несвоевременно издавать подобный законъ, то, по моему убѣжденію, нѣтъ достаточныхъ причинъ не вводить обязательнаго обученія постепенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя готовы къ тому».

Всего приведеннаго нами изъ постановленій губернскаго и уѣздныхъ земствъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ благотворной и болѣе чѣмъ симпатичной дѣятельности земства Московской губернии въ

дѣлѣ народнаго образованія. Все, что только могло сдѣлать земство для воспитанія народа, оно сдѣлало.

Какъ-же отнесся къ дѣятельности земства народъ, для котораго земство не жалѣло силъ и энергій? Завоевало-ли оно симпатіи населенія? Приобрѣло-ли довѣріе? Да—земство достигло этого. Для доказательства, мы приведемъ здѣсь выдержки изъ IX главы книги «Народное образованіе въ Московской губерніи», на которую ссылались въ началѣ статьи.

«Сельское населеніе—говорится въ этой главѣ—признаетъ пользу существующихъ школъ, дорожитъ ими и относится къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ *), среднее число учащихся на каждую школу равнялось лишь 35, а въ дѣйствительности было меньше, такъ какъ многіе учащіеся числились только на бумагѣ; въ настоящее время на школу приходится, въ среднемъ выводѣ, 60 учениковъ и притомъ число школъ возрасло болѣе, чѣмъ вдвое. Мало того: желающихъ учиться оказывается гораздо больше, такъ что многимъ приходится отказывать за неимѣніемъ мѣста въ школѣ **). Даже старообрядцы съ охотою посылаютъ въ школы своихъ дѣтей, которыя, на ряду съ православными, слушаютъ даже уроки Закона Божія» Такого сочувствія къ школамъ прежнимъ не существовало, а отсюда слѣдуетъ, что школы новаго типа болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ населенія въ образованіи, даютъ имъ большее и лучшее удовлетвореніе. Отвѣты на вопросъ о томъ, что наиболѣе располагаетъ сельское населеніе въ пользу существующихъ школъ, приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Путемъ школы родители надѣются «вывести дѣтей своихъ въ люди»; «въ школѣ видятъ средство выбиться изъ своего бѣдственнаго положенія».

2) Ученики, окончившіе курсъ въ школѣ, пользуются льготою по воинской повинности.

3) Примѣрный порядокъ, заведенный въ школѣ, и воспитательное значеніе послѣдней. Дѣти, по сознанію родителей, становятся болѣе послушными, менѣе грубыми, дѣлаются опрятнѣе, деликатнѣе въ обращеніи, сознательнѣе относятся къ своимъ поступкамъ.

*) Книга «Народное образованіе въ Московской губерніи» сообщаетъ свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія по 1882—1883 годъ включительно.

**) Скажемъ здѣсь къ слову, что въ 1886 году число отказовъ по Московской губерніи для желавшихъ поступить въ школы было 1.350, а въ 1888 году до 2.000 желавшихъ учиться не могли, за неимѣніемъ мѣстъ въ школѣ, быть приняты.

4) *Гуманное обращеніе преподавателей съ учениками, отсутствіе грубыхъ наказаній, вслѣдствіе чего «дѣти приходятъ изъ школы всегда веселенькіе, уходятъ въ школу съ радостью».*

5) *Быстрота и легкость обученія: «въ нынѣшнихъ школахъ въ одну зиму научаются лучше читать и писать, чѣмъ бывало въ три года», говорятъ крестьяне.*

6) *Благоустройство школы.*

Къ учителямъ и учительницамъ населеніе относится съ уваженіемъ и почтеніемъ; при встрѣчѣ съ ними обыкновенно раскланиваются; въ ихъ присутствіи воздерживаются отъ бранныхъ словъ и другихъ неприличныхъ выходокъ; даже пьяные не наносятъ оскорбленій. Особенно хорошо относятся тѣ семьи, отъ которыхъ есть учащіеся въ школѣ. Нерѣдко обращаются за совѣтомъ относительно дѣтей, просятъ иногда написать письмо или прочитать присланное откуда-нибудь, вписать кого-либо въ «поминанье», прочитавъ присланную начальствомъ дѣловую бумагу и т. д.

Вотъ чего достигло земство и земскіе учитель и учительница! Къ 25-ти-лѣтію они «воздвигли памятникъ себѣ нерукотворный — къ нему не заростетъ народная тропа», какъ-бы ни старались тропу эту забросать камнями и грязью противники свѣта...

И. Бѣлоконскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Die Erziehung der deutschen Jugend. Von Paul Guessefeldt, Dritte Auflage. Berlin. Verlag von Gebrueder Kaetel. 1890 *).

Книга нѣмецкаго писателя Гюссфельдта, сопровождавшаго нынѣшняго германскаго императора въ одномъ изъ его путешествій (въ Норвегію) и вообще пользующагося расположеніемъ монарха, представляетъ интересъ какъ сама по себѣ, такъ и потому, что она, по мнѣнію нѣмецкой прессы, въ значительной мѣрѣ выражаетъ взгляды самого императора на «воспитаніе нѣмецкаго юношества». Передъ нами лежитъ экземпляръ 3-го изданія; первоначально-же «Die Erziehung der deutschen Jugend» появилась въ январьской и февральской книжкахъ журнала «Deutsche Rundschau» за 1890 г. Небольшой этюдъ Гюссфельдта не цѣльный трактатъ по педагогикѣ, но тѣмъ не менѣе ему нельзя отказать въ извѣстной *цѣлостности*, такъ какъ всѣ разсужденія объ отдѣльныхъ вопросахъ объединены одной основной мыслью, которую авторъ выразилъ въ слѣдующемъ афоризмѣ на стр. 45: «weniger Kenntnisse und mehr Bildung» («меньше познаній и больше развитія»; развитіе тутъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ слова). Эти слова должны, по мнѣнію автора, быть лозунгомъ школьной реформы. Первые 40 страницъ своей книги Гюссфельдтъ посвящаетъ вопросамъ *дѣтскаго* воспитанія (Kindererziehung) и высказываетъ при этомъ очень много остроумныхъ, а иногда и ори-

*) Объ интересной книгѣ Гюссфельдта мимоходомъ говорилось уже на страницахъ «Русской Школы» въ статьѣ, озаглавленной «Хроника школьной жизни въ Германіи за ноябрь и декабрь 1890 г.» («Русская Школа», № 1 за 1891 г., стр. 191—193). Охотно даемъ мѣсто также и настоящей библиографической замѣткѣ въ виду интереса, представляемаго взглядомъ Гюссфельдта на задачи образованія и воспитанія, служащимъ выраженіемъ новаго теченія въ области общественно-педагогическихъ вопросовъ, такъ сильно занимающихъ въ настоящее время и печать, и общество въ Германіи.

гинальныхъ мыслей. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что дѣти должны имѣть *область, гдѣ-бы они жили самостоятельной жизнью; эта область—дѣтская*. «Здѣсь дѣти предоставлены самимъ себѣ; здѣсь они сталкиваются другъ съ другомъ, какъ равноправныя существа; здѣсь нѣтъ никакого *deus ex machina* въ лицѣ взрослого, который по своему произволу рѣшаетъ возгорѣвшійся споръ; здѣсь не можетъ быть конфликта самостоятельности съ послушаніемъ, потому что нѣтъ никого, кому должно было-бы оказывать послушаніе». Кромѣ того, живя самостоятельной жизнью въ дѣтской, ребенокъ научается *не скучать*, а «своевременно приучить ребенка не скучать—говоритъ Гюссфельдтъ—есть одно изъ величайшихъ благодѣяній, которое можетъ быть ему оказано».

Въ высшей степени несимпатичной и мало гармонирующей съ гуманными вообще взглядами Гюссфельдта на воспитаніе является его защита тѣлесныхъ наказаній. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, Гюссфельдтъ только признаетъ существующую нѣмецкую школьную практику и господствующія въ Германіи педагогическія воззрѣнія на этотъ предметъ. (Ср. чрезвычайно интересныя «Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія». Спб. 1863 г.).

Переходъ отъ дѣтскаго возраста (*Kinderjahren*) къ отрочеству (*Knabenalter*) является, *при дѣйствующей системѣ* образованія, настоящимъ *прижкомъ* и въ этомъ—ея ошибка. Обученіе разомъ получаетъ преобладаніе надъ воспитаніемъ, преобладаніе ненормальное, борьба съ которымъ и должна составлять главное содержаніе современнаго движенія въ пользу реформы образованія и воспитанія. «Обученіе и воспитаніе—говоритъ Гюссфельдтъ—разсматриваются какъ отдѣльныя другъ отъ друга области безъ внутренней связи... Обученіе, требуя себѣ все больше и больше всемогущества, подкопало воспитательную силу родительскаго дома и, своимъ властолюбіемъ, сдѣлало невозможнымъ гармоническое развитіе отрока». Такимъ образомъ, подобно Герингу, автору плана «Новой нѣмецкой школы» (см. «Русскую Школу», ноябрь 1890 г., стр. 144 и сл.), Гюссфельдтъ видитъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ современной школы въ томъ, что она культивируетъ отвлеченное мышленіе въ ущербъ другимъ сторонамъ чело-вѣческаго мышленія и въ ущербъ физическому развитію.

Затѣмъ, исходя изъ приведеннаго выше лозунга: «меньше знаній, больше развитія», Гюссфельдтъ оцѣниваетъ различныя знанія и классифицируетъ ихъ. Знанія, которыя мы вычитали изъ книжки или выучили съ чужихъ словъ,—Гюссфельдтъ называетъ ихъ низкими

(gemeine)—имѣютъ гораздо меньше цѣны, чѣмъ тѣ, которые мы получили путемъ умозаключеній или путемъ наблюденія и непосредственнаго созерцанія (Auschauung); имъ Гюссфельдъ даетъ названіе высокихъ (edle Kenntnisse) и они-то, по его мнѣнію, и должны главнымъ образомъ культивироваться школой. Въ этомъ взглядѣ, разумѣется, ничего новаго нѣтъ, равно какъ и въ протестѣ противъ профессионально-практическаго направленія школьнаго образованія, который у Гюссфельдта высказанъ въ слѣдующемъ мѣткомъ афоризмѣ: «Der Beruf der Schueler ist eben Keinen zu haben» («Профессія учениковъ состоитъ именно въ томъ, чтобы не имѣть никакой профессіи»).

Перейдемъ теперь къ подробностямъ плана Гюссфельдта. Знакомству съ классической древностью и ея литературами онъ придаетъ извѣстное значеніе; центръ тяжести ихъ изученія онъ полагаетъ въ чтеніи авторовъ и грамматику допускаетъ лишь въ самыхъ минимальныхъ дозахъ, необходимыхъ для чтенія текста *съ помощью готоваго перевода*. Центральнымъ пунктомъ обученія, пунктомъ, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается, должно быть изученіе роднаго языка и его литературы.

Въ главѣ, посвященной новымъ языкамъ, мы находимъ цѣлый панегирикъ французскому языку и франц. литературѣ, ихъ реальнымъ и формальнымъ достоинствамъ. Изученіе англійскаго языка признается безусловно необходимымъ въ виду его практическаго значенія и богатства его научной и изящной литературы.

Разсужденія Гюссфельдта о преподаваніи математики, естествознанія и Закона Божія не представляютъ ничего особенно интереснаго и оригинальнаго, а потому мы ихъ обходимъ.

Взглядъ его на воспитательно-образовательное значеніе исторіи вполне характеризуется слѣдующими словами: «объ исторіи Гёте сказалъ, что лучшее, что мы отъ нея получаемъ, это—энтузіазмъ, который она въ насъ возбуждаетъ. Это изреченіе поражаетъ нѣсколько; но, чѣмъ больше о немъ задумываешься, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что оно истинно и должно быть руководящимъ для обученія».

Далѣе Гюссфельдтъ разбираетъ подробности вопроса о преподаваніи роднаго языка и, между прочимъ, подобно многимъ другимъ (напр. Прейеру въ его висбаденской рѣчи, см. «Русскую Школу» № 2, 1890 г. Педагогическая хроника) выставляетъ значеніе искусства *устнаго* изложенія своихъ мыслей. Затѣмъ авторъ кратко касается физическаго воспитанія, ручнаго труда и т. п. и переходитъ къ вопросу о подготовкѣ учителей. Для того, чтобы удовлетворять требованіямъ Гюссфельдта, учителя должны, по его словамъ, «пре-

вернуться въ воспитателей» и «дѣйствовать на юношество своей личностью столько-же, сколько своими познаніями».

Въ различныхъ мѣстахъ книги разбросаны черты, рисующія подробности школьной организаціи, о которой мечтаетъ Гюссфельдтъ. *Его школа*, не смотря на то, что она все время представляется ему какъ государственное или общественное учрежденіе—*интернатъ*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Гюссфельдтъ имѣетъ въ виду не экспериментъ въ родѣ извѣстной уже читателямъ «Русской Школы» «Новой нѣмецкой школы» Геринга, а *общепринятый и санкціонированный государственнымъ авторитетомъ типъ средней школы*.

Характерно разсужденіе Гюссфельдта о матеріальныхъ средствахъ для осуществленія его идей. «На вопросъ, откуда можно взять средства для того, чтобы обезпечить нѣмецкой молодежи подобающее ей воспитаніе, отвѣтъ мой гласить: изъ средствъ нѣмецкаго народа. Мы въ будущемъ будемъ содержать *два арміи*, одну—съ казармами и всѣмъ тѣмъ, что требуется военнымъ образованіемъ, и другую—съ школьными зданіями и всѣмъ тѣмъ, что требуется гармоническимъ образованіемъ. Для какой лучшей пѣли могли-бы мы давать наши деньги. Тогда мы будемъ сильны съ внутренней и съ внѣшней стороны» («Wir werden dann stark nach aussen und nach innen sein»). Нужно замѣтить, что въ своемъ планѣ Гюссфельдтъ имѣетъ въ виду воспитаніе и образованіе лишь *высшихъ и среднихъ* классовъ нѣмецкаго народа.

Книга Гюссфельдта, безспорно, представляетъ большой интересъ, какъ одно изъ наиболѣе удачныхъ сочиненій, являющихся выраженіемъ все болѣе и болѣе усиливающагося въ Германіи стремленія поднять воспитательную роль школы и *возстановить равновѣсіе между воспитаніемъ и обученіемъ*. На этой точкѣ зрѣнія, какъ мы видѣли раньше, стоитъ и другой сторонникъ школьной реформы, педагогъ по специальности Герингъ (см. «Русскую Школу», ноябрь 1890 г., стр. 144 сл.). Планъ его имѣетъ не мало общаго съ проектомъ Гюссфельдта.

Въ заключеніе не можемъ не указать, что книга Гюссфельдта написана прекраснымъ, можно сказать, образцовымъ нѣмецкимъ языкомъ,—достоинство, не слишкомъ часто встрѣчающееся у его соотечественниковъ.

О вліяніи школы на здоровье ея воспитанниковъ.

(Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1891 года проф. Н. А. Тольскимъ).

Справедливо говоритъ авторъ во вступленіи къ своей рѣчи, что вопросъ о вліяніи школы на силы и здоровье подросткающаго поколѣнія занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Лучшіе педагоги и современные врачи Франціи, Германіи, Англіи и другихъ странъ заняты обсужденіемъ того, какъ наилучше и безвреднѣе провести подросткающее поколѣніе черезъ всѣ періоды школьной его жизни. Извѣстный трудъ знаменитаго германскаго врача Франка, возбудившій всеобщее вниманіе, не повлекъ за собой, однако, тѣхъ практическихъ послѣдствій для учащагося юношества, которыхъ можно было-бы ожидать. Современная литература по школьной гигиенѣ въ Европѣ и даже въ Россіи настолько велика, что можетъ составить предметъ отдѣльной специальности. Нельзя не замѣтить отраднаго факта, что въ послѣднее десятилѣтіе русскіе врачи слѣдятъ съ особеннымъ стараніемъ за лучшими изслѣдованіями въ области школьной гигиены, и имена Эрисмана, Лесгафта, Архангельскаго, Доброславина, Манасеиной, Сикорскаго, Нагорскаго, Виреніуса, Маляревскаго и многихъ другихъ пользуются извѣстностью среди ученыхъ педагоговъ. Врачебные съѣзды не разъ затрогивали и подвергали общему обсужденію многіе вопросы, относящіеся до школьной гигиены. Каждый безпристрастный читатель, ознакомившись хотя-бы только литературнымъ путемъ со множествомъ сочиненій изъ области школьной гигиены, придетъ къ несомнѣнному выводу, что современная школа съ ея обширными задачами относительно всесторонняго развитія духовной жизни ребенка недостаточно приняла во вниманіе физическія силы формирующагося организма.

Въ дѣлѣ вліянія школы на здоровье дѣтей, конечно, должно было возникнуть множество противорѣчивыхъ мнѣній; не обошлось безъ увлеченій, крайностей, и если съ одной стороны не было такой болѣзни, такого вреда, которые-бы не приписывались прямо вліянію школы, то съ другой—не было недостатка и въ такихъ писателяхъ, которые, вопреки самымъ неопровержимымъ доказательствамъ и вполне точнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, не утверждали-бы, что школа вполне безвредна, такъ называемыя школьныя болѣзни не существуютъ, что такія дѣти были больны уже ранѣе и школа тутъ не причемъ. Очевидно, что въ вопросъ, требовавшій правильной оцѣнки

фактовъ, спокойнаго обсужденія и безпристрастнаго анализа, была внесена какая-то ненужная страстность, горячность, возбужденность! Да и какъ быть иначе? Вѣдь школа есть самый насущный вопросъ жизни; она затрагиваетъ самые сокровенные интересы образованнаго общества; касается бытія дитяти, этого, по прекрасному выраженію Шиллера, ожидаемаго въ будущемъ идеала человѣка! Опытному наблюдателю-врачу, спокойному изслѣдователю-педагогу не можетъ не броситься въ глаза тотъ нерѣдкій фактъ, что въ школу отдано существо свѣжее, энергичное, съ румянымъ личикомъ, образцовымъ составомъ крови и правильнымъ гармоническимъ развитіемъ всѣхъ системъ организма, а по прошествіи двѣнадцати лѣтъ школьныхъ занятій оно вышло существомъ худымъ, тщедушнымъ, малокровнымъ, близорукимъ, сутуловатымъ, съ впалой грудью и подозрительнымъ цвѣтомъ лица,—существомъ, склоннымъ къ головной боли, нервной раздражительности, нестойкимъ, мало противодѣйствующимъ болѣзнетворнымъ вліяніямъ. И если число такихъ жалкихъ субъектовъ годъ отъ году увеличивается и идетъ прогрессивно съ возрастающими требованіями школы, а другія дѣти, отданныя въ училища (напримѣръ, военныя) съ меньшими требованіями относительно знаній, но съ большимъ обращеніемъ вниманія на сбереженіе и физическое развитіе, представляются юношами крѣпкими и здоровыми, сохранившими по окончаніи курса вполнѣ свойственныя молодости равновѣсіе и энергію силъ, то подобныя факты, такое сопоставленіе очень убѣдительны и двоякаго значенія имѣть они не могутъ. Вредное вліяніе школы тутъ становится очевиднымъ, безспорнымъ и вполнѣ доказательнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что современная школа, заботясь объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей, не съ такой-же послѣдовательностью и настойчивостью занимается развитіемъ физической стороны дѣтской природы. Вотъ почему безпристрастные изслѣдователи и мыслящіе врачи цивилизованныхъ странъ справедливо указываютъ на обширный пробѣлъ въ дѣлѣ правильнаго физическаго воспитанія современнаго молодаго поколѣнія. Нельзя не быть признательнымъ нашему Министерству Народнаго Просвѣщенія, которое также въ послѣднее время обратило вниманіе на необходимость усиленія физическаго развитія учащихся и большаго сбереженія ихъ здоровья.

Въ виду важности затронутаго профессоромъ Тольскимъ вопроса, мы, сдѣлавъ это небольшое вступленіе, разберемъ теперь, въ деталяхъ, все сообщенное имъ о такъ называемыхъ школьныхъ болѣзняхъ. На основаніи теоретическихъ врачебныхъ соображеній, говоритъ онъ, можно судить о томъ вліяніи, которое должна оказывать школа на посту-

пающаго въ нее ученика вслѣдствіе ограниченія движенія. Потребность у дѣтей къ движенію, говоритъ Axelvey, очень велика, спокойствіе противно ихъ природѣ. На значеніи-то этого движенія особенно для дѣтскаго организма останавливается профессоръ Тольскій въ своей рѣчи отъ 7 до 17 страницы и приводитъ извѣстныя всякому врачу доказательства о пользѣ ихъ. Малокровными воспитанниками (при чемъ малокровіе можетъ быть разсматриваемо какъ неизбѣжный результатъ ограниченія движенія) являются, по наблюденіямъ Axelvey, $\frac{1}{6}$ часть всѣхъ учениковъ въ младшемъ классѣ. Непонятно только, почему профессоръ Тольскій не касается этого вопроса относительно дѣтей русской школы и не указываетъ на то, что обширность времени, потраченнаго на пребываніе въ школахъ и домашнее приготовленіе уроковъ (напримѣръ, у нашихъ гимназистовъ) такъ велика, что имъ не остается положительно досуга для удовлетворенія этой насущной потребности въ движеніи и для противодѣйствія послѣдовательному развитію малокровія. Онъ расписываетъ время занятій и отдыха подробно въ шотландскихъ и англійскихъ школахъ и ни слова не говоритъ о занятіяхъ параллельныхъ въ русскихъ. Смѣемъ увѣрить почтеннаго докладчика, что такое сопоставленіе было-бы очень наглядно и поучительно. Переходя затѣмъ (на 18-ой страницѣ) къ описанію близорукости, онъ приводитъ наблюденія Вааръ'a, Шокальскаго, Егера, Рюге, Кohn'a, Эрисмана, Маклакова, Вебера, Геса, Реса, Пфлюгера, Гиппеля и др. о происхожденіи этого порока зрѣнія въ зависимости отъ учебныхъ занятій. Особенно убѣдительнымъ фактомъ является близорукость, развиваемая неправильнымъ освѣщеніемъ и другими анти-гигіеническими вліяніями школы, по наблюденію Гиппеля, врача гимназіи въ Гиссенѣ. Міопія есть тотъ порокъ, котораго связь, по справедливому замѣчанію Тольскаго, съ школьными занятіями не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Степень близорукости положительно возрастаетъ отъ низшихъ классовъ къ высшимъ: такъ, по Гиппелю—въ секста процентъ близорукыхъ равенъ 4,8%, въ оберъ-примѣ 49,6%. На страницѣ 26-й своей рѣчи авторъ коснулся тѣхъ измѣненій позвоночнаго столба и связанныхъ съ ними послѣдовательныхъ уклоненій въ правильномъ развитіи легкихъ и дыханія, которыя извѣстны подъ именемъ сутуловатости, горбатости, кособочія и т. д. Къ сожалѣнію, этотъ важный вопросъ затронутъ авторомъ лишь вскользь и, коснувшись только изслѣдованій Эйленбурга, Адамса, Шильдбаха, Багинскаго, Рагow, Клопск'a, онъ не приводитъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудовъ, которые еще рельефнѣе показываютъ вліяніе неправильнаго сидѣнія въ школахъ, особенно

при письменныхъ занятіяхъ, на развитіе ненормальныхъ искривленій позвоночника и послѣдовательныхъ безобразій спины. Таковы, напри- мѣръ, работы Witzel'я, Valter Puc'a и др. Далѣе на страницѣ 31-й авторъ переходитъ къ обзорѣннѣю нервныхъ разстройствъ, вызывае- мыхъ школою. Тутъ онъ касается нервной раздражительности, сла- бости, бессонницы и, наконецъ, головной боли. Хотя профессоръ Тольскій не приводитъ изслѣдованій многихъ современныхъ писа- телей, тѣмъ не менѣе останавливается подробно на тщательномъ трудѣ Axelvey'a, который ясно доказываетъ, что требованія со- временныхъ школъ не соотвѣтствуютъ физическимъ силамъ воспи- танниковъ. Пропустивши многіе виды школьныхъ болѣзней, ора- торъ переходитъ къ рассмотрѣннѣю заразительныхъ формъ, но ка- сается лишь наблюденій врачей Нестерова и Виреніуса, не приводя своихъ личныхъ изслѣдованій. Въ мягкой, правда, формѣ, но тѣмъ не менѣе очень рельефно, обвиняетъ профессоръ Тольскій родителей въ томъ, что они посылаютъ въ школы воспитанниковъ часто уже хворыхъ и не принимаютъ мѣръ для охраны школы отъ занесенія въ нее заразныхъ болѣзней. Въ заключеніе своей рѣчи ораторъ го- воритъ, что путемъ дружныхъ врачебно-педагогическихъ изысканій въ самой школѣ надобно стараться устранить условія болѣзненности, вызываемыя послѣднею. Отъ души можно присоединиться къ мнѣнію почтеннаго докладчика, который, съ свойственною ему душевной теп- лотой, не обвиняя никого въ частности, постарался въ своей рѣчи ознакомить общество съ вліяніемъ школы на здоровье ея воспитан- никовъ. Конечно, боязнь утомить вниманіе слушателей заставила про- фессора Тольскаго быть краткимъ, сжатымъ и коснуться только са- мыхъ существенныхъ сторонъ затронутаго имъ важнаго вопроса.

Н. Б.

«Русская хрестоматія» въ городскихъ училищахъ.

(П. Барышниковъ. Русская хрестоматія. Ч. I. Курсъ перваго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1890; Ч. II. Курсъ 2-го отд. гор. уч. М. 1890; Ч. III и IV. Курсъ 3-го и 4-го отд. гор. уч. М. 1891; Ч. V и VI. Курсъ 5-го и 6-го отд. гор. уч. М. 1891).

На такъ-называемыя министерскія городскія училища, по пред- мету роднаго языка, возложены весьма большія задачи. Снабдить питомца грамотностью твердо усвоенною — это само по себѣ уже не маловажное дѣло. Извѣстно вѣдь, что плохोगрамотные обыкновенно

далеко не расположены пользоваться этимъ своимъ умственнымъ орудіемъ. Съ другой стороны, горькій опытъ говоритъ намъ, что и самый усовершенствованный звуковой методъ, съ его быстротою обученія и прочими достоинствами, не уберегаетъ еще отъ рецидивизма безграмотности. Предназначая первыя свои отдѣленія на грамотность, городское училище стремится далѣе занять учениковъ систематическимъ курсомъ грамматики. Грамматика!—это обычный камень преткновенія для учащихъ и учащихся; это тотъ самый учебный предметъ, о которомъ и философъ Бэнъ, въ своей «Наукѣ воспитанія», выражается, что «грамматика *труднѣе* ариѳметики и, вѣроятно, стоитъ въ этомъ отношеніи на одной доскѣ съ начальными отдѣлами *алгебры и геометріи*». Вдобавокъ, вѣдь, городскія училища знакомятъ, согласно программѣ, и съ церковно-славянскимъ языкомъ и его *грамматикою*. Въ старшихъ отдѣленіяхъ городскихъ училищъ имѣется въ виду «развить словесное творчество» учениковъ, придать ихъ «словеснымъ построеніямъ правильныя и систематическія формы», наконецъ, сообщить «теоретическія опредѣленія» этихъ формъ! При этомъ число учениковъ въ классахъ, въ большинствѣ случаевъ, не малое: а въ учебную программу входитъ не менѣе десяти обязательныхъ предметовъ. Надо сказать также, что питомцы городскихъ училищъ выходятъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ семей, гдѣ на помощь со стороны семьи ученику рассчитывать не приходится. Мы вовсе не забыли ходячаго положенія, что болѣе суровая обстановка поддерживаетъ самодѣятельность и т. д.; но вообще—видимое дѣло!—«собственные Платоны» и быстрые разумомъ Невтоны рождаются не часто! По словамъ «Объясн. Записки», «объяснительное чтеніе въ курсѣ городскихъ училищъ занимаетъ обширнѣйшее мѣсто, сравнительно со всѣми прочими занятіями по отечественному языку. Такое преобладающее значеніе придается объяснительному чтенію ради той образовательной силы, которую оно имѣетъ: ни въ одномъ занятіи столь многосторонне не затрагивается психическая дѣятельность учениковъ, какъ въ объяснительномъ чтеніи, и ничто, какъ объяснительное чтеніе, не заключаетъ въ себѣ такъ много средствъ для развитія дара слова въ самыхъ разнообразныхъ его примѣненіяхъ». Такъ сказать, педагогическая реформа наша, съ ея новымъ словомъ о лучшихъ методахъ въ школьномъ дѣлѣ, ведетъ свое начало, какъ извѣстно, изъ Германіи. Въ этомъ смыслѣ и «объяснительное чтеніе», съ его многообразными цѣлями, указанными въ «Объяснительной Запискѣ», у насъ происхожденія иноземнаго. Заглянемъ-же немного въ исторію. Германское педагогическое движеніе послѣдней эпохи евро-

пейской исторіи (говоря о которомъ нельзя не вспомнить почтенныхъ именъ Песталоцци, Фрѣбеля, Дистервега), въ дальнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, породило стремленія, съ одной стороны, всесторонне *гуманизировать* учениковъ; а съ другой—вооружить учителя цѣлымъ арсеналомъ, цѣлой «предустановленной гармоніей» улучшенныхъ дидактическихъ правилъ, методическихъ наказовъ и пр. и пр. Трудно, разумѣется, спорить противъ того, что и для учительской профессіи, какъ и для всякой другой, необходима своя техника, своя обязательная выучка для будущихъ мастеровъ педагогическаго дѣла и пр. Но, при мало-мальски неблагоприятныхъ условіяхъ, нельзя не бояться и педантизма въ этомъ случаѣ, нельзя не бояться подчасъ извѣстнаго обезличенія учителя, а черезъ него и самихъ учениковъ. Прошлое и нѣмецкой, и сравнительно немногочлѣтней русской «новой» школы даетъ къ тому поводъ. Дальнѣйшее обсужденіе этихъ явленій уклонило-бы насъ, впрочемъ, отъ темы данной статьи. Возвратимся къ городскимъ училищамъ. «Объяснительная Записка» указываетъ на методическія пособія г. Гаврилова, какъ на такія, гдѣ и учителя могутъ найти образцы всѣхъ словесныхъ и письменныхъ упражненій, какія должны быть соединены съ объяснительнымъ чтеніемъ въ 3 и 4 гг. Въ своемъ руководствѣ г. Гавриловъ высказывается, между прочимъ, такъ: «никто не восхищается гаммами; но виртуозъ, чарующій слухъ, началъ съ нихъ; восторгающемуся художественной картиной нѣтъ дѣла до штриховъ, но въ умѣньи распорядиться линиями—одно изъ главнѣйшихъ условій изящества произведенія».

Г. Гавриловъ предлагаетъ намъ цѣлый рядъ утонченнѣйшихъ подготовительныхъ «словесныхъ построеній!» Совершенствуясь въ «техникѣ», по собственному выраженію г. Гаврилова, ученикъ набьетъ руку въ словесномъ искусствѣ. И дѣйствительно, техника г. Гаврилова не чаруетъ слухъ, не напоминаетъ намъ изящества художника; но своего рода высокою «виртуозностью» она все-таки отличается. И развѣ что авторы старомодныхъ риторикъ идутъ дальше г. Гаврилова. Стилистическія задачи г. Гаврилова, какъ сказано, рекомендуются главнымъ образомъ для 3 и 4 гг. Въ 5 и 6 отдѣленіяхъ ученики принимаются уже за болѣе «самостоятельныя» работы, непосредственно пользуясь хрестоматіей. И опять тутъ возникаютъ у насъ невольныя сомнѣнія: положимъ, самый вдохновенный художникъ въ своемъ описаніи, повѣствованіи, характеристикѣ руководствуется извѣстнымъ планомъ; но главнымъ образомъ творитъ онъ по внушенію поэтическихъ образовъ, носящихся передъ его эстети-

чески-изошренными духовными очами. О строго «правильномъ» расположеніи частей цѣлаго, о полной «соразмѣрности» и «аккуратности» въ переходахъ и отступленіяхъ тутъ едва-ли усиленно заботятся. И неужели, напримѣръ, такого, допустимъ, и недостаточно «дисциплинированного» автора, станетъ судить съ высоты пріобрѣтенныхъ «техническихъ» знаній ученикъ городского училища, едва покончившій счеты съ простою грамотою?! Мы вполне допускаемъ возможность и пользу самаго детальнаго изученія разнообразныхъ произведеній родной литературы — и въ городскомъ училищѣ — *въ классъ*, подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя. Къ слову тутъ, пожалуй, можно коснуться и лирики, и эпики, и драмы, причемъ къ письменнымъ работамъ вообще и въ частности къ домашнимъ слѣдуетъ относиться съ особливою осторожностью. Пускай будетъ побольше, со стороны ученика, стихійнаго, такъ сказать, усвоенія поэтическихъ красотъ и поменьше подчеркиваній вышнихъ формъ — со стороны учителя. Но мы думаемъ, что вводить въ число *обязательныхъ пунктовъ* программы систематическую стилистику и теоретическія опредѣленія словесныхъ формъ — это значитъ чрезмѣрно обременять учителя и его *малоразвитыхъ* учениковъ. Поставьте ученика городского училища подъ извѣстное воздѣйствіе (и на это, однако, надо много времени и труда) образцовыхъ авторовъ, и онъ самъ естественнымъ путемъ и непременно чисто практически увлечется *плодотворнымъ подражаніемъ имъ* въ рѣчахъ и на письмѣ, проникнется *логикой* ихъ художественной правды. По поводу-же введенныхъ въ программу городского училища «словесныхъ формъ» мы сказали-бы такъ: не основательнѣе-ли и вообще не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *изучать* художественное описаніе (вѣдь, оно по преимуществу попадаетъ въ хрестоматію) въ возможно болѣе позднемъ возрастѣ? Художественное описаніе, можно сказать, пейзажъ въ поэзіи. А въ живописи пейзажъ — это родъ довольно высокаго высшаго художественнаго отвлеченія. Въ творчество самого художника, быть можетъ, входитъ не мало безсознательнаго. Не такъ относительно зрителей. Кто очень хорошо знаетъ и любитъ природу, тотъ далеко не всегда еще интересуется ея художественнымъ *искусственнымъ* воспроизведеніемъ. Тутъ еще нужна своя степень эстетическаго развитія. Эти соображенія, думается намъ, можно примѣнить и къ описательной поэзіи. Болѣе сознательно къ ней отнесутся ученики постарше и болѣе развитые. Конечно, очень часто дѣтямъ и самаго ранняго возраста нравятся стихи, изображающіе природу, но тутъ увле-

каетъ ребятъ просто музыкальность поэтическихъ строфъ и знакомыя изящныя слова—у талантливыхъ писателей, конечно. Дѣти, надо сказать, очень часто какъ-то чуютъ художественную силу «характеристики» осязательнѣе, конкретнѣе художественнаго описанія, и потому характеристика подчасъ доступнѣе, занимательнѣе для ученика. И наиболѣе, конечно, близка юнымъ умамъ повѣствовательная форма. Каждый мало-мальски опытный преподаватель знаетъ, что даже самыя «лирическія» по тону и содержанію произведенія, при нѣкоторой «повѣствовательности» оболочки своей, воспринимаются учениками несравненно легче. Кромѣ описанія, характеристики и повѣствованія, въ программу городскихъ училищъ включено и разсужденіе. Необходимо, разумѣется, приучить питомца, путемъ практики, слѣдить за *логичностью* собственной устной и письменной рѣчи, руководиться извѣстнымъ *планомъ* въ своихъ сужденіяхъ и *разсужденіяхъ*. И въ этомъ отношеніи современная педагогическая теорія и практика сдѣлали твердые и разумные шаги. Но очень многія *разсужденія*, какъ-бы обязательно попадающія въ хрестоматіи, мы признаемъ непосильными для учениковъ и старшихъ отдѣленій городскихъ училищъ.

Мы намѣрены въ настоящей статьѣ *иллюстрировать* высказанное практическими примѣрами, пользуясь недавно вышедшей въ Москвѣ «Русской хрестоматіей» для городскихъ училищъ, въ 6 частяхъ, г. П. Барышниковъ. Въ предисловіи къ первой части г. Барышниковъ говоритъ: «Систематическаго руководства, обнимающаго весь 6-лѣтній курсъ объяснительнаго чтенія въ городскихъ училищахъ у насъ дѣйствительно нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, придать извѣстному учебному предмету стройность, соблюсти въ преподаваніи должное единство, послѣдовательность и надлежащую связь, провести гармоническую стройность въ развитіи какъ цѣлаго, такъ и частныхъ, возможно *только* при употребленіи учебника, составленнаго для всѣхъ классовъ школъ *однимъ авторомъ*... настоящая хрестоматія есть *первая попытка* дать ученикамъ городскихъ училищъ такое пособіе по объяснительному чтенію, которое представляло-бы собою стройное, законченное развитіе этого предмета для всего 6-лѣтняго курса школы». Эти авторскія положенія, при всей своей категоричности, вызываютъ не мало вопросовъ, остающихся открытыми и по прочтеніи всѣхъ 6 частей хрестоматіи. Правда-ли, что такъ нужно *особливое* систематическое руководство по объяснительному чтенію для городскихъ училищъ? Такъ-ли и дѣйствительно важна *единоличность* автора пособій, о чемъ печется г. Барышниковъ? Не лучше-ли, напротивъ, въ *принципѣ*, имѣть на каждый возрастъ отдѣльнаго учителя и отдѣльную книгу?

Стоить-ли замѣнить довольно объемистыми книгами г. Барышникова пособія, употребляемыя доселѣ? Ясно-ли обозначается «органическая связь» всѣхъ книгъ «Русской хрестоматіи» на счетъ *антигармоничности* другихъ учебниковъ? Нѣтъ-ли даже педантизма въ самой мысли—замкнуть «объяснительное чтеніе» въ строго-очерченный отдѣльный предметъ учебной программы? Кромѣ того, самъ г. Барышниковъ находитъ, что вопросъ о книгѣ для чтенія «рѣшенъ и на практикѣ» гг. Бунаковымъ и Барановымъ относительно сельской школы. А низшія отдѣленія городскихъ училищъ (во многихъ училищахъ, какъ извѣстно, онѣ и вовсе не открываются) прямо уже отвѣчаютъ курсу сельской школы. Въ этомъ-же предисловіи къ 1-й части обращаютъ на себя вниманіе и другія соображенія автора. По мнѣнію г. Барышникова, пословицы и загадки трудны для дѣтей; онѣ отнимаютъ слишкомъ много времени на бесѣды и разьясненія. «Если-же бесѣдъ будетъ меньше, а больше чтенія, то ученики хоть и не будутъ *особенно* развиты, за-то научатся быстрому чтенію, т.-е. приобрѣтутъ могучее орудіе для своего развитія въ слѣдующихъ 4-хъ отдѣленіяхъ школы». Далѣе г. Барышниковъ заявляетъ, что въ школѣ необходимо поменьше разьясненій и побольше чтенія. Но живая натура дѣтей не выдержитъ усиленнаго механическаго чтенія, и сама собою явится необходимость въ живой классной бесѣдѣ.

Съ чисто «практическою»-же цѣлью заботится г. Барышниковъ и о простотѣ «учебнаго» матеріала. Онъ особливо хвалитъ «Азбуку» гр. Толстого и широко пользуется его книгами для чтенія.

Гр. Толстой, какъ педагогъ, излюбилъ нѣкоторые пункты педагогическихъ теорій Руссо и довелъ ихъ до удивительныхъ крайностей (о чемъ намъ приходилось говорить въ 5 № «Народной Школы» за 1888 г.). Въ своей статьѣ «Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ дѣтей?» Толстой какъ-бы щеголяетъ своими парадоксами: «ребенокъ—читаемъ у него—стоитъ ближе каждаго взрослого къ тому идеалу гармоніи, правды и добра, до котораго я, въ своей гордости, хочу возвести его...» «Какъ только я далъ ему свободу, пересталъ учить его, онъ написалъ такое поэтическое произведеніе, которому подобнаго не было въ русской литературѣ». Поэтому насъ не изумляютъ инья статейки, попадающіяся въ книгахъ для чтенія у Толстого. Онѣ иной разъ просты почти до полной безсодержательности. Слѣдуя гр. Л. Н. Толстому, г. Барышниковъ совершенно напрасно вноситъ въ свою хрестоматію встрѣчающіяся у Толстого или столь же малосодержательные рассказы, или передѣлки произведеній «народной» словесности, каковы: «Кошка», «Мыши»,

«Цвѣты» и др. Когда-же г. Барышниковъ не пускается въ излишества, въ своей заботѣ о простотѣ статейкъ для младшаго возраста, ему удается подборъ отрывковъ изъ сочиненій того-же Толстого, Никитина, Пушкина и др. Пользуется г. Барышниковъ и «Роднымъ Словомъ» Ушинскаго. И тутъ, конечно, *специфичность* хрестоматіи для *городскихъ училищъ* рѣшительно ничѣмъ не обозначается. Впрочемъ, вѣроятно, для установленія «органической связи» между 1-мъ и послѣдующими выпусками хрестоматіи, г. Барышниковъ пытается ввести упрощенный художественный «пейзажъ» въ прозѣ изъ Пушкина, Тургенева—и получается совершенно неудачный подборъ статей какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Берется, напримѣръ, отрывокъ изъ повѣсти Пушкина «Барышня-крестьянка». вмѣсто слова «царедворцы»—ставится: «вельможи». Длинный періодъ у Пушкина, гдѣ сопоставляется душевное настроеніе Лизы съ окружающей природой, изрѣзывается и получается... такое мѣсто: «Небо ясное, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ». Въ результатѣ «Утро» Пушкина. Почему не г. Барышникова?

Автору не нравятся «дѣланные рассказы о добродѣтельныхъ Васяхъ и Костяхъ». Онъ предпочитаетъ другой матеріалъ для «нравственнаго чтенія». Надо, конечно, вездѣ и всегда избѣгать грубо-тенденціозной, показной морали. Въ отдѣлѣ «грамматическихъ свѣдѣній» авторъ опять иногда переступаетъ предѣлы осмысленной простоты. Въ отдѣлѣ «упражненій», подражая Ушинскому, г. Барышниковъ даетъ подходящіе образцы. За-то въ рубрикѣ «самостоятельныхъ сочиненій» мы находимъ подобныя темы: «Расскажи, какъ ты обрѣзаль себѣ палець, какъ обжегся горячими щами, какъ занозилъ руку».

Въ литературномъ отдѣлѣ 3-й части хрестоматіи опять постоянныя заимствованія у гр. Л. Толстого, изъ его книжекъ для чтенія, и потому попадаютъ рассказы въ родѣ «Самыя лучшія груши», отличающіеся крайне примитивнымъ юморомъ. Изъ стихотвореній, какъ и въ 1-й части, встрѣчаются чаще всего произведенія Никитина. Въ поэзіи Никитина сказывается большая любовь къ труженику-простолюдину, къ окружающей его природѣ; языкъ у этого писателя отличается простотою художественныхъ приемовъ. Потому, несомнѣнно, сочиненія Никитина—довольно благодарный матеріалъ въ книгахъ для юныхъ читателей. Но во всякомъ случаѣ Никитинъ не крупная поэтическая сила, художественныя формы тутъ не довольно гибки и богаты. И желая сильнѣе и скорѣе пробудить въ питомцѣ чувство изящнаго, желая повліять на читателя и слушателя красотами и многообразіемъ русскаго слова, нельзя давать преобладанія одному Никитину.

Въ виду практическихъ цѣлей, стремясь какъ можно менѣе объяснять при чтеніи, г. Барышниковъ отдаетъ замѣтное предпочтеніе сказкамъ передъ баснями. Во всей 2-й части только пять басень. Испоконъ вѣковъ сказки и басни считаются чуть-ли не лучшимъ матеріаломъ для дѣтскаго чтенія. И на то есть основательныя причины. Но не менѣе очевидно и то, что духъ и тонъ сказки и басни отвѣчаютъ болѣе грубой, «пожившей» натурѣ взрослога человѣка, а никакъ не духовному организму юнца, нѣжному и еще несложившемуся. Юморъ сказки и басни часто слишкомъ добродушенъ, снисходителенъ и даже равнодушенъ къ слабостямъ ближняго. Ребенокъ такъ смѣяться не можетъ: въ этомъ случаѣ онъ прямолинейнѣе и, такъ сказать, серьезнѣе взрослога. Потому *педагогическій* выборъ басень и сказокъ требуетъ большаго такта. Басни, пожалуй, еще болѣе сказокъ требуютъ осторожности въ выборѣ; басни проникнуты не цѣльнымъ и стихійнымъ народнымъ юморомъ, а художественною сатирою опытныхъ знатоковъ «житейской» философіи (въ родѣ великаго мастера баснословія Крылова). Но все-таки г. Барышникову слѣдовало-бы въ большей мѣрѣ воспользоваться баснями. И самая краткость размѣровъ басни, по нашему мнѣнію, преимущество. Особенно же дороги—большая художественность басни и изобиліе словесныхъ формъ, въ ней встречающихся.

Во 2-й части г. Барышниковъ также не обнаруживаетъ «новшества», слѣдуя Ушинскому, пользуясь приемами Корфа, Паульсона и пр. Не можемъ не отмѣтить еще слѣдующаго. Г. Барышниковъ усиленно черпаетъ въ своей хрестоматіи изъ сочиненій С. Т. Аксакова. Берутся по преимуществу картины сельской трудовой жизни и сельской-же природы; изложеніе художественное, разумѣется, и болѣе или менѣе *повѣствовательное*. Благодаря именно этой послѣдней формѣ, выборки въ большинствѣ случаевъ являются весьма удачными. Но... отрывки изъ сочиненій Аксакова занимаютъ цѣлую *четверть* литературнаго отдѣла во 2-й части. Намъ кажется, что такимъ излишествомъ вносится нѣкоторое однообразіе въ книгу. Однообразіе это тѣмъ болѣе замѣтно, что хрестоматія назначается специально для *городскихъ*, а не для *сельскихъ* училищъ. На 45 страницъ обращаетъ также на себя вниманіе статейка: «Бродяга» Гоголя. Отрывокъ—вовсе не для дѣтей. «Незримыя міру слезы» автора совсѣмъ еще скрыты для юныхъ читателей; а скорѣе послышится имъ только одинъ страшный, жесткій смѣхъ.

«Научный» отдѣлъ въ хрестоматіи, по первому впечатлѣнію, можно было-бы принять за «новшество» книги г. Барышникова. Авторъ

имѣть въ виду «подготовить ученика къ слушанію въ слѣдующихъ отдѣлахъ русскои исторіи, географіи, естествовѣдѣнія». Но самъ г. Барышниковъ оговаривается, что свѣдѣнія его «научнаго» отдѣла «не есть что-либо новое»; что тѣ-же статьи встрѣчаются во многихъ книжкахъ для такого-же возраста и пр. И тутъ, значить, мы не улавливаемъ «особности» хрестоматіи «для городскихъ училищъ». «Научные» отдѣлы въ нашихъ хрестоматіяхъ обыкновенно оставляютъ желать лучшаго. Г. Барышниковъ откровенно заявляетъ, что онъ и не старался стать выше другихъ.

Грамматическій отдѣлъ 2 ч. хрестоматіи г. Барышникова напоминаетъ подобные-же отдѣлы очень многихъ другихъ учебныхъ пособій. Какъ по поводу другихъ книгъ, такъ и тутъ не удержишься отъ желанія большей точности и осмысленности въ грамматическихъ опредѣленіяхъ. Бэнъ называетъ логику «грамматикой научнаго мышленія». Съ тѣмъ-же правомъ можно выразиться, что грамматика въ низшей школѣ до извѣстной степени играетъ роль элементарной логики. Въ другомъ мѣстѣ («Грамматика въ народныхъ школахъ». «Народная Школа», № 4, 1889 г.) мы указывали на полезныя стороны грамматической дисциплины въ этомъ смыслѣ. По нашему мнѣнію, составители грамматическихъ отдѣловъ въ учебникахъ должны обладать серьезною подготовкою и относительно Бэновской «грамматики научнаго мышленія». Въ отдѣлѣ «Самостоятельнаго сочиненія», добиваясь, вѣроятно, по прежнему, простоты и практической полезности въ преподаваніи, г. Барышниковъ предлагаетъ такія темы: чѣмъ нехороши были мои старые сапоги? Какъ отправить по почтѣ простое письмо? Что дѣлаютъ городовые? Какъ я засорилъ глазъ? и пр.

Мы не будемъ входить въ подробный разборъ 3-й и 4-й чч. хрестоматіи. Во всѣхъ хрестоматіяхъ составители болѣе или менѣе послѣдовательно и удачно переходятъ отъ статей болѣе простыхъ, по формѣ и содержанію, къ болѣе сложнымъ, располагаютъ свои №№ по временамъ года, часамъ дня, по степени близости и отдаленности изображаемыхъ предметовъ и пр. Такъ-же поступаетъ и г. Барышниковъ. Помѣщены и у него все тѣ-же отрывки изъ сочиненій С. Аксакова, Л. Толстого, Пушкина, Даля, встрѣчаются тѣ-же басни Крылова, стихи Никитина, Пушкина, П. Аксакова, А. Майкова, отрывки изъ описаній Мельникова, Максимова и пр. О промахахъ въ выборѣ статей на этотъ разъ мы тоже распространяться не станемъ. Читатель убѣдился уже, что въ данномъ случаѣ дѣло у насъ идетъ о далеко небезукоризненной и образцовой хрестоматіи. Перейдемъ къ «задачамъ» 3-й и 4-й чч. Онѣ, какъ-разъ, отвѣчаютъ тѣмъ отдѣленіямъ город-

сихъ училищъ, гдѣ рекомендуется вліяніе г. Гаврилова. У г. Барышниковъ дается, напр., задача № 54, по поводу статьи «Лѣтняя жара» Тургенева; сдѣлать переложеніе. Каковъ долженъ быть результатъ работы? Въмѣсто «ландшафта», написаннаго тургеневской прозой—получится, значить—«изложеніе своими словами»... ученика городского училища. Причемъ наставнику этого ученика предлагается, въ данныхъ классахъ, руководствоваться книгами г. Гаврилова. А пособія эти наполнены «приступами», «тематическими вопросамъ», «расположеніями», «заключеніями», «противоположеніями», «усиленіями», «постепенностями» и пр. и пр. Какъ мы уже говорили, «пейзажная» поэзія, по нашему мнѣнію, особливо трудна для малоразвитаго ученика. При подобныхъ переложеніяхъ онъ станетъ налегать на свою память словъ безъ отношенія къ выражаемымъ ими образамъ и понятіямъ. Способствуютъ-ли такія упражненія органическому усвоенію красотъ роднаго языка? Заинтересовывается-ли тутъ мысль ученика? Сомнѣваемся. Думаемъ даже, напротивъ, что такія скучныя задачи не оставляютъ вовсе прочныхъ и желательныхъ слѣдовъ въ языкѣ и умѣ учащагося. Еще примѣръ. Задача № 13, въ 4-й ч. Берется статейка «Катанье съ горы» (изъ сочиненій С. Аксакова), написанная, конечно, очень просто, красиво, сильно и художественно. Предлагается «сократить» Аксакова. «Все, что не нужно, что признаешь излишнимъ, ставь въ скобки». «Если все главное есть тутъ, значить сокращено хорошо, тогда можно приступить къ переложенію».

Какія-же «критическія способности» развиваютъ такія упражненія? Дѣйствительную-ли самостоятельность сужденія? Или привычку улавливать вкусы «критика-учителя»? Или простое фразерство? Не забудьте, что это все продѣлывается преимущественно *внѣ* класса! Или еще примѣръ. № 42 задачи «Лѣто въ деревнѣ» Тургенева. Предлагается сдѣлать переложеніе. «Держись какъ можно ближе къ подлиннику, а *лучшія* мѣста бери цѣликомъ, но *только лучшія*». Каждый учитель обыкновенно осторожно и снисходительно относится къ выраженіямъ, оборотамъ и авторскимъ приѣмамъ, встрѣчающимся въ ученическихъ «сочиненіяхъ», падить всѣ мало-мальски сносныя, въ литературномъ и логическомъ отношеніи, мѣста. А тутъ роль строгаго судьи Тургеневскаго стиля передается ученику городского училища. Оставляются только «*лучшія мѣста*» у Тургенева! Задача № 86. Гроза въ деревнѣ. Подражаніе Гончарову. Предварительно дается изложить своими словами извѣстный отрывокъ изъ сочиненія Гончарова. Этотъ отрывокъ приводится во всѣхъ, кажется, хрестоматіяхъ. Необычайной красоты, цѣльности, изумительной художественной логики (въ изображеніи по-

степеннаго приближенія грозы),—этого мѣста не въ состояннн почувствовать только безнадежно неспособный къ эстетическимъ воспрятіямъ. Мы на практикѣ замѣчали, что сами дѣти, несклонныя, по нашему мнѣнію, къ пейзажной поэзіи, удивительно ясно подчасъ чуюли всю силу поэтической планомѣрности гончаровскаго изложенія, довольно свободно, противъ обыкновенія, выдѣляя послѣдовательныя подвижныя картины живописной драмы. Въ классѣ работать надъ этимъ отрывкомъ—можно и должно. Но задавать тутъ (и на домъ еще!) «подражанія Гончарову»—рѣшительная несообразность.

Переходя теперь къ послѣднимъ частямъ хрестоматіи, мы должны опять повторить, что «органическая связь и гармонія», о которыхъ такъ хлопоталъ авторъ, выступая съ своей «первой попыткой», оказываются скорѣе только пышными фразами въ предисловіяхъ г. Барышникова. Каждое учебное пособие для низшей школы не лишено вполне ни такой связи, ни гармоніи. И едва-ли именно г. Барышниковъ, дѣйствительно, пополнилъ пробѣлы, замѣчающіеся въ существующей педагогической литературѣ. Нѣкоторая-же чисто внѣшняя принаровленность къ данной училищной программѣ сама по себѣ не можетъ играть большой роли. Вѣдь «объяснительное чтеніе» и вообще не поддается строгимъ рамкамъ. Авторская единоличность въ частяхъ хрестоматіи для одного и того-же училища цѣнна по столько, по скольку труды г. Барышникова, напримѣръ, выше изданій Басистова, Бунакова, Полеваго и др. Отдать пальму первенства г. Барышникову мы не рѣшаемся. Разставаясь съ 3 и 4 частями хрестоматіи, мы не скроемъ отъ читателя, что самъ г. Барышниковъ не мало говоритъ въ предисловіи о важности «самодѣятельности ученика», о чемъ толкуеть и объяснительная записка. Но самодѣятельность связана съ интересомъ къ работѣ, съ ея посильностью. Отвѣчаютъ-ли этимъ условіямъ указанныя переложенія, сокращенія и подражанія?

Въ 5-й части хрестоматіи г. Барышниковымъ по прежнему не мало мѣста удѣлено Л. Н. Толстому. Но здѣсь гр. Толстой является въ своей, такъ сказать, естественной и настоящей плодотворной роли русскаго беллетриста. Въ предыдущихъ выпускахъ хрестоматіи изъ Толстого предлагались намъ «упрощенные» по формѣ и содержанію рассказы или передѣлки народныхъ сказокъ, причемъ послѣднія теряли въ цѣльности своего дѣйствиительно-наивнаго внѣшняго выраженія и въ самомъ смыслѣ. Рядомъ съ этимъ, г. Барышниковъ заимствовался у гр. Толстого—педагога и моралиста—и другими вещами, вовсе уже неумѣстными въ дѣтскихъ книжкахъ. Возьмемъ, напримѣръ, 27 ст. 4 части «Отчего зло на свѣтѣ». Она заключается словами пустынника,

что «отъ нашего гѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ». Всѣ знаютъ, что чисто духовная сторона человѣческой природы разсматривается на урокахъ Закона Божія. Поэтому вводить въ школьную хрестоматію такія разсужденія—не значить-ли вторгаться въ область преподаванія другаго предмета? Кромѣ того, и у Никитина, С. Аксакова, Пушкина, у того-же Толстого-беллетриста все время дѣйствуетъ человѣкъ *не* одного только «естества», а человѣкъ души и плоти?

Въ предисловіи къ 5—6 частямъ хрестоматіи г. Барышниковъ касается интереснаго вопроса о выразительномъ чтеніи. Мы читаемъ такія соображенія: «Въ особенности надо остерегаться увлеченія такъ-называемымъ выразительнымъ чтеніемъ, которое должно составлять не болѣе, какъ третъестепенную задачу занятій роднымъ языкомъ!..» «Выразительнаго чтенія я вовсе не исключаю изъ школы; я только низвожу его съ того высокаго пьедестала, на который очень часто ставятъ его совершенно незаслуженно, безъ достаточныхъ серьезныхъ основаній. Всему свое мѣсто». И далѣе: «Съ другой стороны дѣло представляется иначе. Каждое искусство имѣетъ воспитательное значеніе, и потому школа сдѣлала-бы огромную ошибку, отвергнувъ совершенно выразительное чтеніе. Нѣтъ, оно должно найти себѣ мѣсто въ школѣ. Желательно, чтобы ученикъ, умѣя пользоваться книгами, умѣя читать для себя лично, умѣлъ-бы читать и для другихъ, т.-е. вслухъ». Съ своей стороны, мы сказали-бы, что выразительное чтеніе стоитъ на «высокомъ пьедесталѣ»—развѣ что въ иныхъ методикахъ и теоретическихъ разсужденіяхъ. Въ живой дѣйствительности выразительное чтеніе, конечно, никакихъ чрезмѣрныхъ «высотъ» не занимаетъ. Всѣмъ знакомое общее мѣсто и то, что русскіе образованные люди обыкновенно плохіе и чтецы, и декламаторы, и ораторы. Не собираясь здѣсь распространяться о значеніи выразительнаго чтенія, мы только напомнимъ читателю, напримѣръ, объ извѣстной книгѣ В. П. Острогорскаго на эту тѣму. Замѣтныя колебанія самого г. Барышникова показываютъ, что весьма трудно примириться съ «третьестепенной» ролью выразительнаго чтенія и въ низшей школѣ. Едва-ли кто не согласится съ тѣмъ, что умѣющій лучше читать и охотнѣе читаетъ вслухъ, и охотнѣе выслушивается. Слѣдовательно, при лучшихъ чтецахъ, и у насъ книга получила-бы, можетъ быть, большее распространеніе и значеніе. А неужели школа не должна помогать этому?

Низшая школа, какъ извѣстно, преимущественно предъ другими требуетъ чисто классныхъ занятій. Признавъ за выразительнымъ чте-

ниемъ серьезное воспитательное значеніе, мы приобретаемъ благодарный матеріалъ для классной работы. По мнѣнію г. Барышникова, иной не умѣетъ декламировать, но «лучше понимаетъ» данное художественное произведеніе, «тоньше и глубже проникаетъ въ сущность» его. Такое утвержденіе, быть можетъ, и справедливо въ извѣстныхъ подробностяхъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ; но, въ общемъ, въ среднемъ выводѣ, оно весьма шатко, слишкомъ принижая роль *сознательнаго* элемента въ чтеніи. Не забудемъ, что мы имѣемъ въ виду не взрослыхъ людей, индивидуальныя наклонности которыхъ рѣзко опредѣлились, которые не сегодня—завтра выступаютъ актерами, общественными ораторами и проч., а только—юнцовъ. Такихъ юнцовъ мы желаемъ возможно полнѣе и всестороннѣе развить, дабы тѣмъ сильнѣе вызвать ихъ къ обнаруженію собственной *личности*, еще не обозначившейся *окончательно*.

5-й и 6-й выпуски хрестоматіи г. Барышникова сообщаютъ матеріалъ для наиболѣе полнаго и серьезнаго изученія «словесныхъ формъ», указанныхъ въ программѣ. Намъ пришлось уже коснуться «повѣствованія» и «описанія», займемся теперь «характеристикой» и «разсужденіемъ». — «Учебники теоріи литературы», читаемъ мы въ предисловіи къ 5—6-й частямъ хрестоматіи г. Барышникова, «даютъ два опредѣленія характеристики: одно болѣе узкое, старое, и по моему болѣе вѣрное; по этому опредѣленію, характеристикой можно назвать только изображеніе нравственной личности человѣка; по другимъ-же учебникамъ характеристика есть всякое описаніе и даже повѣствованіе, гдѣ на первый планъ выставляются отличительные (характерные) признаки какого-либо предмета или явленія. Это послѣднее опредѣленіе слишкомъ обще и растяжимо. Практика показала, что въ городскихъ училищахъ лучше держаться перваго: оно доступнѣе ученикамъ, проще, яснѣе». Вполнѣ соглашаемся съ этими замѣчаніями автора. Но, разумѣется, выбрать посильный для ученика и наиболѣе яркій матеріалъ для этого «изображенія нравственной личности человѣка» — тоже дѣло въ высшей степени трудное.

Внѣклассное чтеніе учениковъ низшихъ школъ у насъ поставлено, какъ извѣстно, очень неудовлетворительно. Г. Барышниковъ рѣшительно заявляетъ даже, что для учениковъ городского училища «хрестоматія есть все: здѣсь для него всѣ русскіе классики, вся русская литература; большаго не достать ему, особенно въ глухомъ уѣздномъ городѣ». Не прочитывая, внѣ класса, данныхъ лучшихъ поэтическихъ произведеній цѣликомъ, ученикъ, слѣдовательно, воспитывается *литературно* — одною хрестоматіею. Это, конечно, усложняетъ самую

выборку отрывковъ для хрестоматіи и налагаетъ немалую отвѣтственность на составителя. Для «характеристики», напримѣръ, необходимо или давать все, что есть въ подлинникѣ (а иногда это и неудобно по разбросанности и малой величинѣ «характеризующихъ» мѣстъ), или сѣмѣть предложить только дѣйствительно существенное, или помѣщать въ хрестоматіи «изображенія» личностей, которыя наиболее сильно и вѣрно опредѣляютъ талантъ и направленіе автора. При этомъ еще надо имѣть въ виду, что хрестоматія все-таки не чисто литературный сборникъ, а учебное пособіе.

Г. Барышниковъ даетъ задачу (№ 36) «Характеристика лакея Петрушки». Въ хрестоматіи предложенъ отрывокъ изъ «Мертвыхъ душъ», гдѣ главнымъ образомъ отгѣненъ «собственный запахъ» Петрушки. Вырванный изъ цѣлостной «поэмы», по выраженію А. П. Милюкова,—этотъ попутный портретный набросокъ Гоголя отзывается даже нѣкоторою каррикатурностью. «Личность» Петрушки, хотя также мимоходомъ, рисуется и въ другихъ мѣстахъ «Мертвыхъ душъ», дополняя образъ лакея. Этихъ летучихъ, коротенькихъ штриховъ г. Барышниковъ, быть можетъ, и совершенно основательно не вноситъ въ свою хрестоматію. Намъ-же кажется, что и вообще такая тема едва-ли удачно подобрана для хрестоматіи. Слѣдуетъ выбирать для хрестоматіи болѣе законченныя художественныя изображенія, ярче выставлющія вовсе не легковѣсный юморъ автора. Мы не скажемъ того про №№ 39 и 46 (характеристики Ноздрева и Собакевича). Ученикъ городского училища знакомится съ жизнью не изъ прекраснаго далека; надъ этими «отрицательными типами» онъ насмѣется, вмѣстѣ съ Гоголемъ, здоровымъ и довольно сознательнымъ смѣхомъ. Но для задачи № 38 «Что за человекъ былъ Маниловъ»—нашъ ученикъ не созрѣлъ.

Маниловъ—это очень характерное, поучительное явленіе русской поэзіи; но это типъ слишкомъ сложный и смѣшанный. Ученикъ станетъ тутъ работать безплодно. Петра Петровича Пѣтуха (№ 42) г. Барышниковъ выбралъ, вѣроятно, въ видахъ простоты сюжета, какъ будто не замѣчая, что тутъ за-то проигрываетъ содержательность отрывка-образца: подобные герои у Гоголя получаютъ свое настоящее серьезное значеніе только въ общей связи со всѣми бытовыми картинками и фигурами «Мертвыхъ душъ». Не совѣмъ ясно также, зачѣмъ понадобился г. Барышникову именно Костанжогло, написанный крайне тенденціозно. Или составителя хрестоматіи привлекла «любовь къ труду» этого «хозяина», явно восхваляемаго Гоголемъ? Или, быть можетъ, г. Барышниковъ находитъ своевременною; для нашихъ дней,

идею подстреканія помѣщиковъ къ дѣятельности? Во всякомъ случаѣ, какъ типъ, Костанжогло—далеко не лучший художественный образъ Гоголя, а симпатичность и идейность содержанія подлежитъ здѣсь большому спору. Не справился, по нашему мнѣнію, съ своею задачею г. Барышниковъ и въ статьѣ 44 «Обломовъ». Какъ рисуется Обломовъ въ этомъ отрывкѣ? Не болѣе, какъ утрированнымъ лѣнтяемъ. Неужели г. Барышниковъ хотѣлъ Обломовымъ иллюстрировать для взрослыхъ учениковъ только ту мысль, что «лѣньность—есть мать всѣхъ пороковъ?».

Послѣднею отдѣльною характеристикою у г. Барышникова представлена характеристика Онѣгина. Г. Барышниковъ повидимому,—и совершенно резонно,—считаетъ такую тему наиболѣе трудною. Пять-шесть лѣтъ трудился Пушкинъ надъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Въ самомъ романѣ замѣтны слѣды различныхъ наслоеній духовной жизни автора. Онѣгинъ—не тщательно очерченный, пѣльный во всѣхъ подробностяхъ портретъ. Основные черты задуманной авторомъ личности—понятны и художественно-правдивы для внимательнаго читателя; но все-таки Пушкинскій герой—это пѣлая поэтическая совокупность образовъ, штриховъ, индивидуальныхъ вѣяній и вдохновеній. Оцѣнить художественную логику автора и разобраться въ его подвижныхъ рисункахъ—тутъ слишкомъ не легко. И въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ такая задача по силамъ наиболѣе взрослымъ питомцамъ, при руководствѣ серьезнаго преподавателя. Что-же придется сказать въ такомъ случаѣ объ ученикахъ городского училища? Не лучше-ли и вовсе не упражнять ихъ въ такихъ «характеристикахъ»?

Читаетъ ученикъ хрестоматію г. Барышникова и видитъ, что «французъ убогій» училъ Онѣгина «всему шутя»; что юношей Евгенийъ ежедневно «предъ зеркалами проводилъ» «три часа, по крайней мѣрѣ»; что «трудъ упорный ему былъ тошень»; что «отъ душевной пустоты» онъ принялся-было за книги; но нашелъ въ нихъ только «скуку, обманъ, бредъ», безсовѣстность и безсмысліе и пр.

Перечтя всѣ приведенныя 24 главы съ подобнымъ содержаніемъ, на чемъ долженъ остановиться въ своей «характеристикѣ» ученикъ городского училища? Намъ постоянно приходитъ въ голову мысль (на нее наталкиваетъ и опытъ), что безхитроственному юнцу, прямолинейному въ своемъ незнакомствѣ съ жизнью, не выросшему до пониманія многообразныхъ пріемовъ поэтическаго творчества—наилучшею характеристикою и Онѣгина, и самого Пушкина легко представляются все тѣ-же знаменитыя въ своемъ родѣ статьи Писарева. Г. Барышниковъ, конечно, не имѣлъ въ виду пробудить въ питомцахъ городского училища склонность

къ Писаревскимъ взглядамъ. Слѣдовательно, и 51 № работъ хрестоматіи нельзя признать удачнымъ.

Пусть учитель хорошенько побесѣдуетъ съ своими питомцами въ классѣ, съ Пушкинымъ въ рукахъ; пусть предоставитъ ученикамъ самимъ дома (благо сочиненія Пушкина теперь дешевы и распространены) знакомиться съ этимъ роднымъ поэтомъ; ученики постепенно любятъ его. А «самостоятельныя сочиненія» на эту тему для нихъ еще непосильны.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о «разсужденіи». И очень юный ученикъ нашъ постоянно не только характеризуетъ и повѣствуетъ, но и разсуждаетъ. Къ собственнымъ «характеристикамъ» и «повѣствованіямъ» питомецъ нашъ очень рано относится уже съ извѣстнымъ критическимъ сознаніемъ; онъ слѣдитъ за нитью своихъ разсказовъ и т. п., усматриваетъ тутъ пробѣлы и недостатки. Въ своихъ разсужденіяхъ-же юный ученикъ мало склоненъ убѣждать, развивать свою мысль рядомъ доводовъ. Онъ съ удовольствіемъ подчасъ объяснитъ вамъ по своему пословицу, укажетъ на главную мысль разсказа, басни—и только.

Слѣдовательно, тутъ роль наставника выступаетъ на первый планъ. Педагогу предстоитъ здѣсь, не подавляя самодѣятельности питомца, приучать его къ строгой логичности, будить въ немъ толково охоту къ обобщеніямъ и отвлеченіямъ, къ планомерному и подробному изложенію собственныхъ мыслей въ извѣстномъ направленіи, съ извѣстною единою цѣлью. Выраженіе «собственныя мысли», разумѣется, придется тутъ понимать въ условномъ и ограниченномъ смыслѣ. Ясное дѣло, что должно бережно относиться къ просыпающейся умственной самостоятельности ученика. Но нечего особливо опасаться и подражательности. Такимъ путемъ вѣдь зарождалось и гениальное—въ зрѣломъ возрастѣ — умственное творчество. Бѣда, если ученикъ навькнетъ только повторять чужія слова; но безъ чужихъ мыслей ему не обойтись. Мы согласны съ тѣмъ, что и ученикамъ городскихъ училищъ, въ старшемъ классѣ, можно давать задачи «на разсужденіе». Но матеріалъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ выбирать дѣйствительно осязательный и доступный для подобныхъ юношей, заранѣе знакомый, въ общемъ смыслѣ, изъ жизни-ли, изъ бесѣдъ, изъ книгъ. У г. Барышникова въ отдѣлѣ разсужденій находимъ пятнадцать образцовъ.

Первою статьею г. Барышниковъ ставитъ отрывокъ изъ разсужденія Жуковского подъ заглавіемъ «Два рода читателей». По содержанию своему это очень длинный періодъ, въ 8 печатныхъ строкъ—представляющій собою одно общее мѣсто. На основаніи такого матеріала

и бесѣды съ преподавателемъ, г. Барышниковъ предлагаетъ рѣшить задачу: «Чего слѣдуетъ искать въ книгѣ?» Остается надѣяться на особливую живость и конкретность бесѣды; такъ какъ подобная отвлеченная и широкая тема, при скудномъ и сухомъ матеріалѣ, для учениковъ непосильна. Слѣдующая задача нѣсколько изумляетъ даже: «Необходимость при дворѣ этикета». Городское училище и придворный этикетъ! При чемъ матеріаломъ служить отрывокъ изъ одной малосодержательной прозаической статьи Пушкина. Столь-же неумѣстны, по нашему мнѣнію, темы: «Роскошь и комфортъ» (по отрывку изъ Гончарова), «Эпикурейцы и пивники» (по бесѣдамъ съ преподавателемъ и урокамъ изъ исторіи). Обращаетъ также на себя вниманіе задача № 64 «Почему мы, русскіе, называемъ Пушкина великимъ писателемъ?» на основаніи статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ».

Отрывокъ написанъ роскошнымъ, можно сказать, искрометнымъ языкомъ. Тема, разумѣется, весьма благодарная—и у Гоголя льются могучимъ потокомъ эффектнѣйшія сопоставленія и противоположенія; въ статьѣ разбросана масса самыхъ изящныхъ и яркихъ уподобленій и образныхъ подчеркиваній. Авторъ даже какъ будто услаждается своимъ необычайнымъ даромъ не только черпать полною горстью изъ богатствъ русскаго слова, но и создавать смѣлою творческою рукою налетомъ, по пути новые обороты и выраженія. «Его (Пушкина) эпитеты», читаемъ у Гоголя, «отчетисты, кисть его летаетъ». «Сочиненія Пушкина безпорывны», «въ каждомъ словѣ—бездна пространства» и т. д. и т. д. И все-таки намъ приходится сказать, что такая видимая масса матеріала мало дастъ ученику городского училища. Этотъ, по гоголевскому-же выраженію, «каскадъ краснорѣчія» подавить ученика своею летучею образностью и отвлеченностью. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, и съ помощью наилучшихъ толкованій наставника результаты тутъ не будутъ столь плодovitы, какъ сразу можетъ показаться. Ибо статья Гоголя очень блестяща по формѣ и гораздо менѣе вѣска по содержанію. Въ этомъ случаѣ простота самого Пушкина—разительная противоположность вычурности Гоголя. Помѣщена въ хрестоматіи г. Барышникова и статья Ушинскаго «Необходимость личнаго труда для человѣка». Разсужденіе—интересное, поучительное. Однако, мы затруднились-бы признать доступною для учениковъ городского училища задачу № 65 и при такомъ матеріалѣ. Относительно какъ-бы обязательнаго для всѣхъ хрестоматій «Предисловія» Карамзина мы всегда держались мнѣнія, что подобныя статьи производительны для учениковъ только при дѣйствительно серьезной

подготовкѣ къ чтенію такого рода статей. Какъ извѣстно, въ городскихъ училищахъ курсъ исторіи очень великъ, а условія для его усвоенія поставлены неблагопріятно. Отмѣчаемъ кстати и такіе №№ задачъ хрестоматіи: «Что можно сказать о человѣкѣ, который все порицаетъ, все хулитъ?» «Не расходуй денегъ, не получивши ихъ». На этомъ мы и остановимся.

Въ общемъ хрестоматія г. Барышникова, не заполняя никакого пробѣла, не представляетъ собою, по нашему мнѣнію, дѣльнаго вклада въ педагогическую литературу.

А. Налимовъ.

Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ.

Paedagogium. Monatsschrift für Erziehung und Unterricht. Herausgegeben unter Mitwirkung hervorragender Paedagogen von Dr. Friedrich Dittes. XII Jahrgang. — «Педагогій», выходящій уже 12 лѣтъ, за все это время издавался, издается и въ настоящее время, извѣстнымъ педагогическимъ писателемъ д-ромъ Ф. Диттесомъ. Онъ выходитъ въ Лейпцигѣ, книжками отъ 5-ти до 6-ти печатныхъ листовъ, и стоитъ 9 марокъ (около 4-хъ рублей) въ годъ. Журналъ носитъ общепедагогическій характеръ, но преимущественно онъ имѣетъ въ виду интересы народнаго образованія и народной школы, а также ея представителей—народныхъ учителей. Отъ значительнаго большинства нѣмецкихъ педагогическихъ журналовъ онъ выгодно отличается тѣмъ, что не замыкается въ узкія рамки методики отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ, но, ратуя за интересы учительскаго сословія, весьма часто касается также и общегосударственныхъ, социальныхъ вопросовъ дня, насколько это необходимо для успѣшнаго развитія народнаго образованія. Присутствіе публицистическаго элемента въ журналѣ обуславливается главнымъ образомъ личностью его редактора, который, не смотря на свой 60-ти-лѣтній возрастъ, вполне сохранилъ свои физическія и умственные силы и съ юношескою бодростью, можно даже сказать—задоромъ, продолжаетъ стоять за самостоятельность начальной школы такъ-же, какъ стоялъ за нее въ дни своей юности. Мы не имѣемъ намѣренія дать біографію Диттеса, у насъ нѣтъ подъ руками и необходимыхъ для этого данныхъ, но все-таки нѣчто изъ его жизни мы считаемъ небезполезнымъ сообщить здѣсь, ибо нижеприводимые нами факты, во-первыхъ, оказали громадное вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность въ качествѣ журналиста и педагогическаго писателя; во-вторыхъ, они, какъ мы полагаемъ, могутъ быть поучительны для насъ, русскихъ, у которыхъ такъ мало людей,

педагогически-образованныхъ, вслѣдствіе чего чувствуется большой недостатокъ въ нихъ при замѣщеніи такихъ должностей, для которыхъ болѣе или менѣе основательное знакомство съ педагогикою составляетъ *conditio sine qua non*, каковы, напримѣръ, должности наставниковъ учительскихъ школъ, семинарій, институтовъ и вообще лицъ, поставленныхъ въ необходимость готовить будущихъ учителей и учительницъ, а между тѣмъ неимѣющихъ педагогическаго образованія.

Диттесъ лично прошелъ курсъ учительской семинаріи и, слѣдовательно, могъ основательно ознакомиться какъ съ требованіями народной школы, такъ и съ условіями и потребностями жизни народнаго учителя, а затѣмъ онъ довершилъ свое образованіе въ университетѣ. Два саксонскіе университета, а именно Іенскій и Лейпцигскій, уже давно широко раскрыли свои двери для лицъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и имѣвшихъ возможность по своимъ способностямъ и матеріальнымъ средствамъ, — большею частью, конечно, очень скуднымъ средствамъ, — съ успѣхомъ посѣщать чтенія университетскихъ профессоровъ по тѣмъ наукамъ, къ изученію которыхъ они чувствовали наибольшую склонность. По счастливой случайности, въ обоихъ названныхъ университетахъ, въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ, педагогическіе каѳедры были заняты людьми весьма знающими, талантливыми, а главное — всецѣло преданными дѣлу народнаго образованія. Вслѣдствіе этого молодые люди изъ семинаристовъ, изучая въ университетѣ избранныя ими отрасли знанія, въ то-же время не порывали связей съ педагогикою. У университетскаго профессора послѣдней они выслушивали курсы психологіи, исторіи педагогики и систематическій курсъ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали въ университетской педагогической семинаріи *) и давали практическіе уроки въ ея школъ. У іенскаго профессора педагогики К. Стоя получили педагогическое образованіе болѣе полуторы тысячи слушателей, и добрая четверть ихъ принадлежала къ числу слушателей изъ окончившихъ курсъ въ различныхъ учительскихъ семинаріяхъ. подгото-

*) Въ германскихъ университетахъ, какъ извѣстно, каждый ординарный профессоръ ведетъ по своему предмету семинарію; въ нее поступаютъ слушатели университета на 6—8 семестрѣ; они собираются одинъ или два раза въ недѣлю у профессора, часа на 2—3, читаютъ работы на заданныя профессоромъ тѣмы изъ той области науки, которая избрана для даннаго семестра, и обсуждаютъ эти работы при помощи профессора, приучаясь такимъ образомъ работать самостоятельно, по источникамъ. Участвующие въ педагогической университетской семинаріи, кромѣ того, даютъ уроки въ начальной школъ, состоящей при семинаріи, и разбираютъ эти уроки на конференціяхъ съ профессоромъ.

ваясь изъ древнихъ языковъ, они затѣмъ сдавали экзаменъ на младшаго учителя гимназій и реальныхъ училищъ, или шли въ учителя приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ, получали лучшія мѣста въ городскихъ училищахъ, а также изъ нихъ по большей части набирались учителя для учительскихъ семинарій, и притомъ не только саксонскихъ семинарій, но и прусскихъ; весьма охотно ихъ принимали въ учителя семинарій австрійскихъ. Это почти всегда были лучшіе учителя въ учительскихъ семинаріяхъ Германіи и Австріи, какъ какъ съ основательнымъ университетскимъ образованіемъ они соединяли основательное знакомство съ народною школою, со всѣми ея потребностями, чего недоставало большей части тѣхъ семинарскихъ учителей, которые, хотя и слушали курсы педагогики въ университетахъ, — безъ чего, конечно, и не могли-бы сдѣлаться учителями будущихъ народныхъ учителей, — но все-таки были болѣе или менѣе незнакомы съ нуждами начальной школы и ея учителей. Такъ просто, разумно и дешево можетъ быть разрѣшенъ вопросъ о приготовленіи учителей для учительскихъ семинарій: нужно только, чтобы университеты имѣли хорошо обставленныя кафедры педагогики и чтобы въ университетъ, въ качествѣ слушателей, допускались лучшіе изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, или, по нашему, институтовъ, такъ какъ курсъ нашихъ учительскихъ семинарій черезчуръ низокъ по сравненію съ подобными-же учебными заведеніями въ Германіи, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ скорѣе курсу именно нашихъ учительскихъ институтовъ.

Диттесъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ кафедрѣ педагогики занималъ извѣстный профессоръ Циллеръ, авторъ прекрасной книги о воспитывающемъ обученіи. Успѣхи бывшаго семинариста были столь значительны, что онъ могъ пріобрѣсти степень доктора философіи, а сочиненія, написанныя имъ за это время, были всѣ премированы *). Въ 60-хъ годахъ Диттесъ былъ уже директоромъ одной изъ лучшихъ нѣмецкихъ учительскихъ семинарій, а именно въ Готѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ Австріи, послѣ разгрома ея при Садовой, было обращено болѣе вниманіе на народное образованіе, въ Вѣнѣ былъ основанъ, подъ именемъ «Pädagogium», институтъ съ курсомъ, нѣсколько болѣе обширнымъ, нежели

*) 1) Das menschliche Bewusstsein, wie es psychologisch zu erklären und pädagogisch auszubilden ist. 1852. 2) Naturlehre der moralischen Erziehung. 1856. 3) Das Ästhetische nach seinem eigenthümlichen Grundwesen und seiner pädagogischen Bedeutung dargestellt. 1854. 4) Über Religion und religiöse Menschenbildung. 1854.

въ обычныхъ учительскихъ семинаріяхъ, имѣющій задачею приготовленіе учителей для городскихъ училищъ. Директоромъ этого института былъ приглашенъ Диттесъ, въ то время извѣстный уже какъ авторъ нѣсколькихъ руководствъ по педагогикѣ (Руководства къ воспитанію и обученію, Исторіи воспитанія и обученія, Руководства къ преподаванію предметовъ въ начальной школѣ, Курса начальной логики—всеѣ эти книги переведены на русскій языкъ), хотя и неравнаго достоинства (особенно неудовлетворителенъ Курсъ начальной логики), но все-таки имѣвшихъ значительный успѣхъ и пользующихся хорошою репутациею. Въ Вѣнѣ Диттесомъ былъ основанъ, издаваемый въ Лейпцигѣ, педагогическій журналъ «Paedagogium», а по смерти извѣстнаго педагога Авг. Любена Диттесъ-же былъ приглашенъ редактировать основанный Любеномъ и Наке «Педагогическій Ежегодникъ» (Paedag. Jahresbericht), заключающій въ себѣ руководящія статьи и разборъ,—болѣе или менѣе, конечно, краткій,—всехъ книгъ и учебныхъ пособій, появившихся въ Германіи въ теченіе даннаго отчетнаго года.

Близко зная нѣмецкую начальную школу, Диттесъ сразу выступилъ горячимъ бойцомъ за ея интересы. Онъ настаивалъ постоянно на томъ, чтобы народная школа была самостоятельнымъ учрежденіемъ въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, а народный учитель не былъ-бы въ зависимости ни отъ какого другаго вѣдомства, кромѣ своего непосредственнаго учебнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался достаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Чтобы понять, насколько важна въ этомъ отношеніи заслуга Диттеса, надо припомнить то положеніе, въ какомъ находился нѣмецкій народный учитель въ очень недавнее время, а именно въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія. Нѣмецкая народная школа, какъ и всякая таковая школа, всегда и вездѣ, была дочерью церкви, главнымъ образомъ—протестантской церкви. Заслуги духовенства въ дѣлѣ насажденія начального народнаго образованія вообще неоспоримы, и государство, въ которомъ народное образованіе стоитъ на низкой ступени развитія, сдѣлало-бы большую ошибку, выказало-бы грубое непониманіе своихъ прямыхъ интересовъ и обязанностей, если-бы не воспользовалось силами клира въ видахъ распространенія начальныхъ школъ и начальной грамотности. Но всякое учрежденіе, довольствовавшееся первоначально незначительными средствами, со временемъ ширится, растетъ, приходитъ, такъ сказать, въ возмужалый, совершеннолѣтній возрастъ, и въ силу этого требуетъ для себя уже большаго простора, желаетъ стоять на своихъ ногахъ. Но тѣ, которымъ оно обязано своимъ бытіемъ, не соглашаются признать фактъ наступленія совершенно-

лѣтія и продолжаютъ вести своего, уже взрослого, питомца на помочахъ. Такъ было и съ нѣмецкою народною школою. Начиная съ 30-хъ годовъ, она, оставаясь преданною дочерью церкви, желала, въ лицѣ своихъ представителей—учителей, освободиться отъ опеки представителей церкви — ксѣнзовъ и пасторовъ, и жить самостоятельную жизнью, пользоваться отдѣльными органами управленія. Положеніе нѣмецкаго народнаго учителя, — человѣка, въ то время уже получавшаго довольно широкое общее и спеціально педагогическое образованіе, положеніе, и нынѣ не особенно блестящее, въ то время стало просто невыносимымъ. На такую ненормальность указывали всѣ лучшіе люди Германіи того времени; передовымъ бойцомъ за интересы народно-учительскаго сословія и вообще за дѣло самостоятельнаго существованія и развитія начальной школы былъ знаменитый Ад. Дистервегъ, который, помимо своихъ чисто педагогическихъ заслугъ, потому именно и сталъ дорогъ нѣмецкому педагогическому міру. Народный учитель, имѣя на своихъ плечахъ массу дѣла по школѣ, продолжалъ, въ большинствѣ случаевъ, нести также и обязанности церковнаго причетника (кистера) и, какъ вслѣдствіе этого, такъ и потому еще, что главнымъ, ближайшимъ надзирателемъ за каждою мѣстною школою былъ пасторъ, находился въ полнѣйшей зависимости отъ послѣдняго. Въ училищномъ попечительствѣ (Schulvorstand), состоящемъ при каждой начальной школѣ, предсѣдателемъ былъ также мѣстный пасторъ, членами—мѣстный старшина и два-три выборныхъ отъ мѣстной сельской общины, начальный-же учитель былъ только дѣлопроизводителемъ, т.-е. попросту—писцомъ, неимѣющимъ права голоса. Если принять во вниманіе, что при такомъ нравственномъ угнетеніи личности народнаго учителя, еще и то обстоятельство, что и матеріально онъ былъ обезпеченъ крайне скудно; затѣмъ, если, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, имѣть въ виду, что потребности его, умственныя и экономическія, были все-таки значительно шире, нежели большинства сельскихъ обывателей, то въ общемъ картина житья-бытья нѣмецкаго культуртрегера получится крайне печальная. Каждый мыслящій нѣмецкій педагогъ не могъ не задуматься надъ ней, не могъ, по мѣрѣ своихъ силъ, не содѣйствовать освобожденію народнаго учителя отъ нравственнаго и матеріальнаго гнета.

Когда Диттесъ выступилъ на поприще общественно-педагогической дѣятельности, борьба за интересы нѣмецкой начальной школы была въ полномъ разгарѣ; Дистервегъ, покончившій свою служебную педагогическую дѣятельность, въ то время былъ членомъ прусскаго сейма и въ горячихъ рѣчахъ передъ народными представителями и прави-

тельствомъ ратовалъ за правое дѣло; въ то-же время и въ таковомъ-же направленіи онъ велъ свой педагогическій журналъ—«Рейнскіе листы» («Rheinische Blätter»). Теперь въ положеніи дѣлъ произошла значительный поворотъ къ лучшему, но все-таки, въ цѣляхъ лучшей постановки народной нѣмецкой школы, остается желать весьма много, а потому боевой, такъ сказать, характеръ журнала, редактируемаго Диттесомъ, продолжаетъ быть какъ нельзя болѣе умѣстнымъ и симпатичнымъ. Въ октябрьской книжкѣ XII года изданія, Диттесъ пишетъ, между прочимъ: «Въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось 60 лѣтъ, я получилъ изъ различныхъ, ближайшихъ и отдаленныхъ, мѣстностей, даже изъ Америки, столь многочисленныя привѣтствія, свидѣтельствующія о тепломъ ко мнѣ участіи, что рѣшительно нахожусь не въ состояніи отвѣчать каждому поздравителю въ отдѣльности. Вслѣдствіе этого я приношу здѣсь, въ журналѣ, мою искреннюю благодарность всѣмъ почтеннымъ лицамъ и обществамъ, почтившимъ меня своимъ дружественнымъ вниманіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я позволяю себѣ высказать имъ, что и впредь я пребуду вѣренъ тѣмъ принципамъ, которые до-селѣ служили связующимъ звеномъ между мною и ими. Мы все еще находимся въ періодѣ борьбы за существеннѣйшія блага и права человѣчества и, съ своей стороны, я радуюсь, что еще въ состояніи посвящать остатокъ моихъ дней и силъ на то, чтобы содѣйствовать окончательной побѣдѣ свѣта надъ тьмою». Конечно, тутъ только общія фразы, но такого рода заявленія почти всегда такъ именно и пишутся или говорятся. Однако, и въ своихъ статьяхъ (какъ, напримѣръ, въ томъ-же октябрьскомъ номерѣ, стр. 1—11, подъ заглавіемъ «Entweder-Oder», написанной главнымъ образомъ по поводу уже старой—отъ 4-го августа 1879 года—энциклики («Aeterni patres») папы Льва XIII) Диттесъ высказывается не съ болѣею опредѣленностью по отношенію къ современному положенію школы и вообще дѣла народнаго просвѣщенія. Времена измѣняются, но Диттесъ все еще продолжаетъ оставаться на той точкѣ зрѣнія, которая была господствующею во времена его молодости—на точкѣ зрѣнія либерализма. Разбирая названную энциклику, онъ вспоминаетъ о схоластикѣ XIII столѣтія, пресловутомъ Томѣ Аквинскомъ, видѣвшемъ въ философіи и вообще въ наукѣ лишь прислужницу богословія и смотрѣвшемъ на государство, какъ «на служебный органъ цѣлей церкви». Обоснованія, данныя Томомъ Аквинскимъ папству, продолжаютъ сохранять въ глазахъ послѣдняго свою силу и значеніе, но самый римскій католицизмъ уже потерялъ большую часть своего авторитета вмѣстѣ съ тѣмъ сословіемъ, которое являлось его главнѣй-

шею опорю. Поэтому, чѣмъ-то запоздалымъ вѣтъ на насъ, когда, по поводу вождельнѣй римско-католическаго папства, Диттесъ пишетъ, напимѣрь, такую горячую тираду:

«У кого въ рукахъ школа, у того и будущее. Этимъ и объясняется необыкновенная страстность борьбы партій изъ-за школы. Здѣсь дѣло идетъ не о мелочахъ, не о большемъ или меньшемъ, но о полномъ, рѣшительномъ, безраздѣльномъ господствѣ надъ строемъ общества, объ участи и судьбѣ человѣчества. Свобода или рабство, развитіе или уничтоженіе, прогрессъ или регрессъ, современная образованность и современный государственный порядокъ, или-же средне-вѣковой мракъ и господство грубой силы — вотъ въ чемъ вопросъ. Имѣеть-ли ничтожное меньшинство людей право располагать судьбою громаднаго большинства, присваивать себѣ всѣ высшія должности, притязая на исключительную мудрость и могущество, можетъ-ли эта ничтожная горсть людей держать народъ въ невѣжествѣ, давить и всячески эксплуатировать его силы и средства, или-же каждое человѣческое существо имѣеть право сознать свое человѣческое достоинство, развивать свои природныя силы» и т. д. и т. д. Тѣмъ не менѣе, однакожь, несмотря на такія патетическія, но значительно устарѣлыя тирады, встрѣчающіяся въ статьяхъ «Педагогія» Диттеса, въ немъ читатель найдетъ много безусловно хорошихъ, дѣльныхъ статей какъ по психологіи (преимущественно съ точки зрѣнія Беннеке), такъ и по училищевѣдѣнію, методикѣ и дидактикѣ, а затѣмъ—обстоятельныя корреспонденці педагогическаго характера изъ различныхъ мѣстностей Германіи, а иногда и изъ другихъ государствъ, богатую рубрику мелкихъ педагогическихъ замѣтокъ и извлеченій изъ другихъ газетъ и журналовъ, наконецъ, если и не систематизированную *), то все-таки довольно значительную библіографію вновь выходящихъ книгъ. Отдѣлы послѣднихъ родовъ не могутъ быть особенно любопытны для читателей иностранныхъ, такъ какъ тутъ обыкновенно помѣщаются статейки—или имѣющія мѣстный интересъ, или черезчуръ краткія, отрывочныя, или-же специфично нѣмецкія. Изъ многихъ интересныхъ статей журнала, мы выберемъ нѣсколько такихъ, которыя, по нашему мнѣнію, способствуя характеристикѣ журнала, въ которомъ помѣщены, могутъ въ то-же время имѣть нѣкоторый интересъ и для русскихъ читателей. Такова, напимѣрь, статья

*) Напомнимъ читателю, что подъ редакцію того-же Диттеса выходитъ «Педагогическій Ежегодникъ», гдѣ помѣщаются рецензіи на всѣ новыя книги, вышедшія на нѣмецкомъ языкѣ и имѣющія въ виду нѣмецкую начальную школу.

«о современной народной школѣ въ Пруссіи» (II книга годъ XII, ноябрь, стр. 87—104), написанная на основаніи и по поводу послѣдней официальной статистики народнаго образованія прусскаго государства за 1886 годъ («Das gesammte Volksschulwesen im preussischen Staate im Jahre 1886»). Рисуя положеніе народнаго образованія въ государствѣ, считающемъ себя въ этомъ отношеніи первымъ въ Европѣ, эта статья вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ способомъ группировки статистическаго матеріала, что не лишено значенія для насъ, у которыхъ статистика народнаго образованія находится въ зачаточномъ состояніи. Кромѣ работъ, въ своемъ родѣ очень почтенныхъ, редактора Центрального статистическаго комитета, Н. И. Раевского, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Комитета, а также его же обширной статьи въ «Извѣстіяхъ» Императорскаго русскаго географическаго общества за прошлый годъ, мы не можемъ указать ни на одну статистическую работу, объемлющую все дѣло народнаго образованія въ Россіи. Самые источники для статистики народнаго образованія у насъ скудны и малоблагонадежны; волей-неволей статистику приходится пользоваться тѣми простынями, на которыхъ сочиняютъ статистику гг. директора народныхъ училищъ. Прусскія работы по статистикѣ, напротивъ того, отличаются какъ благонадежностью въ фактическомъ отношеніи, такъ и доброкачественностью въ отношеніи методологическомъ. По словамъ автора названной статьи «Педагогія», послѣднее изданіе по статистикѣ народнаго образованія въ Пруссіи, при полной достовѣрности фактовъ, можетъ считаться первымъ подобнаго рода трудомъ, въ которомъ нѣтъ пробѣловъ, замѣчавшихся въ прежнихъ изданіяхъ. Съ наибольшею противъ прежняго полнотою разработаны данныя относительно содержанія учителей, относительно училищныхъ районовъ (die Schulwege) и вѣроисповѣданія учащихся. На основаніи этихъ данныхъ официальной статистики, авторъ статьи даетъ о положеніи народнаго образованія такое общее заключеніе: «Каждому, не желавшему умышленно закрывать глаза, было извѣстно, что народная школа въ Пруссіи за послѣднее время исполинскими шагами шла къ упадку (mit Riesenschritten rückwärts ging), но до сихъ поръ ни у кого не было подъ руками достаточнаго матеріала для полнаго надлежащаго освѣщенія этого упадка, не имѣлось цифръ для подкрѣпленія такого печальнаго вывода какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ». Такой пессимистическій приговоръ автора основывается главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что въ послѣдніе годы жалованье народныхъ учителей во многихъ мѣстностяхъ Пруссіи, а слѣдовательно, и въ общемъ, нѣсколько уменьшено. Это

обстоятельство, конечно, печальное, но нехорошо еще и то, что официальная статистика старается замаскировать его, тѣмъ самымъ противорѣча заявленію составителей объяснительной записки (Begleitwort)—тайнаго правительственнаго совѣтника доктора К. Шейдера и профессора и члена королевскаго статистическаго бюро доктора А. Петерзиліе. Въ этой запискѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Къ приведеннымъ даннымъ статистика можетъ относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Онѣ честно раскрываютъ недостатки, которые должны быть устранены, и выставляютъ на видъ препятствія, которыя должно преодолѣть. Народно-учебное вѣдомство (Volksschulverwaltung) вполне сознаетъ, что ему предстоитъ еще долгій путь для того, чтобы создать для народной школы хотя-бы даже только нормальныя условія, не говоря уже объ условіяхъ идеальныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, это вѣдомство полагаетъ, что оно поступаетъ вполне правильно, выставляя передъ всею странюю ту задачу, которую ему еще предстоитъ разрѣшить. Оно питаетъ надежду, что такимъ образомъ дѣйствій оно привлечетъ къ сотрудничеству въ своемъ дѣлѣ не только непосредственно заинтересованныя въ немъ общины, но и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ представленіе о высокомъ значеніи школы». Это прекрасное заявленіе значительно ослабляется тѣми приемами, при помощи которыхъ официальная статистика старается стушевать передъ читателями истинное положеніе дѣла. Авторъ статьи приводитъ тому два-три наглядныхъ примѣра. Въ отдѣлѣ данныхъ о посѣщаемости учительскихъ семинарій, показано, что семинаристовъ въ 1886 г. было 8.507, причеиъ указывается, что въ 1876 году ихъ было всего 6.720; читатель отсюда въ правѣ заключить, что количество учащихся въ семинаріяхъ за этотъ періодъ времени постоянно увеличивается, но въ дѣйствительности это не такъ: изъ *прежде* обнародованныхъ тѣмъ-же вѣдомствомъ свѣдѣній явствуетъ, что въ 1879 году семинаристовъ было 9.400, т.-е. на 393 человекъ болѣе, нежели въ 1886 году. Точно также въ объяснительной запискѣ умалчивается о значительномъ сокращеніи жалованья народныхъ учителей. Только путемъ самостоятельнаго изученія таблицъ за 1886 годъ и сравненія ихъ съ таблицами прежнихъ годовъ можно узнать, что содержаніе 22.419 городскихъ учителей въ 1886 году уменьшено, сравнительно съ 1878 годомъ, на $3\frac{3}{4}$ милліона марокъ, а жалованье 42.331 сельскихъ учителей, сравнительно съ тѣмъ-же 1878 годомъ, убавлено на 1 милліонъ марокъ. Въ 1878 году имѣлось 57.780 классныхъ помѣщеній при 57.165 учителяхъ, т.-е. только 615 классовъ не имѣли отдѣльныхъ учителей; въ 1886 году было 57.097 классныхъ помѣще-

ній, но всего при 64.750 учителяхъ, т.-е. уже 10.347 классовъ отдѣльныхъ учителей не имѣли. Такіе факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, во-1-хъ, дѣйствительно о нѣкоторомъ, хотя и не особенно «исполискомъ», какъ выражается авторъ реферируемой статьи, упадкѣ народной школы въ Пруссіи, а во-2-хъ, о желаніи подлежащаго вѣдомства замаскировать факты этого упадка.

Таблицы распадаются на пять отдѣловъ, въ которыхъ приводятся данныя относительно общественныхъ народныхъ школъ, общественныхъ среднихъ училищъ (собственно: городскихъ училищъ съ нѣсколько повышеннымъ курсомъ), частныхъ начальныхъ училищъ, частныхъ среднихъ училищъ и, наконецъ, данныя относительно школъ, курсъ которыхъ подходитъ къ курсу школъ народныхъ (таковы: начальные училища при учительскихъ семинаріяхъ, школы для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, слабоумныхъ дѣтей, сиротскія и исправительныя школы и т. п.). Этотъ пятый, и послѣдній, отдѣлъ таблицъ очень кратокъ; данныя-же по первымъ четыремъ отдѣламъ разбиты на слѣдующія рубрики:

1) Училищный округъ, число школъ въ немъ, районъ каждой школы (Schulwege), число дѣтей школьнаго возраста, число дѣтей этого возраста, посѣщающихъ школу.

2) Училищныя зданія, величина классовъ, учительскія квартиры, мѣстныя воспособленія училищу (Landdotation);

3) Число школъ, устроенныхъ сообразно учебному плану, и группировки ихъ по числу учебныхъ комнатъ.

4) Распредѣленіе учащихся по поламъ, вѣроисповѣданіямъ и отечественному языку.

5) Число учительскихъ мѣстъ и количество учителей;

6) Въ какихъ условіяхъ находится обученіе закону Божію (die confessionellen Verhältnisse).

7) и 8) Нормальная посѣщаемость школъ и уклоненія отъ этой нормы.

9) Доходъ съ имуществъ мѣстныхъ училищныхъ фондовъ, съ указаніемъ количества помѣщеній для учителей.

10) и 11) Расходы школъ по приобрѣтенію инвентаря и на жалованье учителю (die persönlichen und sachlichen Schulunterhaltungskosten).

12) Размѣры содержанія штатныхъ учителей и учительницъ.

13) Плата за ученіе и другіе доходы школы.

Данныя этихъ рубрикъ проведены по 14 провинціямъ, 36 правительственнымъ округамъ и даже по 636 училищнымъ околкамъ

(Kreisen). Относительно частныхъ училищъ, данныхъ, заключающихся въ рубрикахъ 9—13, не имѣется.

Взглядъ автора статьи, посвященной разбору оффиціального отчета по статистикѣ образованія въ Пруссіи, съ достаточною ясностью выраженъ въ вышеприведенныхъ замѣчаніяхъ; что-же касается самыхъ данныхъ отчета, то мы приводимъ наиболѣе характерныя изъ нихъ въ особой замѣткѣ; здѣсь-же мы ограничимся приведеніемъ, изъ другой статьи журнала («Die preussische Volksschule in finanzieller Hinsicht», № 10, стр. 668), таблицы жалованья начальныхъ учителей, городскихъ и сельскихъ, за 1886 годъ сравнительно съ 1878 годомъ.

Названія прусскихъ провинцій	Жалованье городскихъ учителей			Жалованье сельскихъ учителей		
	1878 г. марки.	1886 г. марки.	Менѣе сравн. съ 1878 годомъ.	1878 г. марки.	1886 г. марки.	Болѣе или менѣе сравн. съ 1878 годомъ.
Восточная Пруссія.	1164	1062	102	845	837	— 8
Западная Пруссія	1150	991	159	830	806	— 24
Берлинскій гор. округъ. . .	1998	1675	323	—	—	—
Бланденбургская пр.	1339	1144	195	979	992	+ 13
Померанская.	1423	1211	2 12	885	883	— 2
Познанская	1121	1027	94	863	850	— 13
Силезская	1356	1234	113	901	913	+ 12
Саксонская.	1345	1138	207	1033	1054	+ 21
Вестфальская.	1351	1250	101	1079	1044	— 35
Рейнская.	1443	1365	78	1064	1049	— 15
Гогенцоллернская.	1119	1096	23	822	845	+ 23
Шлезв. Гольштинская . . .	1329	1321	8	1066	1107	+ 41
Ганноверская.	1414	1189	225	905	914	+ 9
Гессенъ-Нассауская.	1608	1373	235	936	909	— 27
Среднимъ числомъ во всей Пруссіи	1414	1279	135	954	954	—

Такимъ образомъ, наиболѣе пострадавшими, въ отношеніи сокращенія содержанія, оказываются городскіе начал. учителя, т.-е. тѣ именно, жизнь которыхъ обходится дороже, нежели учителей сельскихъ.

Уменьшеніе содержанія начальныхъ учителей уже успѣло оказать

свое вліяніе въ томъ, напримѣръ, отношеніи, что число учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ, т.-е. готовящихся въ начальные учителя, въ десятилѣтній періодъ 1876—1886 годъ уменьшилось съ 9.400 до 8.500 человекъ; тогда какъ число дѣтей школьнаго возраста, за тотъ-же періодъ времени, увеличилось на 650.000. Въ прежнее время въ каждой учительской семинаріи, среднимъ числомъ, оканчивало курсъ 25 человекъ, нынѣ-же оканчиваетъ курсъ едва 20 человекъ. Уменьшеніе числа учащихся замѣчается во всѣхъ 19 прусскихъ учительскихъ семинаріяхъ и во всѣхъ приготовительныхъ къ нимъ заведеніяхъ. Въ виду этихъ и однородныхъ съ ними фактовъ, авторъ статьи, помѣщенной въ XI-й книжкѣ «Педагогія» (*Welche Stellung hat die Lehrerschaft zu der Präparandenbildung zu nehmen?* стр. 714—731), высказываетъ основательно опасеніе, что количество учителей начальныхъ школъ можетъ все болѣе и болѣе сокращаться и что многимъ школамъ грозитъ опасность остаться безъ учителей, или-же придется довольствоваться учителями безъ специальной педагогической подготовки. «Почему,—спрашиваетъ авторъ,—нынѣ такъ мало молодыхъ людей, которые желали-бы посвятить себя учебной службѣ, въ качествѣ народныхъ учителей? Развѣ эта служба менѣе почетна, нежели какія-либо инья карьеры? О нѣтъ, этого, конечно, никто не рѣшится утверждать. Но вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи за учительскій трудъ заставляеть многихъ родителей призадуматься надъ вопросомъ, стоитъ-ли готовить своихъ сыновей для учебной службы? А, помимо вопроса денежнаго, эта служба имѣетъ еще много и другихъ непривлекательныхъ сторонъ. Просматривая отчеты многочисленныхъ собраній и съѣздовъ нѣмецкихъ народныхъ учителей, вы легко замѣтите, что, помимо чисто педагогическихъ вопросовъ, темами для бесѣдъ и рефератовъ здѣсь главнымъ образомъ являются такія темы, какъ: «бюрократизмъ въ области школы», «освобожденіе учителя отъ исполненія обязанностей церковнаго причетника (*vom niederen Küsterdienste*)», «вопросъ объ инспекціи школъ», «о необходимости для учителя большей свободы при отправленіи своихъ обязанностей», «соціальное положеніе учителя» и т. п. и т. п. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что положеніе нѣмецкаго народнаго учителя далеко не можетъ быть признано нормальнымъ. Но если на учебномъ вѣдомствѣ лежитъ обязанность позаботиться о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи начальныхъ учителей, то объ устраненіи другихъ золъ, по нашему мнѣнію, они могли-бы позаботиться и сами. Для этого необходимо, чтобы сословіе учителей было объединеннымъ и дѣйствовало-бы дружно, устно и письменно, на собраніяхъ и путемъ печати, выясняя

правительству и обществу тѣ вредныя послѣдствія, которыя могутъ произойти въ томъ случаѣ, если школа будетъ чувствовать недостатокъ въ учебныхъ силахъ. Ратовать за устраненіе этого недостатка—священная обязанность каждаго учителя передъ своимъ сословіемъ, школою и отечествомъ. Нашимъ идеаломъ въ этомъ отношеніи долженъ служить нашъ неутомимый боецъ за школу и ея права—нашъ старый учитель Дистервегъ. Неудачи не должны смущать насъ: правое дѣло все-таки, рано или поздно, должно восторжествовать».

Положеніемъ учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ журналъ такъ-же интересуется, о чемъ свидѣтельствуетъ, на примѣръ, статья въ № 1 выпуска XII (стр. 50), въ которой констатируется фактъ нечальнаго положенія вновь поступающихъ преподавателей въ гимназіяхъ нѣкоторыхъ прусскихъ провинцій (*Zur Anciennetätsfrage*), а также многія замѣтки по этому поводу въ корреспонденціяхъ и извлеченіяхъ изъ газетъ и журналовъ. «Педагогія» Диттеса вообще пристально слѣдитъ какъ за нравственнымъ, такъ и матеріальнымъ положеніемъ сословія нѣмецкихъ учителей и охотно даетъ мѣсто статьямъ, трактующимъ объ этихъ вопросахъ, что много придаетъ журналу интереса и жизненности.

Большая часть статей «Педагогія» по вопросамъ методическимъ посвящена народной школѣ. Для преподавателей нѣмецкой народной школы, располагающей восьмилѣтнимъ учебнымъ курсомъ (съ 6 до 14 л.), статьи эти, конечно, имѣютъ болѣе или меньшій непосредственный интересъ, но для учителей нашей народной школы, съ ея трехгодичнымъ краткимъ курсомъ, статьи нѣмецкихъ педагогическихъ журналовъ могутъ дать весьма мало цѣнныхъ указаній, въ особенности относительно объема и расположенія учебнаго матеріала. Вслѣдствіе этого мы ограничимся указаніемъ лишь на двѣ-три статьи такого содержанія, общіе методическіе принципы которыхъ могутъ способствовать къ характеристикѣ стремленій и желаній современныхъ нѣмецкихъ педагоговъ по отношенію къ начальной школѣ и вообще къ начальному обученію юношества.

Въ № 1-мъ «Педагогія» помѣщена статья д-ра Е. Витлациля «Къ вопросу о реформѣ обученія естественной исторіи» (*Dr. E. Witlaczil: Zur Reform des naturgeschichtlichen Unterrichts*),—статья, написанная по поводу сочиненій д-ра Кислингга и Пфальца и соч. Юнге *) по этому

*) Сочиненія (совмѣстныя) этихъ авторовъ (*Dr. E. Kiessling und E. Pfalz*) слѣдующія: 1) *Wie muss der Naturgeschichtsunterricht sich gestalten, wenn er der Ausbildung des sittlichen Charakters dienen soll? Eine Methodik des Naturgeschichtsunterrichtes nach reformatorischen Grundsätzen*; 2) *Alte und neue Metho-*

вопросу, а въ IV-й книжкѣ напечатанъ отвѣтъ на нее гг. Кислинга и Пфальца. Сущность дѣла, въ краткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ. При обученіи естественной исторіи, въ нѣмецкой начальной школѣ долгое время руководствовались исключительно тѣми взглядами, которые были высказаны по этому предмету покойнымъ Авг. Любеномъ, причемъ послѣдователи этого педагога, какъ Лейнисъ и Вагнеръ, напримѣръ, довели принципъ систематизаціи, лежащій въ основѣ Любеновской системы, до уродливыхъ крайностей, такъ что естественная исторія, какъ учебный предметъ, превратилась въ сухую номенклатуру, и поэтому утратила всякое педагогическое, образовательное значеніе. Въ настоящее время среди нѣмецкихъ педагоговъ, имѣющихъ въ виду *начальную* школу, *начальное* образованіе, замѣтна реакція противъ любеновской систематизаціи, а въ особенности противъ его не по разуму усердныхъ послѣдователей. Юнге, Кислингъ и Пфальцъ и друг. педагоги-натуралисты, раздѣляющіе ихъ взгляды, стремятся къ тому, чтобы путемъ обученія естественной исторіи учащіеся приобрѣли «понятіе о землѣ, какъ о благоустроенномъ цѣломъ, отдѣльныя части котораго не только взаимно другъ друга обуславливаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвержены однимъ и тѣмъ-же общимъ условіямъ жизни». Вслѣдствіе этого, и «человѣкъ въ великомъ цѣломъ природы является не только членомъ, вліяющимъ на измѣненіе въ ней условій, но и подвергающимся, въ свою очередь, вліянію условій, существующихъ въ природѣ». Къ уразумѣнію природы должно идти путемъ выясненія той истины, что «всякое существо представляетъ собою въ своемъ родѣ совершенный организмъ, одаренный своеобразнымъ свойствомъ какъ поддерживать жизнь въ себѣ самомъ, такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить къ поддержанію жизни цѣлаго», и что, такимъ образомъ, «вся жизнь природы, всѣ въ ней явленія возникновенія, созрѣванія и увяданія (Entstehen, Reifen und Vergehen) подвергаются непрерывному круговороту». Эти основныя положенія развиваются авторами названныхъ руководствъ путемъ ознакомленія учащихся съ предметами окружающей ихъ природы, ограничивая изученіе естественной исторіи тѣми изъ нихъ, которые имѣются въ отечествѣ учащихся, и притомъ приносятъ извѣстную пользу или могутъ причинять извѣстный вредъ населенію; такъ, напримѣръ, Юнге

den des Naturgeschichtsunterrichtes. Historisch-kritische Beleuchtung der Bestrebungen auf diesem Gebiete seit Lüben; 3) Methodisches Handbuch für den Unterricht an Volks- und höheren Mädchenschulen. 2 Bd.; 4) Naturgeschichte für die einfache Volksschule. Ein Handbuch für Lehrer, а также сочиненіе Юнге: Der Dorfteich als Lebensgemeinschaft. 1885.

обученіе естественной исторіи пріурочиваетъ къ изученію жизни «деревенскаго труда». Противники названныхъ авторовъ, защищая методъ Любена въ начальномъ обученіи и не отвергая того, что послѣдователи покойнаго педагога во многомъ исказили этотъ методъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая должное реформаторскимъ стремленіямъ названныхъ педагоговъ-натуралистовъ, не соглашаются, однако, съ ними и, въ свою очередь, указываютъ недостатки предлагаемаго ими метода. Прежде всего, они обращаютъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что при пользованіи этимъ послѣднимъ методомъ естественно-историческое обученіе не можетъ быть согласовано съ данными современной науки, представителемъ которой служитъ Дарвинъ и его послѣдователи. Какъ можно утверждать, напримѣръ, что каждое тѣло есть «совершенный организмъ», когда при разсмотрѣніи многихъ животныхъ оказывается, что они имѣютъ формы, для организма совершенно ненужныя, и когда лишь путемъ изученія исторіи развитія формъ можно уразумѣть, что эти формы лишь когда-то имѣли свое значеніе, но затѣмъ утратили его и остались въ видѣ рудиментовъ; значеніе иныхъ органовъ животныхъ и до сихъ поръ совсѣмъ еще не выяснено, а потому нельзя и утверждать, не вводя учащихся въ обманъ, что эти органы содѣйствуютъ совершенству организма, необходимы для послѣдняго. Телеологія въ естествовѣдѣніи вообще неумѣстна... Задача естественно-историческаго обученія въ начальной школѣ, въ обширномъ смыслѣ этого понятія, какъ и обученія всякому вообще учебному предмету, состоитъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, снабдить нѣкоторыми свѣдѣніями учащихся, а во-вторыхъ, содѣйствовать развитію въ нихъ ума и чувства. Въ первомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи матеріальномъ, естествовѣдѣніе даетъ учащимся знаніе важнѣйшихъ въ природѣ тѣлъ и ознакамливаетъ съ ихъ жизнью и ихъ взаимными отношеніями и связью. Въ формальномъ отношеніи, естествовѣдѣніе содѣйствуетъ развитію внѣшнихъ чувствъ (на что обыкновенно мало обращается вниманія при обученіи другимъ учебнымъ предметамъ), такъ какъ тутъ ученики непосредственно, путемъ нагляднымъ, знакомятся съ внѣшнимъ видомъ тѣлъ природы, ихъ внутреннимъ строеніемъ, формами и соотношеніемъ этихъ формъ по ихъ величинѣ. Такимъ образомъ ученики привыкаютъ точно описывать то, что они видятъ, а путемъ сравненія пріучаются соединять сходное и отдѣлять разнородное. Далѣе, они навикаютъ замѣчать тѣ измѣненія, которымъ подлежатъ изучаемыя ими тѣла природы, а наблюдая связь или зависимость, соотношеніе между формами тѣлъ у животныхъ и ихъ образомъ жизни, изоощряются въ

огыскиваніи объясненій разсматриваемыхъ явленій. Составляя описанія изученныхъ тѣлъ, группируя ихъ по сходству ихъ формъ, учащіеся тѣмъ самымъ упражняются въ точномъ, логическомъ мышленіи, пріобыкають къ правильной рѣчи. Все это суть навыки, весьма полезные для практической жизни, не говоря уже о другихъ полезныхъ сторонахъ *описательнаго* метода обученія естествовѣдѣнію, какъ понималъ этотъ методъ Любенъ, а не его послѣдователи, извратившіе пріемы своего образца, ударившіеся въ мелочность, въ систематизированіе деталей и т. п., и потому заслуживающіе всякихъ порицаній... Нельзя также, какъ этого желаютъ новѣйшіе противники Любена, ограничиваться изученіемъ тѣлъ природы, имѣющихся лишь на роднѣхъ ученика. Это непрактично, ибо дѣти хотя и не видали и, можетъ быть, никогда не увидятъ многихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе желали-бы узнать о нихъ (какъ, на примѣръ, не сказать имъ ничего о львѣ, слонѣ и т. п. А затѣмъ, на примѣръ, цѣлые отдѣлы минералогіи должны были-бы остаться дѣтямъ неизвѣстными?), ибо уже многое про нихъ слышали, а во-вторыхъ, это и непедагогично, ибо тутъ не соблюдается дидактическое требованіе: начиная съ ближайшаго, идти затѣмъ къ отдаленному. Если не руководствоваться при обученіи естественной исторіи извѣстною логическою системою, то придется при описаніяхъ, которыхъ избѣжать невозможно, слѣдовать дедукціи изъ какого-либо случайнаго признака, или изъ положенія, основаннаго лишь на случайномъ вышнемъ впечатлѣніи, на чувствѣ пріятнаго или непріятнаго, красиваго или безобразнаго и т. п., а не на общемъ, основномъ представленіи или понятіи. Такъ именно гг. Кисслингъ и Пфальцъ и поступаютъ. Они относятъ, на примѣръ, форель къ числу благородныхъ рыбъ, основываясь, вѣроятно, на томъ, что мясо ея вкусно, или-же на прекрасной окраскѣ ея чешуи, или-же на томъ, что форель живетъ въ прекрасныхъ, свѣтлыхъ горныхъ ручьяхъ—и вотъ, исходя изъ этого положенія, ученикъ долженъ описывать названную рыбу, памятуя при этомъ требованіе авторовъ, что «при описаніи, все то, что не имѣетъ отношенія къ главной мысли, должно быть устранено, какъ лишнее всякаго значенія, не имѣющее никакой цѣны». Ясно, что въ данномъ случаѣ никакого разумнаго описанія сдѣлать нельзя и что вся работа сведется къ пустой болтовнѣ, на примѣръ, о томъ, что все въ этой рыбѣ свидѣтельствуетъ о ея благородствѣ. Итакъ, исключивъ изъ обученія естествовѣдѣнію принципъ объективности, мы тѣмъ самымъ отнимемъ у этого обученія право на существованіе, сдѣлаемъ для школы это обученіе невозможнымъ...

Въ такомъ положеніи находится нынѣ вопросъ о начальномъ обученіи естествовѣдѣнію въ Германіи, таковы попытки освободиться отъ тѣхъ принциповъ, которые положены въ основу его покойнымъ Авг. Любеномъ. Какъ въ концѣ-концовъ этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, пока еще не видно; но одно намъ кажется несомнѣннымъ, что для *начальнаго обученія* принципъ *описательнаго обученія* въ естествовѣдѣніи всегда сохранить свою силу.

Въ статьѣ о преподаваніи исторіи въ народной школѣ (№ 5) трактуется главнымъ образомъ о томъ, что преподаваніе этого предмета должно быть возможно болѣе нагляднымъ, ради чего совѣтуется прибѣгать къ показыванію памятниковъ культуры даннаго народа, въ болѣе или менѣе точныхъ моделяхъ, а за неимѣніемъ ихъ—къ рисункамъ. Рекомендуются различные приемы, болѣе или менѣе извѣстные, для оживленія разсказа; обращается вниманіе преподавателей на необходимость черченія историческихъ картъ и т. п. Авторъ имѣетъ въ виду преподаваніе отечественной исторіи, а потому и примѣры беретъ исключительно изъ нѣмецкой исторіи. Лучшимъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ авторъ считаетъ Грубе, котораго «Charakterbilder aus der Geschichte und Sage» онъ вполне одобряетъ.

Въ «Педагогіѣ» помѣщено цѣлыхъ пять статей (стр. 12, 170, 433, 565 и 623, по общей пагинаціи) объ обученіи въ начальной школѣ морали. Большая часть этихъ статей посвящена спорамъ о томъ, какъ именно слѣдуетъ преподавать мораль, т.-е. въ какомъ видѣ—въ формѣ-ли извѣстныхъ положеній, которыя затѣмъ разъясняются учителемъ *), или-же въ формѣ примѣровъ изъ жизни извѣстныхъ историческихъ личностей, на основаніи которыхъ формулируется то или другое положеніе. Насколько можно судить по указаннымъ статьямъ «Педагогія», нѣмецкіе педагоги болѣе склонны ко второй формѣ изложенія моральныхъ истинъ и вытекающихъ отсюда обязанностей: 1) по отношенію къ семьѣ и школѣ; 2) по отношенію къ обществу и отечеству и 3) по отношенію къ челоѣчеству вообще. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ педагоговъ совѣтуютъ брать матеріалъ для моральныхъ бесѣдъ изъ священныхъ книгъ, но не только христіанъ, а и другихъ вѣроисповѣданій—изъ Корана, Талмуда, и т. п. Конечно, находится также много противниковъ такого выдѣленія морали изъ области обученія религіи.

Хотя «Педагогіѣ» имѣетъ въ виду главнымъ образомъ начальную

*) Такъ ведется обученіе морали во французскихъ начальныхъ школахъ. Ср. «Éléments d'Instruction morale» par Compaugé.

школу и вообще начальное образованіе, но въ немъ, кромѣ многихъ замѣтокъ, посвященныхъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, помѣщаются также и цѣлыя статьи по тѣмъ или другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ заведеніяхъ этой категоріи. Такова, на примѣръ, статья въ № 8 подъ заглавіемъ «Die alten Klassiker auf den preussischen Gymnasien». Нѣкоторыя замѣчанія автора имѣютъ, по нашему мнѣнію, общепедагогическій интересъ, а потому мы и обращаемъ на нихъ вниманіе нашихъ читателей.

По отношенію къ гимназическому обученію вообще авторъ требуетъ, чтобы въ гимназіяхъ (авторъ вездѣ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ *прусскія* гимназіи) было обращено болѣе, нежели это дѣлалось доселѣ, вниманія на изученіе всеобщей исторіи, особенно исторіи отечественной, и на изученіе отечественнаго языка. Обращаясь затѣмъ къ древнимъ языкамъ, авторъ останавливается на изученіи латинскихъ и греческихъ поэтовъ. «Главнѣйшій недостатокъ учебнаго плана нашихъ (т.-е. прусскихъ) гимназій состоитъ въ томъ, что ученики слишкомъ рано приступаютъ къ чтенію латинскихъ поэтовъ и посвящаютъ на это чтеніе черезчуръ много времени». Римляне не были народомъ поэтическимъ; это были практики, которые, поэтому, и сумѣли создать такую стройную систему права; по мнѣнію автора, поэзія римлянъ есть растеніе тепличное (за исключеніемъ сатиръ), родившееся изъ подражанія поэзіи греческой, отсюда—манерность, искусственность римскихъ поэтовъ. Знатокъ латинскаго языка можетъ восхищаться тѣмъ искусствомъ, съ какимъ римскіе поэты преодолѣваютъ различныя версификаторскія трудности, но ученикъ 6-го или 7-го класса гимназій, читая Овидія или Вергилія, видитъ въ нихъ какихъ-то враговъ, которые умышленно на каждомъ шагу ставятъ ему искусственные барьеры, черезъ которые онъ волей-неволей долженъ перепрыгивать. Профессора-филологи очень высоко цѣнятъ тѣхъ студентовъ, которые являются къ нимъ въ университетъ, уже знакомясь съ возможно большимъ количествомъ древнихъ авторовъ. Такой взглядъ сильно повліялъ на учебный планъ гимназій, хотя едва-ли даже пятая часть окончившихъ въ нихъ курсъ занимается затѣмъ въ университетѣ именно филологіею. Затѣмъ, сами преподаватели древнихъ языковъ въ гимназіяхъ обыкновенно соперничаютъ другъ съ другомъ въ томъ, чтобы прочитать со своими учениками какъ можно болѣе классиковъ, и притомъ труднѣйшихъ. Поэты—труднѣйшіе изъ латинскихъ классиковъ, а потому естественно на нихъ-то и накладываются главнымъ образомъ усердные не по разуму преподаватели латыни. Ученикъ 4-го класса (Tertianer) уже вынужденъ, съ величай-

шимъ трудомъ и почти ничего не понимая, переводить Овидія, а ученикъ 5-го класса (Untersecundaner) продѣлываетъ то-же самое съ Вергиліемъ. Но гимназіи не должны служить лишь подготовительными заведеніями для отдѣльныхъ факультетовъ; онѣ должны давать такое и настолько законченное общее образованіе, чтобы питомцы ихъ могли свободно, по своей склонности, переходить затѣмъ какъ къ изученію наукъ любаго изъ четырехъ факультетовъ, такъ и прямо вступать въ практическую жизнь. Лучше знать меньше по объему, но основательно; поэтому цѣлесообразнѣе будетъ ограничить число читаемыхъ въ гимназіи классиковъ; прочесть хотя немного, но вполне основательно, и притомъ, по отношенію къ римскимъ классикамъ, обратить наибольшее вниманіе на прозаиковъ. Въмѣсто чтенія малопонятнаго для четвероклассниковъ Овидія, пусть они займутся основательнѣе, на ряду съ чтеніемъ Ю. Цезаря, изученіемъ Корнелія Непота и освоятся съ нимъ настолько, что будутъ въ состояніи безъ особеннаго труда читать его. Коль скоро ученикъ достигнетъ этого по отношенію къ первому изъ изучаемыхъ имъ классиковъ, онъ начнетъ любить латинскій языкъ, сживется съ нимъ, почувствуетъ себя латинистомъ. Если ученикъ будетъ читать только такихъ классиковъ, которые для него трудны и непонятны, то естественно, что классики опротивѣютъ ему и при первой возможности онъ заброситъ ихъ. Поэтому, не только въ 4-мъ классѣ, но даже въ 7-мъ и 8-мъ, ученикъ, на ряду съ трудными для него латинскими классиками, долженъ читать также и такихъ, которые для него легки, а для этого лучше всего брать такого писателя, въ котораго ученикъ уже, такъ сказать, вчитался въ предыдущемъ классѣ. Обыкновенно-же дѣлается такъ: едва ученикъ освоится съ извѣстнымъ авторомъ, едва начнетъ съ охотою и интересомъ читать его, какъ, при переходѣ въ слѣдующій классъ, ему уже суютъ въ руки другаго, болѣе труднаго, а перваго такъ и бросаютъ недочитаннымъ. И такъ повторяется изъ класса въ классъ. Латинскихъ поэтовъ авторъ статьи совѣтуетъ начинать читать лишь съ 6-го класса (Obersecunda), и не болѣе часа въ недѣлю; въ 7-мъ классѣ—часъ Вергилія и часъ Овидія, въ 8-мъ—часъ Горация и часъ Вергилія. Изученіе греческихъ поэтовъ, на которыхъ авторъ совѣтуетъ останавливаться гораздо долѣе, нежели на поэтахъ латинскихъ, онъ рекомендуетъ начинать съ чтенія пѣсенъ Тиртея; въ 6-мъ классѣ ученики должны читать преимущественно Иліаду—книги: третью, шестую, девятую и двадцать вторую; въ 7-мъ и 8-мъ классахъ читаются другія книги Иліады, причемъ повторяются и прежде прочитанныя. Софокла авторъ считаетъ чрезчуръ труднымъ

для гимназистовъ, развѣ только въ 8-мъ классѣ можно прочесть одну-другую изъ его трагедій.

Вообще статей, интересныхъ не только для нѣмецкихъ педагоговъ, но и для педагоговъ другихъ странъ, въ «Педагогіѣ» Диттеса достаточно. Таковы, кромѣ вышеупомянутыхъ, напримѣръ: «Über Ideen» (стр. 273), «Die Bildung der ersten Vorstellungsreihen» (стр. 695), «Über die Anfänge der sittlichen Entwicklung der Kinder» (стр. 161), «Anregung zum Studium der Werke Beneke's» (стр. 32), «Die Sokratische Methode» (стр. 141), «Charakteristik der sämtlichen Werke Beneke's» (стр. 409), «Zum Gedächtnis Adolf Diesterweg» (стр. 545. 749), «Skizzen aus der deutschen Jugendliteratur» (стр. 105), «Über erziehenden Unterricht» (стр. 73, 341), «Zum Moralunterricht» (стр. 12, 170, 433, 565, 623), «Die lateinlosen höheren Bürgerschulen» (стр. 229), «Lehrerbildung in England» и мн. др. Непосредственно для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, не интересующихся педагогическими вопросами помимо своей специальности, «Педагогія», конечно, можетъ дать очень немного, но для всѣхъ тѣхъ, которые пожелаю-бы слѣдить за развитіемъ въ Германіи вопросовъ о начальномъ образованіи, напримѣръ, для преподавателей и руководителей учительскихъ семинарій, институтовъ, педагогическихъ классовъ и т. п. учреждений, это журналъ въ высшей степени полезный.

К. Модзалевскій.

«Педагогическій Сборникъ» 1890 года (май—декабрь).

Наиболѣе цѣнною статьею въ обозрѣваемыхъ книгахъ «Педагогическаго Сборника» являются посмертныя замѣтки А. Я. Герда «о курсѣ естественныхъ наукъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ» (августъ). Покойный Александръ Яковлевичъ даетъ прежде всего историческій очеркъ дѣла преподаванія естественныхъ наукъ въ Европѣ и у насъ и обращается къ тому времени, когда въ учебныхъ заведеніяхъ повсюду господствовало догматическое преподаваніе естествознанія. Затѣмъ А. Я. дѣлаетъ характеристику индуктивнаго метода преподаванія естественныхъ наукъ, предложеннаго впервые Гарнишемъ (1825), въ обработкѣ Любена, опубликованнаго этимъ послѣднимъ въ 1836 г. въ журналѣ Дистервега, поставленнаго на обсужденіе русскихъ педагоговъ А. Н. Бекетовымъ въ 1863 году въ статьѣ «о приложеніи индуктивнаго метода мышленія къ преподаванію естественной исторіи въ гимназіяхъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» де-

кабрь) и нашедшаго приложеніе въ нѣсколькихъ руководствахъ шестидесятихъ годовъ. Но, какъ напоминаютъ теперь замѣтки покойнаго А. Я., въ срединѣ семидесятихъ годовъ раздались нападки на любеновскій методъ изъ лагеря біологовъ, ставившихъ въ упрекъ преподавателямъ естествознанія и составителямъ учебниковъ ихъ отсталость и безцеремонное отношеніе къ наукѣ, являвшіяся, по мнѣнію противниковъ любеновскаго метода, результатомъ чисто-формальныхъ его цѣлей въ смыслѣ усовершенствованія наблюдательности, способности сравненія и систематизированія, умѣнья выражать словами наблюденные факты—безъ всякаго отношенія къ тому матеріалу, помощью котораго совершается эта гимнастика (107). Съ своей стороны А. Я. слѣдующимъ образомъ формулируетъ недостатки общераспространеннаго, такъ-называемаго любеновскаго, метода:

1) Преслѣдуемая курсомъ цѣль—развить въ учащихся наблюдательность путемъ описанія и сравненія тѣлъ природы—крайне узка.

2) И эта цѣль практикуемымъ приѣмомъ преподаванія не можетъ быть достигнута.

3) Содержаніе курса совершенно не соотвѣтствуетъ *современному состоянію* и значенію *естественныхъ наукъ*.

4) Ограничиваясь описаніями и сравненіями и совершенно игнорируя философію естествознанія, общепринятый курсъ *загромождаеть память* учащихся большимъ числомъ терминовъ и даетъ очень мало пищи уму.

5) Поставленныя *безъ всякой связи* одна къ другой естественныя науки *не даютъ* учащемуся никакой ясной и полной *системы знанія*.

6) *Не даютъ* учащемуся ко времени его выхода изъ заведенія никакого опредѣленнаго *міросозерцанія*.

7) Вслѣдствіе крайней бѣдности содержанія, общепринятый курсъ естествознанія *не развиваетъ* въ учащихся *интереса къ наукѣ и потребности къ расширенію* пріобрѣтенныхъ въ школѣ *знаній*, а потому проходитъ безслѣдно (111).

Имѣя въ виду все вышесказанное, А. Я. выработалъ собственныя «основныя положенія для новой программы естествознанія», исходнымъ пунктомъ которой является та мысль, что «конечная цѣль курса естествознанія въ общеобразовательномъ заведеніи—привести учащагося къ опредѣленному міровоззрѣнію, согласному съ современнымъ состояніемъ естественныхъ наукъ» (111).

По мнѣнію А. Я., преслѣдуемая въ настоящее время цѣль—развитіе въ учащихся способности различать, описывать и сравнивать тѣла должна быть возведена въ болѣе широкую цѣль—научить ра-

зумно *наблюдать* самостоятельно и обращаться къ природѣ за разрѣшеніемъ *доступныхъ* задачъ» (112).

Для этой цѣли А. Я. рекомендуетъ [правильно организованныя геологическія и біологическія экскурсіи и постоянныя практическія работы по изученію всѣхъ царствъ природы.

Весь учебный матеріалъ А. Я. распредѣлялъ на шесть лѣтъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Неорганический міръ (первые два года). II. Растительный міръ. III. Животный міръ. IV. Человѣкъ. V. Исторія земли.

Такого рода программу А. Я. проводилъ съ большимъ успѣхомъ, насколько то возможно въ современномъ учебномъ заведеніи вѣдомства Минист. Народн. Просвѣщенія, въ женской гимназіи княгини Оболенской, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта. Въ своихъ посмертныхъ замѣткахъ «о курсѣ естественныхъ наукъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ» безвременно скончавшейся А. Я., одаренный высокимъ педагогическимъ талантомъ и проникнутый передовыми идеями школы, оставилъ какъ-бы завѣщаніе для всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы естествознанія въ системѣ общаго образованія.

Въ декабрьской книжкѣ «Педагогическаго Сборника» помѣщенъ переводъ прекрасной статьи Германа Кона: «Школа будущаго». Идеалы Кона—школьное зданіе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ гигиены, самое тщательное выполненіе правилъ гигиены учащихся, дѣльные педагоги, современные взгляды и знающій гигиенистъ въ качествѣ руководителя школы, учебный планъ и методъ преподаванія, который обезпечивалъ-бы полное и гармоническое образованіе (545—6). Германъ Конъ предлагаетъ сторонникамъ школы будущаго пойти путемъ Рихарда Вагнера и его друзей и послѣдователей въ дѣлѣ «Музыки будущаго». Какъ они объединились и построили Байретскій театръ, такъ и поборники «школы будущаго» должны объединиться и создать «хоть единственную примѣрную школу». Но вѣдь здѣсь возникаетъ грозный призракъ государственныхъ правъ. Конъ—врагъ школьныхъ привилегій и цитируетъ сказанныя въ прошломъ году въ прусской палатѣ депутатовъ министромъ сельскаго хозяйства слова: «все наше школьное образованіе поражено недугомъ погони за правами» (537).

У насъ, въ Россіи, еще въ большей мѣрѣ царитъ этотъ недугъ «правъ» и фиктивныхъ знаній. Однимъ изъ такихъ фиктивныхъ знаній въ послѣднее время сдѣлались пресловутые новые языки. У всѣхъ

опи въ дипломѣ прописаны и никто ихъ не знаетъ, такъ что обыватель тщетно печатаетъ въ газетахъ: «ищутъ гувернантку съ двумя языками», а педагогическіе журналы непроизводительно помѣщаютъ статьи о постановкѣ преподаванія иностранныхъ языковъ.

Такъ, напримѣръ, въ статьѣ своей «О постановкѣ преподаванія новыхъ языковъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ» (рефератъ, читанный въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній) г. Пыльневъ говоритъ, что «какъ показываетъ опытъ, большинство поступающихъ въ высшія учебныя заведенія оказываются не въ состояніи пользоваться рекомендуемыми имъ книгами на иностранныхъ языкахъ, не говоря уже о томъ, что всякій изъ нихъ затруднился-бы написать хотя маленькую научную статейку по-нѣмецки или по-французски» (311). Вслѣдъ затѣмъ г. Пыльневъ прибавляетъ: «знанія разговорнаго языка также не выносятся никакого, если не принимать въ расчетъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность практиковаться дома съ гувернерами и гувернантками» (ibid.) «Между тѣмъ—говоритъ г. Пыльневъ—*нѣтъ основаній* сомнѣваться въ добросовѣстности преподавателей»... (ibid.). Трудно слѣдовать за мыслями автора, который съ первой-же страницы ставитъ столь лестное для гг. преподавателей новыхъ языковъ, но слишкомъ категорическое утвержденіе. Въ стѣнахъ того-же Солянаго городка, гдѣ читалъ свой рефератъ и г. Пыльневъ, въ многолюдномъ собраніи перваго (общепедагогическаго) отдѣленія съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (28-го декабря 1889 г.) говорилось нѣсколько иначе о гг. преподавателяхъ новыхъ языковъ по поводу доклада г. Лангемана (преподавателя французскаго языка въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ): «Какими мѣрами могли-бы быть достигнуты лучшіе и притомъ болѣе практическіе результаты при изученіи новыхъ языковъ?» (Труды съѣзда, I отдѣленіе, отдѣлъ I, В). Докладчикъ однимъ изъ первыхъ своихъ положеній ставитъ то мнѣніе, что «экзаменныя правила, существующія у насъ, въ Россіи, не могутъ гарантировать того, чтобы лица, допущенныя къ преподаванію новыхъ языковъ, и въ самомъ дѣлѣ способны были исполнять занимаемую ими должность» (63). Въ томъ-же засѣданіи директоръ Харьковскаго реальнаго училища г. Шиховъ, въ рѣчи своей по поводу доклада г. Лангемана, прямо заявляетъ, что «причина малой успѣшности преподаванія новыхъ языковъ лежитъ въ недостаточной подготовкѣ учителей этихъ языковъ» (70). Въ противность мнѣнію г. Пыльнева, который не находитъ «основаній» сомнѣваться въ «добросовѣстности» преподавателей новыхъ языковъ, такой испытанный, серьезный и вмѣстѣ съ тѣмъ

глубоко гуманный педагогъ, какъ г. Шиховъ, стоящій во главѣ среднеучебнаго заведенія уже второй десятокъ лѣтъ, даетъ слѣдующую характеристику этихъ педагоговъ:

«Отъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній требуется извѣстный общеобразовательный цензъ; всѣ они должны окончить свое общее образование въ среднемъ учебномъ заведеніи и специальное въ какомъ-нибудь высшемъ. Одни только преподаватели новыхъ языковъ находятся въ какомъ-то исключительномъ положеніи: они всѣ самоучки, они нигдѣ не готовятся, отъ нихъ не требуется даже аттестата объ окончаніи курса въ какомъ-либо среднемъ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи; имъ достаточно выдержать незначительный экзаменъ въ испытательной комиссіи и при томъ у преподавателей съ такимъ-же образовательнымъ цензомъ. Мало того, лица, получившія право преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ быть выбраны въ лекторы университетовъ и такимъ образомъ получить право читать лекціи студентамъ!

Къ этому нужно прибавить, что преподаватели иностранныхъ языковъ по большей части очень дурно владѣютъ русскимъ языкомъ, такъ что не только не въ состояніи точно и правильно передать мысли переводимаго оригинала, но очень часто обращаютъ образцовую рѣчь подлинника въ бессодержательный наборъ безсвязныхъ фразъ, а иногда и въ совершенную бессмыслицу. Не буду приводить безчисленныхъ анекдотовъ, которые иллюстрируютъ положеніе преподавателя иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; я попрошу только васъ, господа, припомнить тѣхъ изъ нихъ, которые васъ обучали этимъ предметамъ, и навѣрное въ вашей памяти окажется достаточный запасъ смѣшныхъ сценъ и комичныхъ недоразумѣній» («Труды I отд. сѣзда», стр. 70—71).

Въ томъ-же духѣ говорили и другіе ораторы собранія, а товарищъ предсѣдателя I отдѣленія сѣзда А. Д. Путята, какъ членъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, заявилъ, что въ министерствѣ уже выработаны основанія для новой постановки дѣла подготовленія преподавателей иностранныхъ языковъ, съ университетскимъ уровнемъ знаній и съ специальной педагогической подготовкой (74).

Къ сожалѣнію, вопросъ о преподаваніи новыхъ языковъ, за недостаткомъ времени, не могъ быть рассмотрѣнъ такъ многосторонне, какъ онъ раскрылся въ рѣчахъ ораторовъ, и потому собраніе не пришло къ выводамъ, точно и съ достаточной полнотой формулированнымъ, но все-же въ резолюціи, указавшей *желательность* въ пре-

подаваніи новыхъ языковъ *разумной* комбинаціи цѣлей практическихъ съ формальными и съ изученіемъ классическихъ писателей, ясно выражено, что «для достиженія успѣха преподаванія необходимо, чтобы преподаватели новыхъ языковъ имѣли основательное образованіе и знали русскій языкъ теоретически и практически» (75).

Приведемъ здѣсь тезисы г. Пыльнева, имъ самимъ резюмированные слѣдующимъ образомъ:

А. Относительно цѣли преподаванія:

1) Ко времени окончанія курса ученики должны быть въ состояніи, при помощи словаря, перевести на русскій языкъ любую страницу изъ книги историческаго содержанія.

2) При помощи словаря-же они должны понятнымъ языкомъ, хотя-бы и со стилистическими ошибками, перевести съ русскаго языка любую страницу изъ книги подобнаго-же содержанія (напримѣръ, изъ учебника исторіи Иловайскаго).

В. Относительно объема курса:

1) Прежде всего слѣдуетъ ознакомить учениковъ съ парадигмами склоненій и спряженій и перевести съ ними на русскій языкъ нѣсколько мелкихъ статей. На это достаточно и года, и въ этомъ будетъ заключаться вся работа ихъ надъ иностраннымъ текстомъ.

2) Послѣ этого немедленно переходить къ переводамъ съ русскаго, и, занимаясь ими, строго придерживаясь извѣстной системы (подобно той, примѣрно, по которой построенъ учебникъ русскаго языка для иѣмцевъ г. Месковскаго).

С. Относительно метода обученія:

Исходнымъ пунктомъ долженъ служить *родной* для ученика языкъ, а не иностранный (319—20).

Секція преподавателей иностранныхъ языковъ въ Педагогическомъ музеѣ не согласилась «ни съ цѣлью, ни съ методомъ преподаванія иностранныхъ языковъ, предложенныхъ докладомъ» (Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889—1890 г., стр. 184). Редакція «Педагогическаго Сборника», съ своей стороны, даетъ къ статьѣ г. Пыльнева такое послѣсловіе: «мы лично думаемъ, что главною цѣлью преподаванія иностранныхъ языковъ въ средней школѣ можетъ служить *чтеніе иностраннаго текста*; на второмъ планѣ мы поставили-бы *устную рѣчь*, и только на третьемъ—*письменную*» (ibid.).

Оставаясь на почвѣ того-же вопроса, цѣннымъ вкладомъ въ нашу педагогическую литературу мы считаемъ предложенное «Педагогическимъ Сборникомъ» (октябрь) извлеченіе изъ статей шведскихъ педагоговъ Örtенблада (Pedagogisk Tidskrift, 1890, февраль):

«О характерѣ письменныхъ работъ на экзаменахъ иностранныхъ языковъ», и Эдстрёма «О выпускныхъ экзаменахъ и реформѣ преподаванія языковъ» (тотъ-же журналъ, апрѣль). Первый изъ названныхъ педагоговъ указываетъ на то, что «тексты переводовъ съ роднаго языка на чужой, разсылаемый учебнымъ округомъ для выпускныхъ работъ, рѣдко соответствуетъ тому запасу знаній, какой можно требовать отъ учениковъ, оканчивающихъ среднюю школу» (234), и предлагаетъ замѣнить такіе переводы сочиненіями на легкія темы. Являясь оппонентомъ г. Öртенблада, второй шведскій педагогъ видитъ въ данномъ случаѣ затрудненіе «въ неопредѣленности границъ между удовлетворительнымъ и неудовлетворительнымъ сочиненіемъ, при соблюденіи необходимаго условія легкости темы» (239). Противника идей г. Öртенблада смущаетъ то, что въ первомъ-же изъ приведенныхъ имъ примѣровъ «ученикъ въ нѣсколькихъ короткихъ, въ высшей степени простыхъ фразахъ рассказываетъ кое-что изъ исторіи Карла XII», но при этомъ, какъ замѣчаетъ онъ, ему «достаточно заучить *passé défini* немногихъ наиболѣе употребительныхъ глаголовъ, какъ *naître, mourir, vaincre* и т. п., и онъ можетъ смѣло ожидать исторической темы на выпускномъ экзаменѣ» (239).

Многихъ-ли учениковъ съ такими знаніями, которые кажутся шведскому педагогу незначительными, могутъ представить на испытаніе зрѣлости наши преподаватели новыхъ языковъ?

Итакъ, шведскіе педагоги вооружаются противъ переводовъ. Французскіе обрушиваются на диктовки. Въ октябрьской книжкѣ «Педагогическаго Сборника» г. Балталонъ, въ статьѣ своей: «Вопросъ объ уничтоженіи диктанта на выпускныхъ испытаніяхъ начальныхъ школъ во Франціи», опираясь на данныя, приводимыя въ статьяхъ главнаго инспектора начальнаго образованія во Франціи г. Kappe: «*De la suppression de la dictée à l'examen du certificat d'études primaires*» (*Revue pédagogique* 1889 № 9—10, 1890 № 2), останавливаетъ вниманіе нашихъ педагоговъ на постановкѣ дѣла диктанта въ русской школѣ. Авторъ ссылается въ данномъ случаѣ на авторитеты Ушинскаго, Шереметевскаго, Бунакова (мнѣнія котораго по этому предмету цитированы нами въ «Обзорѣ педагогическихъ журналовъ» за 1889 г., «Русская Школа» № 1), напоминаетъ о своихъ собственныхъ статьяхъ (Педаг. Сб. 1885, т. II; 1889, т. III) и указывая на то, что «диктантъ у насъ господствуетъ не въ одной начальной школѣ, но также и въ младшихъ классахъ средней школы», утверждаетъ, что «если это упражненіе оказывается совершенно непримѣнимымъ къ жизненнымъ потребностямъ ученика, вышедшаго изъ начальной школы,

то о диктовкѣ въ средней школѣ можно сказать, что ея бесплодность даетъ себя знать гораздо ранѣ окончанія ученикомъ курса, ея непригодность обнаруживается еще при переходѣ изъ младшихъ классовъ въ старшіе, гдѣ диктанты должны уступать мѣсто сочиненіямъ, причемъ нерѣдко учениковъ приходится учить орфографіи «сизнова» (295). «Вообще-же—говоритъ г. Балталонъ—изъ сопоставленія статей Бунакова у насъ съ статьями г. Карре во Франціи, вытекаетъ то заключеніе, что одинаковыя потребности истиннаго образованія и современной жизни все настойчивѣе требуютъ вытѣсненія изъ школы рутинныхъ приемовъ преподаванія» (ibid.).

Нужно замѣтить, что въ цитированныхъ г. Балталономъ статьяхъ вопросъ разсматривается съ двухъ сторонъ: 1) диктовка, какъ мѣрило грамотности, 2) диктовка, какъ дидактическій приемъ. Для интересующихся дополнимъ только русскую литературу предмета. О диктовкѣ, какъ приемѣ обученія, читаль рефератъ г. Куницкій (см. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1888—1889 гг.); къ вопросу о диктовкѣ, какъ мѣрилѣ грамотности, прямо относится статья пишущаго эти строки: «Результаты письменныхъ испытаній въ средней женской школѣ» (Женское образованіе 1888, окт.). Цыфровыми данными мы показали тамъ, что экзаменныя сочиненія даютъ бѣльшій процентъ ошибокъ, чѣмъ нарочито составленная провѣрочная диктовка, предлагаемая на окончательномъ испытаніи въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи на ряду съ сочиненіемъ на тѣму.

Что касается «рутинныхъ» приемовъ, то необходимо разъ и навсегда столковаться относительно того, что считать въ школьномъ дѣлѣ *рутиной* и что считать *прогрессомъ*. Считать-ли прогрессомъ энергичное выбрасываніе за бортъ устарѣлыхъ приемовъ?

Истинный прогрессъ методики каждаго предмета, смѣемъ думать, состоитъ въ обчовленіи старыхъ приемовъ, въ объединеніи ихъ путемъ сведенія къ кореннымъ цѣлямъ преподаванія. Все нужно въ преподаваніи языка: и диктовка, и разборъ, и грамматическія правила, но всему должно быть отведено свое мѣсто, и все должно быть поставлено въ должное взаимное соотношеніе. Машина работаетъ хорошо, когда всѣ ея части какъ слѣдуетъ пригнаны другъ къ другу. Можетъ-ли идти хорошо преподаваніе языка, когда всѣ его отдѣльные приемы—диктовка, разборъ, грамматика, заучиваніе наизусть стиховъ и прозы, развитіе устной рѣчи, выразительное чтеніе, развитіе эстетики—все это разрабатывается чуть не какъ отдѣльные предметы, все это дѣйствуетъ вразбродъ, часто безъ всякой опредѣленной ближайшей общей цѣли?

Насколько въ педагогическомъ дѣлѣ никакія крайнія утвержденія не могутъ имѣть мѣста, прекрасно уясняетъ г-жа Петерсонъ въ статьѣ своей «О преподаваніи языковъ—роднаго и иностранныхъ» (Педагогическій Сборникъ, декабрь 1890 г.), указывая на то, что «во Франціи агитація противъ грамматики путемъ отрицанія ея привела къ той-же грамматикѣ», но—прибавляетъ г-жа Петерсонъ—«основанной на данныхъ современной филологіи и требованіяхъ педагогики» (491). Вотъ живое подтвержденіе высказанной нами выше мысли, что все дѣло въ *обновленіи* приемовъ, а не въ замѣнѣ, съ рискомъ породить смуту въ умахъ учащихся, однихъ приемовъ другими, прямо-противоположными.

Е. Гаршинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Хроника школьной жизни въ Германіи за ноябрь—декабрь
1890 г.

(Окончаніе).

Рѣчь императора Вильгельма II представляетъ содержаніе разнородное; ббльшая часть утвержденій императора на столько справедливы, что они не нуждаются ни въ повтореніи, ни въ новыхъ доказательствахъ: къ таковымъ должно отнести прежде всего разсужденія о переполненіи школъ, о необходимости воспитанія характера, уменьшенія числа уроковъ по древнимъ языкамъ, о школьной гигиенѣ и подготовкѣ учителей къ педагогикѣ. Нужно, однако, замѣтить, что *ни одно* изъ высказанныхъ здѣсь императоромъ требованій *не ново*: давно уже были они изложены въ педагогической печати и даже въ министерскитъ рѣчахъ *). Поэтому мы остановимся на двухъ важнѣйшихъ вопросахъ, затронутыхъ и частью рѣшенныхъ въ рѣчи императора, которые касаются судьбы классической системы и роли отечественнаго языка въ гимназическомъ преподаваніи.

Высказанное императоромъ требованіе уменьшенія числа уроковъ древнихъ языковъ и перенесенія центра тяжести преподаванія съ древнихъ языковъ на нѣмецкій были истолкованы либеральною печатью, какъ совершенное крушеніе классицизма. Такое пониманіе дѣла, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуетъ истинѣ: въ особенноти мы обращаемъ вниманіе читателей на то мѣсто рѣчи, гдѣ говорится, что впредь желательны только двѣ формы среднеобразовательной школы: классическая и реальная безъ древнихъ языковъ. Если это требованіе будетъ осуществлено практически, то естественно доступъ къ высшему университетскому образованію будетъ возможенъ опять только чрезъ классическую гимназію, потому что неммыслимо, чтобы императоръ, стараясь о сокращеніи интеллигентнаго пролетаріата, допустилъ въ университетъ абитуриентовъ реальныхъ училищъ; кромѣ того, и самый курсъ послѣднихъ не соотвѣтствуетъ университетскому преподаванію. Если кому нанесенъ рѣчью императора жестокой ударъ, то никакъ не сторонникамъ классицизма, а реалистамъ. Можно

*) См. «Гимназія» I—1890. Письма изъ Германіи. II.

сказать, что подобной версии въ рѣчи, какую мы находимъ относительно реальныхъ гимназій, никто въ Германіи не ожидалъ; она была по-истинѣ «громомъ среди яснаго дня». Благодаря агитаціи Realschulmännerverein'a въ пользу развитія реальныхъ гимназій и равноправности ихъ съ классическими, нѣмецкое общество и либеральная печать ожидали особеннаго покровительства со стороны правительства и считали уже недалекимъ тотъ моментъ, когда реальная гимназія наслѣдуетъ всѣ права и привилегіи ея классической сестры. Не проходитъ ни одной сессіи прусскаго парламента безъ того, чтобы Realschulmännerverein не входилъ съ заявленіемъ своего *ceterum sensu* о правахъ реальныхъ гимназій. И вдругъ императоръ требуетъ, чтобы впредь не было реальныхъ гимназій съ ихъ «неопредѣленнымъ двойственнымъ характеромъ»; если это будетъ исполнено, то, съ устраненіемъ единственно серьезной соперницы, классическая школа останется въ неограниченномъ пользованіи правомъ на университетское образованіе.

Такимъ образомъ мы наталкиваемся на неразрѣшимыя противорѣчія, если принимаемъ толкованіе либеральной печати, будто императоръ желаетъ совершенной свободы реального образованія. Намъ кажется, что слова его слѣдуетъ понимать иначе. Императоръ, съ точки зрѣнія чисто практической политики, которая въ данный моментъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ либеральныхъ принциповъ, стремится, во-первыхъ, къ рѣшительному ограниченію тѣхъ массъ которыя ищутъ высшаго образованія. Онъ желаетъ, чтобы послѣднее выпадало на долю немногихъ избранныхъ, вполне примѣняя здѣсь, по совѣту Güssfeldt'a, принципъ разумнаго лѣсоводства. Тѣмъ, которые не могутъ получить высшаго образованія, онъ желаетъ дать чисто реальное образованіе, непосредственно приложимое къ жизни. Для тѣхъ-же, кто ищетъ высшаго образованія, онъ требуетъ самой лучшей подготовки, а таковую можетъ, по его мнѣнію, доставлять не реальная гимназія съ ея «половинчатымъ строемъ», а гуманистическая гимназія на національныхъ основахъ. Для того, чтобы современные гимназіи могли успѣшнѣе выполнять свою задачу, онъ естественно должны на ряду съ древними языками дать мѣсто и другимъ предметамъ первой важности, какъ отечественный языкъ и исторія.

Такимъ образомъ желаніе, высказанное цѣлымъ рядомъ заявленій университетовъ о сохраненіи основы гуманистическихъ гимназій, находить въ рѣчи императора нѣкоторое подтвержденіе. Для того, чтобы не показалось это противорѣчіемъ, мы должны объяснить, почему мы считаемъ возможнымъ и даже необходимымъ уменьшить число уроковъ древнихъ языковъ, не нарушая ихъ классическаго характера.

Нужно принять во вниманіе, что въ нѣмецкихъ гимназіяхъ съ девятилѣтнимъ курсомъ древніе языки имѣютъ большее число часовъ, хотя вслѣдствіе самостоятельности отдѣльныхъ государствъ количество это колеблется весьма значительнымъ образомъ: такъ, напримѣръ, число уроковъ латинскаго языка достигаетъ maximum 102 часовъ въ недѣлю и minimum 71 часовъ; число уроковъ греческаго языка—maximum 42 и minimum 36. Если мы возьмемъ maximum общаго числа уроковъ древнихъ языковъ, то получимъ 144 недѣльныхъ часовъ, а minimum будетъ равняться—77 недѣльнымъ часамъ. Само собою разумѣется, что какъ

maximum, такъ и minimum будутъ составлять рѣдкія исключенія; за норму мы можемъ взять среднее количество, т.-е., приблизительно, 110 недѣльныхъ часовъ уходить въ 9 классахъ на древніе языки. При безусловномъ выполненіи всѣхъ остальныхъ требованій, какъ-то: освобожденія классовъ отъ неспособныхъ слѣдовать за курсомъ учениковъ, педагогической подготовки учителей, введенія системы классныхъ преподавателей (концентрація) вмѣсто спеціалистовъ, можно смѣло понизить вышеуказанную цифру на 25⁰%, потому что при теперешнихъ условіяхъ половина времени уходитъ на бесплодную борьбу съ количествомъ, бездарностью учениковъ и часто съ совершеннымъ неумѣньемъ самого преподавателя. Тогда, но только тогда, возможны будутъ всѣ тѣ блага намѣренія о воспитаніи молодаго поколѣнія, которыми одушевленъ императоръ. И можно быть увѣреннымъ, что при такихъ измѣненіяхъ гимназій останутся по прежнему хранительницами классическаго образованія и будутъ въ состояніи, кромѣ того, сообщить другія знанія, чѣмъ теперь. Но и эти мысли императора не новы, онѣ давно высказаны нѣмецкими педагогами *).

Тѣмъ не менѣе нужно отдать ему справедливость въ томъ отношеніи, что, удерживая въ курсѣ гимназій *оба древніе языка*, онъ призналъ особенную важность въ *совмѣстномъ* изученіи ихъ; этого преимущества были лишены реальныя гимназій, и усиленное изученіе латыни не могло замѣнить благотѣльнаго взаимовоздѣйствія обоихъ языковъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ рѣшительное основаніе, не принимая враждебнаго толкованія либеральной печати, считать намѣченный императоромъ планъ реформы вполнѣ цѣлесообразнымъ. Надо, однако, замѣтить, что по отношенію къ русскимъ гимназіямъ планъ этотъ въ главныхъ чертахъ уже выполненъ изданными вновь учебными планами: число уроковъ древнихъ языковъ низведено до минимума и приведено въ равновѣсіе съ остальными уроками; къ сожалѣнію, не исполнены только два самыхъ существенныхъ требованія: не принято мѣръ къ облегченію преподавателей, не организована педагогическая подготовка ихъ и не развита система высшихъ городскихъ школъ. Доколѣ не будутъ выполнены эти условія, трудно ожидать дѣйствительнаго улучшенія преподаванія. Впрочемъ, этотъ вопросъ не касается нашей темы, мы желаемъ только замѣтить, что подражаніе наступающей реформѣ нѣмецкихъ гимназій будетъ и излишне и вредно, если одновременно съ тѣмъ не будутъ приняты энергичныя мѣры въ вышеуказанномъ направленіи.

Если мы выше высказали увѣренность въ томъ, что предстоящее преобразование средней школы не окажется вреднымъ для классической системы, то только вслѣдствіе непоколебимаго убѣжденія въ невозможности *буквальнаго* исполненія желанія императора относительно нѣмецкаго языка. Отечественный языкъ естественно играетъ самую важную роль въ обученіи, но только не въ томъ смыслѣ, какъ предполагаетъ императоръ; именно нельзя сдѣлать нѣмецкаго сочиненія единственнымъ критеріемъ зрѣлости ученика: «гимназій тогда обратятся—по словамъ профессора Шил-

*) Sammlung pädagogischer Abhandlungen IV. H. Schiller: Die einheitliche Gestaltung und Vereinfachung des Gymnasialunterrichts unter Voraussetzung der bestehenden Lehrverfassung. Halle 1890.

лера *)—въ подобіе древнихъ риторическихъ школъ, гдѣ учили говорить обо всемъ красно и гладко». Въ испытаніи зрѣлости и теперь отдается должная дань уваженія родному языку, такъ какъ требуется *безусловная удовлетворительность* сочиненія, но никто изъ педагоговъ не согласится рѣшать объ умственной зрѣлости ученика на основаніи одного только сочиненія. Вслѣдствіе этого число уроковъ, которое придется прибавить на долю нѣм. языка и исторіи, не будетъ столь значительнымъ, чтобы совершенно подорвать значеніе древнихъ языковъ, какъ основы гуманистической гимназіи **). Настойчивость требованій императора въ этомъ отношеніи объясняется въ значительной степени тѣмъ ложнымъ представленіемъ о гимназіяхъ, какимъ онъ руководился. По поводу его сужденій либеральная печать выразила свою радость, видя, что мнѣніе монарха о современной школѣ сходитса съ тѣмъ, что онъ съ давнихъ поръ распространялъ въ обществѣ. А между тѣмъ мы имѣемъ полное основаніе, утверждать, что классическія гимназіи въ Германіи гораздо лучше на самомъ дѣлѣ, чѣмъ какъ думаетъ о нихъ императоръ. Въ своей рѣчи послѣдній говоритъ, что въ его время исторія оканчивалась XVIII-мъ столѣтіемъ. Корреспондентъ газеты «Hamburger Nachrichten» обратился въ Кассель съ запросомъ по этому поводу къ бывшему учителю исторіи у императора: оказывается, что принцъ долженъ былъ оставить гимназію за два мѣсяца до окончанія семестра, поэтому естественно онъ не успѣлъ изучить подъ руководствомъ класснаго учителя исторію XIX-го столѣтія, которая въ настоящее время доводится до франко-прусской войны 1870 года ***). Такимъ образомъ обобщеніе, сдѣланное императоромъ и повторяемое печатью, очень поспѣшно и невѣрно. Что-же касается до отношенія социаль-демократіи къ классическимъ гимназіямъ, взгляды императора не раздѣляются даже либеральными органами печати. Именно социаль-демократія произошла совсѣмъ не отъ школьныхъ несовершенствъ, а отъ социальнаго и экономическаго состоянія низшихъ классовъ; обездоленное состояніе этихъ послѣднихъ и вызвало социальныя утопіи и призракъ насильственнаго переворота. Чтобы подавить социализмъ, нужно пресѣчь его въ корнѣ, т.-е. поднять благосостояніе рабочихъ массъ: социалисты всѣ бѣдны, а состоятельный бюргеръ самъ собою предохраненъ отъ социаль-демократіи. Поэтому преподаваніе исторіи ad usum delphini съ особенной тенденціей въ лучшемъ случаѣ окажется бесполезнымъ: оно не отвратитъ отъ социализма того, кого тянетъ къ тому общественное положеніе, и будетъ излишнимъ для того, кто не можетъ стать социаль-демократомъ. «Не усиленными тенденціями уроковъ исторіи, а дѣятельною помощью народу правительство можетъ только обезоружить социалистовъ», пишетъ либеральный «Berliner Tageblatt» (№№ 619 срв. № 627).

Но, кромѣ того, и та общая мысль императора Вильгельма, будто съ 1870 года проявляется застой въ классическихъ гимназіяхъ въ противо-

*) Zeitschrift für das Gymnasialwesen I. 1890.

**) См. ниже состоявшіяся рѣшенія комиссіи.

***) Berliner Tageblatt, 631 № 1890. Относительно русскихъ гимназій мы можемъ засвидѣтельствовать то-же самое примѣромъ изъ нашего школьнаго времени: мы изучали въ свое время исторію до 1881 года.

положность патриотической дѣятельности ихъ до 1870 г., не можетъ считаться вполне вѣрной.

Во-первыхъ, уже то невѣрно, будто прусскія школы и учительскія коллегіи прежде были носительницами идеи единства германской имперіи и одушевляли всѣхъ этой проповѣдью: императоръ очевидно теперешнюю роль школы переноситъ въ прошедшее, которое было нѣсколько другаго рода; извѣстно, что само прусское правительство подозрительно смотрѣло на людей, проповѣдывавшихъ единство имперіи; ихъ считали за опасныхъ мечтателей и уже, конечно, при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи объ открытой проповѣди въ школахъ идеи объединенія. Императоръ все-таки правъ въ томъ смыслѣ, что школы того времени дѣйствительно распространяли идею единства имперіи; но это совершалось, во-первыхъ, противъ воли правительства, а, во-вторыхъ, происходило совсѣмъ не изъ особеннаго изученія національной исторіи. Въ то время послѣдняя изучалась гораздо менѣе, чѣмъ теперь; спрашивается, откуда-же былъ почерпнуть тотъ энтузіазмъ, который перевернулъ всю Германію? Для насъ достаточно констатировать, что преподаваніе исторіи не играло при этомъ рѣшающей роли; обвиняя современные гимназіи въ распространеніи социализма, въ замираніи національнаго чувства, не сваливаетъ-ли императоръ «съ больной головы на здоровую»? Мы, разумѣется, не хотѣли этими разсужденіями доказать, что не нужно увеличить число уроковъ исторіи; напротивъ, мы считаемъ это вполне желательнымъ, но только находимъ, что предмиссы и заключенія, сдѣланныя въ рѣчи императора, намъ представляются несоотвѣтственными дѣйствительному положенію вещей. Равнымъ образомъ не убѣдительны тѣ утвержденія, которыя относятся къ латинскимъ сочиненіямъ. Императоръ приводитъ примѣръ, что ученикъ, получившій дурную отмѣтку за нѣмецкую работу, а хорошую за латинскую, получилъ въ общемъ выводъ удовлетворительно. Спрашивается, при чемъ тутъ латинскія сочиненія сами по себѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ злоупотребленіемъ отдѣльнаго преподавателя? Странно также, почему императоръ придаетъ такую важность этимъ сочиненіямъ; они были только средствомъ изученія древнихъ языковъ и могутъ быть легко устранены изъ практики преподаванія.

И наконецъ, совершенно непонятно, почему императоръ утверждаетъ, что тотъ ученикъ, который плохо пишетъ по-нѣмецки, а хорошо по-латыни, при составленіи латинскихъ работъ непременно плуствуетъ.

Если *такими* аргументами можно осудить и разбить въ пухъ и прахъ классическую систему, то слѣдуетъ сознаться, что и до рѣчи императора она была тысячу разъ опровергнута и осуждена.

За всѣмъ тѣмъ, резюмируя все ранѣе нами сказанное, мы не можемъ не отнестись съ сочувствіемъ къ стремленіямъ императора, въ которыхъ истина все-таки преобладаетъ надъ заблужденіями; благодаря его рѣчи, коммиссія получила новый импульсъ, подъ влияніемъ котораго она уже пришла къ нѣкоторымъ, весьма замѣчательнымъ рѣшеніямъ. Мы сообщимъ важнѣйшія изъ нихъ.

Въ засѣданіи конференціи 12-го декабря большинствомъ членовъ коммиссіи были приняты слѣдующія рѣшенія:

I. 1) Въ будущемъ слѣдуетъ принципиально удерживать только двѣ ка-

тегоріи среднихъ школъ: именно гимназій съ обоими древними языками и школы безъ латинскаго языка (реальныя и городскія училища).

2) Въ то-же время желательно, чтобы въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ будутъ упразднены реальныя гимназій, были найдены соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и разрѣшены подходящія переходныя формы.

II. Общее основаніе для гимназій и реальныхъ школъ вообще не можетъ быть рекомендовано. Впрочемъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, можно считать дозволеннымъ, чтобы а) существующее въ настоящее время тожество младшихъ классовъ классическихъ и реальныхъ гимназій было распространено включительно до унтеръ-секунды (6-го класса), а съ оберъ-секунды (7-го класса) былъ принятъ планъ реального училища или чтобы б) преподаваніе латинскаго языка въ реальныхъ гимназійхъ было передвинуто до унтеръ-терціи (4-го класса), а три младшіе класса превращены въ основаніе городского училища.

III. 1) Желательно уменьшить общее число часовъ классныхъ занятій.

2) Служащее этой цѣли ограниченіе числа уроковъ по древнимъ языкамъ возможно именно, если всюду главною цѣлью изученія ихъ будетъ поставлено чтеніе классическихъ писателей и если грамматика съ ея упражненіями будетъ служить главнымъ образомъ, какъ средство къ достиженію этого. Уменьшеніе общей суммы учебныхъ часовъ должно произвести частью на счетъ древнихъ языковъ, частью-же на счетъ другихъ учебныхъ предметовъ.

3) Латинское сочиненіе, какъ цѣль сама по себѣ, упраздняется.

4) Греческій письменный переводъ при переводѣ въ приму—отмѣняется.

5) Можно рекомендовать факультативное или обязательное преподаваніе англійскаго языка въ гимназійхъ сообразно съ мѣстными условіями.

6) Желательно, чтобы въ гимназійхъ рисованіе было сдѣлано обязательнымъ предметомъ и за предѣлами квартиры (3-го класса), на примѣръ, включительно до унтеръ-секунды (6-го класса).

7) Желательно упразднить рисованіе въ секствѣ (1-мъ классѣ).

8) На преподаваніе нѣмецкаго языка во всякомъ случаѣ слѣдуетъ обращать самое главное вниманіе; число уроковъ должно по возможности увеличить и въ особенности стремиться къ усовершенствованію нѣмецкаго стилиа во всѣхъ учебныхъ предметахъ и прежде всего при переводахъ съ иностранныхъ языковъ.

9) Болѣе основательное изученіе новѣйшей исторіи возможно при правильномъ распредѣленіи матеріала безъ увеличенія числа часовъ, назначенныхъ нынѣ для исторіи.

Затѣмъ въ засѣданіи 13-го декабря были приняты слѣдующія рѣшенія:

1) Предложенное конференціей уменьшеніе числа еженедѣльныхъ часовъ не должно влечь за собою увеличенія домашнихъ занятій.

2) Обусловленное этимъ перенесеніе главной работы въ школу требуетъ улучшенія методовъ преподаванія.

3) Для достиженія послѣдняго мы выставляемъ слѣдующія безусловно-необходимыя условія, которыя, однако, при осуществленіи на дѣлѣ могутъ быть модифицированы соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ: а) (независимо отъ желательнаго уменьшенія числа учащихся) педагогическую подготовку преподавателей; б) улучшеніе учительскаго положенія во внѣшнемъ от-

ношеніи; с) ограниченіе системы спеціалистовъ-преподавателей; увеличеніе отвѣтственности классныхъ наставниковъ за тѣлесное и духовное состояніе ихъ воспитанниковъ; d) развитіе тѣлесныхъ упражненій и игръ, въ особенности поднятіе и усиленіе гимнастики, при чемъ преподавателями ея должны быть по возможности сами учителя; e) уходъ за тѣлеснымъ здоровьемъ, исполненіе правилъ школьной гигиены, контроль школьныхъ врачей и обученіе преподавателей гигиенѣ, f) преподаваніе естествознанія, географіи и отечествовѣдѣнія нужно всѣми силами стараться перенести изъ классной комнаты подъ открытое небо.

Изъ этихъ основныхъ положеній видно, что большинство комиссіи не сочло за благо «кореннаго» переустройста системы средняго образованія: очевидно, требованіе совершеннаго разрушенія и упраздненія классической системы, какъ то настойчиво высказывалось либеральною печатью, отклонено конференціей окончательно. Справедливыя требованія родителей и самихъ дѣтей удовлетворены вполне, и можно надѣяться, что реформа *на этихъ* началахъ внесетъ желанный миръ въ семьи и общественные круги.

Правда, со стороны либеральной печати высказываются сомнѣнія, точно-ли комиссія слѣдуетъ тѣмъ принципамъ, которые столь ясно и опредѣленно были продиктованы ей императоромъ. Эти сомнѣнія подъ конецъ перешли въ утвержденія. Въ день послѣдняго засѣданія, 17-го декабря, корифей либеральной печати въ Германіи «Vossische Zeitung» съ неудовольствіемъ констатируетъ, что *beati possidentes* — филологи, составляя въ комиссіи большинство, счумѣли по возможности смягчить ударъ, нанесенный рѣчью императора классицизму; вмѣсто упраздненія его, результатомъ всѣхъ совѣщаній является лишь подновленіе стараго строя. Газета находитъ въ этомъ случаѣ вопіющее противорѣчіе между императоромъ и министерствомъ. Мы, съ своей стороны, уже высказали мнѣніе въ томъ смыслѣ, что либеральная печать слишкомъ поспѣшно отождествила желанія императора съ ея собственными. Мы утверждали, что гуманистическая гимназія не будетъ упразднена, что это не соответствуетъ ни волѣ императора, ни мнѣнію комиссіи. И въ настоящій моментъ мы можемъ словами новой рѣчи императора подтвердить вышевысказанное положеніе. Именно въ послѣднемъ засѣданіи комиссіи императоръ лично высказалъ свое полное удовлетвореніе въ виду результатовъ совѣщаній. Съ точки зрѣнія либеральной печати слѣдуетъ въ данномъ случаѣ признать противорѣчіе императора самому себѣ. На нашъ-же взглядъ гораздо проще и вѣрнѣе констатировать, что императоръ и не думалъ объ упраздненіи классицизма, какъ о томъ оповѣстили либеральные органы печати. Мы считаемъ, впрочемъ, не лишнимъ привести рѣчь императора дословно; онъ сказалъ:

«Хотя уже при созваніи конференціи я ни на минуту не сомнѣвался относительно успѣха ея совѣщаній и результата, я все-таки сегодня при концѣ вашей дѣятельности объявляю вамъ совершенное мое удовольствіе и признательность за то, что вы посредствомъ добросовѣстныхъ стараній и откровеннаго обмѣна мыслей и мнѣній достигли той цѣли, путь къ которой указанъ былъ мною, а также и за то, что вы усвоили себѣ и преслѣдовали тѣ мысли, которыя я вамъ намѣтилъ. Пусть только будетъ

позволено мнѣ, прежде чѣмъ мы покончимъ дѣло, затронуть два пункта, которые будутъ небезъинтересны для васъ.

«Какъ слышно, вамъ показалось страннымъ, что тогда, при открытіи конференціи, я ни слова не упомянулъ о религіи. Господа! Я думалъ, что то, каковы мои взгляды и идеи о религіи, т.-е. объ отношеніи отдѣльной личности къ Богу, равно какъ и то, какъ святы они для меня и высоки, на столько ясно предъ глазами всѣхъ, что всякій изъ народа это знаетъ. Само собою разумѣется, что я, какъ прусскій король, какъ *summus episcopus* моей церкви, буду считать моей святѣйшей обязанностью заботиться о томъ, чтобы въ школахъ насаждались и развивались религиозное чувство и искра христіанскаго духа. Пусть школа чтить и уважаетъ церковь, и пусть церковь съ своей стороны помогаетъ школахъ въ успѣшномъ выполненіи ея задачъ; тогда мы будемъ въ состояніи вмѣстѣ воспитывать юношество соотвѣтственно требованіямъ современной государственной жизни.

«На все, что постановлено вами, я могу выразить мое совершенное согласіе. Я желалъ-бы только замѣтить одно: если что до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясно, такъ это вопросъ объ испытаніи зрѣлости. Я ожидаю въ послѣдствіи отзыва и предложеній относительно этого со стороны господина министра.

«Господа! Мы переживаемъ моменты перехода въ новое столѣтіе; съ давнихъ поръ было привилегіей нашего дома, т.-е. съ давнихъ поръ мои предки доказывали, что, чувствуя пульсъ времени, они угадывали будущее. Поэтому они стояли всегда во главѣ движеній и съ рѣшимостью руководили ими и вели къ новымъ цѣлямъ. Мнѣ кажется, что я угадалъ, куда направляется духъ времени и въ какую сторону идетъ приближающееся къ исходу столѣтіе; и я имѣю твердое намѣреніе, какъ при починѣ въ социальныхъ реформахъ, такъ въ развитіи нашего подростящаго поколѣнія, вступить на новый путь, на который мы безусловно должны въ концѣ-концовъ вступить; ибо если-бы мы не сдѣлали этого теперь, то были-бы принуждены къ этому черезъ двадцать лѣтъ. Поэтому вы всѣ будете ощущать чувство особеннаго удовлетворенія и радости, потому что вы были первыми вызваны для того, чтобы установить основные принципы нашего новаго плана, чтобы работать со мною и открыть молодежи новую дорогу, которою мы нѣкогда поведемъ ее, и я твердо убѣжденъ, что благословеніе тысячи матерей будетъ призвано на главу каждаго изъ васъ, кто засѣдалъ здѣсь. Я не исключоаю никого—я благодарю васъ, какъ тѣхъ, кто работалъ со мною, такъ и тѣхъ, кто съ тяжелой борьбой принесли въ жертву то, къ достиженію чего они до сихъ поръ стремились. Пусть жертвы, которыя вы принесли, вселятъ въ васъ въ послѣдствіи сознаніе того, что и вы также существенно помогли при этой работѣ.

«Господа! Хотя я неохотно дѣлаю цитаты, однако, я желалъ-бы прочитать вамъ одну статью, которая на мой взглядъ столь замѣчательно хорошо написана, которая такъ превосходно передаетъ мои мысли, что я желалъ-бы сообщить вамъ главное содержаніе ея. Она напечатана въ «*Naunoverscher Courier*» 14 числа с. м., подъ заглавіемъ «Недоразумѣнія»; тамъ выставленъ рядъ слѣдующихъ положеній:

«Кто вполне усвоилъ себѣ сознаніе колоссальной разницы между тѣмъ, что было прежде и что есть теперь, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что новое государство стоитъ того, чтобы его охраняли, что участвовать въ сохраненіи и развитіи этого государства есть задача, достойная того, чтобы посвятить ей все силы. Само собою разумѣется, что учителю должна быть предоставлена совершенная свобода въ предоставленіи печальнаго прошлаго; но также само собою разумѣется, что только тотъ можетъ быть учителемъ нашей молодежи, кто по искреннему убѣженію стоитъ вѣрно на почвѣ монархіи и конституціи. Приверженецъ радикальныхъ утопій такъ-же не можетъ быть учителемъ, какъ онъ неумѣстенъ въ аппаратахъ государственныхъ учреждений. Учитель въ силу его правъ и обязанностей прежде всего чиновникъ государства, и именно существующаго государства. При живомъ отношеніи къ этой задачѣ и своему положенію учитель могъ-бы уже давно совершить, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени то, что отъ него требуется: сдѣлать молодежь способной къ сопротивленію всемъ революціоннымъ стремленіямъ. Развитие характера, самостоятельнаго мышленія и сужденія и то, что сюда относится, какъ, на примѣръ, вопросъ, въ какой степени выполняютъ эту задачу теперешніе учителя, мы оставимъ пока въ сторонѣ; объ этомъ въ другой разъ. Но никто не можетъ серьезно воображать, что ученія социаль-демократіи должны быть въ школахъ подробно разбираемы и опровергаемы посредствомъ авторитетныхъ замѣчаній или свободнаго диспута.

«Кто достигъ яснаго пониманія о сущности государства вообще и о ростѣ и развитіи нашего государства въ частности, тотъ будетъ въ состояніи замѣтить несообразность, опасность и дикость социаль-демократическихъ теорій и практики и мужественно устоять въ рядахъ тѣхъ, кто защищаетъ наше отечество противъ вражескихъ нападеній извнѣ и внутри. Высшею задачею государственнаго правительства будетъ сохранить симпатіи всехъ умѣренныхъ и разумныхъ элементовъ посредствомъ тактичной предупредительности въ области общественнаго благополучія и свободы.

«Другая жалоба, въ основѣ которой лежатъ также недоразумѣнія, гласить, будто всему нашему классическому образованію угрожаетъ гибель. Мы думаемъ, что тѣ люди не истинные друзья классическаго образованія, которые высказываютъ это; по крайней мѣрѣ, они вполне заслуживаютъ упрекъ въ томъ, что о «классическомъ» образованіи имѣютъ весьма поверхностное понятіе».

«Господа! Писавшій это понялъ меня и я благодаренъ ему, что онъ постарался распространить эти мысли въ обществѣ.

«Позвольте мнѣ еще сказать одно слово о нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ: кадетскихъ корпусахъ. Въ этой статьѣ они приводятся какъ примѣръ и были высказаны также желанія перенести ихъ строй на другія учебныя заведенія. Господа! Кадетскіе корпуса суть нѣчто совершенно своеобразное, имѣютъ свою особую цѣль, существуютъ самостоятельно и стоятъ непосредственно подъ моимъ вѣдѣніемъ; они совершенно сюда не относятся.

«Резюмируя кратко, я желалъ-бы еще передъ концомъ упомянуть о другомъ принципѣ нашего дома, который былъ провозглашенъ однимъ

великимъ членомъ его: *suum cuique*, т.-е. всякому свое, а не всѣмъ одно и то же *).

«Именно къ этой цѣли стремимся и мы въ этомъ собраніи, и этимъ мы заключаемъ наши совѣщанія. До сихъ поръ, если можно такъ выразиться, путь велъ отъ Фермопилъ черезъ Канны къ Россбаху и Вонвиллю; я веду молодежь отъ Седана и Гравелота черезъ Лейтенъ и Россбахъ назадъ къ Мантинеѣ и Фермопиламъ. Я думаю, что это вѣрная дорога, и ею должны мы идти съ нашей молодежью.

«И теперь, господа, примите мою сердечнѣйшую благодарность и совершенную признательность за все то, что вы сдѣлали до сихъ поръ. Мои мысли и мои приказанія относительно дальнѣйшаго развитія этого всѣмъ намъ сердечно дорогаго мнѣ дѣла я изложилъ въ кабинетномъ декретѣ, и я желалъ бы, чтобы господа члены комиссіи выслушали его теперь-же».

Когда все собраніе поднялось съ мѣста, тайный совѣтникъ фонъ-Луканусъ прочиталъ кабинетный декретъ отъ 17 декабря 1890 года слѣдующаго содержанія (на имя мин. нар. пр.):

«Я исполненъ радости и удовлетворенія, видя, съ какимъ увлеченіемъ и серьезностью всѣ члены созванной для обсуждения школьнаго вопроса конференціи старались о томъ, чтобы подвинуть впередъ это столь важное для всей націи и дорогое моему сердцу дѣло. Я поэтому не могу себѣ отказать въ удовольствіи высказать всѣмъ членамъ мою полную признательность и монаршую благодарность.

«Въ особенности вы заслужили мою полную благодарность прекраснымъ и плодотворнымъ веденіемъ совѣщаній, и я съ радостью заявляю, что надежды, которыя я имѣлъ при началѣ совѣщаній, благодаря результатамъ сихъ послѣднихъ, значительно приблизились къ своему осуществленію. Чтобы теперь на основаніи полученнаго цѣннаго и богатаго матеріала по возможности скоро принять опредѣленные мѣры къ осуществленію реформы, я приглашаю васъ въ самомъ непродолжительномъ времени представить мнѣ проектъ комиссіи изъ 5—7 человекъ, которой будутъ поставлены слѣдующія задачи:

«1) просмотрѣть, провѣрить и сдѣлать докладъ о матеріалѣ и

«2) осмотрѣть пользующіяся особенною извѣстностью учебныя заведенія Пруссіи, а также и другихъ союзныхъ государствъ, чтобы исполнить полученный матеріалъ также и съ практической стороны.

«Я питаю надежду, что на основаніи этихъ предварительныхъ работъ вамъ удастся выработать планъ важнѣйшихъ реформъ учебнаго дѣла съ присоединеніемъ необходимыхъ финансовыхъ мѣропріятій и представить его мнѣ съ такимъ расчетомъ, что введеніе новыхъ учебныхъ плановъ можетъ быть предпринято 1 апрѣля 1892 года.

«Я ожидаю, что вы будете ежемѣсячно сообщать мнѣ о ходѣ дѣла.

«Я долженъ затронуть еще одинъ пунктъ: я знаю, что при проведеніи новыхъ реформъ по отношенію къ учителямъ должны быть предъявлены увеличенныя требованія. Но я имѣю полное довѣріе какъ къ ихъ чувству долга, такъ и къ ихъ патріотизму и увѣренъ, что они самоотверженно

*) Эти слова были произнесены, какъ извѣстно, королемъ Фридрихомъ I въ 1701 году при коронованіи въ Кёнигсбергѣ.

посвятить себя новымъ задачамъ. Но за то я считаю необходимымъ, чтобы и вѣдшее положеніе учительскаго класса, равнымъ образомъ его содержаніе и чины были соответственнымъ образомъ упорядочены, и я желаю, чтобы вы особенно обратили вниманіе на этотъ пунктъ и доложили о немъ мнѣ».

Едва-ли въ какихъ комментаріяхъ нуждаются рѣчь и декретъ императора; какъ гармоничный аккордъ заключаютъ они совѣщанія конференціи, которыя съ успѣхомъ разрѣшили важную патріотическую задачу, и нѣтъ сомнѣнія, что вся нѣмецкая нація съ благодарностью отнесется къ этому столь дорогому рождественскому подарку для взрослыхъ и дѣтей. На этомъ мы заканчиваемъ нашу хронику.

Сергѣй Николаевъ.

Лейпцигъ, 18 (6) декабря 1890 года.

Американская «Ассоціація Агасиса».

Ужъ сколько разъ твердили о томъ, что дѣти наши нами же самими часто ставятся въ условія, въ высшей степени неблагоприятныя для ихъ умственнаго и нравственнаго развитія: вовлекаются въ театроманію, танцы, чтеніе романовъ, собираніе марокъ и т. п.; но все какъ-то не впрокъ. «Писатель пишетъ, а читатель читаетъ», какъ говаривалъ нашъ великій сатирикъ; дѣло же продолжаетъ оставаться все въ томъ-же безобразномъ положеніи, и помощи пока не видно было ни откуда. Мнѣ не разъ думалось, что всѣ наши хорошія слова роковымъ образомъ останутся словами до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся пополнить дѣтскій досугъ чѣмъ-нибудь такимъ, что было бы въ одно и то же время и здорово и увлекательно... Но что-же именно такое должно быть это «что-нибудь»?—вотъ вопросъ! Избранное чтеніе относится къ этой категоріи, конечно; но одно чтеніе и чтеніе не можетъ въ концѣ-концовъ не терять мало-по-малу хоть нѣкоторой доли своей увлекательности, да притомъ-же лѣтомъ не бесполезно и ребенку, и подростку поотдохнуть отъ чтенія и пожить жизнью не книжною; а родителямъ какъ нельзя умѣстнѣе поощрять этотъ отдыхъ. Тутъ является на подмогу разумное отношеніе къ природѣ, ознакомленіе съ нею путемъ прямымъ и непосредственнымъ, составленіе коллекцій зоологическихъ, ботаническихъ, геологическихъ. Это такъ; но здѣсь есть одинъ подводный камень, котораго лишь немногимъ выдающимся удается избѣгнуть; я разумно узость рамокъ наблюденій, съ одной стороны, и отсутствіе такихъ все новыхъ и новыхъ стимуловъ, которые не давали бы дѣтской любознательности утомиться или притупиться и постоянно заново возбуждали и возбуждали бы ее. Не разъ приходилось мнѣ задумываться надъ послѣднимъ изъ этихъ вопросовъ, и онъ мнѣ представлялся неразрѣшимымъ, а между тѣмъ одинъ за другимъ приходило на память, какъ у того, у другаго, въ былые годы, хорошо начиналось, и какъ неожиданно и печально оканчивалось: энергія или исчезала, или устремлялась совсѣмъ въ иную сторону. Помощь явилась однако-же совсѣмъ негаданно, и явилась от-

куда-же?—изъ Америки! Благодаря этой помощи, какъ я надѣюсь, явится возможность не только поддержать энергію нашихъ дѣтей, склонныхъ къ изученію природы, но еще и придать ей болѣшую жизненность, введя къ тому еще въ ихъ занятія нѣкоторые совершенно новые и весьма благотворные для ихъ развитія элементы. Слова мои не сочтутся преувеличеніемъ, если я скажу, что въ Америкѣ существуетъ весьма процвѣтающая теперь «Ассоціація Агасиса» (Agassiz Association), войдя въ сношеніе съ которой всякій, владѣющій французскимъ, английскимъ или нѣмецкимъ языкомъ настолько, чтобы хоть съ грѣхомъ пополамъ переписываться на одномъ изъ нихъ, можетъ путемъ обмѣна своихъ коллекцій на тѣ, которыя постоянно накапливаются у президента «Ассоціаціи», составить себѣ коллекцію, въ высшей степени обширную и разнообразную, такъ какъ члены «Ассоціаціи» считаются теперь десятками тысячъ и разсыяны по всѣмъ уголкамъ земнаго шара. Если только собранная коллекція сдѣлана не кое-какъ, если ею обнаруживается серьезное отношеніе къ дѣлу и извѣстное знакомство съ соотвѣтствующею наукою, то она долго не залежится у президента и можетъ быть вскорѣ обмѣнена на коллекцію соотносительнаго достоинства, присланную изъ той страны—Китаю, Бразиліи или Индіи,—которую вы себѣ намѣтили, какъ особенно васъ интересующую. Но если такой коллекціи въ данный моментъ и не случится, то объявленіе о вашей будетъ помѣщено въ органѣ «Ассоціаціи», ежемѣсячномъ журналѣ «Popular Science News», и вамъ, навѣрно, не долго придется ждать, пока явится охотникъ для обмѣна ея на свою. И не удивительно, отечество наше знаетъ еще такъ мало. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, президентъ «Ассоціаціи» писалъ намъ, что кромѣ образца одной—замѣтьте одной—горной породы съ Урала, черезъ его руки изъ Россіи не прошло ровнехонько ничего. Обмѣнъ коллекцій и переписка по этому поводу, новыя знакомства въ отдаленныхъ странахъ, которыя при этомъ неожиданно завязываются, являются именно тѣмъ желаннымъ стимуломъ, о которомъ говорено было выше; но обмѣномъ коллекцій не исчерпываются еще задачи «Ассоціаціи». Члены ея имѣютъ право обращаться къ президенту и нѣкоторымъ извѣстнымъ американскимъ ученымъ съ вопросами и просьбами объясненій,—разумными, конечно,—съ твердымъ расчетомъ получить желаемое. Для избѣжанія же вопросовъ бесполезныхъ и просьбъ неосновательныхъ имѣется составленная самимъ президентомъ, маленькая, дешевенькая книжечка, въ которой собраны всѣ указанные многолѣтнимъ опытомъ наставленія, долженствующія руководить какъ занятіями членовъ, такъ и ихъ отношеніями къ президенту и сочленамъ *). Въ этой-же книжкѣ значится и цѣна популярной литературы по естествознанію,—литературы совершенно еще у насъ неизвѣстной и весьма достойной вниманія, такъ какъ она проникнута мыслью о возбужденіи самостоятельности у юношей, питающихъ влеченіе къ естествознанію, и стремится какъ можно ближе и непосредственнѣе поставить ихъ лицомъ къ лицу съ природою. Литература эта могла-бы подѣйствовать и на нашихъ молодыхъ людей освѣжающимъ и оживляющимъ

*) Three Kingdoms, A Hand-book of the Agassiz Association. By Harlan H. Ballard, President of Association. New-York, 1888. 7 edition.

образомъ и была-бы навѣрно принята ими съ распростертыми объятіями. «Ассоціація Агасиса» является, такимъ образомъ, своего рода очагомъ просвѣщенія въ Америкѣ, и президентъ ея могъ со справедливою гордостью заявить въ послѣднемъ номерѣ «Popular Science News», установленной на тотъ конецъ, чтобы воспитывать въ ея членахъ способность къ научной наблюдательности, ясному и независимому мышленію, что «Ассоціація» имѣетъ въ виду изученіе естественныхъ явленій при посредствѣ научнаго метода и старается всегда отдать предпочтеніе непосредственному сопоставленію учащагося съ самою природою предъ книгами, которыя предлагаются только, какъ руководства для самостоятельной работы. Всякое ихъ занятіе предоставлено ихъ свободному выбору, и всякая работа ихъ вполнѣ добровольна. «Ассоціація» слѣдовала этому плану при самомъ своемъ зарожденіи, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда она не была еще такъ популярна, какъ теперь; и результатомъ такого плана явилось признаніе ея въ Америкѣ, какъ важнаго фактора воспитанія. Благодарственное ея значеніе обозначается особенно въ послѣднее время, когда многіе, состоявшіе въ юности ея членами, достигли зрѣлаго возраста. Члены ея, становясь учителями, профессорами, химиками, инженерами, врачами, электротехниками, вносятъ въ свои занятія многое, приобрѣтенное ими, благодаря занятіямъ въ молодые годы. Всякую недѣлю приходятъ письма отъ молодыхъ людей, которые, получивъ первый толчекъ къ занятіямъ въ «Ассоціаціи», начинаютъ теперь педагогическую дѣятельность или службу въ лабораторіи или иномъ какомъ-нибудь учрежденіи, гдѣ требуется основательное знаніе естественныхъ наукъ. На этихъ дняхъ молодой человѣкъ изъ г. Буффало обратился къ президенту съ изъявленіемъ благодарности за ту пользу, которую доставили ему его занятія въ «Ассоціаціи», и заявляетъ при этомъ о поощреніи къ поступленію въ нее, которому способствовалъ его добрый примѣръ. Мнѣ остается сказать, что президентъ—милѣйшій и любезнѣйшій мистеръ Баллардъ, умѣющій обращаться къ дѣтямъ съ отнѣнною сердечностью и теплотою, по первому востребованію высылаетъ программу и условія поступленія въ члены «Ассоціаціи». Адресовать ему слѣдуетъ: «Pittsfield, Mass (т.-е. Массачузетсъ) United States of America», Mr. Harlan H. Ballard, President of the Agassiz Association.

Лѣтомъ настоящаго года онъ прислалъ намъ цвѣтокъ массачузетскихъ полей и просилъ описать нашъ деревенскій бытъ, образъ жизни нашихъ дѣтей и всю ихъ обычную обстановку... Сколько гуманизирующаго въ этой перепискѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который изъ своего отдаленнаго края шлетъ привѣтъ намъ и просьбу ознакомить насъ съ нимъ поближе. Гдѣ началось взаимное стремленіе къ ознакомленію другъ съ другомъ, тамъ ужъ положено начало и взаимной любви. Вы помните, конечно, какъ въ старые годы бились наши сердца, когда Бокль доказывалъ намъ, что народы гораздо-бы болѣе были связаны узами взаимнаго благорасположенія, ееди-бы болѣе другъ друга знали. Теперь, видя впечатлѣніе, производимое письмами м-ра Балларда на нашихъ дѣтей, мы отчасти переживаемъ то, что прежде увлекало насъ въ идеѣ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что расходы, сопряженные съ поступленіемъ въ члены «Ассоціаціи», ничтожны. Можно, собственно говоря, считать

только расходы почтовые. Отдѣльные члены платятъ полдоллара, члены-кружки ничего не платятъ. Журналъ, подписка на который не обязательна, обходится въ 1 долларъ и т. п. Я смѣю надѣяться, что читатели раздѣлятъ со мною желаніе успѣха у насъ почтенной и симпатичной «Ассоціаціи Агасиса» и попытаются завязать съ нею сношенія.

Вл. Лесевичъ.

Хроника народнаго образованія.

Въ хроникѣ, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Русской Школы», мы, указывая на отсталость нашихъ городовъ въ дѣлѣ народнаго образованія сравнительно съ уѣздами земскихъ губерній, приводили, между прочимъ, въ примѣръ такой большой и притомъ университетскій городъ, какъ Казань, и его уѣздъ, причемъ оказывалось, что Казань имѣетъ относительно въ два съ половиною раза менѣе школъ и въ два раза менѣе учащихся, нежели Казанскій уѣздъ. Въ дѣйствительности, какъ оказывается изъ любезно доставленныхъ намъ профессоромъ Осокинымъ свѣдѣній, указанный контрастъ гораздо рѣзче. Дѣло въ томъ, что, вычисляя, на сколько душъ населенія приходится въ Казанскомъ уѣздѣ одна школа и одинъ учащійся, мы принимали населеніе уѣзда въ 220.000 человекъ, между тѣмъ, въ эту цифру входитъ 129.000 мусульманскаго населенія, которое имѣетъ свои мусульманскія школы—156 медресе съ 6.500 учащимися (у мусульманскаго населенія Казанскаго уѣзда одна школа приходится на 827 душъ). Если затѣмъ вычислить отношеніе числа земскихъ школъ къ православному населенію, для котораго онѣ существуютъ, то окажется, что въ Казанскомъ уѣздѣ одна школа приходится на 1.200 жителей, т. е. относительно въ пять разъ болѣе, нежели въ г. Казани. Принимая во вниманіе указываемую профессоромъ Осокинымъ поправку, находимъ, что Казанскій уѣздъ опередилъ въ дѣлѣ народнаго образованія даже тѣ мѣстности Россіи, которыя обыкновенно считаются наиболѣе счастливыми въ данномъ отношеніи, какъ, на примѣръ, Московскую губернію, и вмѣстѣ съ Бердянскимъ уѣздомъ, Таврической губерніи, занимаетъ первое мѣсто въ Россіи.

Указываемый нами контрастъ между дѣятельностью городскихъ управленій и земствъ въ области народнаго образованія, повидимому, весьма мало извѣстенъ нашему интеллигентному обществу и оно и не подозреваетъ, что въ данномъ отношеніи уѣзды далеко опередили города. Это, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ наша образованная публика и вообще имѣетъ крайне смутныя понятія о состояніи народнаго образованія въ Россіи. Недавно намъ пришлось встрѣтить въ печати весьма рѣзкое проявленіе такого невѣдѣнія относительно современнаго состоянія народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Мы имѣемъ въ виду статью г. Пыпина «Народная грамотность», помѣщенную въ январьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Статья эта посвящена спеціально вопросу о народномъ образованіи и принадлежитъ перу весьма почтеннаго публициста и ученаго; а между тѣмъ она полна курьезовъ, свидѣтельствующихъ о крайне

скудномъ знакомствѣ автора съ предметомъ, о которомъ онъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ самымъ положительнымъ тономъ. Изъ промаховъ автора мы укажемъ здѣсь на одинъ, какъ имѣющій прямое отношеніе къ занимающему насъ въ данный моментъ предмету. Именно, приведя данныя о ростѣ числа городскихъ школъ въ Петербургѣ и числа учащихся въ нихъ, г. Пыпинъ говоритъ, что въ данномъ отношеніи и Петербургъ настолько опередилъ другіе города, не говоря уже объ уѣздахъ, что этотъ ростъ народно-образовательнаго дѣла въ Петербургѣ нужно разсматривать, какъ нѣчто исключительное и обусловленное случайнымъ счастливымъ подборомъ состава петербургскаго городского управления. Такое мнѣніе относительно дѣятельности петербургскаго городского управления на пользу народнаго образованія весьма распространено и много разъ выражалось въ печати. Между тѣмъ въ дѣйствительности петербургское городское управленіе принадлежитъ въ данномъ отношеніи къ числу наиболѣе отсталыхъ въ Россіи и Петербургъ въ дѣлѣ постановки общественнаго начальнаго образованія значительно уступаетъ многимъ захолустнымъ городамъ, въ родѣ Ставрополя-Кавказскаго, Томска, Иркутска и др. Что же касается сравненія въ данномъ отношеніи Петербурга съ уѣздами, то, какъ мы показали въ нашей книгѣ «Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ?» — болѣе чѣмъ въ половинѣ земскихъ уѣздовъ земскихъ школъ относительно больше, чѣмъ въ Петербургѣ городскихъ, и въ $\frac{9}{10}$ земскихъ уѣздахъ учащихся въ земскихъ школахъ относительно больше, чѣмъ въ петербургскихъ городскихъ. Есть уѣзды, въ которыхъ учится дѣтей въ земскихъ школахъ въ 4 раза относительно болѣе, нежели въ Петербургѣ въ городскихъ. Это не мѣшаетъ нашимъ публицистамъ говорить о дѣятельности петербургскаго управленія въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ о явленіи «исключительномъ», и объяснять его случайнымъ «счастливымъ» составомъ этого управленія.

Вообще наши большіе города, какъ это ни странно, представляютъ наибольшую бѣдность относительно общественныхъ средствъ начальнаго образованія, уступая въ этомъ отношеніи не только земскимъ уѣздамъ, но и городамъ болѣе мелкимъ и болѣе бѣднымъ. Въ этомъ отношеніи можно даже считать за общее правило, что чѣмъ городъ меньше, тѣмъ относительно больше дѣлается въ немъ для начальнаго образованія. Возьмемъ для примѣра три города—одинъ большой и притомъ университетскій, другой—средній по величинѣ и, наконецъ, третій—маленькій—Харьковъ, Самару и Бердянскъ. Въ первомъ насчитывается 180.000 жителей, во второмъ—80.000 и въ третьемъ всего 21.000. Посмотримъ-же теперь, какъ проявляется въ этихъ городахъ заботливость городского управленія относительно начальнаго образованія. Въ Харьковѣ въ началѣ 1890 года было всего 6 городскихъ школъ, въ которыхъ обучалось 750 дѣтей; расходъ города на начальное образованіе составлялъ 18.000 рублей. Въ то-же время въ Самарѣ было 17 городскихъ школъ съ 1.682 учащимися, а городской расходъ на нихъ былъ равенъ 24.000 руб. Наконецъ, въ Бердянскѣ пять городскихъ школъ, 744 учащихся въ нихъ и 10.373 р. городского расхода на начальныя школы. Нижеслѣдующая табличка наглядно представляетъ сравнительное положеніе общественнаго начальнаго образованія въ трехъ названныхъ городахъ.

	Число жителей, на которое приходится:		На одного жителя приходится город- скаго расхода на начальное образо- ваніе.
	Одна школа. Одинъ учащійся.		
Харьковъ	30.000	240	10 к.
Самара	5.333	50	30 »
Бердянскъ	4.200	40	50 »

Полагаемъ, что данныя эти достаточно наглядны.

Отсталость городскихъ управленій, въ особенности крупныхъ городовъ, станетъ еще болѣе наглядною, когда мы взглянемъ на данныя, характеризующія дѣятельность земствъ въ области народнаго образованія. Приведемъ здѣсь новѣйшія данныя относительно нѣсколькихъ мѣстностей, раскинутыхъ въ самыхъ различныхъ частяхъ Россіи.

	Число школъ, содержимыхъ на земскія средства.	Число уча- щихся въ нихъ.	Число жителей, на которое при- ходится одна школа и одинъ учащійся.
Казанскій уѣздъ	82	3.319	1.200 и 30
Елабужскій уѣздъ	63	3.575	2.700 » 49
Вятскій уѣздъ	52	4.209	3.100 » 38
Орловскій уѣздъ	87	6.064	2.400 » 35
Серпуховскій уѣздъ	50	3.250	2.000 » 32
Екатеринославскій уѣздъ	46	2.700	2.200 » 37

Какъ видимъ, уѣзды поставлены въ дѣлѣ народнаго образованія гораздо счастливѣе городовъ. Правда, недостатокъ общественныхъ школъ въ городахъ до извѣстной степени корректируется присутствіемъ частныхъ школъ. Такъ, въ Харьковѣ, въ которомъ общественное начальное образованіе находится въ такомъ жалкомъ положеніи, насчитывается 55 начальныхъ школъ, въ которыхъ учатся до 1.000 дѣтей. Но, во-первыхъ, частныхъ школъ, крестьянскихъ школъ грамотности, въ настоящее время не мало и въ уѣздахъ, едва-ли даже не болѣе, чѣмъ въ городахъ, а вторыхъ, частныя школы, существующія въ городахъ, уже потому не могутъ замѣнить общественныя, что онѣ платныя и притомъ плата въ нихъ въ большинствѣ случаевъ высокая, что дѣлаетъ ихъ совершенно недоступными большинству населенія. Школъ-же, созданныхъ частною инициативою въ общественныхъ интересахъ и потому бесплатныхъ, у насъ еще слишкомъ мало. Такъ, въ томъ-же Харьковѣ къ школамъ послѣдняго рода принадлежатъ только двѣ школы мѣстнаго общества распространенія грамотности и двѣ воскресныхъ школы.

Отсталость городскихъ управленій въ дѣлѣ заботъ о народномъ образованіи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что завѣдываніе общественными городскими дѣлами находится въ рукахъ плутократіи, которой, конечно, мало дѣла до образовательныхъ учреждений, предназначенныхъ, главнымъ образомъ, для дѣтей бѣднѣйшей части городского населенія. Такъ какъ рассчитывать на измѣненіе такого положенія вещей нѣтъ никакихъ основаній, то остается желать, чтобы недостатокъ въ начальныхъ школахъ въ городахъ былъ пополненъ частною инициативою. Въ этомъ отношеніи у насъ дѣлается мало, какъ читатель могъ видѣть изъ нашихъ

статей «Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія», по начавшееся расширеніе частной инициативы въ данной области даетъ надежду, что здѣсь будетъ сдѣлано нашею интеллигенціею то, что составляетъ ея прямой долгъ по отношенію къ одному изъ народно-образовательныхъ средствъ. Частная инициатива въ послѣднее время выразилась въ размѣрахъ, достойныхъ серьезнаго вниманія. Мы разумѣемъ воскресныя школы, число которыхъ, созданныхъ по частной инициативѣ, увеличилось въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ нѣсколько разъ. Движеніе по устройству воскресныхъ школъ все усиливается и проявляется все въ новыхъ мѣстностяхъ. Такъ уже послѣ того, какъ нами была написана статья о воскресныхъ школахъ, помѣщенная въ февральской книжкѣ «Русской Школы», нами были получены свѣдѣнія объ открытіи воскресныхъ школъ въ цѣломъ рядѣ городовъ—Казани, Самарѣ, Нижнемѣ, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ, Севастополѣ, Сарапулѣ и Острогожскѣ. И вездѣ, гдѣ только ни открываются воскресныя школы, немедленно обнаруживается, какъ велика потребность въ такого рода образовательныхъ учрежденіяхъ и какъ вездѣ много интеллигентныхъ силъ, готовыхъ принести свой трудъ въ безкорыстную жертву доброму дѣлу. Такъ, въ Сарапулѣ уже при открытіи школы явилось 83 человекъ, желающихъ учиться, а въ послѣдующія воскресенья число это значительно возросло. Въ Елисаветградѣ число учащихся уже чрезъ нѣсколько воскресеній по открытіи достигло 180, и здѣсь подумываютъ уже объ открытіи второй школы; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ недостатка и въ преподающихъ въ школѣ, такъ какъ число ихъ уже теперь равно 20, и кромѣ того есть охотники принять участіе въ дѣлѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ только было получено разрѣшеніе на открытіе школы, 38 лицъ заявили желаніе безвозмездно работать въ ней, а желающихъ учиться въ первое-же воскресеніе явилось болѣе ста человекъ и т. д., и т. п.

Сверхъ того, изъ многихъ мѣстностей идутъ извѣстія о предположеніяхъ объ открытіи воскресныхъ школъ. Между прочимъ, въ районѣ одного Петербургскаго учебнаго округа предполагается открыть до десяти воскресныхъ школъ. А подобныя предположенія имѣются во всѣхъ округахъ. Къ сожалѣнію, это доброе дѣло, которое, конечно, должно заслуживать только одобренія и поощренія, нерѣдко встрѣчаетъ препятствія и притомъ совершенно неожиданныя. Для примѣра можно привести слѣдующій, имѣвшій мѣсто недавно, фактъ. На ходатайство о дозволеніи открыть воскресную школу въ одномъ городѣ полученъ такой странный отвѣтъ: «Въ виду существующихъ законоположеній (?!) ваше ходатайство не можетъ быть удовлетворено». Очевидно, лицо, могшее дать подобный отвѣтъ, совершенно незнакомо съ «Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ», Высочайше утвержденнымъ 25 мая 1874 года, которымъ опредѣляется существованіе воскресныхъ школъ; а между тѣмъ, благодаря этому невѣдѣнію лица, которому всего болѣе слѣдовало-бы быть знакомымъ съ существующими законоположеніями относительно народнаго образованія, населеніе города лишилось образовательнаго учрежденія, да и дальнѣйшія попытки въ томъ-же направленіи въ районѣ, подвѣдомственномъ помянутому лицу, дѣлаются безцѣльными.

Въ числѣ воскресныхъ школъ, предположенныхъ къ открытію, обра-

щаетъ на себя вниманіе женская воскресная школа технического и ремесленного образованія, объ открытіи которой возбуждено ходатайство Томскимъ обществомъ попеченія о начальномъ образованіи. Общество это уже имѣетъ въ Томскѣ, въ рядѣ другихъ образовательныхъ учреждений, двѣ женскихъ руководѣльныхъ школы, въ которыхъ учится до 160 чело-вѣкъ. Предполагаемая школа и расчитана прежде всего на этихъ ученицъ руководѣльныхъ школъ, а затѣмъ будетъ принимать и другихъ лицъ женскаго пола, желающихъ получить техническое и ремесленное образованіе. Томское общество попеченія о начальномъ образованіи, занимающее первое мѣсто между нашими обществами подобнаго рода по своей энергіи и обширности дѣятельности, какъ это выяснено нами въ октябрьской книжкѣ «Русской Школы», въ послѣднее время еще болѣе расширяетъ свою дѣятельность. Кромѣ шести начальныхъ школъ, двухъ воскресныхъ, двухъ руководѣльныхъ, народныхъ чтеній и народной библиотеки, Томское общество въ настоящее время открываетъ еще музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для этого музея собираются обществомъ давно, но разрѣшеніе на открытіе музея получено только недавно. Музей будетъ открытъ для публики не менѣе двухъ разъ въ недѣлю и притомъ бесплатно. Задача музея состоитъ въ томъ, чтобы служить наглядною школою родиновѣднія. До извѣстной степени эта задача уже выполнялась и ранѣе, благодаря собранымъ коллекціямъ, которыя теперь войдутъ въ составъ музея. Дѣло въ томъ, что съ разрѣшенія попечителя Западно-сибирскаго учебнаго округа, въ помѣщеніи бесплатной библиотеки общества попеченія о начальномъ образованіи, гдѣ помѣщаются коллекціи музея и гдѣ происходятъ устраиваемыя обществомъ народныя чтенія, каждое воскресенье, часа за полтора до начала чтеній, происходятъ объясненія развѣшенныхъ по стѣнамъ картинъ и собранныхъ коллекцій предметовъ по исторіи, географіи и естествознанію. Такія объясненія привлекаютъ по 300 чело-вѣкъ слушателей каждое воскресенье, главнымъ образомъ изъ простонародья, для котораго и предназначаются всѣ учрежденія Томскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, когда съ полученіемъ музеемъ самостоятельнаго существованія, его коллекціи значительно пополнятся и объясненія ихъ будутъ происходить болѣе продолжительное время, нежели то было доселѣ, значеніе этой «наглядной школы родиновѣднія» еще болѣе возрастетъ.

Заноса съ особымъ удовольствіемъ въ нашу хронику всѣ подобныя проявленія частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія, отмѣтимъ здѣсь также предстоящее увеличеніе числа нашихъ обществъ попеченія о начальномъ образованія еще однимъ. Новое общество имѣетъ открыться въ Саратовѣ. Въ число учредителей его записалось значительное число лицъ изъ мѣстной интеллигенціи и выработанъ уже проектъ устава будущаго общества, который и представленъ въ надлежащее мѣсто для утвержденія. Остается только пожелать, чтобы утвержденіе не замедлило и предполагаемое общество скорѣе начало свою полезную дѣятельность.

Такого-же успѣха приходится пожелать ходатайству послѣдняго тверскаго губернскаго земскаго собранія о разрѣшеніи устраивать народныя чтенія не только въ губернскихъ городахъ, какъ это теперь разрѣшается закономъ, но также и въ уѣздныхъ. Прецедентомъ для уснѣшности этого

ходатайства можетъ служить состоявшееся разрѣшеніе устраивать народныя чтенія въ наиболѣе крупныхъ уѣздныхъ городахъ Харьковскаго учебнаго округа, состоявшееся также по ходатайству мѣстныхъ земствъ. Тверское земство ходатайствуетъ о разрѣшеніи устраивать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ лишь Тверской губерніи, такъ какъ земство только и можетъ ходатайствовать относительно мѣстности, которую оно представляетъ; но было-бы желательно, чтобы вмѣсто сепаратныхъ мѣръ, распространяющихся на отдѣльныя мѣстности, вообще было отмѣнено ограниченіе, допускающее устройство народныхъ чтеній только въ губернскихъ городахъ, такъ какъ потребность въ чтеніяхъ и польза, приносимая ими, вездѣ одинакова.

А какъ велика потребность въ народныхъ чтеніяхъ и съ какою охотою посѣщаются эти чтенія массою простонародья, наглядно показываетъ каждый новый отчетъ существующихъ комиссій народныхъ чтеній. Вотъ предъ нами отчетъ Астраханской комиссіи народныхъ чтеній за 1889—1890 годъ. Изъ него мы видимъ, что въ отчетномъ году въ двухъ аудиторіяхъ комиссіи было произнесено 60 чтеній, на которыхъ перебивало 17.844 посѣтителя, такъ что въ среднемъ на каждомъ чтеніи было около 300 слушателей. Особенно переполнены были аудиторіи зимою, когда рыболовныя работы не отвлекаютъ массу рабочаго люда изъ города. Меньшая аудиторія была расчитана не болѣе, какъ на 150 слушателей, а между тѣмъ въ нее набивалось нерѣдко вдвое болѣе, а однажды даже 362 слушателя. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ давка, жара и духота были невыносимыя, и тѣмъ не менѣе собравшаяся толпа стойчески переносила все, выслушивая чтеніе до конца съ самымъ живѣйшимъ любопытствомъ. Изъ того-же отчета Астраханской комиссіи народныхъ чтеній заимствуемъ еще одно любопытное свѣдѣніе. Оказывается, что почти половина дохода комиссіи за отчетный годъ составила субсидія отъ городского управленія. Это одно изъ проявленій начинающагося распространяться среди городскихъ дѣятелей сознанія важности народныхъ чтеній и обязанности для городскихъ управленій оказывать содѣйствіе этому дѣлу. Здѣсь мы можемъ привести еще болѣе крупный фактъ того-же рода. Въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ «Русской Школѣ», мы уже упоминали о томъ, что одесскою думою ассигновано 100.000 рублей для постройки аудиторіи народныхъ чтеній. Теперь по слѣдамъ одесской думы пошла московская дума, которая не только ассигновала средства для постройки аудиторіи, но и приступила къ осуществленію даннаго дѣла. Именно дума поручила мѣстной комиссіи народныхъ чтеній выработать планъ зданія, которое вполнѣ отвѣчало-бы потребностямъ аудиторіи народныхъ чтеній; эта подготовительная работа приводится къ концу, и затѣмъ въ предстоящее лѣто зданіе должно быть выстроено.

Вообще число образовательныхъ учрежденій, предназначенныхъ для взрослыхъ, въ послѣднее время замѣтно увеличивается. Къ числу новыхъ учрежденій этого рода должны быть отнесены бесплатныя народныя читальни, устраиваемыя городскими управленіями Кіева и Одессы. Въ Одессѣ имѣется уже особое зданіе для читальни, назначены лица для завѣдыванія читальней и наблюденія за нею, согласно новому закону о бесплатныхъ бібліотекахъ и читальняхъ, и особою комиссіею изъ представите-

лей города и администраціи выработанъ каталогъ книгъ, которыя должны быть выписаны для читальни. Затѣмъ здѣсь-же должны быть упомянуты устраиваемыя съ помощью ирбитскаго земства народныя читальни въ селахъ. До послѣдняго времени въ Ирбитскомъ уѣздѣ существовала только одна читальня въ ирбитскомъ заводѣ, содержащаяся на средства служащихъ и рабочихъ этого завода. Вторая читальня открыта 16-го декабря прошлаго года въ с. Волковскомъ. Читальня открыта по инициативѣ мѣстнаго священника о. Цвѣтухина. Читальня уже въ настоящее время состоитъ изъ 149 названій книгъ въ значительно большемъ числѣ экземпляровъ, на сумму 407 рублей. Книги принадлежать къ числу религиозно-нравственныхъ и научно-практическихъ. Минувшее ирбитское земское собраніе постановило оказывать обѣимъ вышеупомянутымъ читальнямъ ежегодное пособіе въ размѣрѣ 20 рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено оказывать такое-же пособіе всѣмъ народнымъ библіотекамъ и читальнямъ, которыя откроются въ предѣлахъ Ирбитскаго уѣзда, съ тѣмъ только, чтобы мѣстныя сельскія общества, въ свою очередь, ассигновали на библіотеки или одновременно не менѣе 50 рублей, или ежегодно не менѣе 10 рублей. Въ виду этого постановленія земскаго собранія въ настоящее время уже получены разрѣшенія на устройство народныхъ библіотекъ въ трехъ селахъ Ирбитскаго уѣзда. Какъ велика потребность въ подобнаго рода учрежденіяхъ въ селахъ, наглядно показываетъ тотъ фактъ, что вышеупомянутая читальня въ с. Волковскомъ со дня своего открытія 16-го декабря по 9-е января, т.-е. всего за 23 дня, была посѣщена 177 человѣками. Еще болѣе убѣдительно въ этомъ отношеніи данныя, представляемыя дѣятельностью народныхъ библіотекъ, устроенныхъ мѣстнымъ земствомъ въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Объ этихъ библіотекахъ намъ уже приходилось говорить на страницахъ нашей хроники; но здѣсь мы представимъ новыя данныя, которыя были доложены послѣднему орловскому земскому собранію. Библіотекъ этихъ въ Орловскомъ уѣздѣ всего двѣ и открыты онѣ при школахъ Великорѣцкой и Верхошижемской, по имени которыхъ носятъ названія и библіотеки. Великорѣцкая библіотека въ первый годъ своего существованія имѣла 142 подписчика, а во второй—уже 187; Верхошижемская въ первый годъ—330 подписчиковъ и во второй—390. Послѣднее число подписчиковъ имѣютъ лишь немногія библіотеки въ уѣздныхъ городахъ, да не всѣ и въ губернскихъ городахъ. По сословіямъ подписчики обѣихъ библіотекъ почти исключительно крестьяне, а мѣста ихъ жительства находятся на разстояніи отъ 1 до 20 верстъ отъ библіотекъ. Книгъ въ Великорѣцкой библіотекѣ было 633 названія въ 727 томахъ, въ Верхошижемской 451 названіе въ 546 томахъ. Всѣхъ требованій на книги въ послѣднемъ отчетномъ году было 2.753, такъ что въ среднемъ на cadaго подписчика пришлось около 15 взятыхъ книгъ. Утраты подписчиками книгъ совсѣмъ не было. Орловское земство предположило открыть еще четыре подобныя библіотеки; нужныя для этого средства уже ассигнованы и составленъ каталогъ книгъ для библіотекъ, но библіотеки не открыты въ виду заявленія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ о томъ, что въ скоромъ времени Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія будетъ изданъ новый каталогъ книгъ, предназначенныхъ для обращенія въ народныхъ школахъ и библіотекахъ,

въ виду чего онъ и предложилъ земской управѣ повременить выпискою книгъ для новыхъ библиотекъ. По той-же причинѣ остались не открытыми четыре народныя библиотеки въ сосѣднемъ Вятскомъ уѣздѣ, земство котораго также ассигновало средства для означенной цѣли.

Попытки завести народныя библиотеки дѣлались у насъ кое-гдѣ и ранѣе, но, къ сожалѣнію, онѣ дѣлались крайне неудовлетворительно и обыкновенно оставались безъ вниманія въ самомъ-же началѣ дѣла, отчего оно, конечно, неизбѣжно погибало. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи примѣръ. Въ 1884 году, въ Донской области стараніями тогдашняго директора народныхъ училищъ г. Робуша при нѣкоторомъ числѣ мѣстныхъ народныхъ училищъ учреждены были народныя библиотеки. Въ предписаніи, разосланномъ по училищамъ по этому поводу, г. Робушъ писалъ: «всѣмъ образованнымъ міромъ признается, что народная школа безъ народной библиотеки далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. По окончаніи курса ученикъ или ученица, не имѣя подъ руками подходящихъ книгъ, не только не можетъ продолжать своего развитія, приобрести новыя знанія, но мало-по-малу забываетъ и прежде усвоенное; для взрослыхъ-же подобныя библиотеки имѣютъ громадное культурное значеніе: чтеніе полезныхъ книгъ обогащаетъ грамотное населеніе полезными въ общежитіи свѣдѣніями, даетъ ему правильный взглядъ на всѣ стороны экономическаго и духовнаго быта, очищаетъ его міровоззрѣніе отъ тѣхъ предрассудковъ, въ которыхъ оно коснѣеть, и даетъ ему возможность свободное отъ работъ время проводить разумно, среди семьи за совмѣстнымъ чтеніемъ». Такое важное значеніе придавалось дѣлу въ началѣ его; а вотъ какіе плачевные результаты получались отъ него въ дѣйствительности. Деньги на устройство библиотекъ были отпущены изъ средствъ Донскаго казачьяго войска, но всего въ размѣрѣ 30 рублей на библиотечку, чѣмъ дѣло и ограничилось. На отпущенныя деньги были приобретены книги, по 150 экземпляровъ на библиотечку, и разосланы по принадлежности. Явились читатели и читатели усердные. Присланныхъ книгъ хватило не надолго. Ихъ читали и перечитывали по нѣсколько разъ, пока онѣ не стали всѣмъ извѣстны, какъ свои пять пальцевъ. О пополненіи библиотекъ никто не заботился, да и старыя книги отъ частаго употребленія совершенно обветшали, такъ что сдѣлались совершенно негодны къ употребленію; такимъ образомъ, дѣло совершенно погибло.

Любопытно, что та-же «Донская Рѣчь», откуда мы заимствовали только-что приведенный фактъ, сообщаетъ, что въ главномъ городѣ Донской области, Новочеркасскѣ, существуетъ «Общество распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ», имѣющее большія денежныя средства и ровно ничего не дѣлающее. Сопоставленіе этого факта съ только-что приведеннымъ не требуетъ никакихъ комментариевъ.

Много дѣла у насъ, на Руси, для тѣхъ, кто считаетъ себя въ правѣ называться интеллигентнымъ человѣкомъ, и увы! какъ мало изъ этого многого дѣлается!

Я. Абрамовъ.

Статистика грамотности въ Россіи.

Въ извѣстномъ органѣ Московскаго юридическаго общества *) помѣщена очень интересная статья г. Н. Бычкова «Грамотность сельскаго населенія», представляющая разработку данныхъ земской статистики. Данные взяты за періодъ времени отъ 1880 по 1887 г. и относятся къ слѣдующимъ 18 губерніямъ земской Россіи: Бессарабской (1 уѣздъ), Воронежской (4 уѣзда), Вятской (5), Екатеринославской (4), Курской (15), Московской (13), Новгородской (2), Орловской (2), Петербургской (5), Полтавской (8), Рязанской (10), Смоленской (4), Самарской (5), Саратовской (10), Тамбовской (12), Таврической (7), Тверской (1) и Черниговской (2). Цыфры и выводы, полученные авторомъ статьи, настолько интересны и важны, что мы позволимъ себѣ сообщить главные изъ нихъ читателямъ «Русской Школы».

Процентное отношеніе грамотныхъ и учащихся къ населенію взятой группы (110) уѣздовъ выражается въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ такими цыфрами:

1.	{	Грамотныхъ мужчинъ ... 16,2 ⁰ / ₁₀₀ всѣхъ мужчинъ	
		» » ... 2,6 ⁰ / ₁₀₀ » женщинъ.	
		» обоего пола .. 9,4 ⁰ / ₁₀₀ всего населенія.	
2.	{	Грамотныхъ мужчинъ 21,1 ⁰ / ₁₀₀ всѣхъ мужчинъ <i>свыше 8 лѣтъ.</i>	
		» женщинъ 3,3 ⁰ / ₁₀₀ » женщинъ » 8 »	
		» обоего пола.. 12,1 ⁰ / ₁₀₀ всего населенія » 8 »	

Эти цыфры показываютъ, между прочимъ, что *грамотность мужчинъ въ шесть разъ превосходитъ грамотность женщинъ.*

Авторъ сопоставляетъ полученный имъ для сельской Россіи ⁰/₁₀₀ грамотныхъ съ данными шести западно-европейскихъ государствъ въ слѣдующей табличкѣ:

						⁰ / ₁₀₀ грамотн. обоего пола.
Пруссія	по переписи	1871 г.	для лицъ	старше 10 лѣтъ	87,9
Франція	»	»	»	»	6 »	69,2
Бельгія	»	1880	»	»	7 »	68,3
Венгрія	»	1866	»	»	6 »	41,9
Италія	»	1861	»	»	10 »	35
Испанія	»	1860	»	»	10 »	32,8
110 уѣздовъ Европейской Россіи	по переписи	80-хъ годовъ	для	лицъ старше 8 лѣтъ	12,1

Грамотность-же Петербургскаго населенія (59,2⁰/₁₀₀) въ шесть разъ, а грамотность Московскаго (46,8⁰/₁₀₀) въ пять разъ выше грамотности русской деревни въ *земскихъ* губерніяхъ.

Крайнія ⁰/₁₀₀ отношенія грамотныхъ и учащихся ко всему населенію (соотвѣтствующаго пола) слѣдующія: наивысшія—въ Петербургскомъ и

*) «Юридическій Вѣстникъ». Июль-августъ, 1890 г., стр. 309—332.

Камышинскомъ уѣздахъ—51,6% мужчинъ (Петербургскій уѣздъ) и 31,3% женщинъ (Камышинскій уѣздъ); наименьшія—въ Бугульминскомъ уѣздѣ—3,9% мужчинъ и въ Хорольскомъ—0,1 женщинъ.

Почти въ $\frac{2}{3}$ взятыхъ для изслѣдованія 110 уѣздовъ грамотныхъ обоего пола оказывается менѣе 10%, въ $\frac{1}{4}$ —отъ 10% до 20% и только въ $\frac{1}{10}$ —выше 20%.

Далѣе г. Бычковъ изслѣдуетъ зависимость грамотности: 1) отъ рода занятій; 2) отъ племеннаго и отчасти вѣроисповѣднаго состава населенія данной мѣстности; 3) отъ экономическихъ условий, какъ-то: величины надѣльной земли и посѣва, количества головъ рабочаго скота, рабочей силы крестьянской семьи и 4) отъ большей или меньшей близости школы.

1. «Грамотность болѣе развита среди промысловаго населенія, чѣмъ среди населенія чисто земледѣльческаго».

2. Вліяніе племеннаго состава на грамотность видно изъ слѣдующей таблички:

% грамотныхъ и учащихся ко всему населенію.

	Цыпцы.	Евреи.	Малороссы.	Великороссы.	Татары.	Мордва.	Волги.	Чувашы.	Черемисы.
Мужч.	64,5—66,6	48,7	19,1	11,7—15,1	5,5—15,7	3,3—7,3	2—3,6	1,5—5	1,4
Женщ.	60,4—67,3	7,6	1,2	1,1—1,6	3,4—4	0,2—0,4	0—0,1	0—0,1	0

Преобладаніе грамотности среди сектантовъ сравнительно съ православными замѣчено во многихъ уѣздахъ; такъ, молокане села Максимовки, Бузулука уѣзда, насчитываютъ 19,4% грамотныхъ, православные—лишь 6,7%.

3. «Развитіе грамотности находится въ прямой зависимости отъ экономического достатка, поскольку послѣдній выражается количествомъ надѣльной земли, рабочаго скота и мужской рабочей силы».

4. Вліяніе близости школы на грамотность видно изъ слѣдующихъ двухъ таблицъ:

		% грамотныхъ и учащихся.		
		Мужч.	Женщ.	Об. пола.
1. Хвалынский уѣздъ.	Въ селеніяхъ съ земскими школами	12,8	0,5	6,5
	Въ селеніяхъ безъ земскихъ школь	6,3	0,4	3,8
		Разстояніе селеній отъ школы.		
2. Центральный районъ Курской губерніи.	До 1 версты	2,46		
	Отъ 1 » 2 верстъ	1,26		
	» 2 » 3 »	0,86		
	» 3 » 4 »	0,47		
	Далѣе 4 верстъ	0,32		
		% учащихся къ населенію.		

Отношеніе числа учащихся дѣтей къ общему числу дѣтей школьнаго возраста (8—13 лѣтъ) видно изъ слѣдующихъ двухъ таблицъ:

I.		% учащихся дѣтей къ населенію (8—13 лѣтъ).		
		Мальчиковъ. Дѣвочекъ. Обоего пола.		
108 изслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи				
уѣздовъ		28,1	5,4	17,3
II.		% учащихся къ дѣтямъ школьнаго возраста.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	
Maximum *)		88,1	63,1	
Minimum **)		5,3	0,1	

Причина того, что болѣе $\frac{3}{4}$ дѣтей школьнаго возраста не обучается грамотѣ, по мнѣнію автора статьи въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», «заключается главнымъ образомъ въ экономической необезпеченности крестьянина: имѣя средства, крестьяне построили-бы школы совместно съ земствомъ, или наняли «прохожихъ учителей». На эту причину указываютъ всѣ изслѣдователи крестьянской жизни, справедливо называя ее «роковою» причиною безграмотности русскаго крестьянина».

П. С.

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданія 12-го и 15-го февраля 1891 г.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго собранія и отчетовъ гг. казначея М. М. Ледерле и завѣдующаго бесплатной разсылкой книгъ В. Э. Кетрица, предсѣдатель прочелъ письмо Варвары Алексѣевны Морозовой, въ которомъ она благодаритъ комитетъ за присужденіе ей золотой медали Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Затѣмъ Я. Т. Михайловскій сообщилъ, что одно постороннее лицо предложило комитету въ память 19 февраля 1861 г. издавать народную газету подъ названіемъ «19-е Февраля». Предложеніе это совѣтомъ, по несоответствію его съ уставомъ комитета, отклонено... Въ пользу комитета поступили слѣдующія пожертвованія: 1) В. П. Воленсъ пожертвовалъ 2.100 экз. имъ составленныхъ книгъ; 2) рязанскій издатель г. И. Θ. Жирковъ—30 названій своихъ изданій въ количествѣ 1.300 экз.; 3) г. Деркачевъ—черезъ члена комитета Н. Θ. Арепьева 2.000 экз. своей книги «Знаменитыя собаки» и 4) одинъ изъ членовъ комитета—200 книгъ и 33 лубочныя картины. Постановлено жертвователей благодарить.

Въ члены комитета избраны слѣдующія лица: А. Л. Воленсъ (пожизненно), Я. И. Хруновъ, М. Г. Соловцовскій, Е. Ю. Геруць (собственникъ «Русско-Славянскаго» книжнаго магазина), В. Н. Ладыженскій и В. Е. Введенскій.

Остальная часть засѣданія была занята слушаніемъ трехъ докладовъ: 1) А. Θ. Селиванова «о русско-туземныхъ школахъ въ Туркестанскомъ

*) Камышинскій уѣздъ, Саратовской губерніи.

**) Миргородскій уѣздъ, Полтавской губерніи.

край на основаніи личныхъ наблюденій»; 2) А. М. Калмыковой «о крестьянинѣ-археологѣ и литографѣ-издателѣ И. А. Голышевѣ» и 3) В. П. Воленса «о вновь открытомъ образцовомъ городскомъ училищѣ имени И. О. Громова и В. А. Ратькова-Рожнова».

Сообщивъ историческія данныя о школахъ въ Туркестанскомъ краѣ и отмѣтивъ заслуги въ дѣлѣ народнаго образованія К. П. Кауфмана, А. О. Селивановъ, между прочимъ, болѣе подробно остановился на основанной въ 1870 г. Туркестанской учительской семинаріи для подготовки учителей, знакомыхъ съ мѣстными языками и нарѣчіями. Въ семинарію принимаются и *некрещенные* инородцы; въ 1888 и 1889 гг. изъ 50 учениковъ ея 11 были инородцы. Въ семинаріи введено обученіе огородничеству и садоводству и устроена ферма. Докладчикъ охарактеризовалъ дѣятельность супруговъ Наливкиныхъ, прожившихъ *среди сартовъ и по-сартски шесть лѣтъ*, плодомъ чего явилось превосходное знаніе сартскаго языка и быта и нѣсколько весьма цѣнныхъ лингвистическихъ и этнографическихъ работъ (напр., извѣстный очеркъ быта женщины Ферганской области). Лингвистическія работы Наливкиныхъ являются весьма важнымъ подспорьемъ при преподаваніи; такое-же значеніе имѣеть и издаваемая г. Остроумовымъ газета на туземномъ языкѣ съ параллельнымъ русскимъ переводомъ... Русско-туземныя училища, въ числѣ 25 на весь край (въ Ташкентѣ—4, при туземномъ населеніи въ 100 тыс.), стоятъ въ тѣсной связи съ семинаріей. Каждое изъ нихъ имѣеть попечителя изъ почетныхъ туземцевъ, что бесспорно содѣйствуетъ сближенію населенія со школой. Докладчикъ закончилъ довольно подробнымъ описаніемъ преподаванія въ названныхъ училищахъ, съ ходомъ котораго онъ имѣлъ случай лично познакомиться лѣтомъ 1890 г. во время своего пребыванія въ Ташкентѣ.

Докладъ А. М. Калмыковой объ И. А. Голышевѣ съ разныхъ сторонъ обрисовалъ эту интересную личность. Крѣпостной крестьянинъ, ученикъ Строгановскаго училища рисованія, Голышевъ началъ и кончаетъ свою жизнь и дѣятельность въ тяжелыхъ условіяхъ трудового существованія. Археологическая сторона его дѣятельности достаточно оцѣнена компетентными лицами и учреждениями, и эта оцѣнка вполне сказалась на его 25-лѣтнемъ юбилеѣ, а потому докладчица не сочла нужнымъ подробно останавливаться на ней и посмотрѣла на Голышева съ двухъ другихъ сторонъ: со стороны его общественной дѣятельности, отношенія къ односельчанамъ и т. под., и со стороны его дѣятельности, какъ производителя народныхъ картинъ. Голышевъ—членъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, земскій гласный; въ его родной слободѣ—Мстерѣ заслуживаетъ вниманія его почтенная дѣятельность какъ агента по страхованію. Съ своими односельчанами онъ не порвалъ бытовой связи и пользуется среди нихъ большимъ и заслуженнымъ уваженіемъ, какъ докладчица могла въ томъ убѣдиться во время своего посѣщенія Мстеры лѣтомъ 1890 года.

Особенный интересъ для членовъ комитета представляетъ, по мнѣнію докладчицы, отношеніе Голышева къ своему промыслу, къ производству лубочныхъ картинъ. Тутъ въ Голышевѣ борятся два человѣка: археологъ-любитель, дорожащій каждой чертой старины и стремящійся охранить ее

отъ гибели, и человѣкъ, понимающій нужды и требованія народнаго образованія. Археологическая жилка сказывается въ воспроизведеніи картинъ старинныхъ образцовъ, точность котораго доходитъ до рабскаго копированія безграмотныхъ подписей. Но видно, что вопросъ о распространеніи въ народѣ хорошихъ картинъ и книгъ давно занималъ Голышева. Въ одной изъ своихъ статей («Картинное и книжное народное производство». «Русская Старина» 1886 г. мартъ) онъ говоритъ: «Въ 1860 годахъ я предлагалъ нѣкоторые проекты по этому важному дѣлу Петербургскому комитету грамотности и нѣкоторымъ ученымъ лицамъ; въ нихъ я имѣлъ въ виду постепенно вытѣснить изъ народнаго употребленія пресловутыя изданія Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича и подобныхъ имъ. Я предлагалъ издавать книжки подъ тѣми-же названіями, въ той-же оберткѣ и въ томъ-же форматѣ, но въ предисловіяхъ опровергать нелѣпныхъ фантастическихъ богатырей и взамѣнъ ихъ вводить историческія личности» (1. с. стр. 710). Нѣкоторое археологическое увлеченіе сказывается въ слѣдующемъ отзывѣ: «...Нынѣшніе сюжеты картинъ далеко хуже прежнихъ. Лѣтъ 20, 30 тому назадъ надъ сюжетами задумывались, не составляли ихъ зря» и т. д. Въ общей сложности у Голышева за всю его болѣе чѣмъ 25-лѣтнюю издательскую дѣятельность имѣлось около 300 оригиналовъ-каменей и ежегодно выпускалось около 600 тыс. картинъ, сонниковъ и т. под. Невысокое достоинство его изданій—раскрашенныхъ отъ руки литографированныхъ картинъ—объясняется, помимо упомянутой любви къ старинѣ, экономическими условіями производства, невозможностью при отсутствіи капитала слѣдовать за прогрессомъ техники.

И. А. Голышевъ черезъ А. М. Балмыкову пожертвовалъ комитету коллекцію своихъ картинъ (150 экз.), часть которой и была демонстрирована докладчицей. Въ коллекціи преобладаютъ картины духовнаго содержанія (100 экз.), за ними слѣдуютъ историческія картины (20 экз.) и иллюстраціи къ сказкамъ, сказаніямъ, пѣснямъ (15 экз.). Собраніе постановило выразить благодарность И. А. Голышеву за сдѣланное имъ пожертвованіе.

Докладъ В. П. Воленса представлялъ подробное описаніе построеннаго на средства покойнаго И. Ѳ. Громова и В. А. Ратькова-Рожнова зданія для новаго городского училища. Вся постройка обошлась около 70 тысячъ рублей и замѣчательна тѣмъ, что при ней приняты во вниманіе требованія современной школьной гигиены. Отмѣтимъ еще, что въ новомъ училищѣ будетъ преподаваться ручной трудъ городской учительницей г-жей О. Х. Павловичъ, изучившей приемы преподаванія ручнаго труда въ Швеціи, въ Неесской семинаріи Саломона.

15-го февраля происходило соединенное засѣданіе 1-го отдѣленія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества и комитета грамотности, посвященное слушанію и обсужденію докладовъ В. А. Александрова (инспектора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи) и И. И. Мещерскаго о школьныхъ садахъ.

Первый докладчикъ началъ съ указанія на безпомощность и неумѣлость, такъ часто проявляемая крестьянами въ ихъ главномъ промыслѣ—сельскомъ хозяйствѣ, и на развитіе въ связи съ этимъ отхожихъ зара-

ботковъ, почти всегда деморализующихъ крестьянъ. Школьные сады могутъ явиться однимъ изъ средствъ для борьбы противъ этихъ золъ. Кроме того, школьные сады имѣютъ и чисто педагогическое значеніе. «Въ школьномъ саду—говоритъ г. Александровъ *)—найдется богатый матеріалъ для развитія въ дѣтяхъ способности къ наблюденію и обобщенію, и школа мало-по-малу приспособитъ и учащаго и учебный матеріалъ къ достиженію цѣли развитія умственныхъ способностей крестьянскихъ дѣтей и стремленія въ нихъ къ чтенію полезныхъ книгъ и примѣненію прочитаннаго къ дѣлу. Возбуждая въ массѣ крестьянскихъ дѣтей интересъ и любовь къ воспитанію растений, школа можетъ передать учащимся и необходимые для нихъ знанія изъ жизни и культуры нѣкоторыхъ растений наглядно и на практикѣ, побудить ихъ пересаживать возвращенныя ими въ школьномъ саду деревца на свою усадьбу, беречь ихъ тамъ и холить и этимъ самымъ станетъ отучать ихъ и отъ безсмысленнаго истребленія лѣса или, по крайней мѣрѣ, положить весьма полезное начало къ развитію научныхъ знаній и стремленій въ этомъ добромъ направленіи». Осмысленный и производительный трудъ, по мнѣнію, г. Александрова, самъ по себѣ весьма дѣтеленъ въ педагогическомъ отношеніи. Что касается до экономическаго значенія школьныхъ садовъ, то оно является двоякимъ: 1) занимаясь самъ и занимая учениковъ садоводствомъ и огородничествомъ, учитель можетъ значительно содѣйствовать крестьянамъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ собственнаго хозяйства; 2) онъ самъ можетъ извлекать изъ сада и огорода матеріальную выгоду, далеко не лишнюю при скудномъ учительскомъ содержаніи. Школьный садъ, по мнѣнію г. Александрова, долженъ состоять изъ слѣдующихъ частей: 1) древесная школа или питомникъ для воспитанія плодовыхъ и другихъ деревьевъ и кустарниковъ вѣрныхъ и болѣе выгодныхъ сортовъ; 2) фруктовый садъ—маточныя деревья яблонь и грушъ и кустарники, посаженные на мѣста; 3) огородъ съ посѣвомъ наиболѣе лучшихъ и пригодныхъ по мѣстности огородныхъ овощей, лѣкарственныхъ и другихъ растений, съ выращиваніемъ сѣмянъ этихъ овощей и растений, съ выгонкой капустной, огуречной и другой рассады и съ ягодной плантаціей клубники и земляники; 4) небольшая пасѣка съ посѣвомъ избранныхъ медовосныхъ растений и съ мастерской улучшенныхъ ульевъ; 5) цвѣтникъ съ бесѣдкой изъ хмѣля... Для устройства школьнаго сада на первыхъ порахъ, по мнѣнію г. Александрова, можно удовольствоваться участкомъ земли хоть въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ десятины и даже менѣе, но непременно рядомъ со школой. Г. Александровъ коснулся и другихъ вопросовъ организаціи школьныхъ садовъ, но эта сторона предмета съ еще большей обстоятельностью была разобрана въ докладѣ г. Мещерскаго. Въ основу этого доклада легли свѣдѣнія о школьныхъ садахъ, полученныя въ отвѣтъ на программу вопросовъ, разосланную сельско-хозяйственной секціей организаціоннаго комитета съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и промышленному образованію и личное знакомство съ болѣе чѣмъ 30 школьными садами по спеціальному порученію департамента земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ. Возбудить въ массѣ крестьянъ

*) Въ своей напечатанной запискѣ.

любовь и интересъ къ садоводству, современное положеніе котораго по даннымъ оффиціального изслѣдованія департамента земледѣлія и сельской промышленности—крайне жалкое, по мнѣнію И. И. Мещерскаго, можетъ только народная школа. Въ устройствѣ школьнаго сада должны быть *матеріально заинтересованы* учащіе и учащіяся. Докладчикъ предлагаетъ: 1) выдачу учителямъ пособій въ размѣрѣ необходимыхъ первоначальныхъ затратъ на устройство школьнаго сада; 2) введеніе преподаванія сельскаго хозяйства въ курсъ учительскихъ семинарій и садоводства и огородничества—въ курсъ духовныхъ семинарій и училищъ *); 3) устройство курсовъ садоводства и огородничества для народныхъ учителей; 4) постоянный надзоръ за школьными садами черезъ губернскихъ или порайонныхъ садоводовъ, состоящихъ при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ; 5) устройство *центральныхъ* школьныхъ садовъ, примѣрно, по одному на уѣздъ.

По мнѣнію г. Мещерскаго, школьный садъ и огородъ должны занимать не менѣе $\frac{1}{2}$ десятины, нормальнымъ-же надѣломъ онъ считаетъ 1—2 десятины.

Вольно-Экономическому Обществу докладчикъ предложилъ ассигновать 150 рублей на устройство близъ Петербурга образцоваго школьнаго сада, но нельзя сказать, чтобы это предложеніе встрѣтило много сочувствія въ собраніи. Противъ него возражали, между прочимъ, А. Н. Бекетовъ и Г. П. Сазоновъ. Пренія по докладамъ гг. Александра и Мещерскаго были очень оживленныя; кромѣ названныхъ только-что лицъ, въ нихъ приняли участіе Н. А. Варгуинъ, А. М. Калмыкова, Б. Э. Кетрицъ и др. Постановлено просить совѣтъ И. В. Э. О.: 1) циркулярно обратиться къ земствамъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ съ предложеніемъ обсудить вопросъ о школьныхъ садахъ и 2) ходатайствовать передъ правительствомъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи этого вопроса. Вопросъ объ ассигновкѣ 150 рублей, какъ кажется, такъ и остался открытымъ.

А. К.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

*) Какъ извѣстно, вопросъ объ этомъ уже возбужденъ въ духовномъ вѣдомствѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г.
на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ
„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургъ	12 » 50 »
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 » 50 »
На полгода	7 » 50 »
» четверть года	4 » — »
За границу	15 » — »

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную Контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ — 4 р., къ 1-му апрѣля — 4 р., къ 1-му іюля — 3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля — 3 р., къ 1-му іюля — 3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885 г.—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе «СѢвернаго Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица общали «СѢверному Вѣстнику» свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. М. Астыревъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Воддаковъ, В. И. Бородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Винницкая, А. Л. Вольтинскій, Ф. Ф. Воропоновъ, З. Н. Гиппиусъ, В. В. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншиевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисеѣвъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Ивануковъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Линиченко, Е. И. Лихачева, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Луцицкая, Е. П. Лѣткова, В. И. Макъ-Гаханъ, проф. Д. И., Менделѣевъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. А. Ф. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ф. А. Червинскій, проф. В. М. Шимкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. Н. Янжулъ, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и др.

П О Д П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я .

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9, и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магаз. И. А. Розова, въ Кіевѣ—Крепчатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Назани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостинный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ, отъ 2—4 часовъ.

Редакторъ-издатель **Б. Глинскій**.

ВЪ 1891 ГОДУ (ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

будеть издаваться по прежней программѣ и съ особымъ отдѣломъ работъ и сообщеній

НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Обязательный объемъ остается *прежній*: не менѣе 25 листовъ въ годъ (въ предыдущіе годы давалось 40 — 50 листовъ, т.-е. болѣе обязательнаго объема). Лѣтнія книжки выходятъ по двѣ вмѣстѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Беренштамъ, Н. Бунаковъ, Гербачъ, Демковъ, Доброписцевъ, д-ръ медицины Ивановъ, Коноплевъ, Кричагинъ, Латышевъ, Ив. Мещерскій, Св. Песоцкій, Пузыревскій, Д. Соловьевъ, Св. Мих. Соколовъ, Сентъ-Илеръ, Шаталовъ и др.* Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборы новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла. Ежегодный *конкурсъ* на составленіе чтеній для народа.

Подписка принимается въ редакціи (Спб., Англійскій просп., д. 38, кв. 8).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

3 р. съ пересылкой.

Есть экземпляры за прежніе годы, кромѣ 1883 г.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для народныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Почетный дипломъ на выставкѣ Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ.

Редакторъ-издатель *В. Латышевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1891 годъ

НА

XII годъ.

ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XII годъ.

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ приобрѣтенію въ бібліотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Дѣтскій журналъ «ИГРУШЕЧКА», вступающій въ двѣнадцатый годъ изданія, будетъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и сотрудницъ. Цѣль изданія—посредствомъ многостороннихъ знаній вліять на развитіе сердечной теплоты, религіознаго и эстетическаго чувства и любви ко всему видимому міру, пробуждать сознаніе нравственнаго долга, необходимость труда и важность самодѣятельности, не только, какъ источника духовной силы, но и нравственной и матеріальной независимости.

Въ «ИГРУШЕЧКѢ» съ 1888 г., начиная съ азбуки, былъ введенъ отдѣлъ французскаго языка. Въ журналѣ помѣщаются статьи научнаго содержанія изъ жизни и природы, приуроченныя къ дѣтскому пониманію, статьи по исторіи, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки, загадки, скороговорки, шутки, анекдоты, шаралы и описаніе ремеслъ. Статьи иллюстрируются соотвѣтственно тексту рисунками.

Кромѣ рисунковъ въ тексты, чтобы способствовать развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ, время отъ времени помѣщаются, подъ названіемъ «КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИГРУШЕЧКИ», снимки съ оригинальныхъ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Съ 1889 г. въ журналѣ «ИГРУШЕЧКА» открытъ новый особый отдѣлъ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“.

(Годъ изданія III).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Въ этомъ отдѣлѣ изрѣдка помѣщаются пѣсенки съ нотами и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ. Задача отдѣла «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» дать дѣтямъ занимательное чтеніе въ то время, когда они начинаютъ скучать, играя въ безотвѣтныя игрушки.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» выходитъ книжками въ 3 печатныхъ листа съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» въ 4 листа и болѣе.

Въ немъ принимали и будутъ принимать участіе слѣдующіе литераторы и ученые: О. Алексѣева, Е. Анненкова, С. Атава, А. Бахтіаровъ, Иванъ Бругъ, А. Бѣлозоръ, Н. П. Вагнеръ (профессоръ), М. Васильевъ, А. Владимірова (Европеусъ), О. Галенковская, Е. Диць, В. Желиховская, П. В. Засодимскій, М. Иванова, В. Э. Иверсенъ, Д. Н. Кайгородовъ (профессоръ), М. Колоколова, О. Кошелева, С. И. Лаврентьева, Вл. Ладженскій, Н. С. Лѣсковъ, М. Львова, В. А. Маркова, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), Д. Л. Михаловскій, В. Отарковъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, М. И. Пылаевъ, А. Сахарова, Н. И. Северина, Е. Симонова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Е. Тимофѣева (Ольгина), А. Тургенева, А. И. Фаресовъ, Л. Шелгунова, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), И. И. Феогистовъ и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе: И. Е. Рѣпинъ, Н. А. Кошелевъ, баронъ М. П. Клодтъ, Е. М. Бѣмъ, М. Михайловъ, Соломко и многіе другіе.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» въ продолженіе года получаютъ двѣ даровыя преміи.

Исполняя желаніе родителей нашихъ маленькихъ читателей и не увеличивая цѣны журнала, въ «ИГРУШЕЧКѢ», кромѣ уже существующаго отдѣла французскаго языка, съ наступающаго 1891 года вводится отдѣлъ нѣмецкаго языка, который будетъ состоять изъ маленькихъ занимательныхъ статейъ и стиховъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

Французскій отдѣлъ будетъ составляться М. Bachel, нѣмецкій—Ф. Ф. Фидлеръ.

Въ январской книжкѣ «ИГРУШЕЧКА» 1891 г. будетъ помѣщенъ новый рассказъ нашего извѣстнаго писателя Н. С. Лѣскова:

„ДУРАЧЕКЪ“.

Съ первой же книжки начнется печатаніемъ очень занимательная повѣсть миссисъ Джемисонъ, въ пересказѣ А. К. Владиміровой:

«ЛЕДИ ДЖЕНЪ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1891 ГОДЪ:

За 12 книгъ съ 2-мя даровыми преміями съ дост. и перес., на годъ 3 р.	Съ отдѣломъ «Для Малютокъ», на годъ 5 р.
За границу, на годъ 5 »	

Отдѣльной подписки на отдѣлъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» не будетъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 26, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ иногородныхъ просить исключительно обращаться со своими требованіями, гг. же городскіе подписчики, а также книжные магазины могутъ обращаться въ Типографію А. М. Вольфа, Большая Итальянская, 2.

Редакторъ-издательница А. Тюфяева-Толивірова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1890 (ПЯТЫЙ) ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства садоводства, пчеловод., коневодства, скотоводства и домоводства.

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

К. И. Масляникова, С.-Петербургъ, Надеждинская, 39.

Много рисунковъ. Бесплатные отвѣты на вопросы. Бесплатно прилагаются разныя сѣмена, архитектурные проекты красками. Бесплатно III-й вып.

АЛЬБОМА ТИПОВЪ СКОТА, ЛОШАДЕЙ, СОБАКЪ И КУРЪ.

РАЗОСЛАНЫ: проектъ дома дачи (красками), портретъ рысака американскаго и сѣмена: 1. Пшеницы «Чудо» (8-ми полосой); 2. Гассельбергской ржи; 3. Гигантской корм. свеклы (35 фун. въ буракѣ); 4. Зеленаго гороху «Фольгеръ»; 5. Амурскаго гигантскаго овса; 6. Бѣлаго масличн. подсолнуха и 7. Гигантской Ассирійской ржи (*Triticum polonicum*). Въ числѣ проектовъ, предложенныхъ къ разсылкѣ, обращаетъ вниманіе проектъ складная модель угловой комнатной печи (красками), инженера Степанова.

Новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1-го, со всѣми приложеніями, когда-бы ни подписались.

На годъ 6 р. съ перес. (21 коп. на укуп. и заказн. перес. альбома и со всѣми прилож.). Подробная программа, по востребованію, бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

изданія 1891 г. (X годъ).

Въ наступающемъ 1891 году «РОДНИКЪ» будетъ издаваться въ томъ-же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 9 лѣтъ.

«РОДНИКЪ» выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книжками большаго формата, не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками. Годовое изданіе «РОДНИКА» составляетъ 2 большихъ тома, около 700 страницъ каждый со 100—120 рисунками.

Содержаніе «РОДНИКА» составляютъ: I. Стихотворенія, повѣсти, рассказы и сказки (преимущественно народныя). II. Биографіи замѣчательныхъ людей, главнымъ образомъ «людей труда и сильной воли». III. Историческіе очерки. VI. Статьи научнаго содержанія, по различнымъ областямъ знанія. V. Очерки изъ современной жизни. VI. Смѣсь (мелкія статьи). VII. Игры, занятія, загадки и проч.

Въ «РОДНИКѢ» и «ВОСПИТАНІИ и ОБУЧЕНІИ» за 1890 годъ участвовали слѣдующія лица: Абаза, К. И.; Абрамовъ, Я. В.; Авенаріусъ, В. П.; Азбелевъ, И. П.; Бахтіаровъ, А. А.; Бутовскій, А. Д.; Весинъ, Л. П.; Виреніусъ, А. С. (докторъ медицины); Вѣнчиковъ, А.; Галенковская, О. Е.; Дебольскій, Н. Г.; Ельницкій, К. В.; Знойко, Н.; Ивановъ, Н.; Кайгородовъ, Д. Н. (профессоръ); Колоколова, М.; Купрянова, А.; Литвинскій, П. А.; Милошевичъ, Л.; Николаевъ, А. К.; Никольскій, А. М. (докторъ зоологіи); Ольденбургъ, А. П.; Песковскій, М. Л.; Петрушевскій, Ф. Ф. (профессоръ); Северинъ, Н. И.; Щербаковъ, Ф. И.; Теокистовъ, И. И.; и мн. др.

«РОДНИКЪ» рекомендованъ и одобренъ учеными и учебнымъ Комитетами Мин. Нар. Просв., Святейшаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Вмѣстѣ съ «РОДНИКОМЪ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ».

Условія подписки на «Родникъ» 1891 г. прежнія:

На годъ съ доставкой и пересылкой за 12 книгъ «Родника»	5 руб.
Тожѣ съ приложеніемъ 12 №№ листка «Воспитаніе и Обученіе»	6 »
За границу	8 »
Отдѣльно листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. 25.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 106, при «Рускомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

Редакторъ-издательница *Е. Сисоева.*

Редакторъ *Алексій Алмедингъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 Г.

НА

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ.

Вступая въ 65-й годъ своего существованія, «Одесскій Вѣстникъ» и въ предстоящемъ году, какъ всегда, останется вѣренъ своимъ традиціямъ—быть точнымъ отраженіемъ общественно-экономическихъ интересовъ южно-русскаго края.

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ ежедневно помѣщаются:

1) Телеграммы общія. 2) Телеграммы коммерческія. 3) Передовыя статьи по внутренней и иностранной политикѣ. 4) Газетное обозрѣніе. 5) Маленькая хроника (фельетоны, замѣтки на злобы дня). 6) Внутреннія извѣстія. 7) Иностранныя извѣстія. 8) Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русскаго края). 9) Корреспонденціи (русскія и заграничныя). 10) Искусство и литература. 11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ). 12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ). 13) Смѣсь и разныя извѣстія. 14) Фельетонъ (литературный, научный, беллетристическій и др.). 15) Торговыя свѣдѣнія. 16) Справочный отдѣлъ.

Передовыя статьи «Одесскаго Вѣстника» заключаютъ въ себѣ обсужденіе текущихъ вопросовъ по внутренней и внѣшней политической жизни. Сужденія столичной прессы по этимъ вопросамъ передаются «Одесскимъ Вѣстникомъ» ежедневно въ отдѣлѣ «Газетнаго обозрѣнія». «Мѣстная хроника» и «Корреспонденція» обнимаютъ всѣ явленія южно-русской жизни вообще и города Одессы и ея района въ особенности. Мѣстнымъ южно-русскимъ вопросамъ посвящаются въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» постоянно передовыя статьи, касающіяся общаго направленія того или другаго вопроса, и спеціальныя статьи, разрабатывающія детальныя стороны этихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, читатель «Одесскаго Вѣстника» имѣетъ полную возможность своевременно слѣдить за всестороннимъ развитіемъ какъ общероссійской жизни, такъ и жизни мѣстной южно-русской.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ и фактахъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» печатаются ПОРТРЕТЫ и РИСУНКИ, относящіяся къ событіямъ дня.

Въ будущемъ году по настоятельному желанію многихъ нашихъ читателей мы выдѣлимъ изъ отдѣла «Искусство и литература» особый отдѣлъ «Библиографія», въ которомъ будемъ вести подробную хронику всѣхъ сколько-нибудь интересныхъ вновѣ выходящихъ книгъ, съ рецензіями о болѣе выдающихся въ нихъ. Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ пунктахъ края и заграницею. Корреспонденціи изъ большихъ нашихъ южныхъ городовъ, каковы: Екатеринославъ, Елисаветградъ, Кишиневъ, Николаевъ, Херсонъ, помѣщаются почти ежедневно. Торговый отдѣлъ, въ особенности все, что касается хлѣбныхъ операций и курсовъ, ведется въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» самымъ тщательнымъ образомъ, подъ руководствомъ вполне компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица. Въ справочномъ отдѣлѣ по прежнему будутъ печататься ежедневно: указатель дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Одесской Судебной Палатѣ, Окружномъ судѣ, Коммерческомъ судѣ и въ Сѣздѣ мировыхъ судей; рос-

писаніе движенія пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, музеи, театры, концерты, а также свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ и наложенныхъ платежахъ, свѣдѣнія о лицахъ, прибывшихъ въ Одессу, и многія другія справочныя свѣдѣнія. Объявленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ о не востребовавшихся грузахъ и утерѣ дубликатовъ наладныхъ печатаются изъ мѣстныхъ газетъ только въ «Одесскомъ Вѣстникѣ».

Въ газетѣ принимають участіе: проф. Г. Е. Аванасьевъ, В. А. Бертенсонъ, А. С. Бориневичъ, Е. И. Борисовъ, Мартынъ Боруля (псевдонимъ), В. Г. Вучетичъ, П. А. Зеленый (извѣстный земскій дѣятель), И. В. Карвацкій, Ив. Колочій (псевдонимъ), проф. А. А. Кочубинскій, проф. Д. Н. Куликовскій, М. И. Кулишеръ, проф. А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, К. В. Назарьева, В. И. Немировичъ-Данченко, Р. В. Орбинскій, В. Н. Полунинъ, И. Н. Потапенко, А. А. Русовъ (извѣстный статистикъ и этнографъ), Ѳ. Р. Рыльскій, Е. П. Семеновъ (парижская хроника), А. И. Умисса, Хмаровъ (псевдонимъ), Н. А. Шостаковскій, С. И. Южакъ, проф. В. А. Яковлевъ и многіе другіе.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногороднихъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:

Въ Одессѣ безъ доставки:

на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.
» 6 »	7 » — »	» 6 »	6 » — »
» 3 »	3 » 75 »	» 3 »	3 » 30 »

Всѣ новые подписчики «Одесскаго Вѣстника» на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получать и всѣ номера за 1890 г., со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третью года, со взносомъ по 4 р. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1 сентября.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.

Редакторъ **М. АРНОЛЬДЪ.**

Издатель **В. КИРХНЕРЪ.**

Открыта подписка на 1891 годъ.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

(изданія годъ четырнадцатый).

Въ 1891 году «Смоленскій Вѣстникъ» будетъ выходить, по прежнему, три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи. Составъ сотрудниковъ газеты и корреспондентовъ, которыми редакція постаралась запастись во всѣхъ городахъ Смоленской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, значительно пополненъ и увеличенъ.

Подписная цѣна газеты на 1891 годъ съ доставкой и пересылкой

Во всѣхъ городахъ имперіи:

на 12 мѣсяцевъ	5 р. — к.	на 8 мѣсяцевъ	4 р. — к.	на 4 мѣсяца	2 р. — к.
» 11 »	4 » 75 »	» 7 »	3 » 50 »	» 3 »	1 » 50 »
» 10 »	4 » 50 »	» 6 »	3 » — »	» 2 »	1 » — »
» 9 »	4 » 25 »	» 5 »	2 » 50 »	» 1 »	— » 60 »

По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка годовой платы.

Гр. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Смоленскъ, въ контору редакціи «Смоленскаго Вѣстника», Кирочная улица, домъ Мертенса.

НА ГОДЪ 8
Р. съ пересылкою

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА

НА ПОЛГОДА
4 Р. съ пересылкою

съ еженедѣльными, ежемѣсячными иллюстриров. приложеніями и книжками «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ».

ГАЗЕТА СОВЕРШЕННО РЕФОРМИРОВАНА, ДОПОЛНЕНА И ВЫХОДИТЬ ВЪ ФОРМАТѢ
БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, подписчики получаютъ бесплатно:

1) 52 номера приложений, въ видѣ иллюстрированного журнала (до 300 рисунковъ). 2) Книжки «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ». Каждая книжка отъ 160 до 200 страницъ. 3) Двѣнадцать номеровъ «МОДЫ И РУКОДѢЛЬЯ», съ образцами дамскихъ работъ. 4) «СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ» (отпечатанный въ три краски) разсылается при № 1.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ НА ВЫБОРЪ:

1) Большую гравюру съ картины М. Мункачи (размѣръ: высота 12¹/₂ вершк., длина 18 вершк.).

«ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА КРЕСТѢ».

2) Большую олеографію съ картины извѣстнаго художника С. И. Верещагина:
«*Бой купца Калашникова съ Кирибѣвичемъ*».

Картина эта отпечатана въ 28 красокъ (размѣръ: длина 20 верш., высота 14 верш.).

3) ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

состоящая изъ десяти картинъ, отпечатанныхъ въ 17—25 красокъ.

Беллетристическій и художественный отдѣлы газеты такъ обширны и разнообразны, что рѣшительно ни одно ежедневное изданіе въ Россіи, равное по подписной цѣнѣ газетѣ «Сынъ Отечества», не давало и не даетъ такого обильнаго матеріала для интереснаго чтенія и такого количества художественныхъ иллюстрацій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями и книжками «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ»
съ доставкой и пересылкою по Россіи: на годъ 8 р.

Для удобства гг. иногороднихъ подписчиковъ разсрочка годовой подписной платы допускается по **ДВА РУБЛЯ** въ четыре срока.

За пересылку выбраннаго художественнаго приложенія уплачивается одинъ рубль.

Адресъ конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкина м., д. 68—40.

Подробное объявленіе съ образцами художественныхъ приложеній высылается по требованію бесплатно.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1891 году (годъ десятый).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Бывковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ. Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Завистѣйцъ, проф. А. И. Загоревскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, Н. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» возвратился къ прежнему сроку выпуска нумеровъ и выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:

За полгода:

Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 >	Съ доставкою въ Спб.	6 > 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи.	14 >	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 >
Съ пересылкою за границу	17 >	Съ пересылкою за границу	9 >

Иногородные годовые подписчики «Наблюдателя», желающіе получить второе изданіе монографій редактора: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», высылаютъ 16 руб. Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разрочка платы допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору, причѣмъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 1 мая.	Къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 >	4 >	3 >
Съ пересылкою	6 >	5 >	3 >
Съ перес. за границу.	8 >	5 >	4 >

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) пользуются разрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимирской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. Патковскій.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ

НОВАЯ КНИГА:
МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ
ДЖОНА ЛОККА

въ переводѣ Петра Вейнберга. Изданіе редакціи журнала «РУССКАЯ ШКОЛА».

Цѣна **ОДИНЪ** рубль.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

 НОВАЯ КНИГА

С. И. ШОХОРЪ-ТРОЦКАГО

для среднихъ учебныхъ заведеній:

УЧЕБНИКЪ ГЕОМЕТРИИ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ.

Стр. XIV+327 in 8°, 305 политип. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 25 к.

Склады этого и всѣхъ остальныхъ сочиненій того же автора: 1) въ Москвѣ—у Карцева (Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной) и 2) въ С.-Петербургѣ—у Панафидина (внутри Гостиного двора, № 27).

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ

новая книга **И. БЕЛЛЯРМИНОВА:**

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

для II класса гимназій и реальныхъ училищъ.

Цѣна **50** коп.